

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2025

№ 95

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

**Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»**

***Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жиякова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

***Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

***Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

***Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Бобырева Н.Н., Зорина А.В. Термин как средство лексической когезии в спортивном энциклопедическом дискурсе	5
Vlasov M.S., Repeykova V.A., Sychev O.A., Toropchina O.V. An eye-tracking study of the Russian language compound Remote Associates Test problem solving	20
Данилова В.А. Проблема адекватной адаптации текста при передаче реалий в русско-португальском художественном переводе (на материале португальских переводов романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»)	47
Кислицына Н.Н., Мельниченко Т.В. Специфика языковой репрезентации модели взаимоотношений «родители–дети» в произведениях Н.Н. Носова	65
Кононова И.Ю. Типы пояснительных отношений в построениях с непредикативными вставными конструкциями	85
Nagornaya A.V., Nwankwo J.Ch. Cancer journalism in Nigeria: A discursive linguistic perspective	108
Рыжкова Т.С., Зайкова И.В. Основные направления семантического развития прилагательного toxic	132
Хачатрян Г.К., Барсегян С.С. Ранее неизвестные польские заимствования в армянских судебных протоколах города Каменец (XVI в.)	147

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Андреева С.Л., Бедрикова М.Л. Осмысление образа Ребенка в контексте утопического концепта «Ускорение» в русской прозе 1930-х гг.	164
Егизарян В.А., Тадевосян Т.В. Поджанр айренов-проклятий как выражение веры в магическую силу слова	187
Коршунков В.А. Александр Грибоедов, Павел Яковлев, Иван Долгоруков и городские пожары	197
Кузнецова Н.В. К проблеме производственных отношений в новеллах Г. Мелвилла 1850-х гг.	214
Мазуров А.Е. «Правдивая душа»: автобиографичный рассказ Ф.В. Волховского в «Сибирской газете»	230

ЖУРНАЛИСТИКА

Басовская Е.Н. От «пламенного революционера» – к «пламенному уфологу»: метаморфозы определения-советизма в современном медиатексте	245
Лучинский Ю.В., Безрукавая М.В., Кидакоева З.Ш. Журналистская и литературная деятельность Г.В. Доброскока на Кубани	261

CONTENTS

LINGUISTICS

Bobyreva N.N., Zorina A.V. The term as a means of lexical cohesion in the sports encyclopedic discourse	5
Vlasov M.S., Repeykova V.A., Sychev O.A., Toropchina O.V. An eye-tracking study of the Russian language compound Remote Associates Test problem solving	20
Danilova V.A. Adequate translation of realia in Russian-Portuguese literary discourse (based on the Portuguese translations of Alexander Pushkin's novel <i>Eugene Onegin</i>)	47
Kislitsyna N.N., Melnichenko T.V. The specificity of linguistic representation of the "parent-child" relationship model in Nikolay Nosov's short stories	65
Kononova I.Yu. Types of explanatory relations in constructions with non-predicative parentheticals	85
Nagornaya A.V., Nwankwo J.Ch. Cancer journalism in Nigeria: A discursive linguistic perspective	108
Ryzhkova T.S., Zaykova I.V. Essential vectors of semantic development of the adjective <i>toxic</i>	132
Khachatryan G.K., Barseghyan S.S. Previously unknown Polish borrowings in Armenian court protocols of the city of Kamianets (16th century)	147

LITERATURE STUDIES

Andreeva S.L., Bedrikova M.L. Comprehension of the Child's image in the context of the utopian concept in Russian prose of the 1930s	164
Yeghiazaryan V.A., Tadevosyan T.V. Subgenre of the curse-hayren as a magical belief expression in speech	187
Korshunkov V.A. Alexander Griboyedov, Pavel Yakovlev, Ivan Dolgorukov, and urban fires	197
Kuznetsova N.V. On the problem of the relations of production in Melville's short stories of the 1850s	214
Mazurov A.E. "A Truthful Soul": Feliks Volkhovsky's autobiographical short story in <i>Sibirskaya Gazeta</i>	230

JOURNALISM

Basovskaya E.N. From "fiery revolutionary" to "fiery ufologist": Metamorphoses of the Soviet-era attribute in the modern media text	245
Luchinsky Yu.V., Bezrukavaya M.V., Kidakoyeva Z.Sh. Gavriil Dobroskok's journalistic and literary activities in Kuban	261

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 81'42+81'373
doi: 10.17223/19986645/95/1

Термин как средство лексической когезии в спортивном энциклопедическом дискурсе

Наталья Николаевна Бобырева¹, Анна Викторовна Зорина²

^{1, 2} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹ nathalienb@yandex.ru

² azorina@mail.ru

Аннотация. Исследуется функционирование терминов в спортивных энциклопедических текстах. Описана взаимосвязь языковой природы термина и его потенциала как средства лексической когезии. Обращение к категории лексической когезии на локальном уровне и на уровне всего текста позволяет представить термин как значимое средство дискурсообразования, ключевую смысловую единицу дискурса. Анализируются словообразование, фразообразование, семантика, лексические отношения терминов и выполняемые ими функции в тексте.

Ключевые слова: термин, терминология, когезия, лексическая когезия, спортивный дискурс, энциклопедический текст

Благодарности: работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета (Приоритет-2030).

Для цитирования: Бобырева Н.Н., Зорина А.В. Термин как средство лексической когезии в спортивном энциклопедическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 5–19. doi: 10.17223/19986645/95/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/95/1

The term as a means of lexical cohesion in sports encyclopedic discourse

Natalia N. Bobyрева¹, Anna V. Zorina²

^{1, 2} Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

¹ nathalienb@yandex.ru

² azorina@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to represent the role of the term as a discourse formation means of lexical cohesion in sports encyclopedic texts, imparting stylistic characteristics to them. The presented research is based on a corpus of three original texts from English-language encyclopedias with a total volume of 784,596 word uses.

The relevance of the study is due to the insufficient attention of linguists to encyclopedic texts as a component of sports discourse. The description of the encyclopedic segment of texts on this topic contributes to a more complete research of the features of communication in the field of sports. The encyclopedic text is addressed to a wide range of people who have background knowledge about the subject but are often not representatives of the professional community. The terminology of the text belonging to the special discourse is determined by its content; the correct perception of terms requires interest and presupposition. During the study, a continuous sampling method, morphological form analysis, word-formation analysis, phrase-formation analysis, semantic analysis, descriptive method for interpreting the research material, and statistical processing method are used. The "word cloud" technique allows identifying key lexemes, the AntConc program helps to establish frequency and compatibility with other units in the discourse. The authors emphasize the role of terms as key semantic units, markers of sports encyclopedic discourse significant from the point of view of discourse formation, the purpose and subject of communication, information content and accessibility. The terminological content of the text is determined by the necessity to perform a meaning-forming function, expressing a wide range of special concepts – actions, qualities, artifacts, people, phenomena, etc. The term is presented as a significant means of lexical cohesion both at the local level and at the level of the entire text. Terminological units participate in such types of cohesion as repetition of the same term; word families; synonyms (including contextual ones); periphrastic repetition; pronominalization; words of the same lexical-semantic group; terminological collocations. Terms are analyzed from the point of view of word formation, phrase formation, semantics, lexical relations, functions performed in the text. The potential of a term to act as a means of cohesion is determined by its linguistic nature, namely, by such properties as content precision, system character, and derivational ability. The functioning of terms contributes to the informativity, consistency, precision, and clarity of texts – integral characteristics of the popular scientific substyle.

Keywords: term, terminology, cohesion, lexical cohesion, sports discourse, encyclopedic text

Acknowledgments: This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program (Priority-2030).

For citation: Bobyrev, N.N. & Zorina, A.V. (2025) The term as a means of lexical cohesion in sports encyclopedic discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 5–19. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/1

Введение

Спорт как уникальная сфера социально-культурной деятельности характеризуется особой коммуникативной средой. Коммуникация в спорте объединяет участников разного профессионального статуса (тренеров, спортсменов, судей, ученых, репортеров, комментаторов, фанатов и др.) и предполагает разнообразные ситуации устного и письменного общения (процесс тренировки, сообщение новостей, обмен мнениями о спортивном событии, изложение научных данных и др.). Интерес для лингвистики представляют самые разные формы реализации спортивного дискурса: общение фанатов [1], новостные публикации [2], тексты телевизионных репортажей [3, 4], онлайн-трансляций [5], автобиографий и мемуаров [6] и т.д. Разнообразие

жанров и регистров текстов, формирующих спортивный дискурс, придает ему такие характеристики, как комплексность и неоднородность. Каждый сегмент спортивного дискурса (научный, массмедийный, официально-деловой и др.) наделен своими языковыми и речевыми характеристиками.

Один из сегментов спортивного дискурса образуют энциклопедические тексты, которые на современном этапе не подвергаются широкому рассмотрению в научных публикациях лингвистов. Однако осуществлен анализ энциклопедического дискурса, например, таких предметных сфер, как туризм [7] и лингвистика [8], с точки зрения их специфики. Энциклопедическому дискурсу в целом присущи такие параметры, как когнитивность, текстовая основа, терминологичность, семиотичность, абстрактность, системность, экстралингвистический контекст, интертекстуальность, гипертекстуальность, компьютеризация, диалогичность [9]. Особенности референтной сферы неизбежно определяют контент и языковую организацию текстов институционального дискурса, и энциклопедические тексты тому не исключение.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что впервые изучается дискурсообразующая роль термина как средства когезии в энциклопедических текстах спортивного дискурса. Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов в практике вузовского преподавания спецкурсов по дискурс-анализу, терминоведению, лексикологии, переводу текстов в сфере спорта, а также в межкультурной коммуникации специалистов.

Согласно классификации М. Джуса [10], мы относим энциклопедические тексты спортивного дискурса к формальному регистру, наряду с научными и учебными текстами. Текст спортивного энциклопедического дискурса является речевым воплощением научно-популярного знания о спорте. В энциклопедических текстах освещаются история, традиции, специфика и ключевые понятия разных видов спорта, история олимпийского движения, знаковые события, уникальные факты и сведения, достижения и рекорды, дается биографическая информация об известных личностях. Потенциальным реципиентом энциклопедического текста является субъект, который обладает фоновыми знаниями о предмете, но, скорее всего, не является представителем профессионального сообщества. Энциклопедический текст ориентирован не столько на специалистов, сколько на широкий круг лиц, заинтересованных данной предметной областью, в связи с чем выбираемые авторами языковые средства должны быть доступны для понимания непрофессионалами. Выбор специальных языковых средств тематически обусловлен, текст принадлежит специальному дискурсу, его корректное восприятие требует заинтересованности и пресуппозиции.

Очевидной характеристикой, объединяющей все жанры и регистры спортивного дискурса и обеспечивающей его системность, является функционирование в них тематической лексики – спортивной терминологии. Именно функционирование спортивных терминов позволяет относить исследуемые тексты к спортивному дискурсу. Термин является когнитивно-коммуникатив-

ной языковой единицей, реализуя механизмы познания соответствующей области знаний или деятельности, вербализованным результатом профессионального мышления [11. С. 71–79]. Терминологическая система является языковым воплощением системы понятий референтной сферы. Изучение содержательной стороны терминологий разных сфер находится в фокусе интересов современной лингвистики «в связи с сознанием, материальной и духовной культурой, профессиональной языковой личностью, а также с общественной, профессиональной жизнью человека» [12. С. 121]. С точки зрения К.Я. Авербуха, термин имеет особую функцию «в экстралингвистическом аспекте по отношению к объектам и понятиям профессиональной сферы деятельности» [13. С. 75]. Полноценное раскрытие темы и содержания текста может состояться только при корректном использовании терминологических единиц. Иными словами, специальный спортивный дискурс возможен только при условии функционирования в нем специальных единиц языка спорта – терминов. Терминологичность текста способствует точной передаче специального знания, информативности, доказательности, объективности изложения и логичности.

Поскольку термин является средством передачи специального знания, крайне значимой языковой единицей тематически обусловленной коммуникации, его можно рассматривать как дискурсообразующее средство. Термины выполняют роль смысловых центров на уровне предложений, сверхфразовых единств и текстов. В связи с этим терминологические единицы в специальном дискурсе играют важную роль с точки зрения внутритекстовых связей, или когезии. По определению О.В. Казаченко, когезия представляет собой линейную внутреннюю организацию текста посредством различных языковых средств и рассматривается как свойство элементов текста [14. С. 89]. Согласно дефиниции И.Р. Гальперина, под когезией понимаются «особые виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимосвязь отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [15. С. 74]. Когезия выступает одним из критериев текстуальности [16], при этом текст, согласно собственно лингвистическому пониманию, представляет собой связную последовательность вербальных сигналов коммуникативного взаимодействия [17. С. 304]. Когезия коррелирует с внутренней лексико-грамматической связностью текста, при которой его элементы взаимозависимы, что способствует реализации коммуникативной цели [18. С. 40]. Термин, будучи ключевым лексическим элементом специального дискурса, интересен как инструмент внутритекстовых связей и дискурсообразования, а также как средство придания тексту стилистических характеристик.

Материалы и методы исследования

Целью данной статьи выступает раскрытие роли термина как дискурсообразующего средства лексической когезии, сообщающего тексту стилистические характеристики на примере англоязычного спортивного энциклопедического дискурса. Материалом для данного исследования послужили три энциклопедических текста общим объемом 784 596 словоупотреблений:

«Encyclopedia of Sports in America» в двух томах (2009) [19], «Encyclopedia of World Sport: From Ancient Times to the Present» (1999) [20], «Muscle Exercises Encyclopedia» (2012) [21]. Книга «Encyclopedia of Sports in America» повествует об истории разных видов спорта в США, выстроена в хронологическом порядке в 13 главах [19]. В публикации «Encyclopedia of World Sport» в алфавитном порядке представлены понятия из сферы спорта, связанные с ними исторические факты, социокультурные обстоятельства, правила, события, личности [20]. В энциклопедии о тренировке мышц – «Muscle Exercises Encyclopedia» – описаны физические упражнения, приведены комментарии и иллюстрации, основанные на практическом опыте и научных исследованиях [21].

Методика исследования терминов как дискурсообразующих средств реализации когезии в спортивном энциклопедическом дискурсе определена целью работы. Основными методами выступают метод сплошной выборки, анализ морфологической формы, словообразовательный анализ, фразообразовательный анализ, семантический анализ, статистический анализ, дескриптивный метод. Последовательно использованы следующие приемы: аккумулярование фактологической базы исследования, описание особенностей формы лексем, выявление однокоренных слов, установление сочетаемости терминов и терминологических единиц, определение лексических значений терминологических единиц, выявление наиболее употребляемых слов, интерпретация материала исследования. Техника «облако слов» применена для наглядного представления ключевых слов дискурса. Анализ ближайшего окружения терминологической единицы в энциклопедических текстах осуществлялся с помощью программы AntConc.

Результаты

М.А.К. Хэллидей и Р. Хасан, описывая типы лексической когезии в труде «Cohesion in English» (1976), выделили следующие: выбор слова с обобщенным значением, повтор, использование синонимов, употребление слов из одной лексико-семантической группы, применение коллокаций различных видов [22].

Частотность случаев лексической когезии на основе терминов на локальном уровне (в абсолютных и процентных показателях)

Типы лексической когезии	Количество случаев употребления
Повтор одного и того же термина	914 (9,6%)
Повтор корневой морфемы	311 (3,3%)
Внутритекстовые синонимы / аббревиатуры-дубликаты	21 (0,2%) / 482 (5%)
Перифрастический повтор	33 (0,3%)
Пронаминализация	34 (0,4%)
Термины одной лексико-семантической группы	30 (0,3%)
Терминологические коллокации	7 719 (80,9%)

Разделяя данное понимание когезии, мы рассмотрели терминологическое наполнение спортивных энциклопедических текстов как инструмент создания внутритекстовой связности. В таблице представлена статистика по типам лексической когезии на основе терминов, функционирующих в исследуемом материале на локальном уровне, т.е. в пределах предложений и сверхфразовых единств (в количественном и процентном соотношениях).

1. Повтор термина – употребление одной и той же терминологической единицы в пределах одного абзаца: 1) *By 1867, a formal game of **badminton** was being played in India by English officers and their families, who developed the first rules. During the following three decades, **badminton** evolved into a competitive indoor sport, and clubs were formed throughout the British Isles* [20. P. 24]. К 1867 году в Индии в официальную игру в **бадминтон** играли английские офицеры и члены их семей, которые разработали первые правила. В течение следующих трех десятилетий **бадминтон** превратился в соревновательный вид спорта в закрытых помещениях, и на Британских островах были созданы клубы¹. 2) *The load on a machine is not usually the “actual” weight lifted by the athlete due to the effects of pulleys and levers. In the case of **free weights**, “what you see is what you get.” Movements are usually much more natural using **free weights** than machines* [21. P. 26]. Нагрузка на тренажере обычно не соответствует «фактическому» весу, поднимаемому спортсменом, из-за воздействия блоков и рычагов. В случае со **свободными весами** «что видишь, то и получаешь». Движения обычно гораздо более естественны при использовании **свободных весов**, чем при использовании тренажеров. Необходимость использовать один и тот же термин обусловлена не только потребностью создать смысловую цепочку, удержать внимание реципиента, но и природой термина как особой единицы языка. Содержательная точность является существенным свойством термина, что предполагает четкость, ограниченность его значения [23. С. 27]. В связи с этим часто термин заменить лексемой с эквивалентным значением не представляется возможным. Отметим, что количество однословных терминов, используемых в текстах, относительно невелико – 288 единиц. Однако их повтор на уровне предложений, абзацев и всего текста позволяет констатировать, что функционирование спортивных терминов в энциклопедических текстах данной сферы имеет важную семантическую составляющую и является значимым с точки зрения дискурсообразования. На рис. 1 показаны 100 самых частотных знаменательных слов в тексте на материале главы «American Sports, 1990 to the Present» книги «Encyclopedia of Sports in America», количество словоупотреблений в тексте – 34 363. К спортивным терминам относятся 39 единиц из 100, при этом разные формы слова (например, в единственном и множественном числе), показаны отдельно: *sport(s), team(s), game(s), league(s), baseball, football, basketball, racing, coach, fans, player(s), medal, gold, record, play(ed), win(ning), tournament, competition, athlete(s)*,

¹ Здесь и далее перевод выполнен авторами статьи.

ных терминов в одном контексте обусловлена их языковой природой. Использование однокоренных слов регламентировано необходимостью развивать тему, выделять смысловые центры, акцентировать внимание читателя.

3. Использование синонимов, в том числе внутритекстовых, контекстуальных синонимов, т.е. слов со схожим значением, имеющих один и тот же денотат: 1) *Parading **cyclists** also disrupted church services on Sunday; but the biggest controversies ensued over women **riders*** [19. P. 71]. *Выступление **велосипедистов** также нарушило церковные службы в воскресенье; но самые большие споры разгорелись по поводу женщин-**гонимцев***. 2) *The sport's top **athletes** are similarly diverse. Some **contestants** are flamboyant, with extravagant tattoos and costumes. <...> Other **arm wrestlers** are more subdued and approach the sport with quiet discipline and concentration* [20. P. 19]. *Лучшие **спортсмены** этого вида спорта столь же разнообразны. Некоторые **участники** яркие, с экстравагантными татуировками и костюмами. <...> Другие **армрестлеры** более сдержаны и подходят к спорту со спокойной дисциплиной и концентрацией*.

Несмотря на то что отсутствие синонимов является одним из требований к значению термина [23. С. 32], контексты подтверждают, что синонимия лексемы – естественное семантическое явление. Обращение к синонимам обеспечивает лексическое разнообразие, богатство речи, помогает избежать тавтологию, сохраняя смысловые связи в дискурсе.

Одним из источников синонимии в терминологии является аббревиация, при этом аббревиатура и полная форма термина выступают как синонимы-дубликаты, т.е. абсолютные синонимы, именующие один и тот же денотат. Существование аббревиатур как результат синтаксического сжатия терминов реализует принцип экономии в языке [13. С. 47–48]. Введение аббревиатуры в текст при первом использовании предполагает дублирование – представление термина в полной форме и в форме аббревиатуры. Например: 1) *The two struggling leagues merged and formed the **National Basketball Association (NBA)** in 1949* [20. P. 43]. *Две соперничающие лиги объединились и в 1949 году образовали **Национальную баскетбольную ассоциацию (НБА)***. 2) *The **Ladies Professional Golf Association (LPGA)** organizes the major women's tournaments, most of which are held in the United States* [19. P. 527]. ***Женская профессиональная ассоциация гольфа (LPGA)** организует крупные женские турниры, большинство из которых проводится в США*. Подобные контексты рассматриваем как примеры использования синонимов, т.е. частные случаи реализации лексической когезии.

4. Перифрастический повтор предполагает функционирование термина с дескриптивной фразой в постпозиции. Употребление потенциально незнакомого термина в специальной литературе справочно-энциклопедического содержания сопровождается пояснением, комментарием, что ориентирует читателя на лучшее восприятие информации. Так, в исследуемом корпусе зафиксировано 33 употребления дискурсивного маркера *i.e.*, вводящего уточнение выражения в препозиции. 1) *An **open grip** (i.e., with your thumb*

above the bar) is preferable, but only if you can hold on firmly [21. P. 87]. **Открытый хват** (т.е. **большой палец над перекладиной**) предпочтителен, но только если можете крепко держаться. 2) **Flat races** (i.e., without hurdles), which lie between these extremes, are the 200 meter, 400 meter, 800 meter, 1,500 meter, and 5,000 meter [20. P. 405]. **Гладкие забеги** (т.е. **без препятствий**), которые проводятся на других дистанциях, – это бег на 200 метров, 400 метров, 800 метров, 1 500 метров и 5 000 метров. В приведенных примерах последующим пояснениям в скобках подвергаются терминологические коллокации **open grip** и **flat races**.

5. Прономинализация – замена термина местоимением: 1) **Football** had already surpassed baseball as the favorite sport on college campuses by the 1890s. Like baseball, **it** went through a multitude of rule changes to evolve into a distinctly American game, espousing particular American values [19. P. 54]. К 1890-м годам **американский футбол** уже превзошел бейсбол как любимый вид спорта в студенческих городках. Как и бейсбол, **он** претерпел множество изменений в правилах, чтобы превратиться в чисто американскую игру, поддерживающую определенные американские ценности. 2) Some researchers believe that **athletes** are unfairly stereotyped because **they** are more visible and are typically held to higher standards [20. P. 6]. Некоторые исследователи полагают, что к **спортсменам** несправедливо относятся стереотипно, поскольку **они** более заметны и обычно придерживаются более высоких стандартов. Поскольку термин обладает точностью семантики, в большинстве случаев он незаменим в дискурсе, что и определяет низкую частотность местоименных замен – 0,4% всех случаев лексической когезии. В этих случаях автор делает выбор в пользу местоимения, избегая повтора.

6. Использование терминов одной лексико-семантической группы, выраженных одной частью речи, имеющих общий основной компонент значения: 1) Baseball was likely an adaptation of traditional games played with **bases, balls, and bats** [19. P. 32]. Бейсбол, вероятно, был адаптацией традиционных игр, где использовались **базы, мячи и биты**. 2) The rear deltoid does not receive more of a workout in a Behind-the-neck Press, despite the claims of many **trainers and veteran bodybuilders** [21. P. 108]. Задние дельты не получают большей нагрузки при жиме из-за головы, несмотря на заявления многих **тренеров и бодибилдеров-ветеранов**. Связность текста определяется семантической связью составляющих его элементов. С данным явлением коррелирует такая характеристика термина, как системность, т.е. принадлежность термина к системе терминов. Терминам свойственно образовывать лексико-семантические группы, которые, в свою очередь, объединяются в терминологические системы (терминологии). В терминологической системе спорта, например, выделяются лексико-семантические группы терминов по видам спорта или более узкие – «Действия», «Качества», «Оборудование», «Лица», «Штрафы» и т.д. Наличие гипо-гиперонимических отношений лексем в системе определяет функционирование гипонимов и гиперонимов в одном контексте: As a competitive sport today, artistic gymnastics includes six **events** for men (**floor exercise, high bar, parallel bars, pommel horse, rings, and vault**)

and four for women (**floor exercise, uneven bars, balance beam, and vault**) [20. P. 157]. *Сегодня спортивная гимнастика как соревновательный вид спорта, включает шесть снарядов для мужчин (вольные упражнения, перекладина, параллельные брусья, конь-махи, кольца и опорный прыжок) и четыре для женщин (вольные упражнения, разновысокие брусья, бревно и опорный прыжок).*

В изучаемых энциклопедических текстах зафиксировано использование спортивных терминов, обозначающих различные спортивные реалии, количество употреблений указано в скобках:

а) названия видов спорта: **football** (1 369), **baseball** (1 215), **basketball** (838), **soccer** (262), **wrestling** (260), **skating** (245), **gymnastics** (211), **cycling** (150), **archery** (128), **badminton** (63) и др.;

б) наименования общеспортивных понятий, связанных с организацией и проведением тренировок и соревнований: **game** (4 282), **team** (2 447), **league** (1 641), **competition** (904), **championship** (800), **season** (681), **technique** (573), **Olympics** (481), **training** (458), **record** (428), **winning** (339), **score** (183), **prize** (149), **award** (119), **trophy** (73) и др.;

в) наименования действий, движений: **grip** (282), **jump** (132), **rotation** (103), **step** (75), **throw** (74), **twist** (66), **squat** (38), **vault** (26) и др.;

г) наименования спортивного оборудования и сооружений: **ball** (937), **track** (519), **court** (278), **barbell** (127), **bicycle** (126), **gym/gymnasium** (89), **arena** (71), **net** (50), **hurdle** (22) и др.;

д) наименования лиц, обозначающие статус, амплуа или принадлежность виду спорта: **player** (1 982), **athlete** (1 116), **coach** (375), **spectator** (313), **champion** (306), **rider** (242), **competitor** (235), **opponent** (233), **winner** (185), **participant** (163), **fighter** (117), **boxer** (94), **pitcher** (88), **racer** (77), **contestant** (56), **skater** (53), **trainer** (49), **captain** (41), **cyclist** (41), **batter** (40), **archer** (37), **shooter** (34), **rower** (26), **instructor** (25), **fielder** (17) и др.;

е) наименования организаций: **club** (778), **association** (775), **federation** (198), **committee** (183) и др.;

ж) термины анатомии, физиологии, медицины: **muscle** (1 081), **strength** (221), **endurance** (107), **joint** (74), **resistance** (71), **flexibility** (42), **breath** (27), **stamina** (20), **exhaustion** (12) и др.

7. Использование терминологических коллокаций, т.е. словосочетаний, состоящих из двух и более компонентов, образующих семантическую связь ввиду частотности употребления в дискурсе. Например: 1) *Aikido is a Japanese **martial art** that includes techniques for bare-handed wrestling, using weapons, and dealing with the armed enemy and also has a spiritual component* [20. P. 6]. *Айкидо – японское боевое искусство, включающее в себя приемы борьбы голыми руками, применения оружия и борьбы с вооруженным противником, а также имеющее духовную составляющую.* 2) *Let us assume that the maximum weight at which we can do a single, slow, full repetition of the **Bench Press** with good technique is 100 kg (approx. 220 lb.)* [21. P. 311]. *Предположим, что максимальный вес, с которым мы можем выполнить одно*

медленное полное повторение **жима лежа** с хорошей техникой, составляет 100 кг (около 220 фунтов). К коллокациям относим следующие единицы (количество употреблений указано в скобках): **Olympic Games** (377), **horse racing** (149), **basic exercise** (106), **American football** (101), **ice hockey** (76), **ball game** (50), **professional sports** (41), **arm wrestling** (29), **mountain climbing** (27), **extreme sports** (25), **high jump** (23), **long jump** (22), **synchronized swimming** (16), **college sports** (16), **pole vault** (12). Всего в трех проанализированных текстах употреблены 735 коллокаций 7 719 раз. Наличие терминов подобного рода в терминосистеме имеет результатом совместную встречаемость слов, т.е. осмысленную последовательность слов в дискурсе [24. С. 285]. Терминологические коллокации, образующие терминологические гнезда, т.е. имеющие один и тот же ядерный компонент, находятся в родовидовых отношениях. Например, на основе термина **press**, употребление которого в книге «Muscle Exercises Encyclopedia» (2012) зафиксировано 160 раз, образованы терминологические сочетания **bench press** (28), **decline bench press** (6), **dumbbell press** (6), **machine bench press** (6), **multi-power bench press** (4), **incline bench press** (3), **machine shoulder press** (3), **seated barbell military press** (3), **seated dumbbell shoulder press** (3), **butterfly press** (2). Поскольку данное исследование выполнено в русле корпусной лингвистики и направлено на изучение функциональных особенностей лексем в дискурсе, понятия «терминологические словосочетания» и «терминологические коллокации» не разграничиваются.

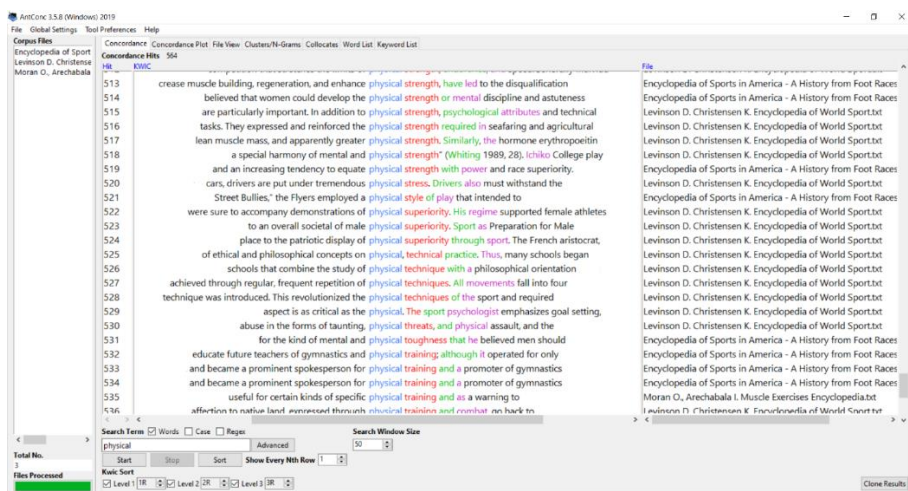

Рис. 2. Контексты прилагательного **physical**

На рис. 2 показаны результаты поиска прилагательного **physical** в корпусе анализируемых текстов. Зафиксировано 564 употребления, выявлены такие характерные сочетания, как **physical education** (122), **physical activities** (41), **physical fitness** (36), **physical condition(ing)** (24), **physical skills** (23),

physical educator (22), physical training (22), physical exercise (20), physical culture (19), physical strength (14), physical prowess (13), physical development (5), physical disabilities (5), physical ability (4) и др. Представлен инструмент Concordance программы AntConc, производящий поиск всех контекстов заданного термина. На экране дается информация о ближайшем окружении терминологической единицы (слова в препозиции и постпозиции), в правой части указана энциклопедия, контекст из которой анализируется программой.

Заключение

Таким образом, анализ терминов с точки зрения словообразования, фразообразования, семантики, лексических отношений, выполняемых в тексте функций показывает, что в энциклопедическом спортивном дискурсе терминологические единицы активно используются как инструмент внутритекстовых связей. Термин участвует в следующих типах лексической когезии: повторы одного и того же термина; употребление однокоренных терминов; использование синонимов (в том числе контекстуальных); перифрастический повтор; прономинализация; использование слов одной лексико-семантической группы; применение терминологических коллокаций. Смыслообразующая функция термина обуславливает тенденцию к его многократному использованию в тексте. Термин как средство лексической когезии обеспечивает связность текста как на уровне отдельного фрагмента, так и на уровне всего текста. Способность термина выступать средством связности в специальном дискурсе обусловлена его языковой природой, в частности такими его характеристиками, как содержательная точность, системность, деривационная способность. Полученные данные о частотности применения терминов показывают, что энциклопедические тексты ориентированы на информативность, логичность, четкость и ясность в изложении фактов, что способствует правильному восприятию текста реципиентом и является одной из базовых характеристик научно-популярного подстиля. Терминологические единицы иницируют институциональный дискурс согласно коммуникативным установкам автора, а как средства когезии они способствуют лучшему восприятию текста специальной направленности.

Список источников

1. *Белутин Р.В.* Футбольный бог и тренерская проповедь: религиозные концепты в коммуникации немецких футбольных фанатов // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10, № 4. С. 691–705.
2. *Пантеева К.В.* Косвенная оценка в жанре спортивной новости (на материале российского и британского письменного спортивного дискурса) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 76–90.
3. *Никитина Э.Г.* Особенности создания поликодового и полимодального текста (на примере спортивного телевизионного репортажа) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 2 (41). С. 151–160.

4. Куранова Т.П. Экспрессивно-стилистические и риторические особенности спортивного репортажа // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 27–35.
5. Трубченинова А.А. Репрезентация категории эмотивности в спортивных текстовых онлайн-трансляциях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2022. № 03/3. С. 159–162.
6. Комлева Л.А. Использование в футбольном дискурсе метафоры других видов спорта // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 6 (62). С. 37–41.
7. Хомутова Т.Н., Денисенко М.Г. Энциклопедический дискурс интеллектуального туризма как гибридный тип дискурса: интегральный подход // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2021. Т. 18, № 2. С. 43–51.
8. Нечепоренко Н.М. Малоформатная лингвистическая энциклопедическая статья как завершенная целостная структурно-смысловая единица в макротексте и лингвистическом дискурсе // Гуманитарные исследования. 2011. № 1 (37). С. 55–62.
9. Волошина И.С. Параметры энциклопедического дискурса в лексикографическом описании термина on-line // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). Филология. Искусствоведение. Вып. 92. С. 13–16.
10. Joos M. The Five Clocks: a Linguistic Excursion into the Five Styles of English Usage / introduction by A.H. Marckwardt. New York : Harcourt, Brace and World, 1961. 108 p.
11. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. 2-е изд., исправл. и доп. М. : Эллис, 2008. 304 с.
12. Фельде О.В., Мезит А.Э. Профессиональная языковая картина мира как объект исследования в терминоведении и в лингвистике LSP // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 120–126.
13. Авербух К.Я. Общая теория термина. М. : Изд-во МГОУ, 2006. 252 с.
14. Казаченко О.В. Когерентность и когезия текста // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8 (27): в 2 ч. Ч. II. С. 88–90.
15. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стер. М. : КомКнига, 2007. 144 с. (Лингвистическое наследие XX века)
16. Москвин В.П. Понятие текста и критерии текстuality // Русская речь. 2012. № 6. С. 37–48.
17. Чернявская В.Е. Текст в когнитивно-дискурсивной парадигме: к вопросу о градуальном характере текстuality // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2007. Т. 3, № 1. С. 303–314.
18. Величко М.А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник АГУ. 2016. Вып. 2 (177). С. 39–43.
19. *Encyclopedia of Sports in America*. Volume 1 and 2: A History from Foot Races to Extreme Sports / ed. by Murry R. Nelson. Westport ; Connecticut ; London : Greenwood Press, 2009. 534 p.
20. *Encyclopedia of World Sport: From Ancient Times to the Present* / ed. by D. Levinson, K. Christensen. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1999. 488 p.
21. Morán O., Arechabala I. Muscle Exercises Encyclopedia. Maidenhead : Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd., 2012. 320 p.
22. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London : Longman Group Limited, 1976. 374 p.
23. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2008. 304 с.
24. Ключина З.В., Клепикова Т.А. Исследование терминологических коллокаций с позиций когнитивной грамматики конструкций и корпусной лингвистики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 12 (116). С. 284–288.

References

1. Beliutin, R.V. (2023) Futbol'nyy bog i trenerskaya propoved': religioznyye kontsepty v kommunikatsii nemetskikh futbol'nykh fanatov [Football God and Coaching Sermon: Religious Concepts in the Communication of German Football Fans]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communication Studies]. 10 (4). pp. 691–705.
2. Panteeva, K.V. (2020) Kosvennaya otsenka v zhanre sportivnoy novosti (na materiale rossiyskogo i britanskogo pis'mennogo sportivnogo diskursa) [Indirect Evaluation in the Sports News Genre (Based on Russian and British Written Sports Discourse)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. 10 (3). pp. 76–90.
3. Nikitina, E.G. (2021) Osobennosti sozdaniya polikodovogo i polimodal'nogo teksta (na primere sportivnogo televizionnogo reportazha) [Features of Creating a Polycode and Polymodal Text (Using the Example of a Sports Television Report)]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2 (41). pp. 151–160.
4. Kuranova, T.P. (2019) Expressive-Stylistic and Rhetorical Features of Sports Reportage as a Media Genre. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 449. pp. 27–35. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/449/4
5. Trubcheninova, A.A. (2022) Reprezentatsiya kategorii emotsional'nosti v sportivnykh tekstovykh onlayn-translyatsiyakh [Representation of the Category of Emotionality in Sports Text Online Broadcasts]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: gumanitarnyye nauki*. 3/3. pp. 159–162.
6. Komleva, L.A. (2008) Ispol'zovaniye v futbol'nom diskurse metaforiki drugih vidov sporta [The Use of Metaphors from Other Sports in Football Discourse]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 6 (62). pp. 37–41.
7. Khomutova, T.N. & Denisenko, M.G. (2021) Entsiklopedicheskiy diskurs intellektual'nogo turizma kak gibridnyy tip diskursa: integral'nyy podkhod [Encyclopedic Discourse of Intellectual Tourism as a Hybrid Type of Discourse: An Integral Approach]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 18 (2). pp. 43–51.
8. Necheporenko, N.M. (2011) Maloformatnaya lingvisticheskaya entsiklopedicheskaya stat'ya kak zavershennaya slosloynaya strukturno-smyslovaya yedinita v makrotekste i lingvisticheskom diskurse [Small-Format Linguistic Encyclopedic Article as a Complete Structural-Semantic Unit in the Macrotext and Linguistic Discourse]. *Gumanitarnyye issledovaniya*. 1 (37). pp. 55–62.
9. Voloshina, I.S. (2014) Parametry entsiklopedicheskogo diskursa v leksikograficheskom opisanii termina on-line [Parameters of Encyclopedic Discourse in the Lexicographic Description of the Term On-Line]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye*. 23 (352) 92. pp. 13–16.
10. Joos, M. (1961) *The Five Clocks: A Linguistic Excursion into the Five Styles of English Usage*. Introduction by A.H. Marckwardt. New York: Harcourt, Brace and World.
11. Golovanova, E.I. (2008) *Kategoriya professional'nogo deyatelya: Formirovaniye. Razvitiye. Status v yazyke* [Category of a Professional: Formation. Development. Status in Language]. 2nd ed. Moscow: Elpis.
12. Fel'de, O.V. & Mezit, A.E. (2023) Professional'naya yazykovaya kartina mira kak ob'yekt issledovaniya v terminovedenii i v lingvistike LSP [Professional Language Worldview as an Object of Research in Terminology and LSP Linguistics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 120–126.
13. Averbukh, K.Ya. (2006) *Obshchaya teoriya termina* [General Theory of the Term]. Moscow: MGOU.
14. Kazachenko, O.V. (2009) Kogerentnost' i kogeziya teksta [Text Coherence and Cohesion]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 8 (27). Part II. pp. 88–90.
15. Gal'perin, I.R. (2007) *Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. 5th ed. Moscow: KomKniga. (Linguistic Heritage of the 20th Century).

16. Moskvina, V.P. (2012) Ponyatiye teksta i kriterii tekstual'nosti [The Concept of Text and Textuality Criteria]. *Russkaya rech'*. 6. pp. 37–48.

17. Cherniavskaya, V.E. (2007) Tekst v kognitivno-diskursivnoy paradigme: k voprosu o gradual'nom kharaktere tekstual'nosti [Text in the Cognitive-Discursive Paradigm: On the Gradual Nature of Textuality]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 3 (1). pp. 303–314.

18. Velichko, M.A. (2016) Kogeziya i kogerentnost': osobennosti razgranicheniya i opredeleniya ponyatij [Cohesion and Coherence: Features of Delimitation and Definition of Concepts]. *Vestnik AGU*. 2 (177). pp. 39–43.

19. Nelson, M.R. (ed.) (2009) *Encyclopedia of Sports in America*. Volume 1 and 2: A History from Foot Races to Extreme Sports. Westport, Connecticut – London: Greenwood Press.

20. Levinson, D. & Christensen, K. (eds) (1999) *Encyclopedia of World Sport: From Ancient Times to the Present*. New York – Oxford: Oxford University Press.

21. Morán, O. & Arechabala, I. (2012) *Muscle Exercises Encyclopedia*. Maidenhead: Meyer & Meyer Sport (UK) Ltd.

22. Halliday, M.A.K. & Hasan, R. (1976) *Cohesion in English*. London: Longman Group Limited.

23. Grinev-Grinevich, S.V. (2008) *Terminovedeniye: ucheb. posobiye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Terminology Studies: Textbook for Higher Education Students]. Moscow: Akademiya.

24. Klyushina, Z.V. & Klepikova, T.A. (2012) Issledovaniye terminologicheskikh kollokatsiy s pozitsii kognitivnoy grammatiki konstruktivnykh i korpusnoy lingvistiki [Study of Terminological Collocations from the Perspective of Cognitive Construction Grammar and Corpus Linguistics]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 12 (116). pp. 284–288.

Информация об авторах:

Бобырева Н.Н. – д-р филол. наук, доцент кафедры европейских языков и культур Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: nathalienb@yandex.ru

Зорина А.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры европейских языков и культур Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: azorina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.N. Bobyreva, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: nathalienb@yandex.ru

A.V. Zorina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: azorina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.02.2024;
одобрена после рецензирования 13.06.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 01.02.2024;
approved after reviewing 13.06.2024; accepted for publication 19.05.2025.*

Original article

UDC 81'23

doi: 10.17223/19986645/95/2

An eye-tracking study of the Russian language compound Remote Associates Test problem solving

Mikhail S. Vlasov¹, Vlada A. Repeykova²,
Oleg A. Sychev³, Olga V. Toropchina⁴

^{1, 3, 4}Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

²National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

³Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research,
Moscow, Russian Federation

³Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation

¹vlasov_mikhailo@mail.ru

²repeykova.va@yahoo.com

³osn1@mail.ru

⁴olatoro@mail.ru

Abstract. One of the most widely used tools for measuring convergent thinking is the Remote Association Test (RAT), originally proposed by S. Mednick in accordance with his associative theory of creativity. In a pilot experiment, we studied the oculomotor activity of Russian speaking participants (n=20), who performed the Russian language Compound Remote Associates test in order to identify oculomotor predictors of involvement in the creative process during problem solving. Using linear mixed-effects models for oculomotor data and linguistic characteristics of the stimuli, two significant fixed effects (average compound Zipf-word frequency and number of blinks per second) on increasing the probability of correct response in RAT tasks were found, which is probably related to internal attention involvement while controlling the linguistic factor of the frequency of words-associates that the test participant processes.

Keywords: eye tracking, remote associates test, creativity, convergent thinking, blinking, word frequency, Zipf value

Acknowledgments: The authors would like to express their gratitude to Dr. Yulia Kovas, Professor Emeritus of Genetics and Psychology at the Department of Psychology, Goldsmiths, University of London, for her valuable theoretical comments on this study; Dr. Teemu Toivainen, Lecturer at the Department of Psychology, Goldsmiths, University of London; and Dr. Maxim Likhanov, Researcher in advanced statistics, Centre de Recherche en Psychologie et Neurosciences (CRPN), Centre National de la Recherche Scientifique (CNRS), France, for their suggestions for the development of the compound Remote Associates Test.

For citation: Vlasov, M.S., Repeykova, V.A., Sychev, O.A. & Toropchina, O.V. (2025) An eye-tracking study of the Russian language compound Remote Associates Test problem solving. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 20–46. doi: 10.17223/19986645/95/2

Introduction

This research represents an eye-tracking study of the Russian Language Compound Remote Associates Test problem solving to reveal oculomotor indices of the creative process typically involved in solving this test.

This test was developed according to the *Associative Theory of Creativity*, proposed by Mednick [1]. This theory suggests that individuals come up with creative ideas when they integrate mutually remote associative components into novel and useful combinations. These components represent lexical-semantic structures. Mednick developed the *Remote Associates Test (RAT)* to assess how many meaningful common and uncommon remote associations participants can generate from the triads of semantically unrelated words at first sight. For example, the triad "railroad, girl, class" has such a potential response as "working", since such phrases can be formed with every word from the triad: *working on the railroad, working girl, working class* [2]. Mednick hypothesized that solvers with flatter associative hierarchies could give more correct responses to the triads and a more diverse set of associates (including uncommon) than individuals with steeper associative hierarchies [1]. The original RAT had good reliability (Spearman-Brown .91 and .92) implemented on samples of 215 and 289 college students [2].

Currently, there are several versions of RAT developed by several researchers on the material of different languages: English [3–5]; Russian [6–8]; German [9]; Polish [10]; Italian [11]; Chinese [12, 13]; Finnish [8]; Romanian [14]; Slovak [15], Spanish [16], and other languages.

Typically, RAT consists of 25–40 items with triads of explicitly unrelated words and the participants should come up with the fourth word that is related to each word from the triad in some way. As a rule, the response-word could be related to the stimuli-words via contextual associations (e.g., *pig – mud*), synonymy (e.g., *pig – slob*), compound word formation (e.g., *pig – pignut*) or a phrase (e.g., *safety* and *pin* forms a noun phrase *safety pin*). The scores are computed according to the number of correct responses.

Mednick's approach for measuring creative (and mostly convergent) thinking and his idea of RAT refer to one of the most widely used conceptual framework in psychological and neurocognitive studies [17–23].

However, the original RAT validity and even the concept of associative hierarchies remain controversial.

There are two main problems in developing RAT items for discussing further: homogeneity/heterogeneity and remoteness of RAT items.

Homogeneity vs. heterogeneity of RAT items

Bowden and Jung-Beeman [3] argue that the original RAT items are heterogeneous in regard to the principle that each triad of stimuli relates to the response word. Specifically, the triad *same, tennis, head* is associated with the solution word *match* via contextual synonymy (*same* and *match* have common meaning "equal" in a certain context), noun phrase (*tennis match*), and compounding

(*match head*). This heterogeneity of cue-solution linguistic relations can be found both within and across items. The triad-solution relation can also vary on the scale of abstractness (*humor – sense* vs. *apple – tree*), figurativeness (*star – actress* vs. *star – planet*) and other semantic relations. To assess these parameters of RAT items some researchers recruit independent raters. For example, in Marko, Michalko, and Rieicansky's study [15], the raters were shortly trained and then asked to assess all RAT cue-solution pairs for different word relations using Likert-scale, e.g. for abstractness (from 0 (concrete) to 4 (highly abstract): *apple – tree* vs. *humor – sense*), figurativeness (from 0 (literal) to 4 (figurative): *star – dust* vs. *star – actress*), polysemy (from 1 to 3 representing the number of distinct word meanings that associate cue with solution: in the triad *same – tennis – head*, the correct response-word *match* associates to each of the stimulus word via three different meanings).

There are many other linguistic parameters of cue-solution relations that can be taken into account, but the main problem for RAT problems developers is whether heterogeneous or homogeneous the RAT items should be in their linguistic parameters. Several researchers argue that solving RAT-problems with different word relations may load different cognitive systems [24], and, consequently, RAT performance not obligatorily reflects a coherent cognitive ability of a participant.

Thus, many researchers around the world have developed different homogeneous versions of RAT: functional RAT [24], compound RAT [3], visual RAT [8, 25]. There are several functional RATs for the Russian language [6, 7]. A new functional RAT is currently being developed by E. Valueva. A compound RAT in the Russian language does not exist, and it is being developed by Repeykova et al. [26].

Remoteness of RAT cues from solution

Mednick [1] proposed that RAT problem solvers with flatter associative hierarchies outperform ones with steeper hierarchies due to their ability to access and link *remote* concepts or ideas. Hence, the *remoteness* of cues from solution in each triad refers to the principal determinant of the item difficulty, and, consequently, RAT score is supposed to reflect the level of remote associative abilities [27]. In developing new RATs, researchers use several methods to assess the cue-solution remoteness. The most common are the following.

1. Using word association norms for measuring the associative remoteness

One of the methods is developing the word association norms datasets comprised of a rank-ordered frequencies of participants' free associations for a given cue candidate-word (e.g., *chair*). The common, or dominant associate is considered as the most frequently given one (e.g., *table*), whereas the remote associate has low frequency responses (e.g., *committee* or *toilet*). Based on the set of the responses, the associative distance of stimulus-response pairs can be easily calculated as 1 minus the relative frequency of the cases in which a stimulus word evoked a certain associate word. The higher value indicates the higher associative

remoteness of two words and the remoteness of each item is the average value of three respective cue-solution distance values.

In a recent study of RAT psychometric evaluation, Marko, Michalko, and Riecanisky [15] revealed a single latent factor related to RAT performance. Using linear regression analysis, the authors revealed that the *cue-solution associative remoteness* accounts for $\sim 80\%$ of variance in item difficulty of RAT ($R^2=.791$). Thus, at least partially, the original Mednick's assumption of steeper vs. flatter "associative hierarchies" [1] tends to be supported in empirical studies: RAT performance largely depends on the person's ability to find remote associates between words.

The limitation of this method is that the normative data needs large number of participants because associative data depends on individual and group differences, language development and situational factors.

Hence, we suppose that RAT items require an optimal threshold and variability of remoteness in order to get acceptable reliability and validity of the instrument. This requirement was implemented in our current study using Average Solution Frequency (average Zipf-value) score for each RAT item (see Appendix 2). The relation between item remoteness, difficulty and sensitivity in different versions of RAT still lacks empirical verification [15, 28].

The objective linguistic measures will be controlled in our study of developing the Russian language compound RAT.

Cognitive factors in RAT problem solving

Different versions of RAT have been used to measure several cognitive abilities associated with creativity, including intelligence, insight, memory, problem-solving, and related academic achievement [29].

Some of the first researchers who confirm the link between the RAT scores, ***intelligence*** and ***academic achievement*** were Taft and Rossiter [30]. They revealed positive correlations between the performance on RAT and scores on the Advanced Tests AL and AQ (Form W), including total ($r = .57$), verbal ($r = .60$), and quantitative IQ scores ($r = .46$), scores on Raven's Progressive Matrices ($r = .38$), speed and accuracy test scores ($r = .27$), and a number series test scores ($r = .41$). They also revealed that performance of RAT moderately correlated with academic achievement, including English ($r = .40$) and Science ($r = .32$) exam scores in high school students ($n = 107$). Also, one actively discussed hypothesis refers to the IQ threshold for creative potential [31, 32].

RAT has been widely used in many cognitive studies as a ***convergent thinking*** test of creativity. Performance on the RAT has weak to moderate correlations with performance on divergent thinking tests, e.g. with performance on flexibility ($r = .28$) and originality ($r = .29$) of Unusual Uses test [32]. Lee, Huggins, and Therriault [31] provided empirical evidence that performance on the RAT had significant positive correlations with different convergent thinking measures assessing different aspects of analytical and deductive processing (intelligence, working memory, academic achievement). Specifically, RAT scores and the

Raven's Progressive Matrices (measure of fluid intelligence) scores were positively correlated in several studies (r ranges from .33 to .47) [31]. Among cognitive factors, **verbal intelligence** is assumed as the most reliable measure of assessing the validity of the newly developed RAT. Logically, the RAT problem solving may involve the processes of analysis, generalization and highlighting the common semantic word features, searching for the appropriate lexical representations as candidates from one's passive vocabulary, evaluating word-candidates, decision making and responding. For example, in Lee, Huggins, and Theriault's [31] study, the correlation of vocabulary subset of Wechsler Adult Intelligence Scale and compound RAT was .41.

Metalinguistic awareness is also supposed as one of the main factors influencing performance on RAT. *Metalinguistic awareness* refers to the ability to consciously reflect on the nature of language: the abilities to understand implied meanings, formal structures like phonemes, syntax, the ability to make morphological analysis, etc. The development of metalinguistic awareness is assumed to consist of cognitive control (selecting and coordinating the relevant pieces of information that is necessary for comprehending the language manipulation) and analyzed knowledge (recognizing the meaning and structure of the "manipulated" language) [33]. For example, compounding morphology is highly prevalent for some languages, and native speakers could be tested on their ability to manipulate familiar morphemes to form compound words [34]. It is assumed as the essential ability for performance on the compound RAT for languages with complex morphology, and we suppose professional linguists and students of philological departments will outperform non-linguists on this test due to their metalinguistic awareness.

On the one hand, according to Mednick [1], RAT was developed to measure creative thinking without any specific knowledge in test takers. On the other hand, domain specificity implies pre-existing knowledge and experience within a particular domain in order to successfully produce creative work [35]. The assumption is that the more knowledge one possesses and the better one understands the relationships between pieces of information within a domain, the greater the likelihood one has of generating a creative idea. Thus, in solving linguistic RAT problems, individuals need to know all the potential word solutions according to their literacy level, vocabulary size, ability to find similarities in semantics of the triads, make morphological analysis and word formation operations etc.). On the contrary, it is assumed that domain-relevant knowledge or special skills are beneficial for creative thinking to a certain extent: the prior cultivation of established pathways for knowledge or skills implementation can prevent creative thinking when individuals expose to "design fixation" in creative problem solving [36]. Domain-general vs. domain-specific measures of creativity are still discussed.

The **cognitive process** of RAT problem solving could be measured by neurocognitive techniques as a fine-grained measurement of creative process. In a systematic review, Wu et al. [23] revealed a growing number of neurocognitive studies of remote association, insight problem-solving, general creative process from 2000 to 2019. Using RAT problems, the researchers have been explored the processes of how participants solve problems through remote association with the

focus on participants' response to semantic search during the think-aloud RAT problem solving and reply performance. Also, such studies help researchers to estimate RAT items' difficulty and understand what cues in the triad are supposed to be problematic.

Some scholars posit that similar problem-solving processes are involved in the RAT and *insight* problem solving during experiments. Both problems can mislead participants with dominant but incorrect representations. The spontaneous association of closely dominant lexical representations may lead participants to an impasse that prevents them from solving the problem. They may get stuck in the easy retrieval representations and fail to find the solution for RAT item. Remote and original ideas should be connected to solve the RAT problem. Usually, participants cannot state the problem-solving process. "Aha!" experience may occur only after a participant solved the RAT problem.

The remoteness principle can be described not only using word-associates but also using analogies from different domains. The idea is that the more creative the person is, the less effects of local, or closely related piece of knowledge on one's solution we can observe. But often experts retrieve representations from their domain of expertise more easily than from more distant domains [28]. Some practitioners use abstraction method, or moving up the idea space "tree" to the node ("creative hack") where more remote but plausibly related relevant analogies from other domains can be found. Linsey et al. [37] used the *WordTree* digital tool to develop the engineers' abstraction that enable them to identify distant-domain analogies as part of the ideation process. Beda et al. [28] describe this technique from the perspective of RAT problems: a remote association is assumed as a "creative hack" that enables problem solver to leave a fixated area to some unexplored one in the idea space (Fig. 1).

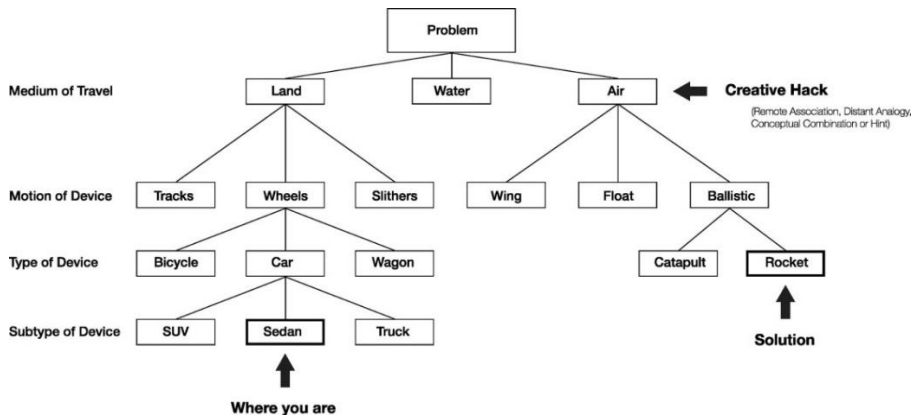

Fig. 1. The remoteness principle in the idea space [28]¹

Inspired by this technique, we used the idea of *WordTree* visualization to describe the patterns of the compound RAT cue-solution remoteness in this study.

¹ Under a Creative Commons license.

The creative process during RAT problem solving involves two stages: (1) an **initial divergent stage of idea generation** and (2) a **convergent stage of solution matching and evaluation**.

In neurocognitive experiments, the cognitive processes of solving RAT problems were typically tested through four stages of creative acts [38], including:

- 1) *preparation* (when the problem is investigated by participants);
- 2) *incubation* (when the problem is analyzed unconsciously);
- 3) *illumination* (when participants' ideas come together to give a possible solution);
- 4) *verification* (when the solution is checked by participants).

These stages could be tested in different paradigms: behavioral, eye-tracking, EEG, etc.

Eye movements and the RAT cognitive processes

Recently, several studies observed objective psychophysiological indices of cognitive processes during RAT problem solving using **eye-tracking technology** [39–42].

This technology allows detecting individual internal cognitive mechanisms in different RAT designs.

When solving RAT problems (e.g., a compound RAT) in eye-tracking studies, participants are usually presented triads of words, and solution words may be presented or not presented according to the research design. The main eye reaction patterns include *eye movements (fixations and saccades)*, *blinks*, and *pupil constriction/dilation*.

In Salvi and Bowden's review [39], **eye movements** and **blinking** are discussed as the psychophysiological reactions that influence creative thinking.

Human neural networks that enable individuals searching for information in the visual environment may influence other neural networks that enable them to search for non-visual information stored in long-term memory. Salvi and Bowden [39] posit that when individuals retrieve information from memory, imagine something, solve problems or think in a creative way, they often shift their gaze from the environment to an empty space or a blank on the screen. This mechanism is assumed to be related to **internal attention**. There are some empirical evidences that individual differences in eye movements are influenced by the memory demands during problem solving. For example, Glenberg et al. [43] found that when participants try to answer questions with moderate difficulty, they tend to avert the gaze from engaging visual stimuli. The authors explained this effect as the following: typically, people are engaged in remembering when they monitor the environment for unrelated but meaningful events. If the remembering task seems to be difficult, then the visual attention resources are temporarily distracted from the visual environment to the recollection process.

In psychology and cognitive neuroscience, the existence of two types of attentional mechanism of information processing is widely used and discussed [44, 45]. Bottom-up (external) information comes from the environment through the

senses and this kind of attention is external (bottom-up) attention. This type of attention retrieves the information from the outside and also operates with the selection and modulation of sensory information: e.g., in visual, audio, tactile representation etc. [45]. Internal (top-down) attention operates with internal representations (thoughts, concepts, recollection of events etc.). It is assumed that loads on external and internal attention are mutually exclusive and these two types of attention have the same limits of capacity: e.g., if an individual is immersed in own thoughts, one's attention to the external environment should be reduced and vice versa.

Thus, fixations *on* as well as saccades *to* a stimulus (e.g., a cue-word in RAT) may facilitate the retrieval of necessary information from this stimulus (phonological, morphological, lexical representations), whereas eye movements *away* from the stimulus or fixations on the empty space or blank shift individual attention away from the visual environment, inhibit further processing of the stimulus, and allow weaker (more remotely linked) internal concepts to become "highlighted" [39].

A number of behavioral and neurophysiological studies came to the same result: at the moments of individual engagement in internal attention, the processing of external stimuli is suppressed. Reducing distractors from the environment may enhance internal concentration [46–52].

According to the results of eye-tracking studies, people produce more gaze aversions ("looking away" effect) when they try to solve a difficult cognitive task, and this effect has a functional consequence on memorization. For example, Glenberg et al. [43] found that participants improved their accuracy in solving problems with moderate difficulty when their eyes were closed. Also, eye blink rates analysis may provide more evidence for this pattern. Blinking physically blocks incoming information for a short period, generates a suppression of vision associated with an inhibitory signal sent out by the brain [53] both before and after the time of actual eyelid closure [54–56]. Increasing eye blink rates may also be related to directing individual's attention internally, enhancing a more complex cognitive mechanism of attention not merely the interruption of visual input [57, 58]. Holland and Tarlow [59] suggested that eye blinks emerge during cognitive shifts between different ideas. On the contrary, both the number of blinks and blinks duration decrease as a function of more intense cognitive load [60–62], concentration on the task, e.g. during solving mathematical tasks [59]. Several researchers found that blinking measures were associated with such internal processes as divergent thinking and creativity [41], insight problem solving [52], discrepancy between external and internal workloads [63], mind wandering [64].

Ueda et al. [41] revealed that, compared to the resting state, increased **eye blink rates** during the two creative tasks performance were correlated with the production of more alternative uses on the Alternate Uses Task (39.2 times per minute, SD = 22.1) and slower solutions on the RAT (38.7 times per minute, SD = 21.1). Eye blink rates were significantly higher in AUT and RAT compared to the resting state: AUT: $t(55) = 6.58, p < .001, r = .66$; RAT: $t(54) = 6.40, p < .001, r = .65$. Ueda et al. [41] hypothesized that the slower RAT solutions reflected a more divergent search for solution variants that could be related to the *insight approach*

to solve RAT problems. For the last one, no data for comparing eye blink rates in correct vs. incorrect trials or using correct answer as dependent dichotomous variable in regression analysis was provided because the authors analysed eye blink rates only for trials in which participants were not able to find correct answers for up to 60 seconds. Also, no significant correlation was found between the total number of solved RAT items by a certain participant and eye blink rates suggesting that solution rate is possibly too coarse a measure to be used in studies of the RAT problem solving.

In the study of Salvi et al. [52], participants were asked to divide compound RAT solutions into those produced via analysis or via insight. During the preparation stage, before problems eventually solved by insight, participants demonstrated higher blink rate as well as longer duration of blinks but also fewer fixations as compared to problems eventually solved by analysis. Another finding was that immediately prior to solutions, participants had longer blinks and averted their gaze from the problem more frequently during solving RAT by insight compared to analytical way.

In an EEG study of the compound RAT performance, Jung-Beeman et al. [46] found increased alpha-frequency activity over the right occipital-parietal cortex 1500 ms prior to insight solutions compared to analytic solutions. This activity is assumed to indicate active suppression of input [65] and implicit effort to reduce bottom-up visual processing for performing more abstract, internal processing [66]. The activation of alpha-band is also linked to the eye movements and blinking restriction [49, 67].

To sum up, it can be argued that eye blinks and fixations are associated with different process of solving RAT problems. When participants are not engaged in analytical but likely in divergent thinking, the number of eye blinks (per s./min) tends to increase but the number of fixations on RAT stimuli tends to decrease (probably, with more and long fixations on empty space). This cognitive process appears most likely due to defocusing from the RAT problem, indicating internally focused attention on finding compound words as mediated links between RAT cues and final responses. When participants are engaged in this process, they are assumed to solve a currently processed RAT problem with sudden insight most likely. These psychophysiological patterns relating to disengagement from the visual environment may be linked to the imagination and creativity by diminishing visual processing of stimuli and thus reducing strong (explicit) associations, and switching to internal attention for searching of weaker (implicit) associations between RAT stimuli [39].

In our pilot eye-tracking study, both eye blink rates and fixation rates were used as predictors and the correct response for each RAT trial was used as the dependent variable in the logistic regression analysis.

Interhemispheric interaction is one of the neural mechanisms assumed to be involved in creative thinking. Some theories of creative thought imply that the successful interhemispheric coordination is a critical component to the creative process [68] and that contributions from each hemisphere are distinct, but necessary to complete most creative tasks. One eye tracking technique for testing

interhemispheric coordination is *bilateral eye movements* that induce cognitive enhancements for episodic memory, attention, and divergent thinking. Fleck and Braun [40] revealed that bilateral and right-centre eye movements exhibited enhanced performance on the solution/non-solution judgement to a target word in 7 seconds after compound RAT performance. The bilateral condition demonstrated the best performance for solution targets and the right-centre condition presenting the best performance for non-solution targets. There was medium effect size of main effects for visual field ($F(1, 115) = 8.086$, mean standard error [MSE] = 0.011, $p = .005$, $\eta^2 = .066$). Although this intervention is not used in our empirical study, the potential influence of interhemispheric asymmetry is worth studying in future.

The sequence of RAT stimuli in word triads may influence the performance of test as well. Huang, Liu, and Chen [69] found that the first two words of the same category in each triad (e.g., "doctor, nurse" that represent the hyperseme "medical staff" or contextual category "hospital") are *fixation words*. These words lead participants to an impasse. The third word (e.g., ("tour guide")) is a *keyword* as it differs conceptually from the first two words. If the keyword is put in the middle of the two fixation words ("doctor, tour guide, nurse"), participants will be more likely to come up with the association between "doctor" and "tour guide" and solve the problem successfully. Although this effect seems controversial, it led us to the prediction that RAT cues in the eye-tracking experiment should be presented in different sequence to avoid the visual-spatial influences (i.e., some cue always goes first, then the second and third ones, and this word order may evoke an ordinary reading-rereading processes but not problem solving). From the neurocognitive point of view, this seems reasonable because if a participant looks at a location that was previously occupied by a visual cue, one can recall both visual (*where to look*) and conceptual information (*why to look*): participant can fixate the first word not because of its semantics or frequency of occurrence effect but due to reading strategy. Thus, in our study we use both visual-spatial remoteness of RAT cues and different sequences of RAT cues to reduce the reading strategy effect.

Thus, the RAT problem solving consists of different cognitive processes that may involve the integration of convergent, divergent and analytical thinking, insight problem solving (including preparation, incubation, illumination and verification stages), shifting from external to visual internal attention and vice versa, word recognition, lexical access, morphological processing and recollection of necessary concepts. The current study may reveal implicit oculomotor indices of the creative process typically involved in solving the RAT.

An eye-tracking study of the Russian language compound RAT

Method. This study is implemented in an experimental paradigm for solving RAT problems using an eye-tracking device.

Participants. The sample of 20 Russian speaking participants (all females) between 18 to 49 years of age ($M = 24.35$, $SD = 8.79$) was recruited among university students and lecturers to complete 20-item compound RAT problems in a pilot eye-tracking experiment. 17 participants from 20 were assigned as linguists.

Stimuli. Relying on the methodological approach of Bowden and Jung-Bee-man [3] and the language specific principles, in this research the Russian language compound RAT is proposed. In Russian (as in English) a compound word is formed with two or more stems but there are certain criteria to distinguish compound words from collocations.

1. One of the main criteria is the compound word's morphological non-separability (*цельнооформленность*), which means the morphological characteristics of the word belong to one of the components (as a rule, the second): *светобоязнь* (Nominative), *светобоязни* (Genitive), *светобоязни* (Dative), *светобоязнью* (Instrumental) etc. In compound Russian words, a connecting vowel is often used after the stem of the first component (see the previous example) but no such vowel can be used as well (*фотопечать, фотолюбитель*).

2. The next criterion is that Russian compound words cannot be written or printed as open compounds in English (*ice cream, ice water or water ice*): only closed (e.g., *железнодорожник* – *railroader*) or hyphenated (e.g., *премьер-министр* – *prime minister*) compounds can be used in Russian.

Thus, these two main grammatical criteria distinguish a compound word from collocations in Russian, and they were implemented in developing the compound RAT.

To create compound words as potential solutions of RAT, the derivational model "Compound words derived from predicative phrases (control term is the verb)" (S+V) was used. When such combinations are transformed into a compound word, the substantive component, as a rule, takes the first position and represents different actants of the verb:

сердцебиение (сердце бьётся и биение сердца)
heartbeat (the heart beats and the beat of a heart)

A classical compound RAT consists of word triads (three cues), three (or more) potential solutions (compound words) and one correct response.

According to the S+V model, the sample of the RAT item is the following:

Verb 1, Verb 2, Verb 3
 Solution 1 (Noun+Verb1), Solution 2 (Noun+Verb2), Solution 3 (Noun+Verb3)
 Response (Noun)

An example of the Russian compound RAT item solution:

The triad of stimuli: *отражать (reflect) бояться (fear) рассеивать (scatter)*

The solutions: *светоотражение (light reflection),*
*светобоязнь (fear of light), светорассеяние (light scattering)*¹

The response: *свет (light)*

At the first step, 25 items were constructed by Repeyko et al. [26] using this model.

¹ Note that in English translation a compound word may not be formed for some of the cue-words (like *fear of light* that is definitely a collocation but not a compound word).

For the current study, only 23 items were selected as the most appropriate. Then 3 of them were selected as training triads and 20 items as the test triads (Appendix 1).

The use of the words as stimuli or associated lexical representations needs taking into account the frequency of occurrence of the word because it is proved as one of the strongest predictors of word processing efficiency in a great number of studies. High-frequency words are known to a greater number of speakers and are processed (recognized, recalled, read etc.) faster than low-frequency words.

At the second step, all potential solutions we queried via the General Internet Corpus of Russian (<http://www.webcorpora.ru/en/>) by exploring word frequencies (instances per million) in a large corpus (19.801 billion words) as one of the most robust linguistic measures of word familiarity and word usage (less frequent words are typically used less often than more frequent ones).

To solve the RAT problem, participants should construct three compound words as potential solutions ("светотражение" (0.005 ipm), "светобязнь" (0.069 ipm) and "светорасеяние" (0.001 ipm¹) which have different word frequencies as well. Finally, participants come up with the solution ("свет"). The lower frequency of potential solutions may inhibit the compound RAT problem solving process until the necessary representation is retrieved from the participant's semantic memory.

In this study, the Zipf-scale (a standardized measure of word frequency) is used for estimating solution word frequency of solutions:

$$\text{Zipf-value} = \log_{10}(\text{fpmw}) + 3 \text{ or } \log_{10}(\text{fpmw} * 1000)$$

This measure is typically used as a standardized measure of word frequency that is independent of the corpus size. Zipf-values allow comparing the results across different samples and languages. All measures (ipm and Zipf-values) are presented in Appendix 2.

Procedure

1. Firstly, the participants were asked to sign an informed consent, provide their demographic characteristics.

2. Secondly, participants were asked to perform the compound RAT, while their eye-movements were recorded with *SMI RED-500* eye-tracker (with the maximum sampling rate of 500 Hz, or 500 times per second) without head support. Only monocular eye movements were recorded. The system was set to record the eye movements of the right eye. The participants took part in the experiment individually. Before the procedure, the participants were asked to sit about 70 centimetres away from a 22-inch screen (with the resolution of 1680×1050 pixels) on which RAT items were displayed. Then a 4-point calibration test was

¹ *fpmw* (or *ipm*) – frequencies per million words. In this study *ipm* (instances per million) is retrieved for each solution-word from the General Internet-Corpus of Russian (<http://www.webcorpora.ru/en/>)

conducted. The participants were asked to fix their gaze at the red spots that appear at different positions on the grey screen to calculate the values of the point of regard (eye position). After the calibration, the validation test was performed using the same procedure to check the consistency with the previous calibration test (the deviation of fixations positions on y and x axis $\leq 1^\circ$ of visual angle was accepted).

The study design is presented in Figure 2:

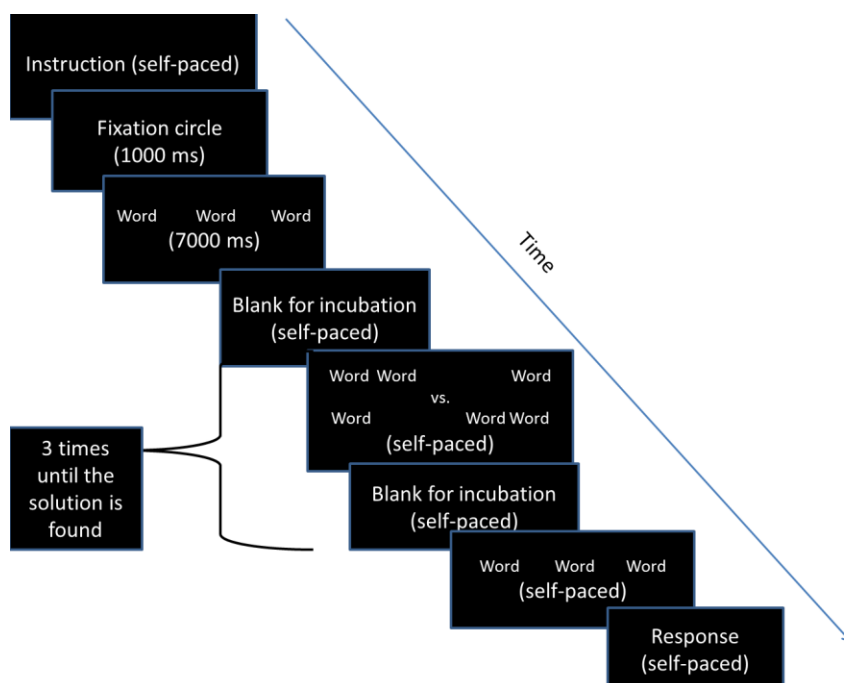

Fig. 2. The eye-tracking study design (after calibration and validation)

After confirming that the eye-tracker could accurately record the participants' eye movements, the instruction and practical phase were started. The objective of the practical phase was to familiarize a participant with the compound RAT problems. After reading the instruction, the participants were allowed to take up to five trials: the 1st one was presented for 7 sec., the next three trials were self-paced, and the last trial was allowed for the verification of RAT problem solving. No time limit will be given for responses. Confirming that the participants had no problem with the procedure, the main RAT was started.

In the main RAT, the words in each triad were presented in different combinations to avoid the effect of sequence of RAT items: bilateral horizontal presentation of pairs of words in the left or right visual field vs. distributed equal presentation. There are at least 20 characters between words presented separately and 5 characters between words presented together. The distance between words is

measured according to Rayner's [70] measures for parafoveal perceptual span in reading (when a participant can read the following or previous words while not fixating these words on one's fovea).

In this study, the participants were not presented solution words or any other cues. The design was in line with the four stages of creative acts [38], including: (1) preparation (when the participant familiarizes oneself with the triad for 7000 ms); (2) incubation (when the problem is analyzed unconsciously during blank exposure); (3) illumination (when the participant's ideas come together to give a possible solution and this process can emerge at any subsequent trials); (4) verification (when the participant checks one's assumption and comes up with the final solution).

In our study, every trial was coded as 0 (incubation stage) and 1 (non-incubation stage when visual stimuli are presented on the screen). For the non-incubation stage, the words were presented on the black screen and typed with white colour script (Arial 26 pt centered). During the incubation stage, only black screen was demonstrated.

Thus, 20 RAT items were presented on the screen on by one in fixed order. The participants were asked to press the spacebar at any time to change the stimulus. They were allowed to verbalize their response at any time, once they came up with the answer. If a participant was able to answer before the last trial ended, then they might skip all the rest trials for this solved RAT item. The experimenter fixated the trial on which the participant gave the answer and then consequent trials were not included in the analysis. Also, the experimenter was not judging the correctness of the participants' responses. If a participant had no answer, they would proceed to the next problem. In this study, the participants had no chance to return to the previous RAT item and to try to solve it again. The maximum allowable time for solving RAT problems was not fixed (except the 1st trial presented at 7 sec.). The whole RAT test took around 50 minutes. No money was paid for the participation.

After the experimental session, the recorded data were pre-processed with SMI software (Experiment Center and BeGaze) including a large set of eye movement parameters: fixation count, fixation frequency (count/s.), fixation duration (total, ms), blink count, blink frequency (count/s.), blink duration total (ms) etc. According to the literature review, fixation frequency and blink frequency were analyzed as predictors of individual performance of the RAT along with one linguistic predictor (the average Zipf-value of the compound solutions of the item) that were discussed in the previous sections.

Hypotheses

1. Average Zipf-value of the compound solutions of the item (average solution frequency) will be positively correlated with the RAT item performance.

2. Number of eye blinks will increase when the participant is engaged in divergent thinking to solve RAT problem successfully. Positive correlation of eye blink frequency with the individual performance of the compound RAT will be

plausible because several researchers assume divergent process along with convergent thinking are involved in RAT problem solving. The hypothesis is compatible with Ueda et al.'s [41] suggestion that spontaneous eye blinks are actively involved in attentional disengagement from the external world allowing more divergent thinking to occur when participants search for the links between remote associates.

3. Individual RAT performance will be positively correlated with fixation count per second because RAT as convergence thinking test requires attention and focus on the task and if so the fixation frequency is one of the plausible predictors of RAT.

Results

After automatic data pre-processing with BeGaze software, 3960 observations were obtained for further analysis. One observation was deleted due to technical problem. Each of the rest 3959 observations represented recorded data on trial per participant and thus we had obtained a large dataset with individual eye movement parameters during RAT problem solving.

Next, data processing was implemented in R-studio. After reading a data frame, the trials, which were skipped by the participants due to the fact they had already solved a particular RAT item during the previous trial, were coded as 2 (or irrelevant trials) and then deleted from the analysis (2310 observations were taken for further analysis as relevant trials):

```
df <- read.csv2("data.csv", dec = ".")
library("lme4")
library("lmerTest")
df <- df[df$Correct_resp < 2,]
```

Next, the generalized linear mixed model fit by maximum likelihood (Laplace Approximation) [`glmerMod`] was computed for the dependent dichotomous variable "Correct_resp", where correct response (1) and incorrect response (0) refer to individual response for every relevant trial (the trial on which the response was given and all trials before the response for each RAT item). The model referred to the logistic regression (for predicting dichotomous dependent variable – see Figure 3 for an evaluation of the model's assumptions) through fixed and random effects. We used correct response variable as dependent one. The fixed effects included: average solution frequency (that represents average Zipf-value of three compound solutions), Blink Frequency count/s (the number of blinks per second for each analyzed trial), Fixation Frequency count/s (the number of fixations per second for each analyzed trial), and a factor of trial (0 – incubation, 1 – non-incubation trial). Participant ID was used as a random effect in the model.

The formula of the model was the following:

```
Correct_resp ~ Aver_Solution_Freq + Blink.Frequency..count.s. +
+Fixation.Frequency..count.s. + as.factor(Type_0_incub) + (1 | Participant_ID)
```

The script for R was the following:

```
model <- glmer(Correct_resp ~
```

```
Aver_Solution_Freq +
Blink.Frequency..count.s. +
+ Fixation.Frequency..count.s.+
as.factor(Type_0_incub)+
(1|Participant_ID), data = df, family = binomial(link = "logit"))
```

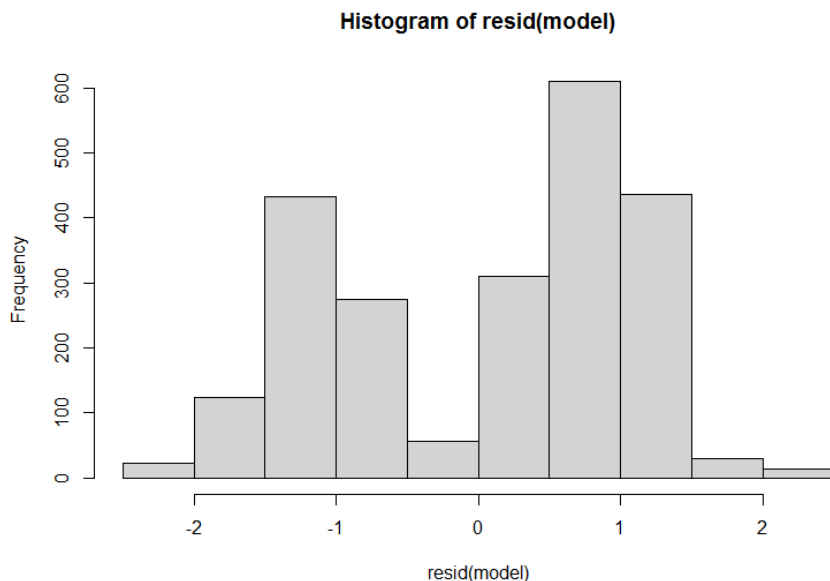

Fig. 3. The generalized linear mixed model of standardized residuals distribution (for logistic regression dichotomous variable was converted to the probability distribution). The histogram of residuals represents normal distribution of residuals for both incorrect and correct responses

We found that two fixed effects (average solution frequency and blink frequency count/s) were significant predictors of the probability of correct/incorrect individual response to the RAT items (see Table 1).

Table 1

The estimation of fixed effects in generalized linear mixed model for correct response (binary dependent variable)¹

Fixed effects:	Estimate	Std. Error	z value	Pr(> z)
(Intercept)	-0.37	0.40	-0.93	0.35362
Aver_Solution_Freq	0.47	0.11	4.38	0.00001
Blink.Frequency..count.s.	0.32	0.09	3.76	0.00017
Fixation.Frequency..count.s.	-0.02	0.04	-0.56	0.57447
as.factor(Type_0_incub)1	-0.05	0.10	-0.46	0.64290

¹ Significant fixed effects are bolded.

Next, we estimated the random effect of participant and found that intercept of each participant can be interpreted as participant's ability to solve RAT problems.

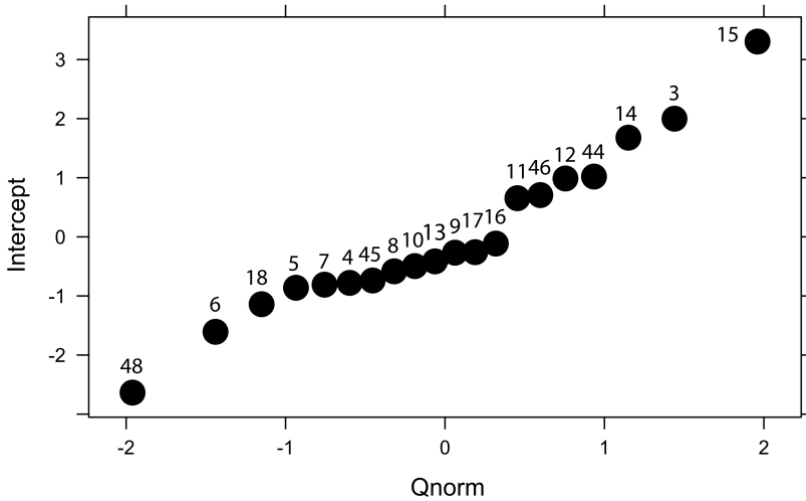

Fig. 4. The random effect of participants (*Intercept*) on the probability plot (*Qnorm* on the horizontal axis correspond to the quantiles of standard normal distribution)

Thus, Figure 4 demonstrates how successful a particular participant was in solving RAT problems. For example, on the *Qnorm* axis, the score around -2 means that participant had 2 SD lower RAT performance across all items on average than participant with mean RAT performance (0). On the *Intercept* axis, the score around -2.5 means that participant had 2.5 SD more chance to solve RAT problems incorrectly across all items on average than those participants who have 0 intercept score (which means an equal probability to solve RAT problems correctly and incorrectly).

Table 2

**Frequency of predicted and observed RAT individual responses
(correct model predictions are bolded)**

Fitted / Observed RAT responses	incorrect	correct
incorrect	511	261
correct	398	1140

The model predicted 1651 individual responses (both as correct and incorrect to the RAT key – see Table 2) out of 2310 relevant trials (71.47% of trials were predicted correctly). To sum up, this pretty high percentage of predicting correct and incorrect responses on RAT items led us to the conclusion that using predictors from different domains (registered psychophysiological, linguistic fixed effects and individual random effects) may shed light on the underlined individual strategies of compound RAT problem solving.

Discussion

The original RAT proposed by Mednick in 1962 and different types of currently developing RATs have certain advantages compared to other techniques for measuring creativity. Linguistic versions of RAT can be implemented in a short period of time, in online or offline format. In the nearest future, it will be easier to develop such tests for languages with large corpora and lexical databases because a lot of computational techniques are currently developed. Some studies proposed computational models of human-like RAT performance, and that could help in further RAT development [71, 72].

For compound RATs, one of the prospective directions in test construction for different languages is using more consistent protocols for defining grammatical and semantic features of stimuli and compound words as mediating links with the responses. There is an inconsistency in defining the compound word in different languages, and thus some RAT compound solutions may occasionally include both compound words and collocations which represent different language units. As objective measures of stimuli remoteness, word frequency can be used for compound words (including Zipf-value), and word co-occurrence can be used for collocations and phrases.

There is one more general question regarding the processes involved in RAT problem solving. Specifically, whether the Russian compound RAT requires more convergent thinking processes (or only this process) more likely than divergent thinking. We tried to answer this question and found that one of the plausible psychophysiological measures of divergent thinking process is eye blinks rate. Blinking frequency (count/s) was one of the strongest predictors: if this measure increases by 1 SD, taking into account the individual characteristics of the solution, the probability of correct response on the RAT item will be .32, $p=0.00017$.

According to Mednick's original idea, the RAT requires the participant to "form associative elements into new combinations by providing mediating connective links" [1]. On the one hand, this idea may be interpreted in the end analytical thinking process (step-by-step problem solving). On the other hand, during solving RAT problems people misdirect (or fail to direct) retrieval processes and thus reach an impasse. On solving RAT problems, people often have the "Aha!" experience [3] but they often cannot describe the processing that has led them to the solution. The compound RAT problem solving seems to involve both analytical thinking (when solvers form compound words in their mind) and insight experience (when solvers reach an impasse and can't find any analytical path for solving the RAT problem, or maybe someone tends to use only insight experience without any analytical thinking).

Another limitation of the original RAT revealed by Worthen and Clark [24] is that the "RAT measured sensitivity to language rather than creative potential". Hence, the researchers should take into account language development processes (e.g., new associates could emerge in everyday language environment and the old ones fade away). Logically, the more interactive language environment a native speaker has, the more new associates could emerge in one's mental lexicon. This

leads to the use of objective measures, e.g., word frequency for the triad of compound solutions as the mediating link between stimulus and final response. More and less creative people who share a common environment and who make many common experiences hence establish common associative hierarchies. It means that objective measures of word frequency reflect individual's familiarity with the words used in solving RAT problems. In our eye-tracking study, average solution frequency (average Zipf-value of all compound words in the triad) was one of the strongest predictors: if this measure increases by 1 SD, taking into account the individual characteristics of the solution, the probability of correct response on the RAT item will be .47, $p = 0.00001$.

Limitations:

1. The sample in the eye-tracking study is biased towards females and linguists.

2. In designing RAT triads we did not take into account stimuli word frequency. The lower word frequency of any of stimulus-words can evoke attentional bias to this word. For example, in solving the problem of the Russian triad "отражать, бояться, рассеивать", all three words represent different word frequency (1.411 ipm, 41.153 ipm, 0.124 ipm, respectively) with the most frequent one ("бояться"). Two other words are less frequent and typically evoke attentional bias in reading. Most likely, participants will firstly compare these two less frequent words ("отражать", "рассеивать"), come up with the potential solution, and then assess the similarity of the third one. Less frequent words in the triad may evoke less lexical representations and consequently fewer candidates for forming a compound solution. This may lead to the priming effect or attentional bias to these less frequent words and their potential derivatives.

3. One possible extraneous variable can be potential boredom or lack of task motivation in participants. This can be controlled by the description of the potential uses of the experimental findings during special games or any other interactive activity with the participants.

The further validation studies of the Russian compound RAT may include the comparison of the divergent thinking test performance and RAT performance as well as the study of relationship between metalinguistic awareness and RAT performance.

The use of the objective neurocognitive measures during RAT performance may help researchers to understand the underlying mechanisms of RAT problem solving, e.g., whether it requires more convergent or divergent thinking via the analysis of blinking rate and how we can predict the RAT performance from other eye-movement parameters.

Appendix 1

Russian language compound Remote Associates Test (Rus-Com-RAT)

Тест отдаленных ассоциаций «Сложные слова»

(авторы: В.А. Репейкова, М.С. Власов)

Придумайте Ваш ID. Запомните и используйте его для дальнейших тестов и опросов.

Ваш пол (муж., жен.) _____

Возраст _____

Укажите вашу сферу деятельности (например, учитель русского языка, менеджер). Если вы являетесь студентом, пожалуйста, укажите вашу специальность _____

Вам будет предложено решить 20 заданий. Каждое задание состоит из трех глаголов. Например: *отражать – бояться – рассеивать*. Ваша задача - подобрать такое существительное-ответ, которое бы образовало сложное слово* с КАЖДЫМ из представленных глаголов. Например, к глаголам *отражать, бояться, рассеивать* существительным-ответом является слово СВЕТ, потому что с каждым глаголом можно образовать сложное слово: СВЕТООТРАЖЕНИЕ, СВЕТОБОЯЗНЬ, СВЕТОРАССЕЯНИЕ. Для слов ПЕЧАТАТЬ – ВЫСТАВЛЯТЬ – ИЗОБРАЖАТЬ ответом будет слово ФОТО (ФОТОПЕЧАТЬ, ФОТОВЫСТАВКА, ФОТОИЗОБРАЖЕНИЕ). Для слов ЧИСТИТЬ – РАЗВОДИТЬ – ЛОВИТЬ ответом будет слово РЫБА (РЫБОЧИСТКА, РЫБОВОДСТВО, РЫБОЛОВ). Как видите, в процессе образования сложного слова может меняться часть речи, появляться суффиксы и т.д. Для ответа на каждое задание, необходимо дать существительное-ответ в именительном падеже («Кто?», «Что?»), единственном числе, как только Вы поймете, что это за слово. Справочно: сложное слово – это слово, имеющее в своём составе два (и более) корня. Например, слово «снегоход» – это сложное слово, так как состоит из образующих «снег» и «ход», а также соединительной гласной «о». Сложное слово может получиться как путем собственного сложения (при помощи гласных «о» или «е», например, снегоход), так и несобственного сложения (без соединительной гласной, например, Царьград). Важно: в данном тесте не будет составных сложных слов, которые пишутся через дефис (например, плащ-палатка). На выполнение всех заданий у вас будет неограниченное количество времени. Если вы не знаете ответ на какое-либо из заданий, то переходите к решению следующего.

Russian language Compound Remote Associates Test (Rus-Com-RAT) keys

Stimuli	Solution	Compound 1	Compound 2	Compound 3
1. падать лазить проводить	вода	водопад	водолаз	водопровод
2. генерировать возить увлажнять	пар	парогенератор	паровоз	пароувлажнитель
3. хранить любить издавать	книга	книгохранилище	книголюб	книгоиздание
4. рубить возить пилить	лес	лесоруб	лесовоз	лесопилка
5. метать тушить стоять	огонь	огнемет	огнетушитель	огнестойкость

Stimuli	Solution	Compound 1	Compound 2	Compound 3
6. летать падать считать	звезда	звездолет	звездопад	звездочет
7. печь стоять лечить	солнце	солнцепек	солнцестояние	солнцелечение
8. складывать сочетать употреблять	слово	словосложение	словосочетание	словоупотребление
9. записывать регистрировать наблюдать	видео	видеозапись	видеореги- стратор	видеонаблюдение
10. резать ломать кружить	голова	головорез	головоломка	головокружение
11. режиссировать изолировать усиливать	звук	звукорежиссер	звукоизоляция	звукоусилитель
12. писать пожимать мыть	рука	рукопись	рукопожатие	рукомойник
13. сидеть строить управлять	дом	домосед	домострой	домоуправление
14. трясти рыть делать	земля	землетрясение	землеройка	земледелие
15. хранить греть двигать	тело	телохранитель	телогрейка	телодвижения
16. пить варить молотить	кофе	кофепитие	кофеварка	кофемолка
17. падать тесать дробить	камень	камнепад	каменотес	камнедробилка
18. хулить являться служить	бог	богохульство	богоявление	богослужение
19. колоть резать ходить	лед	ледокол	ледорез	ледоход
20. течь харкать изливать	кровь	кровотечение	кровохарканье	кровоизлияние

Appendix 2

Zipf-values and average solution frequencies (average Zipf-values) for the Russian language RAT solutions

1. Ipm values for compound words were retrieved from the General Internet-Corpus of Russian: <http://www.webcorpora.ru/en/>

2. Zipf-values (calculation): <http://crr.ugent.be/archives/1352>

Zipf-values are easy to calculate from fpmw (ipm) values. Simply take $\log_{10}(\text{fpmw})+3$ or $\log_{10}(\text{fpmw}*1000)$: Zipf, G. (1949), Human Behaviour and the Principle of Least Effort. Reading MA: Addison-Wesley

Stimuli	Average Solution Frequency (Average Zipf-value)	Compound 1 Zipf-value	Compound 2 Zipf-value	Compound 3 Zipf-value
1. падать лазить проводить	2.848	3.389	2.276	2.880
2. генерировать возить увлажнять	1.748	1.863	3.382	0
3. хранить любить издавать	1.764	1.851	1.851	1.591
4. рубить возить пилить	1.886	2.033	1.820	1.806
5. метать тушить стоять	2.278	2.305	2.751	1.778
6. летать падать считать	2.224	2.068	2.799	1.806
7. печь стоять лечить	1.407	1.724	2.496	0
8. складывать сочетать употреблять	1.902	0.699	3.476	1.531
9. записывать регистрировать наблюдать	2.989	3.299	2.838	2.829
10. резать ломать кружить	1.793	2.676	2.859	2.990
11. режиссировать изолировать усиливать	2.842	2.612	2.164	0.602
12. писать пожимать мыть	2.664	3.219	2.573	2.199
13. сидеть строить управлять	2.066	2.155	2.238	1.806
14. трясти рыть делать	2.494	3.673	1.362	2.447
15. хранить греть двигать	2.357	2.747	1.653	2.671
16. пить варить молотъ	2.037	1.462	2.427	2.223
17. падать тесать дробить	1.419	2.107	1.672	0.477
18. хулить являться служить	2.587	2.484	2.161	3.115
19. колоть резать ходить	1.946	2.980	0.477	2.382
20. течь харкать изливать	2.309	3.028	1.380	2.591

References

1. Mednick, S. (1962) The associative basis of the creative process. *Psychological Review*. 69 (3). pp. 220–232. doi: 10.1037/h0048850
2. Mednick, S.A. (1968) The Remote Associates Test. *The Journal of Creative Behavior*. 2 (3). pp. 213–214. doi: 10.1002/j.2162-6057.1968.tb00104.x
3. Bowden, E.M. & Jung-Beeman, M. (2003) Normative data for 144 compound remote associate problems. *Behavior Research Methods, Instruments, and Computers*. 35 (4). pp. 634–639. doi: 10.3758/BF03195543
4. Oltețeanu, A.-M., Schultheis, H. & Dyer, J.B. (2017) Computationally constructing a repository of compound Remote Associates Test items in American English with comRAT-G. *Behavior Research Methods*. 50. pp. 1971–1980. doi: 10.3758/s13428-017-0965-8
5. Oltețeanu, A., Schöttner, M. & Schubert, S. (2019) Computationally resurrecting the functional Remote Associates Test using cognitive word associates and principles from a computational solver. *Knowledge-Based Systems*. 168. pp. 1–9.
6. Voronin, A.N. & Galkina, T.V. (1994) Diagnostika verbal'noi kreativnosti (adaptatsiya testa Mednicka) [Diagnosis of Verbal Creativity (Adaptation of Mednick's RAT)]. In: Voronin, A.N. (ed.) *Metody psikhologicheskoi diagnostiki* [Methods of Psychological Diagnosis]. Issue 2. Moscow: RAS Institute of Psychology. pp. 40–81.
7. Valueva, E.A. & Belova, S.S. (2011) Diagnostics of creative abilities: methods, problems, perspectives. In: Ushakov, D.B. (ed.) *Creativity: from biological premises to cultural phenomena*. Moscow: RAS Institute of Psychology. pp. 625–647.
8. Toivainen, T., Oltețeanu, A.-M., Repeyko, V., Likhonov, M. & Kovas, Y. (2019) Visual and Linguistic Stimuli in the Remote Associates Test: A Cross-Cultural Investigation. *Frontiers in Psychology*. 10. 926. doi: 10.3389/fpsyg.2019.00926
9. Landmann, N., Kuhn, M., Piosczyk, H., Feige, B., Riemann, D. & Nissen, C. (2014) Entwicklung von 130 deutschsprachigen Compound Remote Associate (CRA)-Wortraetseln zur Untersuchung kreativer Prozesse im deutschen Sprachraum. *Psychologische Rundschau*. 65. pp. 200–211. doi: 10.1026/0033-3042/a000223
10. Sobków, A., Połec, A. & Nosal, C. (2016) Rat-pl- construction and validation of polish version of remote associates test. *Studia Psychologiczne*. 54. pp. 1–13. doi: 10.2478/V1067-010-0152-2
11. Salvi, C., Costantini, G., Bricolo, E., Perugini, M. & Beeman, M. (2016) Validation of Italian rebus puzzles and compound remote associate problems. *Behavior Research Methods*. 48. pp. 664–685. doi: 10.3758/s13428-015-0597-9
12. Shen, W., Yuan, Y., Liu, C., Yi, B. & Dou, K. (2016) The development and validity of a Chinese version of the compound remote associates test. *American Journal of Psychology*. 129. pp. 245–258. doi: 10.5406/amerjpsyc.129.3.0245
13. Wu, C.L. & Chen, H.C. (2017) Normative data for Chinese compound remote associate problems. *Behavior Research Methods*. 49. pp. 2163–2172. doi: 10.3758/s13428-016-0849-3
14. Oltețeanu, A.-M., Taranu, M. & Ionescu, T. (2019) Normative data for 111 compound Remote Associates Test problems in Romanian. *Frontiers in Psychology*. 10. 1859. doi: 10.3389/fpsyg.2019.01859
15. Marko, M., Michalko, D. & Riecan, I. (2019) Remote associates test: An empirical proof of concept. *Behavior Research Methods*. 51. pp. 2700–2711. doi: 10.3758/s13428-018-1131-7
16. Peláez-Alfonso, J.L., Pelegrina, S. & Lechuga, M.T. (2020) Normative data for 102 Spanish remote associate problems and age-related differences in performance. *Psicológica Journal*. 41 (1). pp. 39–65. doi: 10.2478/psicolj-2020-0003
17. Marupaka, N., Iyer, L.R. & Minai, A.A. (2012) Connectivity and thought: The influence of semantic network structure in a neurodynamical model of thinking. *Neural Networks*. 32. pp. 147–158. doi: 10.1016/j.neunet.2012.02.004

18. Kenett, Y.N., Anaki, D. & Faust, M. (2014) Investigating the structure of semantic networks in low and high creative persons. *Frontiers in Human Neuroscience*. 8. 407. doi: 10.3389/fnhum.2014.00407
19. Kenett, Y.N., Levy, O., Kenett, D.Y., Stanley, H.E., Faust, M. & Havlin, S. (2018) Flexibility of thought in high creative individuals represented by percolation analysis. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 115 (5). pp. 867–872. doi: 10.1073/pnas.1717362115
20. Kounios, J. & Beeman, M. (2014) The cognitive neuroscience of insight. *Annual Review of Psychology*. 65. pp. 71–93. doi: 10.1146/annurev-psych-010213-115154
21. Marko, M. & Riečanský, I. (2018) Sympathetic arousal, but not disturbed executive functioning, mediates the impairment of cognitive flexibility under stress. *Cognition*. 174. pp. 94–102. doi: 10.1016/j.cognition.2018.02.004
22. Wu, C., Zhong, S. & Chen, H. (2016) Discriminating the difference between remote and close association with relation to white-matter structural connectivity. *PLoS ONE*. 11. e0165053. doi: 10.1371/journal.pone.0165053
23. Wu, C.L., Huang, S.Y., Chen, P.Z. & Chen, H.C. (2020) A Systematic Review of Creativity-Related Studies Applying the Remote Associates Test from 2000 to 2019. *Frontiers in Psychology*. 11. 573432. doi: 10.3389/fpsyg.2020.573432
24. Worthen, B. & Clark, P. (1971) Toward an Improved Measure of Remote Associational Ability. *Journal of Educational Measurement*. 8 (2). pp. 113–123
25. Oltețeanu, A.-M. & Zunjani, F.H. (2020) A Visual Remote Associates Test and Its Validation. *Frontiers in Psychology*. 11. 26. doi: 10.3389/fpsyg.2020.00026
26. Repeykova, V., Likhanov, M., Toivainen, T., Kovas, Y. & Vlasov, M. (2022) *The Development of Russian Language Remote Associates Test*. Presented at the 7th MIC Conference 2022, University of Bologna, Italy, August 31, 2022.
27. Davelaar, E.J. (2015) Semantic search in the remote associates test. *Topics in Cognitive Science*. 7. pp. 494–512. doi: 10.1111/tops.12146
28. Beda, Z., Smith, S.M. & Orr, J. (2020) Creativity on demand – Hacking into creative problem solving. *NeuroImage*. 216. 116867. doi: 10.1016/j.neuroimage.2020.116867
29. Lee, C.S., Huggins, A.C. & Theriault, D.J. (2014) A measure of creativity or intelligence? Examining internal and external structure validity evidence of the Remote Associates Test. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 8 (4). pp. 446–460. doi: 10.1037/a0036773
30. Taft, R. & Rossiter, J. (1966) The Remote Associates Test: Divergent or convergent thinking? *Psychological Reports*. 19. pp. 1313–1314. doi: 10.2466/pr0.1966.19.3f.1313
31. Guilford, J.P. (1967) *The Nature of Human Intelligence*. New York: McGraw-Hill
32. Jauk, E., Benedek, M., Dunst, B. & Neubauer, A.C. (2013) The relationship between intelligence and creativity: new support for the threshold hypothesis by means of empirical breakpoint detection. *Intelligence*. 41. pp. 212–221. doi: 10.1016/j.intell.2013.03.003
33. Bialystok, E. & Ryan, E. (1985) Toward a Definition of Metalinguistic Skill. *Merrill-Palmer Quarterly*. 31 (3). pp. 229–251
34. McBride-Chang, C., Tardif, T., Cho, J., Shu, H., Fletcher, P., Stokes, S., Wang, A. & Leung, K. (2008) What's in a word? Morphological awareness and vocabulary knowledge in three languages. *Applied Psycholinguistics*. 29 (3). pp. 437–462. doi: 10.1017/S014271640808020X
35. Baer, J. (2016) Creativity doesn't develop in a vacuum. In: Barbot, B. (ed.) *Perspectives on Creativity Development: New Directions for Child and Adolescent Development*. 151. pp. 9–20
36. Smith, S.M. (2003) The Constraining Effects of Initial Ideas. In: Paulus, P.B. & Nijstad, B.A. (eds) *Group Creativity: Innovation through Collaboration*. New York: Oxford University Press. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195147308.003.0002
37. Linsey, J.S., Markman, A.B. & Wood, K.L. (2012) Design by analogy: a study of the WordTree method for problem Re-representation. *Journal of Mechanical Design*. 134 (4). pp. 1–12. doi: 10.1115/1.4006145

38. Wallas, G. (1926) *The Art of Thought*. New York: Harcourt, Brace and Company
39. Salvi, C. & Bowden, E.M. (2016) Looking for Creativity: Where Do We Look When We Look for New Ideas? *Frontiers in Psychology*. 7. 161. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00161
40. Fleck, J.I. & Braun, D.A. (2015) The impact of eye movements on a verbal creativity task. *Journal of Cognitive Psychology*. 27. pp. 866–881. doi: 10.1080/20445911.2015.1036057
41. Ueda, Y., Tominaga, A., Kajimura, S. & Nomura, M. (2016) Spontaneous eye blinks during creative task correlate with divergent processing. *Psychological Research*. 80 (4). pp. 652–659. doi: 10.1007/s00426-015-0665-x
42. Huang, P.-S. (2017) An exploratory study on remote associates problem solving: Evidence of eye movement indicators. *Thinking Skills and Creativity*. 24. pp. 63–72. doi: 10.1016/j.tsc.2017.02.004
43. Glenberg, A.M., Schroeder, J.L. & Robertson, D.A. (1998) Averting the gaze disengages the environment and facilitates remembering. *Memory & Cognition*. 26 (4). pp. 651–658. doi: 10.3758/BF03211385
44. Connor, C.E., Egeth, H.E. & Yantis, S. (2004) Visual attention: Bottom-up versus top-down. *Current Biology*. 14 (19). R850–R852. doi: 10.1016/j.cub.2004.09.041
45. Chun, M.M., Golomb, J.D. & Turk-Browne, N.B. (2011) A taxonomy of external and internal attention. *Annual Review of Psychology*. 62. pp. 73–101. doi: 10.1146/annurev.psych.093008.100427
46. Jung-Beeman, M., Bowden, E.M., Haberman, J., Frymiare, J.L., Arambel-Liu, S., Greenblatt, R., Reber, P.J. & Kounios, J. (2004) Neural activity when people solve verbal problems with insight. *PLoS Biology*. 2 (4). e97. doi: 10.1371/journal.pbio.0020097
47. Kounios, J., Frymiare, J.L., Bowden, E.M., Fleck, J.I., Subramaniam, K., Parrish, T.B. & Jung-Beeman, M. (2006) The prepared mind: neural activity prior to problem presentation predicts subsequent solution by sudden insight. *Psychological Science*. 17 (10). pp. 882–890. doi: 10.1111/j.1467-9280.2006.01798.x
48. Smallwood, J., McSpadden, M. & Schooler, J.W. (2007) The lights are on but no one's home: meta-awareness and the decoupling of attention when the mind wanders. *Psychonomic Bulletin & Review*. 14 (3). pp. 527–533. doi: 10.3758/BF03194102
49. Kounios, J. & Beeman, M. (2009) The Aha! Moment: The Cognitive Neuroscience of Insight. *Current Directions in Psychological Science*. 18 (4). pp. 210–216. doi: 10.1111/j.1467-8721.2009.01638.x
50. Schooler, J.W., Smallwood, J., Christoff, K., Handy, T.C., Reichle, E.D. & Sayette, M.A. (2011) Meta-awareness, perceptual decoupling and the wandering mind. *Trends in Cognitive Sciences*. 15 (7). pp. 319–326. doi: 10.1016/j.tics.2011.05.006
51. Smallwood, J., Brown, K.S., Tipper, C., Giesbrecht, B., Franklin, M.S., Mrazek, M.D., Carlson, J.M. & Schooler, J.W. (2011) Pupillometric evidence for the decoupling of attention from perceptual input during offline thought. *PLoS ONE*. 6 (3). e18298. doi: 10.1371/journal.pone.0018298
52. Salvi, C., Bricolo, E., Franconeri, S.L., Kounios, J. & Beeman, M. (2015) Sudden insight is associated with shutting out visual inputs. *Psychonomic Bulletin & Review*. 22 (6). pp. 1814–1819. doi: 10.3758/s13423-015-0845-0
53. Volkmann, F.C., Riggs, L.A. & Moore, R.K. (1980) Eyeblinks and visual suppression. *Science*. 207 (4433). pp. 900–902. doi: 10.1126/science.7355270
54. Volkmann, F.C. (1986) Human visual suppression. *Vision Research*. 26 (9). pp. 1401–1416. doi: 10.1016/0042-6989(86)90164-1
55. Stevenson, S.B., Volkmann, F.C., Kelly, J.P. & Riggs, L.A. (1986) Dependence of visual suppression on the amplitudes of saccades and blinks. *Vision Research*. 26 (11). pp. 1815–1824. doi: 10.1016/0042-6989(86)90133-1
56. Bristow, D., Haynes, J.D., Sylvester, R., Frith, C.D. & Rees, G. (2005) Blinking suppresses the neural response to unchanging retinal stimulation. *Current Biology*. 15 (14). pp. 1296–1300. doi: 10.1016/j.cub.2005.06.025

57. Wood, J.G. & Hassett, J. (1983) Eyeblinking during problem solving: the effect of problem difficulty and internally vs externally directed attention. *Psychophysiology*. 20 (1). pp. 18–20. doi: 10.1111/j.1469-8986.1983.tb00893.x
58. Salvi, C. (2013) *Look Outside the Box, to Think Outside the Box: Insight, Eye Movements and Solution Accuracy*. Milan: University of Milano-Bicocca.
59. Holland, M.K. & Tarlow, G. (1975) Blinking and thinking. *Perceptual and Motor Skills*. 41 (2). pp. 503–506.
60. Brookings, J.B., Wilson, G.F. & Swain, C.R. (1996) Psychophysiological responses to changes in workload during simulated air traffic control. *Biological Psychology*. 42 (3). pp. 361–377. doi: 10.1016/0301-0511(95)05167-8
61. Veltman, J.A. & Gaillard, A.W. (1998) Physiological workload reactions to increasing levels of task difficulty. *Ergonomics*. 41 (5). pp. 656–669. doi: 10.1080/001401398186829
62. Hankins, T.C. & Wilson, G.F. (1998) A comparison of heart rate, eye activity, EEG and subjective measures of pilot mental workload during flight. *Aviation, Space, and Environmental Medicine*. 69 (4). pp. 360–367.
63. Recarte, M.A., Pérez, E., Conchillo, A. & Nunes, L.M. (2008) Mental workload and visual impairment: differences between pupil, blink, and subjective rating. *The Spanish Journal of Psychology*. 11 (2). pp. 374–385.
64. Smilek, D., Carriere, J.S. & Cheyne, J.A. (2010) Out of mind, out of sight: eye blinking as indicator and embodiment of mind wandering. *Psychological Science*. 21 (6). pp. 786–789. doi: 10.1177/0956797610368063
65. Ben-Simon, E., Podlipsky, I., Okon-Singer, H., Gruberger, M., Cvetkovic, D., Intrator, N. & Hendler, T. (2013) The dark side of the alpha rhythm: fMRI evidence for induced alpha modulation during complete darkness. *European Journal of Neuroscience*. 37 (5). pp. 795–803. doi: 10.1111/ejn.12083
66. Benedek, M., Schickel, R.J., Jauk, E., Fink, A. & Neubauer, A.C. (2014) Alpha power increases in right parietal cortex reflects focused internal attention. *Neuropsychologia*. 56. pp. 393–400. doi: 10.1016/j.neuropsychologia.2014.02.010
67. Payne, L. & Kounios, J. (2009) Coherent oscillatory networks supporting short-term memory retention. *Brain Research*. 1247. pp. 126–132. doi: 10.1016/j.brainres.2008.09.095
68. Whitman, R.D., Holcomb, E. & Zanes, J. (2010) Hemispheric collaboration in creative subjects: Cross-hemisphere priming in a lexical decision task. *Creativity Research Journal*. 22. pp. 109–118. doi: 10.1080/10400419.2010.481480
69. Huang, P.-S., Liu, C.-H. & Chen, H.-C. (2019) Examining the applicability of representational change theory for remote associates problem-solving with eye movement evidence. *Thinking Skills and Creativity*. 31. pp. 198–208. doi: 10.1016/j.tsc.2018.12.001
70. Rayner, K. (1998) Eye movements in reading and information processing: 20 years of research. *Psychological Bulletin*. 124 (3). pp. 372–422. doi: 10.1037/0033-2909.124.3.372
71. Kajic, I. & Wennekers, T. (2015) Neural network model of semantic processing in the remote associates test. In: *Proceedings of the 2015 International Conference on Cognitive Computation: Integrating Neural and Symbolic Approaches (COCO'15)*. Vol. 1583. pp. 137–145
72. Olteteanu, A. & Falomir, Z. (2015) comRAT-C: a computational compound remote associate test solver based on language data and its comparison to human performance. *Pattern Recognition Letters*. 67. pp. 81–90. doi: 10.1016/j.patrec.2015.05.015

Information about the authors:

M.S. Vlasov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru

V.A. Repeykova, postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: repej.ru@mail.ru

O.A. Sychev, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, senior research fellow, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation); senior research fellow, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (Moscow, Russian Federation); associate professor, Moscow Institute of Psychoanalysis (Moscow, Russian Federation). E-mail: osn1@mail.ru

O.V. Toropchina, lecturer, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: olatoro@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Власов М.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы, начальник научно-исследовательского отдела Бийского филиала им. В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru

Репейкова В.А. – аспирант департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: repej.ru@mail.ru

Сычев О.А. – канд. психол. наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Бийского филиала им. В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия); старший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (Москва, Россия); доцент кафедры психотерапии качества жизни Московского института психоанализа (Москва, Россия). E-mail: osn1@mail.ru

Торопчина О.В. – преподаватель кафедры русского языка и литературы Бийского филиала им. В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: olatoro@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 16.07.2024;
approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 19.05.2025.*

*Статья поступила в редакцию 16.07.2024;
одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 19.05.2025.*

Научная статья
УДК 81'25'42
doi: 10.17223/19986645/95/3

Проблема адекватной адаптации текста при передаче реалий в русско-португальском художественном переводе (на материале португальских переводов романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»)

Василиса Андреевна Данилова¹

¹ *Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, Danilova-418@mgpu.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе с русского на португальский язык. На материале переводов романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» анализируются принципы передачи русских реалий на португальский язык и решается вопрос об адекватности выбора механизмов ретрансляции культурно значимой информации в португальских переводах. Полученные результаты позволяют разработать модель оценки адекватности передачи культурно значимой информации в русско-португальском художественном переводе.

Ключевые слова: перевод реалий, лингвокультурная адаптация, критерии адекватного перевода, оценка перевода, художественный перевод, Евгений Онегин

Для цитирования: Данилова В.А. Проблема адекватной адаптации текста при передаче реалий в русско-португальском художественном переводе (на материале португальских переводов романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 47–64. doi: 10.17223/19986645/95/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/95/3

Adequate translation of realia in Russian-Portuguese literary discourse (based on the Portuguese translations of Alexander Pushkin's novel *Eugene Onegin*)

Vasilisa A. Danilova¹

¹ *Moscow City Teacher Training University, Moscow, Russian Federation,
Danilova-418@mgpu.ru*

Abstract. Currently, researchers are increasingly focusing their attention on linguocultural issues of translation, as well as the search for effective ways to overcome the "linguoethnic barrier" and the development of adequate strategies for intercultural communication. New literary translations that have not previously been introduced into the research field of translation studies are of particular interest. In this regard, the study

considers the problem of linguocultural adaptation in translations of Alexander Pushkin's novel *Eugene Onegin* into Portuguese. The study aims to identify the principles for the transmission of culturally relevant information in Portuguese translations of the novel, as well as to develop criteria for an adequate translation of Russian realia into Portuguese. The material of the study was the first translations of Pushkin's *Eugene Onegin* into Portuguese by Dario Moreira de Castro Alves (2008) and Nina and Philippe Guerra (2016). During the study, a set of methods adequate to each of the stages of work was used. At the first stage, the methodology was developed, and a parallel translation corpus was created. Contextual analysis of the novel and the continuous sampling method were used to create a parallel translation corpus, containing Russian realia from the original text and their Portuguese equivalents in two translations. At the second stage of the study, the realia were classified and systematized according to their semantic feature. At the third stage, Russian realia and their translation equivalents were compared. The analysis made it possible to identify different strategies and ways of translating realia into Portuguese. Further, comparative and descriptive methods were used to identify the principles of rendering realia by various translators and determine the adequacy of the Portuguese equivalents for Russian realia. The data obtained served as the basis for developing a model of criteria for an adequate translation of realia from Russian into Portuguese. As a result of the comparative analysis, it was revealed that inaccuracies in the transferring of the Russian cultural code into Portuguese are due to the following violations: renationalization of realities, neutralization of historical coloring, omission of substantive and/or connotative meaning, lack of explanatory comments. Based on the problems identified, a model of criteria was developed, which makes it possible to determine the adequacy of the strategy and/or method of transferring realia in Russian-Portuguese literary translation. The translation model includes the following evaluation criteria: (1) preservation of the (national-cultural and/or historical) "flavor" of the original realia; (2) preservation of the (direct and/or connotative) meaning of the original realia; (3) preservation of the communicative effect of the original. When translating Russian realia into Portuguese, those translation mechanisms that correspond to all the established provisions of the developed model should be considered adequate.

Keywords: translation of realia, linguocultural adaptation, criteria for adequate translation, translation evaluation, literary translation, "Eugene Onegin"

For citation: Danilova, V.A. (2025) Adequate translation of realia in Russian-Portuguese literary discourse (based on the Portuguese translations of Alexander Pushkin's novel *Eugene Onegin*). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 47–64. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/3

Введение

В настоящее время фокус внимания исследователей все больше обращается к лингвокультурологической и лингвострановедческой проблематике перевода, поиску эффективных способов преодоления «лингвоэтнического барьера» и адекватных стратегий ведения межкультурной коммуникации [1. С. 5]. Перевод рассматривается как форма контакта культур при взаимодействии языков, представляющая собой основу для исследований межкультурного диалога [2. С. 167]. Своеобразие взаимодействующих друг с другом культур особенно ярко проявляется в переводе художественных произведений, поскольку в них находит отражение национальное мировосприятие

[З. Р. 301]. Особый интерес представляют новые переводы художественных произведений, которые ранее не вводились в исследовательское поле переводоведения. В связи с этим в настоящей статье изучается проблема лингвокультурной адаптации художественного текста в переводах романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык.

Актуальность исследования, во-первых, связана с интересом, который носители португальского языка испытывают к русской культуре. Согласно данным современной статистики, в последние годы в Бразилии открывается большое количество курсов русского языка, в университетах анонсируются лекции, посвященные русской культуре и литературе, создаются научные центры, занимающиеся изучением русской классики и ее переводов на португальский язык [4]. Во-вторых, в Англии, Франции и Германии существует традиция перевода произведений русской художественной литературы, в то время как в Бразилии она находится на стадии формирования, а подходы к переводу произведений русской литературы на португальский язык еще не полностью сформированы [5. С. 4]. В-третьих, в российском переводоведении практически отсутствуют исследования, направленные на изучение португальских переводов, хотя за последние два десятилетия количество переводов произведений таких авторов, как Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский (и др.), значительно возросло. Такое положение дел может объясняться поздним началом активного культурного обмена и недостаточной коммуникацией России со странами, в которых говорят на португальском языке [5. С. 10]. Данные обстоятельства заслуживают внимания и обуславливают актуальность изучения принципов передачи русского культурного кода в португальских переводах.

Исследователи литературного творчества А.С. Пушкина, литературные критики и переводчики неоднократно отмечали, что роман «Евгений Онегин» является народным и национально значимым произведением, которое содержит описание российской действительности в первой трети XIX в. [6–8]. К.И. Чуковский подчеркивал, что переводить этот роман на другие языки – трудная задача по причине необходимости одновременной передачи как поэтической формы романа, так и его национально-культурного содержания [9. С. 23]. Действительно, в романе присутствует множество языковых единиц, отражающих культурно значимую информацию и не имеющих эквивалентов в других культурах. Содержательная специфика пушкинского романа определяет важность адекватной ретрансляции многообразия особенностей русской реальности и менталитета при переводе текста романа на португальский язык. Настоящее исследование посвящено изучению способов адекватной передачи русского культурного кода в переводе художественного текста на португальский язык и вносит вклад в становление и развитие коммуникации между Россией и Бразилией.

Объектом исследования выступают русские реалии, представленные в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин», и их соответствия, подобранные переводчиками романа на португальский язык.

Предметом исследования являются стратегии и способы перевода на португальский язык русских реалий, представленных в романе.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении принципов корректной передачи культурно релевантной информации в переводах романа на португальский язык и в разработке модели критериев адекватного перевода русских реалий на португальский язык.

Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

- 1) производится изучение методологических подходов к исследованию принципов ретрансляции культурного кода;
- 2) осуществляется сопоставление русских реалий и их соответствий в существующих переводах романа на португальский язык;
- 3) устанавливаются принципы некорректной передачи культурно релевантной информации, в переводах романа на португальский язык;
- 4) разрабатывается модель, содержащая критерии адекватного перевода реалий с русского на португальский язык.

Подходы к лингвокультурной адаптации художественного произведения при переводе

Изучению культурологических аспектов перевода посвящены работы ученых в России и других странах. Значительный вклад в формирование культурологического направления теории перевода внесли представители западного переводоведения, описавшие такие понятия, как «культурологическая непереводаемость» и «поворот к культуре» [10, 11]. Согласно концепции Г. Фермеера, переводчику необходимо иметь не только языковую компетенцию, но и обладать лингвокультурной компетентностью, поскольку язык тесно связан с культурой [12. Р. 222]. В связи с этим в отечественном переводоведении утверждается, что переводчик должен хорошо знать не только языки, но и культуры, которые отражены в текстах оригинала и перевода [13. С. 43]. Н.К. Гарбовский отмечает, что знание лингвистических и экстралингвистических факторов контактирующих языков и культур, а также умение правильно ими пользоваться являются обязательной составляющей искусства перевода [13. С. 47].

В современной теории перевода внимания исследователей перемещается с изучения чисто лингвистических особенностей перевода к вопросам взаимодействия культур и преодолению трудностей, связанных с асимметричностью отражения национальных картин мира в разных языках [14]. Перевод рассматривается, прежде всего, как способ культурного обмена и межкультурной коммуникации между носителями языков [15]. Осуществление «диалога культур» в процессе перевода представляет собой непростую задачу, поскольку культурный опыт определенного языкового сообщества является уникальным и часто не имеет соответствий в других лингвокультурах [16. С. 465]. Переводчик вынужден интерпретировать культуру оригинала в соответствии со своей языковой и национальной картиной мира. Данное явление определяется учеными как «лингвоэтнический барьер», который может стать причиной возникновения межязыковой интерференции и некорректного восприятия текста произведения читателями перевода, носителями

другого языка [17. С. 5]. Поиск оптимальных способов преодоления межязыковой и межкультурной асимметрии при переводе представляется одной из центральных проблем современного переводоведения.

Культурно релевантная информация в тексте произведения может выражаться в различных формах и на различных уровнях, однако наиболее отчетливо особенности взаимодействующих культур проявляются при сопоставлении и переводе культурно-маркированной лексики, для обозначения которой в лингвистике закрепился термин «реалия» [18. С. 20]. Рассматривая реалии в рамках лингвострановедения, ученые отмечают необходимость изучения культурно-маркированных единиц разных языков в сопоставительном аспекте, что способствует приобретению фоновых знаний, необходимых для осуществления межкультурной коммуникации [19. С. 123]. Разработка полноценной концепции исследования реалий в теории перевода принадлежит С.И. Влахову и С.П. Флорину. Они понимают реалии как слова и словосочетания, называющие предметы, которые присутствуют в картине мира одного народа и отсутствуют в картине мира носителей других языков [20. С. 120]. Эта концепция получила развитие в работах современных исследователей и не утрачивает своей актуальности по сей день. По словам А.А. Кретьева и Н.А. Фененко, реалии являются ключевыми элементами словарного запаса носителя языка в связи с их возможностью называть наиболее значимые для него предметы и явления [21. С. 78]. По этой причине реалии находятся в фокусе внимания настоящего исследования как культурно-маркированные единицы, являющиеся маркерами принадлежности романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» к русской культуре.

Следует отметить, что теория перевода причисляет реалии к «непереводимым единицам», которые требуют особого подхода [20. С. 10]. Передача реалий с одного языка на другой входит в число трудноразрешимых проблем перевода по двум причинам: а) реалия не имеет эквивалентов в другом языке; б) переводчику необходимо передавать не только предметное значение реалии, но и коннотативное, вызывающее у носителей языка определенные культурные ассоциации [22. С. 488]. Кроме того, при переводе литературных памятников, к которым относится роман «Евгений Онегин», важно учитывать связь реалий с историческим контекстом, чтобы обеспечивать корректную передачу стилистически-маркированной лексики, демонстрирующей принадлежность к определенному временному периоду (историзмов, архаизмов, неологизмов). Эта лексика нуждается в адаптации при переводе с одного языка на другой [23. С. 134].

Теоретики и практики перевода предлагают различные механизмы ретрансляции реалий с учетом особенностей их функционирования в языке. Л. Венути выделяет две стратегии лингвокультурной адаптации переводного текста: доместикация (приближение текста перевода к нормам принимающей культуры) и форенизация (намеренное выделение элементов культуры оригинала в тексте перевода) [24. Р. 235]. Вместе с тем И.В. Войнич подчеркивает, что для осуществления лингвокультурной адаптации произведения, в котором широко представлены особенности национальной культуры,

следует осуществлять историческую стилизацию. При выполнении этой задачи переводчик старается достичь компромисса между архаизацией (передачей исторических особенностей оригинала) и модернизацией (нейтрализацией временной дистанции оригинального текста) [25. С. 43]. В трудах исследователей также отражены переводческие трансформации (способы перевода), рекомендуемые для передачи культурно-маркированных единиц: 1) корреляция: транскрипция и транслитерация реалии; 2) лексико-семантические трансформации: конкретизация, генерализация (гипо-гиперонимический перевод), эмфатизация, нейтрализация, модуляция; 3) уподобление – функциональный аналог; 4) перифрастический перевод; 5) калькирование; 6) контекстуальный перевод [22. С. 136]. В каждом конкретном случае переводчик выбирает оптимальную стратегию и (или) способ адаптации текста для передачи культурно значимой информации в переводе.

Перевод реалий – тема далеко не новая, но в настоящий момент в теории перевода существуют только рекомендуемые способы и стратегии перевода реалий, а четкие критерии, которые позволили бы определить адекватность выбора стратегии и (или) способа перевода реалий, отсутствуют. Данные обстоятельства предположительно связаны с тем, что ученые, как правило, оценивают адекватность текста в целом на основе разнообразных критериев. Например, одним из них является передача коммуникативного эффекта оригинала в переводе [26. С. 41; 27. С. 120]. Несовершенство этой концепции заключается в том, что воссоздание коммуникативного эффекта оригинала в переводе может приводить к смешению элементов разных культур и к нейтрализации национально-культурного колорита, которым обладал исходный текст [28. Р. 15]. Обсуждая возможность адекватного перевода на уровне отдельных лексических и фразеологических единиц, к которым относятся реалии, некоторые исследователи обращаются к понятию эквивалентности, под которой они понимают полное равенство всех параметров лексических единиц в текстах оригинала и перевода [26. С. 42, 133]. Однако необходимо отметить, что сама сущность реалии, в семантике которой присутствует элемент национальной культуры, не предполагает существования точного эквивалента в другом языке [22. С. 24]. По этой причине перед переводчиком текста, содержащего реалии, стоит задача по выбору стратегии перевода и переводческих трансформаций.

Итак, представляется, что адекватного перевода реалий можно достичь при обеспечении семантического сходства лексических единиц перевода с единицами оригинала; вместе с тем важно выбрать стратегию и (или) способ адаптации текста, позволяющий передать национальный колорит произведения и решить коммуникативные задачи при переводе с одного конкретного языка на другой. В связи с этим в данном исследовании осуществляется выделение принципов передачи реалий с русского на португальский язык и разрабатывается модель критериев адекватного перевода реалий в художественном переводе с русского языка на португальский. Эта модель позволяет переводчику выбрать подходящий способ или стратегию перевода реалий, тем самым повысив качество перевода произведения, которое отражает национальный менталитет.

Материал и методология исследования

Материалом исследования послужили первые и на данный момент единственные существующие переводы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык. Их выполнили переводчики Дарио Морейра де Кастро Алвес (2008) и Нина и Филиппе Герра (2016). Пушкинский роман был многократно переведен на разные языки мира. Как отмечает Е.А. Дорофеева, «еще при жизни А.С. Пушкина его произведения были переведены 75 раз на двенадцать языков» [29. С. 111]. Тем не менее носители португальского языка получили возможность познакомиться с «энциклопедией русской жизни» только в XXI в.: в этот период появились вышеупомянутые переводы романа на португальский язык [30. С. 171]. Авторы этих переводов также отмечали в интервью различным периодическим изданиям, что их переводы ранее не подвергались литературной критике и не анализировались с точки зрения теории перевода [4].

На каждом этапе данного исследования были использованы различные методы. Сначала были осуществлены планирование и разработка методики исследования. Затем с применением контекстуального анализа романа «Евгений Онегин» и метода сплошной выборки был составлен параллельный переводческий корпус, в который были включены русские реалии из оригинального текста и их соответствия в португальском языке, подобранные авторами обоих переводов. В корпус вошли как денотативные реалии (которые, согласно концепции Г.Д. Томашина, не имеют аналогов в других языках и культурах), так и коннотативные (которые имеют идентичное предметное значение в других языках, но при этом обладают уникальными семантическими компонентами значения в одной культуре) [31. С. 46]. Отнесение языковых единиц в корпус производилось на основе концепции С.И. Влахова и С.П. Флорина [20. С. 24], в соответствии с которой были выделены следующие критерии отбора:

- 1) единица называет объект или явление, характерное для русской культуры и не представленное в культуре португалоязычных стран;
- 2) единица имеет особый национальный или исторический колорит, присущий русской культуре;
- 3) у единицы отсутствуют точные аналоги или полные эквиваленты в португальском языке [32. С. 286].

В итоге в ходе исследования проанализировано свыше 1 000 лексических единиц, к числу которых были отнесены русские реалии, их переводческие соответствия, а также краткие комментарии переводчиков, в которых присутствовала культурно значимая информация.

После этого были произведены классификация и систематизация реалий, вошедших в составленный корпус. При классификации и категоризации реалий на основе их семантических характеристик была использована известная классификация В.С. Виноградова [33. С. 215]. В результате русские реалии и их португальские соответствия в двух переводах (далее Р.1 и Р.2) были разделены на следующие классы:

1. Бытовые реалии: напр. *горница* – P.1 quarto / P.2 cantinho; *тулун* – P.1 peles / P.2 peliça; *фufайка* – P.1 camiseta / P.2 camisolão; *телогрейка* – P.1 xaille / P.2 casacão quente.

2. Этнографические реалии: напр. *святки* – P.1 Natal / P.2 Natal; *вприсядку* – P.1 dançando / P.2 dança; *горелки* – P.1 pega / P.2 apanhada.

3. Реалии природного мира: примеры: *пучок зари* – P.1 flores / P.2 ranúnculos; *нивы* – P.1 campos / P.2 campos; *глушь* – P.1 denso bosque inabitado / P.2 bosque.

4. Ономастические реалии: примеры: *Анисья* – P.1 Anísia / P.2 Aníssia; *Агафон* – P.1 Agafon / P.2 Agafon; *у Симеона* – P.1 em Simeon / P.2 rua São Simeon.

На заключительном этапе исследования был проведен сопоставительный анализ реалий в тексте оригинала и их эквивалентов в текстах рассматриваемых переводах. В результате были выделены различные стратегии и способы передачи реалий на португальский язык. Далее с использованием сравнительного и описательного методов были определены принципы передачи реалий различными переводчиками и адекватность выбора португальских эквивалентов для русских реалий. Результаты анализа послужили основанием для разработки модели критериев адекватного перевода реалий с русского на португальский язык.

Результаты и дискуссия

Сравнительно-сопоставительное исследование позволило выявить принципы ретрансляции русского культурного кода в переводах Дарио Алвеса и Нины и Филиппе Герра. Для создания модели передачи реалий в русско-португальском переводе наибольший интерес представляют принципы перевода, которые демонстрируют преобладающие смысловые и стилистические искажения при передаче русских реалий на португальский язык.

1. *Перенационализация реалий*. Прежде всего необходимо отметить, что переводчики стремились сделать текст более понятным для португалоязычного читателя, из-за чего оба перевода характеризуются высокой степенью доместикации реалий, называемой перенационализацией, при которой русские реалии заменяются словами из другой культуры [2. С. 263] (табл. 1).

Таблица 1

Перенационализация и уподобляющий перевод реалий

А.С. Пушкин	Д. Алвес	Н. Герра, Ф. Герра
«Настали <i>святки</i> . То-то радость! Гадает ветреная младость»	“Já é <i>Natal</i> . Felicidade! Na sorte pensa a mocidade”	“Alegria! O <i>Natal</i> em festa é chegado! Lê a boa ou má sina a mocidade”

В португальских переводах эквивалентом *святков* является *Natal* – «Рождество», что придает переводу романа яркий колорит западной культуры. Отметим, что православные Святки и католическое Рождество – это два ре-

лигиозных праздника, которые отмечаются в разных христианских и культурных традициях. Прежде всего, католическое Рождество отмечается 25 декабря, в память о рождении Иисуса Христа в Вифлееме, в то время как Святки является православным праздником, который начинается 7 января и продолжается до 19 января (в соответствии с юлианским календарем). Святки связаны с празднованием рождественских и новогодних событий.

Что касается религиозного контекста, католическое Рождество имеет глубокое религиозное значение в католической церкви и отмечается как день рождения Иисуса Христа. Святки в православии имеют также религиозное значение, но они сосредоточены на различных рождественских обрядах, молитвах, посещении церкви, купании в проруби (в некоторых культурах), а также на социальном и семейном общении.

Рождество и Святки имеют совершенно разные традиции и обычаи празднования, что ярко демонстрирует отличие культур носителей русского и португальского языков. На католическом Рождестве в португалоязычных странах принято устраивать рождественские мессы, дарить подарки, украшать елку и проводить различные праздничные мероприятия. Во период Святки в России и других славянских странах проводятся колядки и кутежи, во время которых празднующие ходят по домам, поздравляя хозяев с праздником и исполняя песни. Также связаны с праздником различные традиции, обряды и культурные символы [34]. Таким образом, выбирая в качестве соответствия *святкам* слово *Natal*, переводчики придают русским реалиям колорит собственной культуры, что может нарушать точность передачи смысла и национально-культурного содержания оригинала.

2. *Нейтрализация исторического колорита.* «Евгений Онегин» является памятником русской литературы, вследствие чего переводчики стремились стилизовать текст перевода, подчеркнув его соотнесенность с иной временной эпохой. Однако в португальских переводах нередко наблюдается и нейтрализация исторического колорита реалий, когда русские историзмы переводятся с использованием аналогов из современного португальского языка (табл. 2).

Таблица 2

Модернизация реалий

А.С. Пушкин	Д. Алвес	Н. Герра, Ф. Герра
« Ямицик сидит на облучке В тулупе, в красном ку- шаке»	“Envolto em peles, o co- cheiro Com faixa rubra é altaneiro”	“o cocheiro atoa na boleia, de peliça e cinta vermelha”
«Нехорошо на новоселье, Привыкшей к горнице своей»	“No novo lar não está con- tente Pois de seu quarto tem saudade”	“mas falta-lhe o seu próprio cantinho e não se sente bem na nova casa”

Переводческим эквивалентом для реалии *ямицик* было выбрано португальское слово *cocheiro*, означающее «кучер» [35]. Оба слова – *ямицик* и

cocheiro – имеют схожие дефиниции, однако *ямщик* является русским историзмом, а *cocheiro* входит в состав лексики современного португальского языка и способствует модернизации историко-культурной окраски произведения.

Схожим образом в переводах ретранслируется реалия *горница* – «ист. комната на верхнем этаже крестьянской избы» [36]. Дарио Алвес приводит аналог *quarto* – «любая комната в доме, здании» [35], который имеет более широкое значение и активно употребляется в речи современных носителей португальского языка. Нина и Филиппе Герра также нейтрализуют историческую окраску реалии, используя лексему *cantinho* – «угол, уголок в доме» [34]. Дефиниции португальских лексем демонстрируют, что *quarto* и *cantinho* являются лексемами современного португальского языка и стирают исторический колорит русской реалии. Кроме того, значения португальских аналогов отличаются от семантики реалии *горница*, что приводит к нарушению семантической точности передачи оригинала и неправильному пониманию произведения читателем перевода.

3. *Опущение предметного и (или) коннотативного значения реалий.* В случаях полного отсутствия подходящего эквивалента реалии в португальском языке и необходимости соблюсти поэтическую форму произведения авторы обращаются к опущению лексем и контекстуальному переводу (табл. 3).

Таблица 3

Контекстуальный перевод и опущение реалии

А.С. Пушкин	Д. Алвес	Н. Герра, Ф. Герра
« <i>Обоз</i> обычный, три кибитки Везут домашние пожитки»	“E três carroças levariam Tudo o de que precisariam”	“A carruagem há muito esquecida foi consertada, forrada e agora está pronto o comboio habitual”
«Пред зеркалами проводил И из <i>уборной</i> выходил»	“Ficar no espelho a se burnir, Estava , então, pronto a sair”	“em frente dos espelhos e, quando abandonava o gabinete impando”

Обоз в XIX в. представлял собой вереницу повозок, следующих друг за другом [36]. При передаче реалии Дарио Алвес не использует словарного эквивалента и не стремится передать значение лексемы в контексте, в то время как авторы второго перевода используют современный аналог *comboio* – «поезд» [35]. *Comboio* не является семантически полным эквивалентом слова *обоз*, однако не ведет к полной утрате предметного значения исходной лексемы, как происходит в случае опущения реалии.

Опущение реалии также отмечается при передаче слова *уборная*. В данном случае *уборная* является реалией, поскольку в тексте оригинала речь идет о специальной комнате в дворянском доме, в которой люди одевались и готовились к выходу в свет [36]. Дарио Алвес в своем переводе опускает лексему *уборная* и компенсирует ее значение в контексте: *Estava pronto* –

«был готов (к выходу)» [35]. Нина и Филиппе Герра используют в качестве переводческого соответствия реалии португальский аналог *gabinete* – «гримерная» [34]. Перевод посредством уподобления в случае реалии *уборная* позволяет достаточно точно передать предметное значение лексемы оригинала. Выбор контекстуального перевода, хотя тот и позволяет сохранять коммуникативное воздействие оригинала, приводит к утрате реалии, которая является носителем русского национально-культурного колорита.

Известно, что культурная информация может выражаться не только в предметном значении реалий, но и в коннотациях, свойственных определенной лингвокультуре. Так реалия *брусничная вода* в романе «Евгений Онегин» примечательна не столько своим предметным значением, сколько ореолом культурных коннотаций, связанных с традициями приема и угощения гостей («обряд известный угощенья») во времена жизни автора [8. С. 156]. При передаче подобных реалий португальские переводчики прибегают к гипо-гиперонимическому переводу или замене реалий (табл. 4).

Таблица 4

Гипо-гиперонимический перевод и замена реалий

А.С. Пушкин	Д. Алвес	Н. Герра, Ф. Герра
«На столик ставят воцарной Кувшин с <i>брусничною водою</i> »	“Sobre a mesinha, o manto oleado, E em jarra <i>sumo mirtilado</i> ”	“e, sobre a mesa encerada de fresco, de arando-vermelho um jarro de <i>refresco</i> ”

При переводе на португальский язык Дарио Алвес передает значение реалии *брусничная вода* описательно, при этом заменяя воду на сок: *sumo mirtilado* – «брусничный сок» [35]. Такой перевод дает возможность достаточно полно передать семантику исходного словосочетания. В то же время авторы второго перевода заменяют реалию гиперонимом *refresco* – «прохлаждающий напиток» [34], тем самым расширяя значение русской реалии. Выбор в качестве переводческого соответствия слова с родовым значением по отношению к единице оригинала искажает предметное значение реалии и полностью нейтрализуют ее культурные коннотации.

4. *Отсутствие экспликации.* Во ряде случаев португальские переводы не в полной мере передают коммуникативный эффект оригинального произведения, что связано с отсутствием необходимой экспликации русских реалий. В большинстве случаев такая тенденция наблюдается при переводе онимов (табл. 5).

Упоминание *Скотининых* является отсылкой к произведению Д.И. Фон-визина «Недоросль» и присутствует в тексте для создания авторской иронии при описании гостей на именинах Татьяны [8. С. 31]. На португальский язык реалия передана с помощью транскрибирования: *Skotinins / Skotínin*, что позволяет передать звуковую оболочку оригинального имени. Однако в обоих переводах отсутствуют комментарии, указывающие на связь *Скотининых* с

известной комедией. По этой причине португалоязычный читатель, не знакомый с русской литературой достаточно хорошо, не имеет возможности увидеть в этих строках иронию и распознать имплицитную информацию, заложенную автором оригинала.

Таблица 5

Транскрибирование реалий

А.С. Пушкин	Д. Алвес	Н. Герра, Ф. Герра
« Скотинины , чета седая, С детьми всех возрастов, считая От тридцати до двух годов»	“Já os Skotinins , par grisalho, Em confortável agasalho”	“os Skotinin , velho casa e a fil- harada de todos os tamanhos e idades, dos dois aos trinta e tal anos”
« Макарьев суетно хлоп- чет, Кипит обилием своим»	“ Makariiev anda em voltas vãs, Entre abundância e correria”	“a feira de Makáriev é uma loucura, fervilha e brilha abundante”

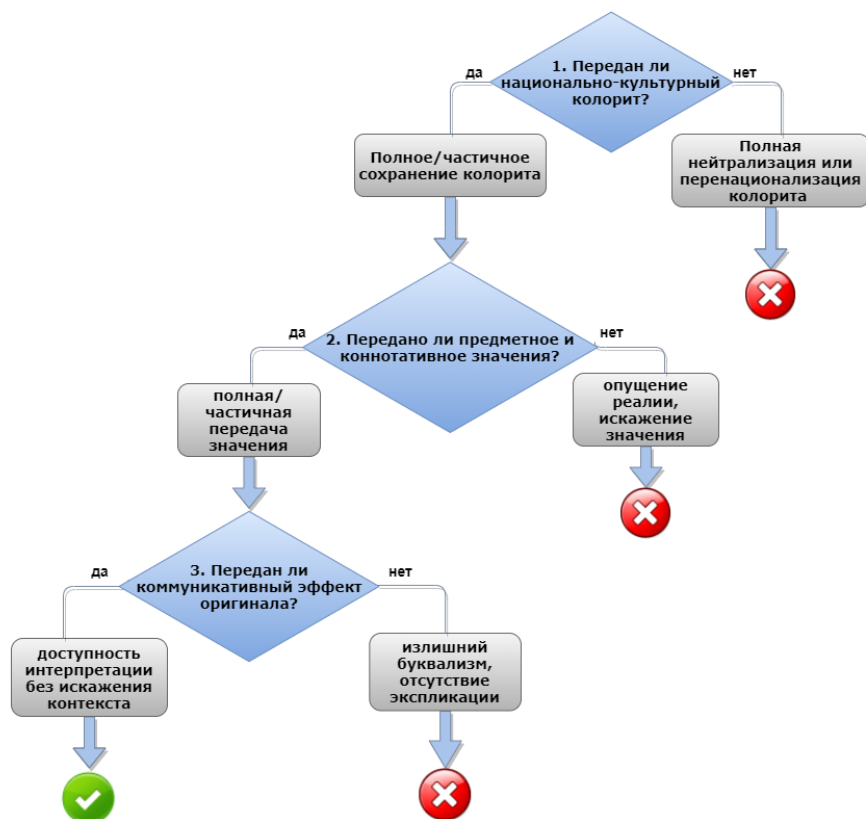

Рис. 1. Модель критериев адекватного перевода реалий

Реалия *Макарьев* также передана на португальский язык с помощью транскрибирования: *Makariiev / Makáriiev*. Согласно комментариям В.В. Набокова, *Макарьев* является предместьем Нижнего Новгорода и названием часто посещаемой в то время ярмарки, которая находилась у стен Макарьевского монастыря [8. С. 290]. Так же, как и в предыдущем примере, в обоих переводах отсутствуют комментарии, объясняющие читателю значение реалии. При использовании транскрибирования без дополнительного пояснения португалоязычный читатель не может верно интерпретировать контекст.

Таким образом, результаты сравнительно-сопоставительного анализа показали, что неточности при передаче русского культурного кода на португальский язык обусловлены следующими нарушениями: перенационализация реалий, нейтрализация исторической окраски, опущение предметного и/или коннотативного значения, отсутствие поясняющих комментариев. На основании выявленных проблем была разработана модель критериев [5. С. 15], которая позволяет определить адекватность выбора стратегии и/или способа передачи реалий в русско-португальском художественном переводе (см. рис. 1).

Рассмотрим критерии более детально в целях их разграничения.

1. **Сохранение (национально-культурного и (или) исторического) колорита исходной реалии.** Согласно определению Словаря русского языка С.И. Ожегова, колорит – это «отпечаток чего-н., совокупность особенностей (времени, местности, характера)» [36]. Данный критерий представляется основополагающим, так как именно наличие культурного компонента в семантике реалии отличает ее от иных лексических и фразеологических единиц. К нарушениям адекватности перевода, согласно данному критерию, следует относить случаи полной нейтрализации или перенационализации колорита реалий. Например, использование слова *guarana*, которое означает «традиционный бразильский безалкогольный напиток из ягод гуараны», в качестве переводческого соответствия русской реалии *квас* является ошибочным из-за тесной связи слова *guarana* с национальной культурой Бразилии. Отметим, что переводческий фактор влияет на выбор переводческого соответствия реалии и должен учитываться при оценке адекватности перевода, однако представляется неверным считать этот фактор основополагающим при переводе реалий в произведениях, отражающих национальный менталитет. В случае некорректного перевода реалии может произойти утрата национального колорита и культурной ценности произведения, даже если при этом будет сохранена его поэтическая форма.

2. **Сохранение (прямого и (или) коннотативного) значения исходной реалии.** Культурное своеобразие реалий отражается не только в предметных значениях лексем, но и в коннотациях, свойственных данным единицам в рамках определенной лингвокультуры. При определении адекватности перевода реалии по данному критерию целесообразно обратиться к словарным дефинициям, далее сопоставить словарные определения реалий со значением в определенном контексте, а затем сравнить их с семантикой единиц португальского языка, которые используются в качестве эквивалентов реа-

лии в тексте перевода. Не соответствовать данному критерию будет перевод, в котором исходная реалия опускается без компенсации значения посредством контекста, или же искажается ее предметное и (или) коннотативное значение. В качестве примера приведем лексемы *медведь* и *urso*, предметное значение которых идентично, однако культурные коннотации в русском и португальском языках значительно отличаются.

3. **Сохранение коммуникативного эффекта оригинала.** Адекватная передача культурно значимой информации невозможна без воссоздания коммуникативного эффекта оригинала в тексте перевода. Для соблюдения данного условия необходима детальная экспликация реалий, описание имплицитной информации, заложенной автором (аллюзии, экспрессивная окраска, ассоциативные связи), и отсутствие искажений контекста. Чрезмерный буквализм, а именно транскрипция и (или) транслитерация, калькирование реалий, неизвестных читателю перевода, без дополнительных комментариев, не позволяет в полной мере передать коммуникативный эффект оригинала. Например, при транскрибировании реалии *аршин* – *archin* требуются комментарии с пояснениями, а их отсутствие следует считать ошибкой, так как это слово незнакомо португальскоязычным читателям и отсутствует в португальских словарях.

На основании вышеизложенного при передаче русских реалий на португальский язык адекватными считаются те механизмы перевода, которые соответствуют всем установленным положениям разработанной модели.

Заключение

Переводы произведений русской художественной литературы имеют большую востребованность у португалоязычных читателей, что подтверждается статистикой поисковых запросов, скачиваний и покупок на крупнейших книжных интернет-ресурсах в Португалии и Бразилии. В отличие от многих стран Западной Европы, активное культурного взаимодействия между Россией и португалоязычным миром началось только в Новое время, поэтому традиция перевода русских классических произведений на португальский язык еще формируется. Поскольку проблема передачи культурного кода при переводе художественных произведений является одной из наиболее важных, в настоящем исследовании производится разработка модели критериев адекватного перевода реалий, что может способствовать развитию русско-португальской традиции перевода.

Результаты исследования показали, что основными нарушениями при переводе русских реалий на португальский язык являются перенационализация, нейтрализация исторического колорита, искажение предметного и (или) коннотативного значения и отсутствие экспликации. На основании полученных данных была предложена модель перевода, позволяющая определить адекватные механизмы передачи реалий и, следовательно, облегчить и усовершенствовать лингвокультурную адаптацию художественных произведений при переводе с русского на португальский язык. В соответствии с основными положениями разработанной модели адекватный перевод предпо-

лагает прежде всего корректную ретрансляцию культурно-исторического колорита реалий, а также передачу их предметного и (или) коннотативного значения и воспроизведение коммуникативного эффекта оригинала.

Предложенная модель перевода реалий может быть использоваться при изучении других художественных переводов с русского языка на португальский. Представляется, что модель адекватного перевода реалий также может найти применение в исследованиях, посвященных проблеме передачи национально-культурного колорита на материале других языков.

Список источников

1. Григорьева Е.Я., Рыжова Л.П. Язык и коммуникация в контексте лингвокультурологии и лингвострановедения. М. : КноРус, 2022. 212 с.
2. Кабакчи В.В., Прошина З.Г. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25, № 1. С. 165–193. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193
3. Sdobnikov V.V. Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges // Russian Journal of Linguistics. 2019. № 2 (23). P. 295–327. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327
4. Русский мир: новостной интернет-портал. URL: <https://ruskiymir.ru> (дата обращения: 24.03.2023).
5. Данилова В.А. Стратегии и средства передачи культурно значимой информации в переводах романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 26 с.
6. Белинский В.Г. Статья восьмая: «Евгений Онегин». Статья девятая. «Евгений Онегин» (Окончание). М. : Директ-Медиа, 2012. 133 с.
7. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. СПб. : Азбука, 2021. 512 с.
8. Набоков В.В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПб, 1998. 924 с.
9. Чуковский К.И. Высокое искусство: принципы художественного перевода. М. : Азбука-Аттикус, 2011. 442 с.
10. Catford J.C. A Linguistic theory of translation. Oxford : Oxford University Press, 1965. 104 p.
11. Bassnett S. Translation Studies. Rev. ed. London ; New York : Routledge, 2000. 168 p.
12. Vermeer H. Skopos and Commission in Translational Action. The Translation Studies Reader; ed.: L. Venuti. London ; New York : Routledge, 2000. P. 221–232.
13. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М. : Изд-во МГУ, 2007. 544 с.
14. Harding S.-A., Cortes O.C. The Routledge Handbook of Translation and Culture. London ; New York : Routledge, 2018. 643 p.
15. Nikulina V., Larson Lindal J., Baumann H., Simon D., Ny H. Lost in translation: A framework for analysing complexity of co-production settings in relation to epistemic communities, linguistic diversities and culture // Futures. 2019. Vol. 113. P. 102442. doi: 10.1016/j.futures.2019.102442
16. Bednářová-Gibová K. The changing face of contemporary translation studies through polydisciplinary lenses: Possibilities and caveats // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25, № 2. С. 462–477. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-2-462-477
17. Дамман Е.А. Особенности преодоления лингвоэтнического барьера при переводе (на материале произведений В.М. Шукшина и их перевода на английский язык) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 5–27. doi: 10.17223/19986645/78/1.
18. Томахин Г.Д. Реалии в культуре и языке. Реалия – предмет и реалия – слово // Иностранные языки в школе. 2007. № 8. С. 19–28.

19. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М. : Индрик, 2005. 1040 с.
20. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереваемое в переводе. М. : Р. Валент, 2009. 360 с.
21. Кретов А.А., Фененко Н.А. Из опыта исследования реалий методом словарных дефиниций // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 77–83.
22. Хухуни Г.Т., Валуццева И.И., Осипова А.А. Интерпретация реалий при переводе сакрального текста: языковой и экстралингвистический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23, № 2. С. 487–508. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-487-508
23. Гуляниц А.Б., Гуляниц С.Б., Семина В.В. Проблема создания лингвокультурного комментария как средства межкультурной коммуникации // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 3 (39). С. 133–140. doi: 10.25688/2076-913X.2020.39.3.15.
24. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. 2nd edition. London ; New York : Routledge, 2008. 324 p.
25. Войнич И.В. «Золотая середина» как стратегия перевода: о (не) возможности ее достижения // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 1 (20). С. 41–45.
26. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для студ. ин-тов и фак-тов иностр. яз. М. : Альянс, 2013. 250 с.
27. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М. : URSS, 2019. 216 с.
28. Rawling P., Wilson P. The Routledge Handbook of Translation and Philosophy. London ; New York : Routledge, 2021. 512 p.
29. Дорофеева Е.А. Пушкин в мировой литературе // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 2019. № 4. С. 110–117. doi: 10.15393/j103.art.2019.1402.
30. Данилова В.А. «Энциклопедия русской жизни» на португальском языке: лингвокультурная адаптация на лексическом уровне // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 4. С. 169–179. doi: 10.29025/2079-6021-2020-4-169-179
31. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению. М. : Высш. шк., 1988. 238 с.
32. Данилова В.А. Культурная информация в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: стратегии и способы ретрансляции в португальских переводах // Обучение иностранным языкам. 2022. Т. 49, № 3. С. 285–298. doi: 10.53656/for22.308kult
33. Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы. М. : Кн. дом ун-т, 2004. 235 с.
34. Dicionario Priberam da Lingua Portuguesa: справочный интернет-портал. Lisboa : Priberam Informática, S. A. URL: <https://www.priberam.pt> (дата обращения: 24.01.2023).
35. Michaelis Dicionario Brasileiro da Lingua Portuguesa : справочный интернет-портал. São Paulo: Editora Melhoramentos Ltda. URL: <http://michaelis.uol.com.br> (дата обращения: 11.03.2023).
36. Толковый словарь Ожегова : справочный интернет-портал. М., 2017. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 25.02.2023).

References

1. Grigor'eva, E.Ya. & Ryzhova, L.P. (2022) *Yazyk i kommunikatsiya v kontekste lingvokulturologii i lingvostranovedeniya* [Language and Communication in the Context of Linguoculturology and Country Studies]. Moscow: Knorus.
2. Kabakchi, V.V. & Proshina, Z.G. (2021) *Leksiko-semanticheskaya otnositel'nost' i adaptivnost' v perevode i mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Lexical-Semantic Relativity and Adaptability in Translation and Intercultural Communication]. *Russian Journal of Linguistics*. 25 (1). pp. 165–193. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193
3. Sdobnikov, V.V. (2019) Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges. *Russian Journal of Linguistics*. 23 (2). pp. 295–327. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327

4. *Russkiy mir* [Russian World]. (2023) [Online] Available from: <https://russiymir.ru> (Accessed: 24.03.2023)
5. Danilova, V.A. (2022) *Strategii i sredstva peredachi kul'turno znachimoy informatsii v perevodakh romana A.S. Pushkina "Evgeniy Onegin" na portugal'skiy yazyk* [Strategies and Means of Transmitting Culturally Significant Information in Translations of A.S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin" into Portuguese]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Belinskiy, V.G. (2012) *Stat'ya vos'maya: "Evgeniy Onegin". Stat'ya devyataya. "Evgeniy Onegin" (Okonchanie)* [Article Eight: "Eugene Onegin". Article Nine. "Eugene Onegin" (Conclusion)]. Moscow: Direkt-Media.
7. Lotman, Yu.M. (2021) *Roman A.S. Pushkina "Evgeniy Onegin". Kommentariy* [A.S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin". Commentary]. St. Petersburg: Azbuka.
8. Nabokov, V.V. (1998) *Kommentariy k romanu A.S. Pushkina "Evgeniy Onegin"* [Commentary on A.S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin"]. St. Petersburg: Iskustvo-SPb.
9. Chukovskiy, K.I. (2011) *Vysokoe iskusstvo: printsipy khudozhestvennogo perevoda* [The High Art: Principles of Literary Translation]. Moscow: Azbuka-Attikus.
10. Catford, J.C. (1965) *A Linguistic Theory of Translation*. Oxford: Oxford University Press.
11. Bassnett, S. (2000) *Translation Studies*. Rev. ed. London and New York: Routledge.
12. Vermeer, H. (2000) Skopos and Commission in Translational Action. In: Venuti, L. (ed.) *The Translation Studies Reader*. London and New York: Routledge. pp. 221–232.
13. Garbovskiy, N.K. (2007) *Teoriya perevoda* [Translation Theory]. Moscow: Moscow State University Press.
14. Harding, S.-A. & Cortes, O.C. (eds) (2018) *The Routledge Handbook of Translation and Culture*. London and New York: Routledge.
15. Nikulina, V., Larson Lindal, J., Baumann, H., Simon, D. & Ny, H. (2019) Lost in translation: A framework for analysing complexity of co-production settings in relation to epistemic communities, linguistic diversities and culture. *Futures*. 113. doi: 10.1016/j.futures.2019.102442
16. Bednárová-Gibová, K. (2021) The changing face of contemporary translation studies through polydisciplinary lenses: Possibilities and caveats. *Russian Journal of Linguistics*. 25 (2). pp. 462–477. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-2-462-477
17. Dammann, E.A. (2022) Features of Overcoming the Linguistic-Ethnic Barrier in Translation (Based on the Material of Vasily Shukshin's Works and Their Translation Into English). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 5–27. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/1
18. Tomakhin, G.D. (2007) Realii v kul'ture i yazyke. Realii – predmet i realii – slovo [Realia in Culture and Language. Realia as Objects and Realia as Words]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 8. pp. 19–28.
19. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (2005) *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Moscow: Indrik.
20. Vlahov, S.I. & Florin, S.P. (2009) *Neperevodimoe v perevode* [The Untranslatable in Translation]. Moscow: R.Valent.
21. Kretov, A.A. & Fenenko, N.A. (2018) Iz opyta issledovaniya realiy metodom slovarnykh definitsiy [From the Experience of Researching Realia Using Dictionary Definitions]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 4. pp. 77–83.
22. Khukhuni, G.T., Valuytseva, I.I. & Osipova, A.A. (2019) Interpretatsiya realiy pri perevode sakral'nogo teksta: yazykovoy i ekstralingvisticheskiy aspekty [Interpretation of Realia in the Translation of Sacred Texts: Linguistic and Extralinguistic Aspects]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*. 23 (2). pp. 487–508. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-487-508
23. Guliyants, A.B., Guliyants, S.B. & Semina, V.V. (2020) Problema sozdaniya lingvokul'turnogo kommentariya kak sredstva mezhkul'turnoy kommunikatsii [The Problem of

Creating Linguocultural Commentary as a Means of Intercultural Communication]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*. 3 (39). pp. 133–140. doi: 10.25688/2076-913X.2020.39.3.15

24. Venuti, L. (2008) *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. 2nd ed. London and New York: Routledge.

25. Voynich, I.V. (2010) "Zolotaya seredina" kak strategiya perevoda: o (ne)vozmozhnosti ee dostizheniya ["The Golden Mean" as a Translation Strategy: On the (Im)possibility of Its Achievement]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 1 (20). pp. 41–45.

26. Komissarov, V.N. (2013) *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): uchebnik dlya studentov institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [Translation Theory (Linguistic Aspects): Textbook for Students of Institutes and Faculties of Foreign Languages]. Moscow: Al'yans.

27. Shveytser, A.D. (2019) *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty* [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. Moscow: URSS.

28. Rawling, P. & Wilson, P. (eds) (2021) *The Routledge Handbook of Translation and Philosophy*. London and New York: Routledge.

29. Dorofeeva, E.A. (2019) Pushkin v mirovoy literature [Pushkin in World Literature]. *Al'manakh severoevropeyskikh i baltiyskikh issledovaniy*. 4. pp. 110–117. doi: 10.15393/j103.art.2019.1402

30. Danilova, V.A. (2020) "Entsiklopediya russkoy zhizni" na portugalskom yazyke: lingvokul'turnaya adaptatsiya na leksicheskom urovne ["Encyclopedia of Russian Life" in Portuguese: Linguocultural Adaptation at the Lexical Level]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 4. pp. 169–179. doi: 10.29025/2079-6021-2020-4-169-179

31. Tomakhin, G.D. (1988) *Realii-amerikanizmy: Posobie po stranovedeniyu* [Realia-Americanisms: A Country Study Guide]. Moscow: Vysshaya shkola.

32. Danilova, V.A. (2022) Kul'turnaya informatsiya v romane A.S. Pushkina "Evgeniy Onegin": strategii i sposoby retranslyatsii v portugalskikh perevodakh [Cultural Information in A.S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin": Strategies and Methods of Retransmission in Portuguese Translations]. *Obuchenie inostrannym yazykam*. 49 (3). pp. 285–298. doi: 10.53656/for22.308kult

33. Vinogradov, V.S. (2004) *Perevod. Obshchie i leksicheskie voprosy* [Translation: General and Lexical Issues]. Moscow: Knizhnyy dom Universitet.

34. *Dicionario Priberam da Lingua Portuguesa*. (2023) [Online] Available from: <https://www.priberam.pt> (Accessed: 24.01.2023).

35. *Michaelis Dicionario Brasileiro da Lingua Portuguesa*. (2023) [Online] Available from: <http://michaelis.uol.com.br> (Accessed: 11.03.2023).

36. *Tolkovyy slovar' Ozhegova* [Ozhegov's Explanatory Dictionary]. (2017) [Online] Moscow. Available from: <https://slovarozhegova.ru> (Accessed: 25.02.2023).

Информация об авторе:

Данилова В.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры романских языков и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: Danilova-418@mgpu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Danilova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Romance languages and linguistic didactics, Moscow City Teacher Training University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Danilova-418@mgpu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023;
одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 19.05.2025.

The article was submitted 02.08.2023;
approved after reviewing 22.10.2024; accepted for publication 19.05.2025.

Научная статья

УДК 81.114.2+82.3:087.5

doi: 10.17223/19986645/95/4

Специфика языковой репрезентации модели взаимоотношений «родители–дети» в произведениях Н.Н. Носова

Наталья Николаевна Кислицына¹,
Татьяна Владимировна Мельниченко²

^{1,2} *Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия*

¹ *nkislitsyn@rambler.ru*

² *tanya.melnichenko@gmail.com*

Аннотация. Описываются базовые характеристики модели взаимоотношений «родители–дети», репрезентируемые в произведениях Н.Н. Носова. Компьютерная обработка корпуса текстов позволила представить языковые средства, используемые для отображения социально-ролевых и нравственно-психологических отношений в семье. Выявлено, что указанная модель базируется на непрекаемом авторитете матери, роль которой сводится к формированию у ребенка как общего представления о правилах функционирования общества, так и воспитанию частных моральных качеств: честности, трудолюбия, ответственности, чувства долга и послушания.

Ключевые слова: художественный образ, детская литература, модель взаимоотношений «родители–дети», Н.Н. Носов

Для цитирования: Кислицына Н.Н., Мельниченко Т.В. Специфика языковой репрезентации модели взаимоотношений «родители–дети» в произведениях Н.Н. Носова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 65–84. doi: 10.17223/19986645/95/4

Original article

doi: 10.17223/19986645/95/4

The specificity of linguistic representation of the "parent–child" relationship model in Nikolay Nosov's short stories

Natalya N. Kislitsyna¹, Tatyana V. Melnichenko²

^{1,2} *V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation*

¹ *nkislitsyn@rambler.ru*

² *tanya.melnichenko@gmail.com*

Abstract. Children's literature plays a crucial role in the shaping and developing of child's personality, his/her worldview and system of values. It reflects and reconsiders many aspects of childhood, including "parent–child" relationship. The study seeks to

explore and define the major characteristics of the "parent–child" relationship model, as it is represented in short stories by Nikolay Nosov, a famous children's writer. In the process of research, a corpus of thirty writer's works was created, and the texts were computer processed. The authors focus on the revealing of verbal indicators that represent the models of socio-psychological relations in a family. Linguistic means used to represent the dichotomy of "parents–children" relationship were analyzed. The methodology involves critical discourse analysis, content analysis, linguopoetic analysis, quantitative and qualitative methods. The results of the study of the linguistic representation of the "parent–child" model in Nosov's short stories reveal the secondary role of parental figures. It can: (a) be presented formally and latently participate in the plot development, just "giving an impulse" for a child to act or decide (47%); (b) be one of the main characters (17%); (c) be absent in the story (36%). The quantitative analysis reveals that children's first names are used more than twice as often as *mama* (Mum) and five times as often as *papa* (Dad). The results of the contextual analysis show the domination of mother's figure. The lexemes *mama* and *papa* are used much more often than neutral and official *mat'* (mother) and *otets* (father) (216 and 11, and 106 and 37, respectively), thus representing the model of a child's closer relations with a mother rather than with a father. Mother's role in Nosov's stories is confined to household chores, nutrition and looking after the children. The "mum" and "dad" concordances demonstrate both the approving and supportive style of parents' behavior and the disapproving one, sometimes with elements of labeling ("coward", "thief"). The use of formal "mother" and "father" is typical for conflict situations where parents negatively react to their child's behavior. Parents' figures are described indirectly, through their words and actions. Their main function is of a moral guidance – they strive to cultivate such qualities as responsibility, sense of duty, honesty and obedience. The model of "parent–child" relations recreated in Nosov's stories suggests parents' unquestionable authority, with abundance of directives, appeals to moral values, attempts to cause the sense of guilt. Parents' efforts *aim at* teaching a child how to adapt to the society, to follow its rules and regulations. The study of the verbal indicators that represent the models of social-and-role and moral-and-psychological relations in a family can be continued on the material of other children's literary texts, in synchronic and diachronic aspects as well as from the perspective of intercultural interaction.

Keywords: literary image, children's literature, model of "parents–children" relationship, Nikolay Nosov

For citation: Kislitsyna, N.N. & Melnichenko, T.V. (2025) The specificity of linguistic representation of the "parent–child" relationship model in Nikolay Nosov's short stories. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 65–84. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/4

Введение

Художественная литература для детей играет важнейшую роль в процессе становления личности ребенка, формирования основ модели поведения в социуме, развития мировоззрения и ценностных ориентаций человека. Заложенное в детстве мировосприятие является фундаментом не только для формирования сознательной гражданской позиции, благополучной социальной адаптации, достижения интеллектуального и эмоционального развития, но и создания условий для успешной самореализации личности.

О растущем интересе к перечисленным вопросам и их важности для современного общества свидетельствует значительное количество научных

работ, посвященных исследованию специфики изображения образа ребенка в художественных произведениях, описанию характера взаимоотношений «родители–дети», а также анализу языковых средств и структурных особенностей текста, используемых для репрезентации модели взаимоотношений родителей и детей.

Обзор теоретической литературы за два последних десятилетия показывает, что исследовательский интерес современных ученых сфокусирован на особенностях репрезентации образа отца и матери, бабушки и дедушки, а также их роли в воспитании и становлении самооценки детей [1–4]; на вопросах формирования гендерных стереотипов в детской художественной литературе (ДХЛ) [5]; влиянии рекуррентного представления образа родительской заботы в качестве конвенционального алгоритма поведения на формирование модели взаимоотношений «родители–дети» [6]; зависимости глубины когнитивной обработки информации, поступающей из текстов ДХЛ, от их жанровой и тематической направленности [7]; развития эмпатии [8]; значимости социального контекста, лингвистического содержания и иллюстративной составляющей для успешного взаимодействия родителей и детей в процессе конструирования значения (*co-construct meaning*) [9. S. 109]; роли концептуальных культурных образов, воспроизводимых в художественной литературе, в формировании личности ребенка и его саморазвитии [10. S. 589–590, 11, 12]; корректном прочтении кросс-культурной специфики образов семьи, родителей и детей, принадлежащих к разным лингвосоциумам [13, 14]; исследовании специфики конвергенции вербального и визуального компонентов в ДХЛ, проводимом с позиций мультимодальной системной функциональной лингвистики (*a multimodal systemic functional linguistics*) [15. S. 82].

Образы положительных или отрицательных персонажей, регулярно воспроизводимые в ДХЛ, способны оказывать моделирующее влияние на гибкую психику детей, фокусировать их интересы на определенных социально-нравственных константах, формировать алгоритмы поведения в практике повседневного общения, а также способствовать расширению интересов в школьный период, а в перспективе и профессиональных горизонтов. Перечисленные факторы свидетельствуют об актуальности фокусного исследования комплексного влияния содержательной стороны детской литературы и мотивационного потенциала языка художественных произведений на сохранение традиционных ценностей, формирование прогрессивного мировоззрения, поддерживающего идеи равноправия, здорового образа жизни и взаимоуважения внутри поколенческого цикла (*saeculum*), воспитание межнациональной и межконфессиональной толерантности.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении основных характеристик модели взаимоотношений «родители–дети», репрезентируемой в произведениях известного детского писателя – Николая Николаевича Носова. В число таких характеристик входят: отношения между детьми и родителями, отношение к родным, друзьям, учебе, труду, социальным институтам и практикам.

Соответственно, в круг задач настоящей работы входят: 1) создание корпуса произведений Н.Н. Носова для осуществления компьютерной обработки текстов художественных произведений; 2) выявление закономерностей, репрезентирующих модели социальных отношений в семье; 3) характеристика языковых средств, используемых для создания образа персонажей, и определение их значимости для представления социально-ролевых отношений дихотомии «родители–дети».

Методологическая база и материал исследования

Реализация цели обеспечивается применением комплексной методологии, включающей как отдельные методы, так и инструментарий для компьютерной обработки текста (корпус менеджер Sketch Engine). В исследовании задействованы критический дискурс-анализ [16–19], позволяющий установить связь между используемыми языковыми средствами, функционирующими в определенном художественном произведении, и их ролью в моделировании образа взаимоотношений «родители–дети», а также стереотипизации созданной модели отношений в семье; контент-анализ [3, 4, 13, 18, 20, 21], с целью выявления контекстной демонстрации того, в какой среде, при каких обстоятельствах герои произведения совершают или не совершают определенные поступки, определения структурных характеристик образа героя и его ролевого предназначения (пассивность/активность, объект действия/субъект действия), экстерииоризации причин «включения» или «исключения» значимых действующих лиц из канвы повествования; лингвопоэтический анализ художественного текста, который дает возможность выявить специфику использования и роль формальных языковых единиц при передаче идейного и художественного содержания текста, отражении авторской интенции и достижении определенного эстетического эффекта [22–25]; качественный метод, способствующий выявлению имплицитных социально-когнитивных установок; количественный метод, используемый для цифровой объективизации сделанных выводов.

Корпусный анализ предполагает создание специализированного корпуса текстов произведений Н.Н. Носова (далее – исследовательский корпус) с последующим применением поискового инструментария, способствующего достижению максимальной объективности и учета важных контекстов. Интегративное использование изложенного выше комплекса методов определяет лингвокогнитивный подход к литературоведению в качестве основного методологического принципа настоящей работы.

Материал исследования представлен произведениями известного детского писателя Н.Н. Носова, творческий расцвет которого пришелся на период 1960–1980-х гг. Это было время не только дискуссий и поисков, но и научных исследований, направленных на «изучение социальной и возрастной психологии читателей» [26. С. 399], время становления исследования детской литературы как отдельного направления в литературоведении, время бурного расцвета литературы для детей. Писатели-«шестидесятники»

привнесли в свои произведения раскованность, игровое начало, идею наивысшей ценности человеческой личности. «Это был период создания целой империи детской книги – исключительного по мощности, многообразию и сложности феномена культуры детства» [26. С. 401].

Отметим также, что анализируемые произведения Н.Н. Носова относятся к жанру детского юмористического рассказа, для которого характерны небольшой объем и число персонажей, простой сюжет, лаконичная речь, запоминающиеся образы главных героев, что «соответствует читательским возможностям ребенка определённого возраста и характеру его рецепции литературных произведений» [27. С. 11]. Наличие таких сюжетных элементов, как «диалогизация, чётко обозначенный конфликт, преимущество действия перед описанием» [27. С. 13], особенно эффективно влияет на восприятие системы ценностных ориентиров детьми, «*emphasizing interpersonal relationship over action and adventure*» [7. Р. 45] – «усиливая значимость межличностных отношений посредством вовлеченности в действия и приключения (героев)» (добавлено нами. – Н.К., Т.М.).

Безусловно, отдельное произведение, описывающее ту или иную модель поведения, создающее харизматичный образ главного героя, вряд ли может коренным образом повлиять на менталитет лингвосоциума, однако повторяющийся нарратив способен оказать соответствующее воздействие. Так, в частности, исследователи-лингвисты из Гонконга (The Educational University of Hong Kong), изучая особенности усвоения и понимания гендерных отношений детьми, отмечают, что «a discourse with recurrence and recycling of gendered contents, symbols and strategies, together with stances shown by the story characters, may be perceived as “legitimate”, “correct” or “appropriate” and accepted as the social order, which may be reproduced» [5. Р. 2] – «в случае регулярного повторения текстов, содержащих описание определенных гендерных отношений, символов и стратегий, подкрепленных историями персонажей, выражающих свою позицию относительно поднимаемых вопросов, может быть воспринято как указание на «законный», «правильный», «соответствующий», рекомендуемый к воспроизведению социальный порядок» (здесь и далее перевод наш. – Н.К., Т.М.). Данное утверждение является релевантным не только по отношению к стратегиям формирования гендерных отношений, но и других видов совместной деятельности.

В свете вышеизложенного отметим, что одной из причин, повлиявших на выбор произведений Н.Н. Носова в качестве материала исследования, является многократно повторяемый тираж книг этого писателя, который в настоящее время, по данным издательства «Лабиринт» [28], составляет более тридцати миллионов экземпляров. Материал исследования включает тридцать рассказов Н.Н. Носова, объединенных в единый исследовательский корпус. Объем созданного авторами статьи корпуса произведений Н.Н. Носова составляет 133 090 словоформ.

Дополнительным критерием отбора произведений Н.Н. Носова послужило и то, что рассказы, выбранные авторами в качестве материала для анализа, описывают будни героев, понятные читателям. Проблемы, с которыми

сталкиваются персонажи рассказов, характерны для повседневной жизни, а не относятся к области фантастики, что делает возможным сознательное или бессознательное копирование модели поведения действующих лиц. Вызывая ассоциации с историями, происходящими в реальной жизни с реальными людьми, подобные произведения максимально способствуют развитию когнитивных способностей ребенка в аспекте успешной социализации.

Результаты и обсуждение

Детско-родительские отношения давно находятся в фокусе внимания психологов и педагогов [29–39] а в последнюю четверть века – лингвистов и литературоведов [40–42]. Непреходящий исследовательский интерес к данной проблеме обусловлен тем, что характер связи со значимыми взрослыми в детстве является определяющим фактором, влияющим на качество модели социального поведения, которая сформируется у ребенка в будущем. Взгляды на смысл и содержание воспитания детей в семье претерпели радикальные изменения за последние десятилетия, следуя за общим гуманистическим вектором развития общества.

Так, для периода XIX – начала XX в. характерным был *социализирующий* стиль воспитания, целью которого была подготовка ребенка к самостоятельной жизни в социуме, а основные воспитательные усилия были направлены на тренировку воли ребенка, наставлению его на правильный жизненный путь, умение приспосабливаться к любым жизненным обстоятельствам [30].

С середины XX в. на смену социализирующему стилю пришел *помогающий* стиль воспитания, предполагающий, что дети могут сами осознавать свои потребности, а задача родителей – понимать и удовлетворять эти потребности, помогая ребенку делать это самостоятельно, создавая условия для его развития – эмоционального, психологического, интеллектуального. Такой стиль воспитания предполагает гораздо более тесный контакт с ребенком и большее количество времени, проводимого с ним.

Художественная литература внесла весомый вклад в развитие темы отношений детей и родителей. В данной работе, с опорой на языковую репрезентацию модели взаимоотношений родителей и детей, мы исследуем специфику создания соответствующих образов в произведениях Н.Н. Носова, целевой аудиторией которых являются дети младшего школьного возраста. Воспользуемся определением детской литературы, предложенным в работе И.Н. Арзамасцевой и С.А. Николаевой: детская литература – это «часть общей литературы, обладающая всеми присущими ей свойствами, при этом ориентированная на интересы детей-читателей и потому отличающаяся художественной спецификой, адекватной детской психологии» [26. С. 35].

Ключевым термином настоящей работы является понятие художественного образа. В определениях художественного образа традиционно акцентируется внимание на двух составляющих – его языковой форме и содержании, которое стремится передать автор. В данной работе авторы придерживаются определения художественного образа, предложенного Е.Б. Борисовой: «Художественный образ – это основная единица художественной формы, система

конкретно-чувственных средств, воплощающая собой особое, собственно художественное содержание, то есть художественно освоенную характерность реальной действительности, которая предстает в произведении искусства как нечто конкретное и создается с помощью словесно-речевых и художественно-композиционных приемов» [43. С. 23]. Особо выделяется образ персонажа произведения как отражение антропоцентричности художественного текста. В образе персонажа происходит «художественное обобщение человеческих свойств, черт характера в индивидуальном облике героя» [44]. При анализе образа персонажа учитываются такие структурно-содержательные аспекты, как интродукция персонажа, речевая и портретная характеристики, его поступки и действия, а также отношение автора [23, 24]. Эта литературоведческая практика в настоящей работе конвергируется с практикой лингвокогнитивного анализа текста с целью верификации авторской гипотезы.

Ведущими видами характеристики значимых взрослых в рассказах Н.Н. Носова являются речевая характеристика, а также характеристика через поступки и действия. Чаще всего через фигуры родителей реализуется некий моральный императив, дается оценка поступков детей через призму нравственных установок общества.

Так, образ мамы Котьки в рассказе «Огурцы» строится на основе прямой речи персонажа и описания ее реакции и действий по отношению к сыну. Мальчик украл на колхозном огороде огурцы, и мать, узнав об этом, заставляет его вернуть все, несмотря на страх Котьки, что на улице темно и сторож с ружьем может в него выстрелить. Не помогают ни слезы, ни просьбы пойти с ним вместе. После серии коротких вопросов-уточнений: «Где ты их взял?», «На каком огороде?», «Кто ж тебе позволил?», «Значит, украл?», мама переходит к прямым директивным указаниям: «Постой, стой! Не выгружай!», «Сейчас же неси их обратно!», «Не выбросишь! Ты их не сажал, не растил, не имеешь права и выбрасывать», «...отнесёшь и положишь» [45].

Позиция матери даже может показаться современному читателю слишком жесткой: «И пусть убьёт! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор», «Или неси огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!» [45]. Мать дает минимум объяснений, она глубоко возмущена поступком Котьки, что передается тональностью ее речи, состоящей преимущественно из вопросительных и императивных восклицательных предложений. В основе синтаксической организации ее высказывания – параллельные конструкции, метасемиотику которых усиливают анафорический повтор и антитеза. Ее оценка поступка Котьки выражена предельно прямолинейно, посредством восклицания «Ну как тебе не стыдно!» и эпитета «вор». В данном эпизоде мать не только дает нравственную оценку поступку ребенка, вызывая глубокое чувство вины, но и вынуждает сына совершить действия по его исправлению.

В рассказе «Саша» мама выступает резонером-ограничителем, отказываясь купить сыну пистолет. Даже ее предположения выражаются весьма категорично, в форме безоговорочного запрета: «Это опасная игрушка», «Пистон отскочит и попадёт тебе в глаз», «...выстрелишь да напугаешь...», «Нет, нет, от этих пистолетов бывают разные неприятные случаи» [45].

В рассказе «Приключения Толи Кляквина» главному герою Толе перебегают дорогу черная кошка, и страх перед ней приводит к тому, что он совершает целую череду опасных поступков. Роль наставника-взрослого берет на себя мама его друга Славы, которая терпеливо и подробно объясняет нелепость его веры в предрассудки. Невежество мальчика вызывает у нее улыбку: «не могла сдержатъ на лице улыбку», «усмехнулась». Она не просто «читает нотации», но приглашает его поразмышлять о причинах его поведения и о последствиях: «Что ты сделаешь? Повернёшься и пойдёшь назад, вместо того чтоб выручать друга?». Она дает обратную связь, хвалит за правильные выводы: «Вот видишь, ты это понимаешь», «Правильно! Человеку всегда надо делать то, что велит ему долг...» [45]. Тема долга перед обществом, коллективом, родителями звучит почти во всех рассказах Н.Н. Носова, отражая дух времени и тенденции в воспитании подрастающего поколения.

В рассказе «Карасик» мама дарит сыну рыбку в аквариуме, которую он обменивает у друга на свисток. В доме еще живет кот Мурзик, и мама подозревает его в желании съесть рыбку, а когда карась пропадает, мама собирается наказать именно его. Она называет кота «разбойником» и собирается «как следует проучить». Однако довольно странно звучит ее аргумент: «Нечего его жалеть... Он ведь не пожалел рыбку» [45]. Для кота рыба является естественной добычей, к тому же, вряд ли кот способен на «жалость». Виталик признается в обмене карася на свисток и просит не наказывать Мурзика. Мама стыдит его и упрекает в трусости: «Как же тебе не стыдно?», «...почему ты не сказал правду?», «Разве честно на других сваливать?», «Это только трусы боятся говорить правду!» [45]. Неоднократное повторение слов «правда», «честность» свидетельствуют о высоких нравственных требованиях к детям в процессе их воспитания. Однако отсутствует попытка понять причины «неправды» и «нечестности». Понимают ли Виталик и его мама причины самого поступка, остается непонятным. Мать прощает Виталика «только потому, что... все-таки сам признался» [45]. Темы прощения, стыда, вины и страха наказания («Я боялся, что ты станешь бранить меня») являются одними из ведущих в описании родительско-детских отношений в рассказах Н.Н. Носова.

Контент-анализ рассказов Н.Н. Носова показал, что значимой имажологической характеристикой является доминирование образа матери и её активное участие в воспитании детей. Так, в корпусе текстов рассказов Н.Н. Носова количественно на 216 упоминаний лексемы «мама» во всех словоформах приходится 106 упоминаний лексемы «папа». Более чем двукратное превышение употребления слова «мама» над словом «папа» является значимым показателем существующих моделей поведения и распределения ролей в семье (рис. 1). При этом следует учитывать, что фокусной аудиторией рассказов Н.Н. Носова являются дети и главные герои – тоже дети.

Результаты проведенного анализа показали, что в 11 из 30 рассказов (36%) образы родителей отсутствуют, поэтому наиболее частотными существительными в рассказах являются имена собственные детей-друзей, а члены семьи – мама, папа, бабушка, дедушка значительно уступают в аспекте частотности словоупотребления.

Так, в число 40 наиболее употребительных слов входят «Игорь» (506 словоупотреблений) и «Мишка» (329 словоупотреблений); лексема «мама» в этом списке занимает третью позицию (216 словоупотреблений); лексема «папа» употребляется 106 раз и находится на двенадцатой позиции в списке. Соответственно, лексемы «отец» и «мать» (см. в рис. 1 по 37 и 11 словоупотреблений) в первые сорок позиций не входят (рис. 2).

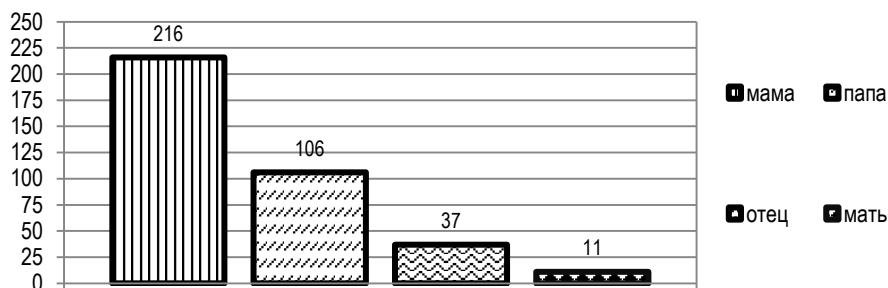

Рис. 1. Соотношение употребления лексем «мать», «отец», «мама» и «папа» в исследовательском корпусе

Noun	Frequency ² ↓	Noun	Frequency ² ↓	Noun	Frequency ² ↓	Noun	Frequency ² ↓
1 игорь	506 ***	11 день	114 ***	21 еще	81 ***	31 телефон	61 ***
2 мишка	329 ***	12 папа	106 ***	22 улица	75 ***	32 комната	59 ***
3 мама	216 ***	13 вода	104 ***	23 сторона	70 ***	33 год	59 ***
4 ребята	214 ***	14 дом	101 ***	24 время	70 ***	34 чемодан	58 ***
5 толя	145 ***	15 она	97 ***	25 сад	70 ***	35 земля	58 ***
6 тania	144 ***	16 человек	92 ***	26 милиционер	70 ***	36 стол	56 ***
7 рука	144 ***	17 бабушка	86 ***	27 дверь	68 ***	37 елка	56 ***
8 раз	132 ***	18 голова	86 ***	28 тетя	68 ***	38 машина	53 ***
9 бабушка	118 ***	19 слово	83 ***	29 кость	65 ***	39 дорога	53 ***
10 двор	116 ***	20 нога	82 ***	30 тамара	64 ***	40 мальчик	52 ***

Рис. 2. Частотность употребления лексем в исследовательском корпусе

В рассказах Н.Н. Носова, где изображаются не только дети, но и оба родителя, явно наблюдаются особое распределение ролей и специфические модели поведения. Так, конкорданс показывает следующие характерные контексты употребления слова «папа» (рис. 3).

Как видно из рис. 3 (фрагмент конкорданса, включающего 106 строк), в число зарегистрированных контекстов входят: папа и мама хвалят ребенка, дарят подарки, ругают и читают нотации, расстраиваются, когда дети врут и плохо учатся, либо радуются успехам ребенка. Данные контексты подтверждают концептуально значимые модели поведения родителей и их отношение к детям.

1	□	○	досю	ленько винтики привинтил, чтобы она не болталась на одном гвозде, как у Мишки.	папа	и мама похвалили меня за то, что я устроил такую полезную вещь в доме.
2	□	○	досю	Мишка сначала уверил их, потом махнул рукой и сам стал смеяться.	папа	пошли встречать Новый год к соседям, а для нас мама приготовила большой круглый пирог с вар
3	□	○	досю	расписович.	папа	Потом Иван Герасимович вырос и купил себе настоящий, взрослый, велосипед, а этот вел
4	□	○	досю	го в дневнике тройки, иногда попадались и двойки.	папа	и мама ослабляли своё внимание и не очень следили, чтоб он вовремя делал уроки.
5	□	○	досю	да. - Ничего себе - немножко! - покочала головой мама. - А много ты собрал лому? - спросил Гену	папа	.- Сорок три килограмма, - не задумываясь, соврал Гена. - Молодец! - похвалили папа и стал вы
6	□	○	досю	просил Гену папа. - Сорок три килограмма, - не задумываясь, соврал Гена. - Молодец! - похвалили	папа	и стал высчитывать, сколько это будет пудов. - Кто же теперь на пуды считает? - сказала ма
7	□	○	досю	тает? - сказала мама. - Теперь все считают на килограммы. - А мне на пуды интересно, - ответил	папа	.- Когда-то я работал в порту грузчиком. Приходилось носить бочонки с треской.
8	□	○	досю	с собрал пятьдесят килограммов, и ещё один мальчик собрал пятьдесят два. - Ишь ты! - удивился	папа	.- На девять килограммов больше, чем ты. - Ничего, - сказал Гена. - Завтра я тоже на первое мес
9	□	○	досю	особенно! - Как все, так и я. За ужином Гена ел с большим аппетитом.	папа	и мама радовались. Им всегда почему-то казалось, что Гена ест мало и от этого может поку
10	□	○	досю	ещер отец и мать говорили о том, как хорошо, что теперь в школе приучают детей к труду.	папа	сказал: - Кто с малых лет приучится трудиться, тот вырастет хорошим человеком и никогда не буд
11	□	○	досю	и не буду на чужой шее сидеть, - сказал Гена. - Я на своей буду сидеть шее. - Вот, вот! - засмеялся	папа	.- Ты у нас хороший мальчик. Наконец Гена лёг спать, а
12	□	○	досю	ть шее. - Вот, вот! - засмеялся папа. - Ты у нас хороший мальчик.	папа	сказал маме: - Знаешь, что ми
13	□	○	досю	честный, - сказала мама. - По-моему, воспитывать в детях честность - важнее всего, - продолжал	папа	.- Честный человек не сойдёт, не обманет, не подведёт товарища, не возьмёт чужого и трудиться
14	□	○	досю	выйдет. Однако ей всё было некогда, и она никак не могла собраться пойти в школу.	папа	она боялась говорить про плохие отметки Гены, потому что папа всегда расстраивался, когда учи
15	□	○	досю	собраться пойти в школу. Папе она боялась говорить про плохие отметки Гены, потому что	папа	всегда расстраивался, когда узнавал, что его сын скверно учится. Ничего не подозревая, он
16	□	○	досю	зат, что делать. От горя у неё даже заболела голова.	папа	мама сейчас же рассказала ему обо всём. Услышав такую новость, папа ужасно расстроилс
17	□	○	досю	лси: сейчас ребята же рассказали ему обо всём. Услышав такую новость,	папа	ужасно расстроился и разволновался. Мама принялась успокаивать его, но он не хотел усл
18	□	○	досю	сказать! - Но мы же не учили его обманывать! - сказала мама. - Этого ещё не хватало! - ответил	папа	.- Ну, пусть он только вернётся, я ему покажу. Однако Гена долго не приходил.
19	□	○	досю	а того что зять что-нибудь видеть, ему приходилось запрокидывать назад голову.	папа	тут же подбежали к нему и стали помогать снять пальто, а когда сняли, от Гены повалили кверху па
20	□	○	досю	а когда сняли, от Гены повалили кверху пар. - Бедненький! - Ишь как натрудились-то! - сказал	папа	.- У него вся рубашка мокрая! - Да, - сказал Гена. - Сегодня я сто пятьдесят килограммов железа с

Rows per page: 20 1-20 of 106

Рис. 3. Конкорданс употребления слова «папа» в исследовательном корпусе

Так, желание родителей воплотить в детях собственные мечты и представления о том, какая профессия является подходящей для их ребенка, представлено Н.Н. Носовым в ироничном ключе. В рассказе «Под одной крышей» у главной героини, девочки Наденьки, несомненный, ярко выраженный талант к шитью и моделированию одежды, но ее родители не считают это увлечение серьезным и настойчиво заставляют ее заниматься музыкой. Писатель остается верен своей манере избегать прямой характеристики или оценки действий персонажей родителей и мастерски рисует их образы посредством описания поступков и чувств: «Мама и папа очень любили Наденьку и купили для неё пианино. Им очень хотелось, чтоб их девочка сделалась знаменитой музыкантшей. Но Наденьке не очень хотелось делаться музыкантшей. Ей больше всего хотелось поступить на одёжную фабрику...» [46]. Острота конфликта и упорство родителей выражаются посредством повтора глагола «хотелось», противопоставления – «очень хотелось – не очень хотелось», эмоционально окрашенных слов и словосочетаний «быть против», «добьются», «не верили и не хотели даже слышать», «попробовала заставить».

Ради достижения своей цели – заставить дочь заниматься музыкой, родители даже решаются на довольно-таки сомнительный с точки зрения педагогики шаг – поручают младшему брату контролировать музыкальные занятия сестры за вознаграждение – конфету. Конфета выдается и девочке за два часа прилежных занятий. Невозможно не почувствовать иронию автора в словах папы, обращенных к сыну: «Ты мальчик уже большой и тоже должен помогать взрослым. Будешь следить, чтоб Наденька исправно занималась на пианино» [46], где фактически ставится знак «равно» между понятиями «помогать» и «следить».

В следующем авторском комментарии папа предстает умелым манипулятором, поскольку он «конечно, ничего не терял, так как он раньше покупал своим детям конфеты, но раньше он отдавал им конфеты даром, а теперь за дело» [46]. Девочка стала отдавать свою конфету брату, чтобы он говорил, что она исправно занималась. Но долго это продолжаться не могло, и обман вскрылся. Папина реакция очень эмоциональна, он набрасывается на дочь со словами «нехорошая девчонка», «не занималась», «учила обманывать», «подкупала». Как и мама Котыки в рассказе «Огурцы», он стремится вызвать чувство вины: «Это стыд! Это срам! Это позор!» и уже в адрес сына звучат нелестные эпитеты «тунеядец и плут». Лейблинг со стороны родителей остается в памяти детей на всю жизнь, оказывая влияние на их поведение в будущем. Когда ситуации лейблинга, игнорирования желаний ребенка, полного отсутствия понимания описываются устами главного героя-ребенка, то в качестве наименования актора, который стремится вызвать чувство вины, «заклеймить» маленького нарушителя, как правило, используется слово «отец» (рис. 4).

1	□ dōsʲəʊ не то получается.	□ Не стал бы мальчишка так сильно расстраиваться, если б правда.	Отец	, естественно, побегал в милицию.	□ Мы, говорит, сыну верим.	□ Наш Ваня не станет н.			
2	□ dōsʲəʊ я прыгал.	□ Он хороший.	□ Ему говорит: "Они все хорошие, когда дома сидят".	Отец	говорит: "Все равно я не стану штраф платить".	□ Я не заплачьте, говорит, судить вас будем.			
3	□ dōsʲəʊ ты".	□ "А не заплатите, говорит, судить вас будем".	□ Через неделю там или другую вызывают	отец	на суд.	□ Отец приходит.	□ Товарищи, говорит, это что же такое?	□ Не прыгал ведь	
4	□ dōsʲəʊ те, говорит, судить вас будем".	□ Через неделю там или другую вызывают отца на суд.	Отец	приходит.	□ Товарищи, говорит, это что же такое?	□ Не прыгал ведь он".	□ Как, говорит		
5	□ dōsʲəʊ говорит, не прыгал, когда тут все: и имя, и фамилия, и адрес.	□ Все точно записано".	□ Хотели	присудить пятнадцать суток ареста за то, что плоху сына воспитывает и штраф не хочет платить,	отец	на пятнадцать суток арестовать ни за что ни про что.	□ А того парнишку, который Ваней Сид		
6	□ dōsʲəʊ я точно вижу, что это не тот".	□ Так эта история ничем и кончилась.	□ А могли Ванюшного	отец	на пятнадцать суток арестовать ни за что ни про что.	□ А того парнишку, который Ваней Сид			
7	□ dōsʲəʊ олямо? - Я ведь не носил, а на санках.	□ ответил Гена.	□ Ну, на санках, конечно, легче.	□ согласился	отец	□ А другие ребята сколько собрали - больше, чем ты, или меньше? - Меньше.	□ ответил Гена.	□ К!	
8	□ dōsʲəʊ от этого может погулять и заболеть.	□ Увидел, как он утискивает за обе щечи гречневую кашу.	отец	потерпел его рукой по голове и, засмеявшись, сказал: - Поработайся до поту, так и поешь в охоту	отец	и мать говорили о том, как хорошо, что теперь в школе приучают детей к труду.	□ Папа сказа		
9	□ dōsʲəʊ так и поешь в охоту?	□ Не так ли, сынок? - Конечно, так.	□ согласился Гена.	□ Весь вечер	отец	и мать говорили о том, как хорошо, что теперь в школе приучают детей к труду.	□ Папа сказа		
10	□ dōsʲəʊ свет килограммов железа собрал.	□ Сколько, сколько? - Сто пятьдесят.	□ Ну, герой! - развел руками	отец	□ Надо подсчитать, сколько всего получится.	□ Папа взял свою записную книжечку и стал по			
11	□ dōsʲəʊ ечник или ударник, не знаю точно.	□ Не знаешь?	□ А я знаю! - закричал вдруг	отец	и стукнул кулаком по столу.	□ Ты плути!	□ Мощенник!	□ Трутень ты, вот кто!	□ Увидел
12	□ dōsʲəʊ них другие работали.	□ Я не норовлю... не норовлю.	□ пролетел Гена.	□ Не норовишь? - закричал	отец	страшным голосом.	□ А кто каждый день на санках катается, а дома врет, будто лом собирает?	□	
13	□ dōsʲəʊ зала.	□ У меня нет.	□ Где же она? - Я ей в мусоропроводе выбросил.	□ А в мусоропроводе! - загремел	отец	и стукнул кулаком по столу с такой силой, что зазвенела посуда.	□ Тебе для того дали записку, чтоб		
14	□ dōsʲəʊ я, клялся, что теперь ни за что не будет на санках кататься и всегда будет собирать лом.	□ Но	отец	не согласился его простить.	□ Кончилось дело тем, что Гена был крепко наказан.	□ Как б			
15	□ dōsʲəʊ ю, исключительно эстетический.	□ Он и не пытался его съест.	□ Показывает апельсин	отец	и говорит голосом, в котором слышится какое-то злобное чувство: - Баба!	□ Показывает але			
16	□ dōsʲəʊ е решили пойти с Игорем погулять.	□ Увидел, что пальто надеваем и мы с Таней, а не только	отец	и мать, Игорь обрадованно стал твердить: - Мама, папа, баба, дидел.	□ Мама, папа, баба, дид	□			
17	□ dōsʲəʊ даян".	□ Это значит - он с мамой и папой в автомобиле.	□ Если его спросит, показав на	отец	: - Это кто?	□ Скажет: - Папа. - А это? - Мама. - А это? - Баба. - А ты кто? - Мана.	□ Как уж		
18	□ dōsʲəʊ с, шоферов такси.	□ Однажды насмешил даже милиционера, который хотел оштрафовать его	отец	за нарушение правил езды на автомашине.	□ Удивительна та изобретательность, с которой				
19	□ dōsʲəʊ его предметом.	□ Уладись.	□ Говорю ему.	□ Буи!	□ Я буи.	□ Отвечает.	□ Как-то уходя от нас с	отец	домой, он твердил по установленному им же самим обычаю, прощаясь с каждым в отдельности: -
20	□ dōsʲəʊ от и верить после этого людям!	□ Когда мы начинаем понимать юмор?	□ Начал почему-то	отец	звать "Папа", а мать - "Лиди".	□ Может быть, потому что слышит, что они сами так называют			

Times per page: 20 1 - 1/20 of 37 16 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20

Rows per page: 20 1-20 of 37

Рис. 4. Конкорданс употребления слова «отец» в исследовательском корпусе

Отец может сказать «страшным голосом», «стукнуть кулаком», «не согласиться» «разрешить» или «заставить». В анализируемом рассказе мама, в свою очередь, обвиняет отца в сложившейся ситуации, но ей и в голову не приходит подумать, чем на самом деле вызвана ситуация, в которой Наде пришлось пуститься на обман. «А ты молчи! Я не защищаю тебя», – говорит она, обращаясь к дочери [46]. Она упрекает папу, что он неправильно выбрал «контролера»: «Нашел, кому поручать присматривать за девчонкой. Он тебе за конфету что хочешь сделает: обманет и мать, и отца» [46]. Последняя реплика относится к шестилетнему(!) ребенку, при этом ответственности за воспитание того, кто «продает и мать, и отца», родители на себя не берут. Родители сурово отчитывают детей за проступок, который является лишь следствием их собственного поведения, демонстрирующего двойные стандарты.

Автор благополучно разрешает конфликт Наденьки и ее родителей: «Мама вскорости убедилась, что нет смысла заставлять девочку учиться музыке, раз у нее нет призвания к этому делу... и разрешила ей записаться в кружок кройки и шитья...». Когда дочь достигла больших высот в своем мастерстве и стала известной артисткой кукольного театра, родители «в конце концов успокоились и теперь вполне довольны своей судьбой. Они ... очень гордятся своей дочкой» [46]. Складывается образ довольно деспотичных и властных родителей, не особо стремящихся вникнуть в то, чем живут и хотят заниматься их дети. Они не принимают деятельного участия в выборе Наденьки своей профессии, а лишь позволяют этому случиться, в значительной степени вопреки своей воле и под давлением обстоятельств. В 14 рассказах (47%) персонаж матери присутствует, однако не играет активной роли: она уезжает в город, оставляет друзей на даче, отпускает в лес за елкой, куда-то уходит. Контекстный анализ показывает, что роль матери в рассказах Н.Н. Носова сводится к работе «по хозяйству», приготовлению пищи и обеспечению безопасности ребенка (рис. 5).

Лексема «мать» относительно редко встречается в рассказах Н.Н. Носова; концептуально контексты её употребления могут быть сведены к следующим вариантам: напряженная ситуация «когда что-то случилось»; дистанцированное общение в процессе поучительных или воспитательных бесед; чужая мать – «мать Игоря», «мать Ниночки», «Алешина мать» или «сказка про мать» (рис. 6).

В рассказе «Про Гену» главный герой, школьник Гена, каждый день ходит с друзьями кататься на санках, а родителям говорит, что собирает металлолом и даже выбился в передовики. Обман раскрывается, когда мама приходит в школу жаловаться на непомерную загруженность сына и узнает, что все это время он просто гулял с друзьями и в результате совсем запустил учебу.

В данном рассказе присутствуют образы обоих родителей – и папы, и мамы, что редко встречается в рассказах Н.Н. Носова. Генины истории о сборе металлолома вначале встречают горячий отклик у обоих родителей: «Весь вечер отец и мать говорили о том, как хорошо, что теперь в школе приучают детей к труду. Папа сказал: «–Кто с малых лет приучится трудиться, тот вырастет хорошим человеком и никогда не будет на чужой шее сидеть»...» [45].

Еще одно качество, которым искренне гордятся родители Гены – его честность: «– Знаешь, что мне больше всего нравится в нашем мальчике – это его честность. Он мог бы наврать с три короба, мог сказать, что собрал больше всех лома, а он откровенно признался, что двое ребят собрали больше его» [45]. До самой развязки родители не замечают нестыковок в рассказах и поведении Гены. Мама, при появлении в дневнике двоек, ругает школу, сердится и собирается поговорить с учительницей. При этом папе она боится говорить про его двойки, так как «папа всегда расстраивался, когда узнавал, что его сын скверно учится». Фактически папа реализует функ-

цию контроля, а при возникновении сложностей демонстрирует беспомощную и детскую реакцию – расстраивается. Зато он с удовольствием фиксирует успехи сына, записывая в блокнотик количество собранного им лома.

1	☐	досю	ига в других форматах Приятного чтения!	Рассказы Мишкина каша Один раз, когда я жил с мамой на даче, ко мне в гости приехал Мишка. Я так обрадовался, что и сказать нельзя!	Я о
2	☐	досю	шка Я так обрадовался, что и сказать нельзя!	Я очень по Мишке соскучился!	Мамы тоже была рада его приезде. - Это очень хорошо, что ты приехал. - сказала она. - Вам вдвоем зде
3	☐	досю	шка, а вдруг не сумею!	Ты ведь не варил раньше. - Не беспокойся!	Я видел, как маму варит. Сат будешь, не помрешь с голоду! Я такую кашу сварю, что пальцы обликеши
4	☐	досю	т будешь, не помрешь с голоду!	Я такую кашу сварю, что пальцы обликеши!	Наутро мама оставила нам хлеба на два дня, варенья, чтобы мы чай пили, показала, где какие продукты лежат,
5	☐	досю	слушали, только я ничего не запомнил!	Зачем, - думаю, - раз Мишка знает!	Потом мама уехала, а мы с Мишкой решили пойти на реку рыбу ловить. Напали удочки, накопили че
6	☐	досю	трлю и воды налил доверху. - Не много ли воды? - спрашиваю. - Размазня получится. - Ничего,	мама всегда так делает.	Ты только за печкой смотри, а я уж сварю, будь спокоен! Ну, я за п
7	☐	досю	упаться в реке, а не хочешь купаться - так лови рыбу, и никто тебе слова не скажет.	Когда у мамы кончился отпуск и нужно было собираться обратно в город, мы даже загрузили с Мишкой.	
8	☐	досю	шкой. Тетя Наташа заметила, что мы оба ходим как в воду опущенные, и стала уговаривать	мату, чтоб мы с Мишкой остались еще пожить.	Мама согласилась и договорилась с тетей Наташ
9	☐	досю	ак в воду опущенные, и стала уговаривать маму, чтоб мы с Мишкой остались еще пожить.	Мамы согласилась и договорилась с тетей Наташей, чтоб она нас кормила и всякое такое, а сама уехала.	
10	☐	досю	у, у тети Наташи.	А у тети Наташи была собака Динка.	И вот как раз в тот день, когда мама уехала, Динка вдруг оценилась: шестерых щенков принесла. Питеро чёрных с рыжими п
11	☐	досю	еишб удивлялся.	Мишка никак не хотел расставаться с этим щенком и написал своей маме	такое письмо: "Милая мамочка! Разреши мне держать щеночка маленького. Я очень
12	☐	досю	схорвать собак, и будет учить Дружка по книжке.	Прошло несколько дней, а от Мишкиной мамы так и не пришло ответа.	То есть пришло письмо, но в нём совсем ничего про Дружку не бы
13	☐	досю	ета. То есть пришло письмо, но в нём совсем ничего про Дружку не было.	Мишкина мама писала, чтобы мы приехали домой, потому что она беспокоится, как мы тут живём одни.	
14	☐	досю	шли мы домой.	Я зашёл к Мишке, чтобы выругать из рюкзака его вещи.	Мишкина мама увидела, что он чуть не плачет, и спрашивает: - Что с тобой? - Дружок пропал! - Какой дружок?
15	☐	досю	иштемьями и наклейками с надписями. - Это не нам письмо, - сказал наконец Мишка. - Это	маме	Какой-то шибко грамотный человек писал. В одном слове две ошибки сделал, вмес
16	☐	досю	з написал "Печная".	Видно, письмо долго по городу ходило, пока куда надо дошло.	Мама! - закричал Мишка. - Тебе письмо от какого-то грамотей! - Что это за грамотей? - А вот почитай г
17	☐	досю	шка. Тебе письмо от какого-то грамотей! - Что это за грамотей? - А вот почитай письмо.	Мамы	разорвала конверт и стала читать вполголоса: - "Милая мамочка! Разреши мне держать щ
18	☐	досю	Он очень красивый, весь рыжий, а ухо чёрное, и я его очень люблю.	Что это? - говорит мамы	- Это ведь ты писал! Я засмеялся и посмотрел на Мишку. А он покраснел как варен
19	☐	досю	винтилками привинтил, чтобы она не болталась на одном гвозде, как у Мишки.	Даже папа и мамы похвалили меня за то, что я устроил такую полезную вещь в доме.	Я пошел к Мишке, чтоб
20	☐	досю	и и ещё летом сказал, чтобы мы приехали к нему в лес за ёлками.	Я даже заранее упрости маму	, чтоб она разрешила мне в лес поехать. На другой день я приехал к Мишке после обеда, а

Рис. 5. Конкорданс употребления слова «мама» в исследовательском корпусе

1	☐	досю	ит, то чего ж ему и стараться!	Жому же он очень боялся, как бы из больницы не сообщили матери	про все, что случилось.	Таким образом, Толя поступил в точности, как тот мальчик, про кот
2	☐	досю	юешь в скотку!	Не так ли, сынок? - Конечно, так, - согласился Гена.	Весь вечер отец и мать	говорили о том, как хорошо, что теперь в школе приучают детей к труду. Папа сказал: - Ктс
3	☐	досю	Младшая сестра Феде, Рина, уже успела сделать уроки и пошла играть с подружками.	Мать	тоже куда-то ушла. - Вот и хорошо! - сказал Феде. - По крайней мере, никто не будет мешать дела	
4	☐	досю	устила Ниночку на землю и, крепко держа за руку, повела домой.	В коридоре их встретила мать	Ниночки. Она надевала на ходу шляпу. Лицо её было встревожено. - Что тут у вас п	
5	☐	досю	рит голосом, в котором слышится какое-то глубокое чувство: - Баба!	Показывает апельсин матери	и говорит тем же тоном: - Баба!	Вернувшись домой, Петя позвонил мне по телефону и расс
6	☐	досю	ли пойти с Игорем погулять.	Увидев, что пальто надеваем и мы с Таней, а не только отец и мать	, Игорь обрадованно стал твердить: - Мама, папа, баба, диде!	Мама, папа, баба, диде!
7	☐	досю	у людей!	Когда мы начинаем понимать юмор? Начал почему-то отца звать "Петя", а мать	- "Лидя".	Может быть, потому что слышит, что они сами так называют друг друга.
8	☐	досю	тетя Тома.	Возможно, для единообразия в наименованиях начал и отца звать папа Петя, а мать	- мама Лидя.	Однажды разглядывал фотоснимки и называл, что снят: "папа Петя, мама Лид
9	☐	досю	Петя рассказывал.	Обычно утром Игорь просыпается перед уходом в детский сад и, увидев мать	, которая к этому времени уже на ногах и занимается по хозяйству, молча улыбается ей долгой сч	
10	☐	досю	ех.	Сосчитал и сказал: - Семь человек зверей. "Лентийная" Рассказывает сказку про мать	, у которой были две дочерки: одна трудолюбивая, а другая, как он выразился, лентийная.	
11	☐	досю	ный Алеша Маленький Алеша хорошо ест - толстенький, румяный, крупненький.	Алешина мать	говорит Игорю: - Надо побольше кушать. - Вот и ты будешь как наш Алеша. - А я и не хочу б	

Rows per page: 20 1-11 of 11 < > 1 11

Рис. 6. Конкорданс употребления слова «мать» в исследовательском корпусе

Мама, в свою очередь, играет роль барьера между мужем и сыном в конфликтной ситуации, чем только усугубляет ее. Увидев в его дневнике «единицу», она обвиняет школу: «Это, наконец, возмутительно! Что они там себе в школе думают! Ребенок единицы приносит, а у них только лом на уме!». Когда родители узнают правду, то реагируют весьма эмоционально. Автор так передает душевное состояние отца: «от горя... от волнения... расстроился, разволновался, метался по комнате, как разъяренный тигр...» [45]. Рассвирепев, он называет Гену плутом, мошенником, трутнем, тунеядцем,

негодным, кричит страшным голосом, гремит и стучит по столу кулаком, стыдит Гену, называя случившееся позором.

Весьма показательна (для того времени) фраза: «Как я буду людям в глаза смотреть!», которая фактически выводит конфликт из плоскости семейных отношений и придает ему статус общественного, где порицание падет не только на голову сына, но и его родителей. Мама пытается снизить накал папиных эмоций, говоря, что «кричать – это непедagogично», а нужно его наказать. Однако последующие слова о том, что от крика «у ребенка может пропасть аппетит» показывают двойственность позиции мамы, для которой «хороший аппетит» оказывается важнее нравственной стороны поступков сына. Вся «тяжесть» воспитательных мероприятий легла на плечи папы, который «долго стыдил Гену и... не согласился его простить». Итог его воспитательной деятельности описан автором довольно расплывчато: «Гена просил у него прощения, клялся, что теперь ни за что не будет на санках кататься и всегда будет собирать лом...» [45]. И хотя рассказ о том, что врать – нехорошо, в финале мы не видим этого вывода, как и не видим других родительских действий, кроме некоего «наказания» [45]. Трудно сказать, сделает ли Гена вывод о том, что врать нехорошо, а честно трудиться необходимо, или в следующий раз будет более хитрым и изобретательным.

Заключение

Анализ специфики языковой репрезентации модели взаимоотношений родителей и детей в произведениях Н.Н. Носова показал, что персонажи-родители играют второстепенную роль, а именно, могут быть: а) представленными формально – не принимать активного участия в развитии сюжета, а лишь «давать импульс» к совершению ребенком тех или иных поступков (47% проанализированных рассказов); б) играть, наряду с ребенком, главную роль в произведении (17% проанализированных рассказов); в) отсутствовать в произведении (36% проанализированных рассказов). Приведенные данные подтверждаются частотностью употребления детских имен собственных: слова «мама» и «папа» количественно значительно уступают детским онимам (ср. «Игорь» – 506, «Мишка» – 329, «мама» – 216, «папа» – 106, соответственно).

Результаты контекстного анализа позволяют сделать вывод о доминировании образа матери, ее более активном, по сравнению с отцом, участии в жизни и воспитании ребенка. Следует отметить, что частота употребления лексем «мама» и «папа» значительно выше, чем нейтрально-официальных лексем «мать» и «отец» (216 к 11 и 106 к 37 соответственно), что также говорит о репрезентации модели более близких отношений ребенка с матерью, чем с отцом.

Конкорданс употребления слов «мама» и «папа» демонстрирует контексты, включающие как одобряющий, поддерживающий стиль поведения родителей по отношению к ребенку, так и неодобряющий, включающий элементы лейблинга («трус», «вор»). Употребление слов «мать» и «отец» характерно для конфликтных ситуаций, в которых проявляется негативная

эмоциональная реакция родителя на поступок ребенка, желание ребенка дистанцироваться, его несогласие с родителями, чувство обиды.

Выявлено, что роль матери в рассказах Н.Н. Носова сводится в основном к работе «по хозяйству», приготовлению пищи и обеспечению безопасности ребенка. Круг обязанностей персонажей-родителей, очерченный в произведениях Н.Н. Носова, включает в себя воспитание у ребенка чувства долга, трудолюбия, ответственности и послушания, а также формирование таких нравственных качеств, как честность и порядочность.

Автор избегает прямой характеристики и оценки поступков взрослых, однако по их высказываниям складывается представление о такой модели детско-родительских отношений, в которой фигура взрослого является непререкаемым авторитетом, а общение с детьми, при практическом отсутствии продолжительных разговоров и объяснений, ограничивается директивами, призывами к совести, похвале либо попыткам вызвать чувство вины. В рассказах Н.Н. Носова акцент ставится на воспитании у детей самостоятельности и ответственности. Однако воспитание часто осуществляется по принципу «кнута и пряника» – пока ребенок не нарушает правил, его принимают и одобряют, если нет, он столкнется с довольно жестким порицанием и отторжением. Воспитательные усилия родителей направлены на решение задачи научить ребенка приспосабливаться к жизни в социуме, соблюдать правила и законы, по которым функционирует общество.

Представляется, что исследование специфики изображения взаимоотношений «родители–дети» в художественных произведениях, анализ языковых средств, используемых для репрезентации модели взаимоотношений родителей и детей, являются перспективным направлением дальнейшего развития заявленной темы как в синхронии и диахронии, так и в межкультурном аспекте.

Список источников

1. Гапонова Ж.К., Никкарева Е.В. Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 4. С. 141–153. doi: 10.51762/IFK-2022-27-04-13
2. Gubaidullina A.N., Gorenintseva V.N. Mother As Donor, Hero or Villain: New Sides of The Mother's Image in Sergey Sedov's "Fairy Tales about Mums" // Children's Literature in Education. 2017. Vol. 48 (3). P. 201–213. doi: 10.1007/s10583-016-9273-7
3. Colvin S. Mothers and others in fiction by Sharon Dodua Otoo and Olivia Wenzel // German Life and Letters. 2024. Vol. 77 (1). P. 68–85. doi: 10.1111/glal.12404.
4. Lim S., Bang H., Ark A. Using Q Methodology to Explore American Adolescents' Self-Images and Images of Their Parents // The Family Journal. 2022. Vol. 30 (1). P. 67–84. doi: 10.1177/1066480720986501.
5. Lee J., Chin A. Constructing gender using visual imagery: A study of early readers // Language & Communication. 2021. Vol. 78. P. 1–18. doi: <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2021.01.005>
6. Suissa J. Untangling the mother knot: some thoughts on parents, children and philosophers of education // Ethics and Education. 2006. Vol. 1 (1). P. 65–77. doi: 10.1080/17449640600584987
7. Kuzmičová A., Cremin T. Different fiction genres take children's memories to different places // Cambridge Journal of Education. 2022. Vol. 52 (1). P. 37–53. doi: 10.1080/0305764X.2021.1937523

8. Kidd D.C., Castano E. Reading literary fiction and theory of mind: three preregistered replications and extensions of Kidd and Castano // *Social Psychological and Personality Science*. 2013. Vol. 10 (4). P. 522–531. doi: 10.1177/1948550618775410
9. Petrie A., Mayr R., Zhao F., Montanari S. Parent-child interaction during storybook reading: wordless narrative books versus books with text // *Journal of Child Language*. 2023. Vol. 50. P. 104–131. doi: 10.1017/S0305000921000763
10. Guo R., Li X. Identity and parent-child relationship representations of Nezha: from cultural narrative to case conceptualization // *Culture & Psychology*. 2023. Vol. 29 (3). P. 582–606. doi: 10.1177/1354067X231177458
11. Malcom N. Images of Heaven and the spiritual afterlife: qualitative analysis of children's storybooks about death, dying, grief, and bereavement // *Omega (Westport)*. 2010. Vol. 62 (1). P. 51–76. doi: 10.2190/OM.62.1.c
12. Akopova-Krzaczyńska K. Obraz rodziny w podręcznikach do nauki języka i literatury gruzińskiej // *Z Teorii i Praktyki Dydaktycznej Języka Polskiego*. 2016. T. 25. P. 155–170. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=541130>
13. Pounds G. 'Mind you stay on the path!' The representation of the parent-child relationship in stories for children // *Critical Discourse Studies*. 2010. Vol. 7 (2). P. 143–156. doi: 10.1080/17405901003675497
14. Goroshkova R. The Family novel in Russia and England, 1800–1880 by Anna A. Ber- man (review) // *Dickens Quarterly*. 2023. Vol. 40 (4). P. 497–499. doi: 10.1353/dqt.2023.a913290
15. Smith J., Adendorff R. Reading parents: parody and paradox in *Go the Fuck to Sleep* // *Language & Communication*. 2021. Vol. 77. P. 81–92. doi: 10.1016/j.langcom.2020.12.004
16. Knowles M., Malmkjaer K. Translating ideology: Language, power and the world in the tin soldier // *Language and ideology*. ELR Journal. 1989. Vol. 3. P. 205–241.
17. Botelho M.J., Masha K.R. A Critical Multicultural analysis of children's literature: Mir- rors, Windows, and Doors. New York : Routledge, 2009. 376 p.
18. Van Leeuwen T. Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis. Ox- ford University Press, 2008.
19. Fairclough N. Language and Power. London : Routledge, 2013. 240 p. doi: 10.4324/9781315838250
20. Hsieh H.F. Three Approaches to qualitative content analysis // *Qualitative Health Re- search*. 2005. Vol. 15 (9). P. 1277–1288. doi: 10.1177/1049732305276687
21. Kress G., Van Leeuwen T. Reading Images: The grammar of Visual Design. Routledge, 2020. 310 p.
22. Борисова Е.Б. Лингвопоэтический анализ художественного текста: история, ме- тодология и методика исследования // *Проблемы истории, филологии и культуры*. 2008. С. 470–476. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopoeticheskiyanaliz-xudozhestvennogo-teksta-istoriya-metodologiya-i-metodika-issledovaniya> (дата обращения: 23.11.2023).
23. Борисова Е.Б. Художественный образ в британской литературе XX века: типоло- гия, лингвопоэтика, перевод : дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2010. 383 с.
24. Козеняшева Л.М. Лингвопоэтические средства создания образа слуги в англий- ской литературе XIX–XX веков : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 192 с.
25. Палойко Л.В. Образ персонажа в оригинале и литературном продолжении англо- язычного романа как объект филологического анализа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2014. 24 с.
26. Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература : учебник для студентов высших учебных педагогических заведений. М. : Академия, 2005. 576 с.
27. Юйцин Ши. Жанр юмористического рассказа в творчестве Николая Носова и Виктора Драгунского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 24 с.
28. Издательство «Лабиринт Пресс». URL: <https://www.labyrinth.ru/books/730709/> (дата обращения: 17.12.2023).

29. Макаренко А.С. Книга для родителей. М. : ИТПК, 2014. 288 с.
30. Демоз Л. Психоистория. Глава «Эволюция детства». URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lloid/01.php (дата обращения: 20.11.2023).
31. Спиваковская А.С. Как быть родителями. М. : Педагогика, 2006. 160 с.
32. Леонтьев А.Н. Психическое развитие ребенка в дошкольном возрасте // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16, № 2. С. 118–124. doi: 10.17759/chp.2020160213
33. Детская психология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / ред.-сост. Б.Д. Эльконин. 4-е изд., стер. М. : Академия, 2007. 384 с.
34. Гиппенрейтер Ю. Общаться с ребенком. Как? М. : АСТ, Астрель, Харвест; 2008. 214 с.
35. Спирева Е.Н. Влияние личностных особенностей родителя и ребенка на стиль семейного воспитания : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М. : Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. 26 с.
36. Боулби Дж. Привязанность. М. : Гардарики, 2003. 477 с.
37. Марковская И.М. Психология детско-родительских отношений. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. 91с.
38. Варга А.А., Драбкина Т.С. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб. : Речь, 2001. 144 с.
39. Родители и дети: психология взаимоотношений / Е.А. Савина [и др.]. М. : Когито-Центр, 2019. 230 с. URL: <https://www.iprbookshop.ru/88303.html> (дата обращения: 19.02.2024).
40. Зурбашиева Ю.К. Взрослые и дети в современной детской литературе: кто старше? // Актуальные проблемы филологии. 2019. № 18. С. 43–49.
41. Балина М. Литературная репрезентация детства в советской и постсоветской России // Детские чтения. 2020. № 1 (1). С. 43–66. URL: <https://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/4> (дата обращения: 26.01.2024).
42. Чарская-Бойко В.Ю. Переосмысление возрастных ролей в современной детской литературе // Читатель в поиске / под ред. Е.А. Асоновой, Е.С. Романичевой. М. : Библиомир, 2018. С. 113–122.
43. Борисова Е.Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37. С. 20–27.
44. Маслова Т.С., Бенеш Н.И. Сравнительная характеристика сквозных образов-персонажей в рассказах В.В. Драгунского и Н.Н. Носова // Материалы XII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018022177> (дата обращения: 29.02.2024).
45. Носов Н. Невероятные истории. Сборник рассказов и повестей. URL: https://roy-allib.com/read/nosov_nikolay/neveroyatny_istorii_sbornik_rasskazov_i_povestey.html#0 (дата обращения: 24.02.2024).
46. Носов Н. Под одной крышей. URL: <http://www.planetaskazok.ru/nnosovskz/pododnojkrysheynosov> (дата обращения: 23.02.2024).

References

1. Gaponova, Zh.K. & Nikkareva, E.V. (2022) Reprezentatsiya obrazov babushki i dedushki v sovremennoy detskoj literature [Representation of Grandmother and Grandfather Images in Modern Children's Literature]. *Filologicheskij klass*. 27 (4). pp. 141–153. doi: 10.51762/1FK-2022-27-04-13
2. Gubaidullina, A.N. & Gorenintseva, V.N. (2017) Mother As Donor, Hero or Villain: New Sides of The Mother's Image in Sergey Sedov's "Fairy Tales about Mums". *Children's Literature in Education*. 48 (3). pp. 201–213. doi: 10.1007/s10583-016-9273-7
3. Colvin, S. (2024) Mothers and others in fiction by Sharon Dodua Otoo and Olivia Wenzel. *German Life and Letters*. 77 (1). pp. 68–85. doi: 10.1111/glal.12404

4. Lim, S., Bang, H. & Ark, A. (2022) Using Q Methodology to Explore American Adolescents' Self-Images and Images of Their Parents. *The Family Journal*. 30 (1). pp. 67–84. doi: 10.1177/1066480720986501
5. Lee, J. & Chin, A. (2021) Constructing gender using visual imagery: A study of early readers. *Language & Communication*. 78. pp. 1–18. doi: 10.1016/j.langcom.2021.01.005
6. Suissa, J. (2006) Untangling the mother knot: some thoughts on parents, children and philosophers of education. *Ethics and Education*. 1 (1). pp. 65–77. doi: 10.1080/17449640600584987
7. Kuzmičová, A. & Cremin, T. (2022) Different fiction genres take children's memories to different places. *Cambridge Journal of Education*. 52 (1). pp. 37–53. doi: 10.1080/0305764X.2021.1937523
8. Kidd, D.C. & Castano, E. (2013) Reading literary fiction and theory of mind: three preregistered replications and extensions of Kidd and Castano. *Social Psychological and Personality Science*. 10 (4). pp. 522–531. doi: 10.1177/1948550618775410
9. Petrie, A., Mayr, R., Zhao, F. & Montanari, S. (2023) Parent-child interaction during storybook reading: wordless narrative books versus books with text. *Journal of Child Language*. 50. pp. 104–131. doi: 10.1017/S0305000921000763
10. Guo, R. & Li, X. (2023) Identity and parent-child relationship representations of Nezha: from cultural narrative to case conceptualization. *Culture & Psychology*. 29 (3). pp. 582–606. doi: 10.1177/1354067X231177458
11. Malcom, N. (2010) Images of Heaven and the spiritual afterlife: qualitative analysis of children's storybooks about death, dying, grief, and bereavement. *Omega* (Westport). 62 (1). pp. 51–76. doi: 10.2190/OM.62.1.c
12. Akopova-Krzaczyńska, K. (2016) Obraz rodziny w podręcznikach do nauki języka i literatury gruzińskiej [Family Image in Georgian Language and Literature Textbooks]. *Z Teorii i Praktyki Dydaktycznej Języka Polskiego*. 25. pp. 155–170. [Online] Available from: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=541130>
13. Pounds, G. (2010) 'Mind you stay on the path!' The representation of the parent-child relationship in stories for children. *Critical Discourse Studies*. 7 (2). pp. 143–156. doi: 10.1080/17405901003675497
14. Goroshkova, R. (2023) The Family novel in Russia and England, 1800–1880 by Anna A. Berman (review). *Dickens Quarterly*. 40 (4). pp. 497–499. doi: 10.1353/dqt.2023.a913290
15. Smith, J. & Adendorff, R. (2021) Reading parents: parody and paradox in Go the Fuck to Sleep. *Language & Communication*. 77. pp. 81–92. doi: 10.1016/j.langcom.2020.12.004
16. Knowles, M. & Malmkjaer, K. (1989) Translating ideology: Language, power and the world in the tin soldier. *Language and ideology. ELR Journal*. 3. pp. 205–241.
17. Botelho, M.J. & Masha, K.R. (2009) *A Critical Multicultural Analysis of Children's Literature: Mirrors, Windows, and Doors*. New York: Routledge.
18. Van Leeuwen, T. (2008) *Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis*. Oxford: Oxford University Press.
19. Fairclough, N. (2013) *Language and Power*. London: Routledge. doi: 10.4324/9781315838250
20. Hsieh, H.F. (2005) Three Approaches to Qualitative Content Analysis. *Qualitative Health Research*. 15 (9). pp. 1277–1288. doi: 10.1177/1049732305276687
21. Kress, G. & Van Leeuwen, T. (2020) *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. Routledge.
22. Borisova, E.B. (2008) Lingvopoeticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta: istoriya, metodologiya i metodika issledovaniya [Linguopoetic Analysis of Literary Text: History, Methodology, and Research Methods]. *Problemy istorii, filologii i kultury*. pp. 470–476. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopoeticheskiyanaliz-khudozhestvennogo-teksta-istoriya-metodologiya-i-metodika-issledovaniya>

23. Borisova, E.B. (2010) *Khudozhestvennyy obraz v britanskoj literature XX veka: tipologiya, lingvopoetika, perevod* [The Artistic Image in 20th-Century British Literature: Typology, Linguopoetics, Translation]. Philology Dr. Diss. Samara.
24. Kozenyasheva, L.M. (2006) *Lingvopoeticheskie sredstva sozdaniya obraza slugi v anglijskoj literature XIX–XX vekov* [Linguopoetic Means of Creating the Servant Image in 19th–20th Century English Literature]. Philology Cand. Diss. Samara.
25. Paloyko, L.V. (2014) *Obraz personazha v originale i literaturnom prodolzhenii angloyazychnogo romana kak ob"ekt filologicheskogo analiza* [Character Image in the Original and Literary Continuation of English-Language Novels as an Object of Philological Analysis]. Abstract of Philology Cand. Diss. Samara.
26. Arzamastseva, N. & Nikolaeva, S.A. (2005) *Detskaya literatura: Uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh pedagogicheskikh zavedeniy* [Children's Literature: Textbook for Pedagogical University Students]. Moscow: Akademiya.
27. Shi, Yu. (2020) *Zhanr yumoristicheskogo rasskaza v tvorchestve Nikolaya Nosova i Viktora Dragunskogo* [The Genre of Humorous Short Stories in the Works of Nikolai Nosov and Viktor Dragunsky]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
28. *Labirint Press Publishing House*. [Online] Available from: <https://www.labirint.ru/books/730709/>
29. Makarenko, A.S. (2014) *Kniga dlya roditeley* [A Book for Parents]. Moscow: ITRK
30. Demoz, L. (n.d.) *Psikhoistoriya. Glava "Evolyutsiya detstva"* [Psychohistory. Chapter "The Evolution of Childhood"]. [Online] Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lloid/01.php
31. Spivakovskaya, A.S. (2006) *Kak byt roditelyami* [How to Be Parents]. Moscow: Pedagogika.
32. Leontiev, A.N. (2020) *Psikhicheskoe razvitiye rebenka v doskol'nom vozraste* [Mental Development of a Child in Preschool Age]. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*. 16 (2). pp. 118–124. doi: 10.17759/chp.2020160213
33. Elkonin, B.D. (ed.) (2007) *Detskaya psikhologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Child Psychology: Textbook for Higher Education Students]. 4th ed. Moscow: Akademiya.
34. Gippenreiter, Yu. (2008) *Obshchatsya s rebenkom. Kak?* [How to Communicate with a Child?]. Moscow: AST.
35. Spirina, E.N. (2004) *Vliyanie lichnostnykh osobennostey roditelya i rebenka na stil semeynogo vospitaniya* [The Influence of Parent and Child Personality Traits on Family Parenting Style]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
36. Bowlby, J. (2003) *Privyazannost'* [Attachment]. Moscow: Gardariki.
37. Markovskaya, I.M. (2007) *Psikhologiya detsko-roditel'skikh otnosheniy* [Psychology of Parent–Child Relationships]. Chelyabinsk: South Ural State University.
38. Varga, A.Ya. & Drabkina, T.S. (2001) *Sistemnaya semeynaya psikhoterapiya. Kratkiy lektсионnyy kurs* [Systemic Family Psychotherapy: A Brief Lecture Course]. St. Petersburg: Rech.
39. Savina, E.A. et al. (2019) *Roditeli i deti: psikhologiya vzaimootnosheniy* [Parents and Children: Psychology of Relationships]. Moscow: Kogito-Tsentr. [Online] Available from: <https://www.iprbookshop.ru/88303.html>
40. Zurbasheva, Yu.K. (2019) *Vzroslye i deti v sovremennoy detskoj literature: kto starshe?* [Adults and Children in Modern Children's Literature: Who Is Older?]. *Aktualnye problemy filologii*. 18. pp. 43–49.
41. Balina, M. (2020) *Literaturnaya reprezentatsiya detstva v sovetskoj i postsovetskoj Rossii* [Literary Representation of Childhood in Soviet and Post-Soviet Russia]. *Detskie chteniya*. 1 (1). pp. 43–66. [Online] Available from: <https://detskie-chenia.ru/index.php/journal/article/view/4>
42. Charskaya-Boyko, V.Yu. (2018) *Pereosmyslenie voznrastnykh roley v sovremennoy detskoj literature* [Reinterpretation of Age Roles in Modern Children's Literature]. In:

Asonova, E.A. & Romanicheva, E.S. (eds) *Chitatel v poiske* [Reader in Search]. Moscow: Bibliomir. pp. 113–122.

43. Borisova, E.B. (2009) O sodержanii ponyatiy "khudozhestvennyy obraz" i "obraznost" v literaturovedenii i lingvistike [On the Content of the Concepts "Artistic Image" and "Imagery" in Literary Studies and Linguistics]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 37. pp. 20–27.

44. Maslova, T.S. & Benesh, N.I. (2020) [Comparative Characteristics of Recurring Character Images in the Stories of V.V. Dragunsky and N.N. Nosov]. *Studencheskiy nauchnyy forum* [Student Scientific Forum]. Proceedings of the 12th International Student Conference. [Online] Available from: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018022177> (In Russian).

45. Nosov, N. (n.d.) *Neveroyatnye istorii. Sbornik rasskazov i povestey* [Incredible Stories: A Collection of Short Stories and Novellas]. [Online] Available from: https://royallib.com/read/nosov_nikolay/neveroyatnyy_istorii_sbornik_rasskazov_i_povestey.html#0

46. Nosov, N. (n.d.) *Pod odnoy kryshey* [Under One Roof]. [Online] Available from: <http://www.planetaskazok.ru/nosovskz/pododnojkrysheynosov> (Accessed: 23.02.2024).

Информация об авторах:

Кислицына Н.Н. – д-р филол. наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков № 1 Института филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: nkislitsyn@rambler.ru

Мельниченко Т.В. – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 1 Института филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: tanya.melnichenko@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.N. Kislitsyna, Dr. Sci. (Philology), docent, head of the Foreign Language Department No. 1, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: nkislitsyn@rambler.ru

T.V. Melnichenko, Cand. Sci. (Philology), docent, associate professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: tanya.melnichenko@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.03.2024;
одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 14.03.2024;
approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 19.05.2025.*

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.17223/19986645/95/5

Типы пояснительных отношений в построениях с непредикативными вставными конструкциями

Ирина Юрьевна Кононова¹

¹ *Чирчикский государственный педагогический университет,
Чирчик, Узбекистан, konirina@inbox.ru*

Аннотация. На основе соотношения объемов понятия поясняемого и поясняющего компонентов выделены следующие разновидности пояснительных отношений в построениях с непредикативными вставными конструкциями: уточнение (разновидности: собственно уточнение, уточнение через повтор с распространением, уточнение через перечисление, включение, исключение); обобщение; отождествление (разновидности: перевод, синонимическая замена, отождествление номинаций с единичным объемом понятия).

Ключевые слова: вставные конструкции, пояснительные отношения, объем понятия, уточнение, обобщение, отождествление

Для цитирования: Кононова И.Ю. Типы пояснительных отношений в построениях с непредикативными вставными конструкциями // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 85–107. doi: 10.17223/19986645/95/5

Original article

doi: 10.17223/19986645/95/5

Types of explanatory relations in constructions with non-predicative parentheticals

Irina Yu. Kononova¹

¹ *Chirchik State Pedagogical University, Chirchik, Republic of Uzbekistan,
konirina@inbox.ru*

Abstract. The aim of the study is to develop a classification of explanatory relations in constructions with parentheticals based on logical relations. The research is conducted on the material of Russian literary works of the 19th–20th centuries. Contextual and component analyses were used in the development of the classification. The study involves a comparison of explanatory relations with coordinative and subordinative ones. The specificity of explanation is described as a subject-expressive and subject-oriented form of syntax, serving a metacommunicative function. Explanatory relations are defined as relations that arise between two components (the explained and the explaining) performing the same syntactic function but not connected by coordinating or subordinating conjunctions and not entering into enumeration relations with each other. Based on the analysis of scientific literature and language material, a classification of

explanatory relations in constructions with parentheticals was developed. This classification is grounded in correlating the extensions of concepts of the explaining and the explained components. The extension of a concept is viewed as a scale, at one end of which pronouns are located as non-specific words performing an indicative function, with their potential extension approaching infinity; at the other end of this scale are proper nouns, another type of non-specific words, whose function is the unique naming of an object, and their conceptual volume tends towards unity. Content words occupy the intermediate position. Three main types of explanatory relations in constructions with parentheticals are identified: (1) specification (narrowing the extension of the concept when moving from the specified to the specifying); (2) generalization (expanding the extension of the concept); (3) identification (equating the extensions of the concepts). Specification most closely corresponds to the logic of the progressive development of the text: from general to specific, from less information to more. Generalization achieves progressive development of the text through the exchange of characteristics between an element and a set: by endowing the set with the properties of the referent or by endowing the referent with the properties of the set. Identification violates the logic of the progressive development of the text; the informational value of identification is determined by its metalinguistic function, that is, by ensuring the interaction of various signifiers caused by differences in languages, sociolects, idiolects or constitutions.

Keywords: parentheticals, explanatory relations, extension of concept, specification, generalization, identification

For citation: Kononova, I.Yu. (2025) Types of explanatory relations in constructions with non-predicative parentheticals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 85–107. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/5

Введение

Под вставными конструкциями (ВК) мы понимаем «выделенные скобками или парным тире синтаксические конструкции, которые связаны по смыслу с основным предложением <...>, но могут быть опущены без нарушения синтаксической структуры основного предложения» [1. С. 66]. Одной из базовых функций ВК является пояснение. Указания на эту функцию включаются в состав смысловой характеристики ВК («дополнительные замечания, уточнения, пояснения, поправки» [2. С. 165]) и становятся одним из оснований для отграничения ВК от вводных конструкций («Если вводные элементы <...> имеют преимущественно субъективно-оценочное значение, то вставные – объективно-пояснительное» [3. С. 269]). Пояснительные отношения в построениях с ВК обычно рассматриваются в контексте общей функциональной классификации ВК: так, Ю.Г. Полякова описывает три функциональных разновидности ВК: 1) ВК с функцией дополнительного сообщения; 2) ВК с уточняюще-пояснительной функцией; 3) ВК с экспрессивно-оценочной функцией [4. С. 6]. И.И. Гавриленко выделяет уточнение, пояснение и обобщение как разновидности реализации служебной (метатекстовой) функции ВК [5. С. 12]. Описанию уточняющих функций ВК в художественном тексте посвящена работа М.Н. Кулаковского [6]. Однако анализ пояснительных отношений в построениях с ВК затруднен в связи с тем, что

проблема пояснительных отношений в целом остается дискуссионной: расхождения во взглядах исследователей прослеживаются как в вопросе о грамматическом статусе пояснительных отношений, так и в вопросах их классификации.

Целью данной работы является разработка основанной на логических отношениях классификации пояснительных отношений в построениях с ВК. Методом сплошной выборки была составлена картотека языкового материала на основе произведений русской художественной литературы XIX–XX вв.; собранные образцы языкового материала были проанализированы с использованием методов контекстуального и компонентного анализа и распределены по группам и подгруппам в соответствии с логическими операциями, осуществляемыми при переходе от поясняемого компонента к поясняющему.

Вопрос об определении пояснительных отношений

Вопрос о грамматическом статусе пояснительных отношений в русском языкознании имеет три варианта решения: толкование пояснительных отношений как подчинительных, как сочинительных или как самостоятельного вида отношений, промежуточного между сочинением и подчинением. Так, А.М. Пешковский относит пояснительные союзы, а следовательно, и выражаемые ими отношения к подчинительным [7. С. 487]. В учебниках по морфологии [8, 9] пояснительные союзы чаще относятся к сочинительным, однако оговаривается, что эта точка зрения разделяется не всеми исследователями. В Русской грамматике 1980 г. пояснительные отношения характеризуются как «в целом сочинительные», но имеющие некоторые признаки подчинения: «...один из членов ряда служит другому, не будучи зависим от него формально» [10. С. 168]. А.Ф. Прияткина отмечает, что «с синтаксической стороны пояснительные отношения не совпадают полностью ни с сочинением, ни с подчинением, соединяя в себе признаки и того и другого» [11. С. 358–359]; сходной точки зрения придерживаются И.П. Распопов и А.М. Ломов, характеризуя пояснительные отношения как особый тип связи, «отличный от известных нам типов подчинения и сочинения и по способу реализации, и по назначению», при котором последовательная связь «преобразуется в параллельную, благодаря чему значения соответствующих членов конструктивно-синтаксического ряда не складываются друг с другом, а как бы накладываются одно на другое» [3. С. 263].

Мы считаем целесообразным выделять пояснительные отношения в качестве особого типа – особенно в применении к ВК, поскольку для данного класса синтаксических единиц пояснительные отношения с основным предложением являются высокочастотными, а сама функция пояснения, вероятно, для ВК – одной из первичных. Можно утверждать, что пояснительные отношения занимают промежуточное положение между сочинительными и подчинительными.

С сочинительными отношениями пояснение сходно в структурном плане: для обоих типов отношений характерна одинаковая синтаксическая функция связываемых компонентов и возможность реализации как на уровне простого, так и на уровне сложного предложения. Однако структурное сходство сочинительных и пояснительных отношений не является полным. Так, при пояснении, в отличие от сочинения: 1) изменение порядка следования компонентов приводит к смысловым преобразованиям; 2) поясняющий компонент подлежит двустороннему пунктуационному выделению на письме и обладает особой интонацией в устной речи [11. С. 359].

С подчинительными отношениями пояснение сходно в смысловом плане: на семантико-функциональном уровне поясняемый и поясняющий компоненты не являются равноправными; с функциональной точки зрения поясняющий компонент выполняет вспомогательную функцию (служит для раскрытия смысла поясняемого) и по этой причине может рассматриваться как элемент, подчиненный поясняемому. При этом, однако, отношения между поясняемым и поясняющим компонентами в точности «не соответствуют ни одному виду подчинительной связи: ни согласованию, ни управлению, ни примыканию» [12. С. 67]. По этой причине квалификация семантических отношений между поясняемым и поясняющим представляет собой отдельную проблему. С одной стороны, из-за смыслового неравноправия компонентов пояснительной конструкции «между поясняемым и пояснением устанавливаются отношения обусловленности, а сами члены относятся друг к другу как определяемый и определяющий» [13. С. 24]. С другой стороны, как утверждает А.Ф. Прияткина, «логическую основу пояснительных отношений составляет мысль о тождестве» [14. С. 64], и в этом плане отношение между поясняемым и поясняющим элементом «больше похоже на предикативное, чем на определительное» [15. С. 10].

Выражаемое «отношение тождества» [16. С. 173] представляет собой принципиально важную особенность пояснительных конструкций, отличающую их и от сочинительных, и от подчинительных структур: и при сочинении, и при подчинении связываемые компоненты имеют разные обозначаемые; при пояснении же оба компонента (поясняемый и поясняющий) имеют одно и то же обозначаемое; «соотносятся с одним референтом» [12. С. 68]. Поясняемый и поясняющий элементы по сути представляют собой разные номинации одной и той же реалии. Применение разных номинаций для обозначения одного и того же референта приводит к приравнению самих номинаций, т.е. к выражению «отношений между знаками» [17. С. 128]. Следовательно, сама операция пояснения является «метафункцией» [17. С. 128], имеет метакоммуникативную природу.

При пояснении «важную роль играет субъективная позиция говорящего» [13. С. 25], которая проявляется и в выборе поясняющего компонента (т.е. в суждении о применимости поясняющей номинации для референта, обозначенного поясняемой номинацией), и в принятии решения относительно самой необходимости совершения акта пояснения. Как указывает С.П. Петрунина,

пояснение «возникает по воле и замыслу говорящего» [18. С. 20]. Таким образом, можно утверждать, что пояснение представляет собой явление субъектно-экспрессивного синтаксиса.

Как метакоммуникативное явление, пояснение служит для обеспечения более точного понимания содержания высказывания, сокращая «разрыв в знаниях относительно предмета разговора» [18. С. 25]. По этой причине можно утверждать, что пояснение обладает свойством ориентированности на адресата и, следовательно, представляет собой не только субъектно-экспрессивное, но и субъектно-ориентированное (ориентированное на адресата) синтаксическое явление.

Сказанное дает основания для формулировки **определения пояснительных отношений**. Пояснительными мы считаем те отношения, которые возникают между двумя компонентами (поясняемым и поясняющим), выполняющими одинаковую синтаксическую функцию, но не связанными сочинительными или подчинительными союзами и не вступающими между собой в отношения перечисления. Поясняющий компонент подлежит обязательному графическому выделению: двустороннему (посредством запятых, тире или скобок) либо одностороннему (посредством дефиса). В разговорной речи, публицистических и художественных текстах пояснительные конструкции представляют собой субъектно-экспрессивную и субъектно-ориентированную форму синтаксиса, поскольку организуют дополнительное ранжирование информации в соответствии с субъективными суждениями и оценками, накладывающееся на основное ранжирование информации, отраженное в иерархической структуре предложения. В официально-деловом и научном стиле субъектно-экспрессивная природа пояснительных конструкций нивелируется из-за клиширования.

Вопрос о типах пояснительных отношений

В Русской грамматике 1980 г. в разделе «Пояснение» (автор раздела – А.Ф. Прияткина) выделяются «три вида пояснительных отношений: собственно пояснение, включение и уточнение» [10. С. 174]. Более детально данная классификация раскрыта А.Ф. Прияткиной в монографии «Синтаксис осложненного предложения»: 1) **пояснение**: а) собственно отождествление (*то есть*); б) конкретизация (*а именно, как то, будь то*); 2) **включение**; 3) **уточнение**: а) ограничение; б) конкретизация; в) дополняюще-уточняющее значение [14]. В качестве основного критерия в этой классификации используются служебные слова: 1) при **пояснении** утверждается полное тождество объектов, которое оформляется с помощью союзов *то есть, а именно, как то, будь то*; вводных слов *вернее, точнее, иначе говоря*; а также особой «предупредительной» интонации; 2) при **включении** наблюдается неполное тождество объектов, которое оформляется с помощью вводных слов *например, в том числе, в частности, особенно*; 3) при **уточнении** не происходит утверждения тождества и не допускается использова-

ние союзов или специальных вводных слов, оформляющих другие типы пояснительных отношений; единственным формальным показателем данного типа является обязательная обособляющая интонация [14. С. 68–77]. Данная классификация широко используется в других работах [13, 18].

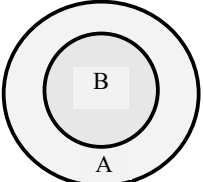
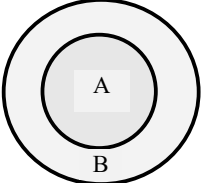
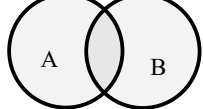
Достоинством классификации А.Ф. Прияткиной является опора на отчетливые формальные признаки (союзы, модальные слова, возможность/невозможность их использования). К недостаткам можно отнести следующие особенности: 1) только частичная и не вполне последовательная опора на логические отношения поясняемого и поясняющего (ср.: «С логической точки зрения, уточнение не всегда можно четко отличить от пояснения» [14. С. 75]); 2) выделение конкретизации как подтипа в двух разных типах – в пояснении и в уточнении (ср.: «Пояснение и уточнение четко не различаются при конкретизации. Решающую роль в таких случаях играет интонация» [14. С. 77]); 3) контринтуитивное использование терминологических обозначений: так, на общеязыковом уровне слова *уточнение* и *конкретизация* могут рассматриваться как синонимы или как гипероним с гипонимом (конкретизация как частный случай уточнения через переключение от абстрактного к конкретному); однако в данной классификации под конкретизацией понимается переход не только от абстрактного к конкретному, но и от общего к частному, от гиперонима к гипониму; при таком использовании лексемы *уточнение* и *конкретизация* синонимизируются, и семантические различия между ними становятся неясными.

В работе Н.Н. Логвиновой [15] к русскому языковому материалу применяется классификация, описанная в зарубежной лингвистике на материале английского языка [19]. Выделены три типа семантических отношений: эквиваленция, атрибуция (характеристика) и интеграция (включение); при этом эквиваленция делится на четыре подтипа (именование, идентификация, определение и переформулирование). В применении к русскому языку неочевидными становятся различия между атрибуцией и определением как подтипом эквиваленции.

О.Ю. Инькова и А.С. Гурьев выделяют следующие типы употребления союза *то есть*, применимые и для описания пояснительных конструкций в целом: 1) определение (дефиниция); 2) обратное определение; 3) дополнение (поясняющее и поясняемое имеют одинаковый экстенционал, но разные интенционалы); 4) интерпретация; 5) следствие; 6) спецификация (*а именно*); 7) выбор (*в том числе*); 8) экзemplификация (*например*); а также, в качестве отдельных видов, перифрастическое переформулирование (*другими словами*), коррекция и хезитация [20]. Данная классификация основывается как на собственно грамматических (тип коннектора), так и на логических (соотношение объемов понятий) критериях.

В нашей работе предпринимается попытка разработать классификацию пояснительных отношений на логических основаниях, т.е. на основе соотношения объемов понятий поясняющего и поясняемого компонентов (см. таблицу). Под объемом понятия (экстенционалом) номинации мы понимаем множество объектов, способных обозначаться данной номинацией.

Операции по соотносению объемов понятия

Пункт	Тип операции	Описание	Графическое представление
A	Уточнение	Объем понятия у поясняющего (B) уже, чем у поясняемого (A)	
B	Обобщение	Объем понятия у поясняющего (B) шире, чем у поясняемого (A)	
C	Отождествление	Объемы понятий равны или почти равны	

Таким образом, если при переходе от поясняемого к поясняющему происходит сужение объема понятия, то реализуется операция уточнения; при расширении объема понятия – операция обобщения; в случае приравнивания объемов понятий – операция отождествления.

Вероятно, можно говорить о своего рода шкале объема понятия. На одном конце такой шкалы будут располагаться местоимения как неопределенные слова, которые выполняют указательную функцию: их потенциальный объем понятия стремится к бесконечности; на другом конце – другая разновидность неопределенных слов – имена собственные, функцией которых является уникальное, индивидуальное именование предмета; объем их понятия стремится к единице; срединное положение занимают однозначные лексемы.

А. Уточнение

М.Н. Кулаковский рассматривает уточняющие функции ВК в художественном тексте, указывая на то, что «подобные вставки конкретизируют определенное понятие, представленное в рамках основного контекста, с помощью указания на его разновидность или путем актуализации наиболее важной части целого» [6. С. 81], и выделяет следующие разновидности уточнения в ВК: 1) прямое уточнение; 2) перечисление составных компонентов определенного понятия; 3) уточнение с помощью приведения примера; 4) уточнение путем исключения; 5) уточнение через расширение; 6) уточнение-акцентирование путем повтора [6].

Мы предлагаем выделять следующие разновидности уточняющих отношений: 1) собственно уточнение; 2) уточнение через повтор с распространением; 3) уточнение через перечисление; 4) включение; 5) исключение. Предлагаемая классификация уточняющих отношений несколько отличается от классификации М.Н. Кулаковского: так, нами выделена дополнительная разновидность – уточнение через повтор с распространением; к этой разновидности мы относим и уточнение через акцентирующий повтор, который, как правило, также сопряжен с добавлением если не зависимых членов предложения, то как минимум модальных элементов – частиц, междометий и т.д. Выделяемое М.Н. Кулаковским уточнение через расширение, судя по приводимым примерам, часто выражается посредством сочинительных союзов; такие случаи мы относим не к пояснительным, а к сочинительным отношениям.

А.1. Собственно уточнение. Прототипическим репрезентантом уточняющих отношений представляются **отношения гиперо-гипонимии**: поясняемый компонент представлен гиперонимом, поясняющий – гипонимом, ср.: *Летим на огромное дерево (дуб)* (М.И. Цветаева. Аля (Записи о моей первой дочери)); *Проехав с полверсты в хвосте колонны, он остановился у одинокого заброшенного дома (вероятно, бывшего трактира) подле разветвления двух дорог* (Л.Н. Толстой. Война и мир). Гиперонимы (в приведенных примерах – *дерево, дом* ('строение')) обладают более широким объемом понятия, чем гипонимы (*дуб, трактир*); при переходе от гиперонима к гипониму происходит сужение объема понятия, т.е. собственно уточнение.

Кроме того, в качестве уточняющих отношений могут быть рассмотрены **отношения целое/часть**, ср.: *Одним из первых тайных ужасов и ужасных тайн моего детства (младенчества) было...* (М.И. Цветаева. Черт); *Ялта, Суук-Су, Боровое, Цихидзири, Махинджаури, Ленинград (Зимний дворец)* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита). Важно отметить существенное различие между гиперо-гипонимическими отношениями и отношениями целое/часть: в отличие от гиперо-гипонимического уточнения, при уточняющем переходе от целого к части сужение объема понятия происходит за счет сужения референта (от целого – к части целого). Чаще всего уточнение от целого к части применяется в отношении пространственных или временных отрезков, в большинстве случаев выражаемых обстоятельствами времени или места. Ср.: *Около 16 (точнее, без десяти 16) я был дома* (Е.И. Замятин. Мы).

Для роли уточняющего компонента наиболее пригодны индивидуальные именованья как номинации, объем понятия которых равен единице. Уточняющее индивидуальное именование может быть представлено личным именем (*Он пишет Аракчееву: «Воля государя моего, я никак вместе с министром (Барклаем) не могу»* (Л.Н. Война и мир); топонимом (*Вице-король овладеет деревню (Бородиным) и перейдет по своим трем мостам...* (Л.Н. Толстой. Война и мир)); названием (*Есть у Гумилева стих – «Му-жик» – благополучно просмотренный в свое время царской цензурой...* (М.И. Цветаева. История одного посвящения)) или датой (...нынешнее

число – **9-ое ноября 1928 г.** – крайний час и миг этого дня (М.И. Цветаева. Наталья Гончарова)).

В роли уточняемого компонента высокочастотны местоимения как элементы с потенциально неограниченным объемом понятия. Местоимения могут входить в состав уточняемого компонента (...*пижам в те времена (шестьдесят лет назад!) не было...* (М.И. Цветаева. Живое о живом)) или представлять его полностью (*Николай ни одним словом не намекнул на то, что теперь (в случае выздоровления князя Андрея) прежние отношения между ним и Наташей могли возобновиться* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *В своем (гении) то же, что Гончарова в своем (красоте)* (М.И. Цветаева. Наталья Гончарова)).

Использование **неопределенных местоимений** в роли уточняемого компонента связано с недостаточностью информации у субъекта речи или субъекта восприятия; при этом уточняющий компонент обычно содержит вводное слово со значением предположения, ср.: *Кто-то (казалось, его поверенный по делам) писал ему из Москвы, что известная особа скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой* (А.С. Пушкин. Повести Белкина); *Всякий молодой человек, приезжавший в дом Ростовых, глядя на эти молодые, восприимчивые, чему-то (вероятно, своему счастью) улыбающиеся девические лица... испытывал одно и то же чувство готовности к любви и ожидания счастья, которое испытывала и сама молодежь дома Ростовых* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *С полочки на стене прямо в лицо мне чуть приметно улыбалась курносая асимметрическая физиономия какого-то из древних поэтов (кажется, Пушкина)* (Е.И. Замятин. Мы).

Уточнение **анафорических местоимений** (в частности, личных местоимений 3-го л. и относительных местоимений) является разрешением анафоры (anaphora resolution [21]), выполненным самим автором. Ср. случаи уточнения личных местоимений 3-го л.: – *Теперь судят и обвиняют его (Сперанского) все те, которые месяц тому назад восхищались им, — говорил князь Андрей...* (Л.Н. Толстой. Война и мир); – *Знаешь, я часто боюсь, что мы не говорим о нем (князе Андрее), как будто мы боимся унижить наше чувство, и забываем* (Л.Н. Толстой. Война и мир). В обоих приведенных примерах основная часть, содержащая уточняемую анафору, представлена репликами персонажей, а уточняющая ВК – словами автора (повествователя). Парадоксально, но необходимость уточнения анафоры возникает из-за установки на точную передачу живой речи. Отсутствие антецедента анафоры в репликах персонажей имитирует смысловую неполноту реплик в контексте живого разговора, которая становится возможной благодаря активированности референта анафоры (referent's activation [22]) для непосредственных участников коммуникации. В первом примере активированность референта является временной, обусловленной конситуацией; второй же пример демонстрирует постоянную салиентность референта для обеих участниц коммуникации, обеспечивающую, несмотря на отсутствие антецедента, однозначное разрешение анафоры и для отправителя, и для получателя, и, таким образом, выполняющую характерологическую функцию.

Уточнение анафорического местоимения также может использоваться в случаях референциальной неоднозначности [23]; ср.: *Всякий, входящий в Грибоедова, прежде всего знакомился невольно с извещениями разных спортивных кружков и с групповыми, а также индивидуальными фотографиями членов МАССОЛИТа, которыми (фотографиями) были увешаны стены лестницы, ведущей во второй этаж* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита). В данном примере уточнению подвергается относительное местоимение *который*: в роли его потенциальных антецедентов выступают именны́е группы *извещения разных спортивных кружков и фотографии членов МАССОЛИТа* и *члены МАССОЛИТа*. В пользу выбора первой именной группы в качестве антецедента выступают следующие факторы: 1) принцип приоритета первого упоминания [23. С. 132]; 2) совпадение грамматических форм (Тв. п., мн. ч.) вершин данной именной группы (*извещениями, фотографиями*) и анафоры (*которыми*); 3) логика естественного порядка вещей, в соответствии с которой в качестве объектов, развешанных на стенах, вполне ожидаемы объявления и фотографии. В пользу выбора второй именной группы выступает только ее бо́льшая близость к анафоре в речевой цепочке; поэтому в качестве антецедента анафоры выбирается первая именная группа. Уточнение анафоры в ВК, таким образом, является избыточным и служит не столько для разрешения референциальной неоднозначности, сколько для привлечения внимания к этой неоднозначности: избыточное уточнение стимулирует поиск и подстановку другого референта анафоры, отличающегося от упомянутого в скобках; в результате (казалось бы, вопреки авторскому уточнению, но в то же время благодаря ему) создается комическая пропозиция *стены лестницы были увешаны членами МАССОЛИТа*.

А.2. Уточнение через повтор с распространением. Вследствие отношений обратной зависимости, в которых находятся объем понятия и содержание понятия, естественно ожидать меньшего объема понятия от лексем с большим количеством сем, с более сложной семантической структурой, с одной стороны, и от более развернутых сочетаний слов – с другой. По этой причине, вероятно, можно синонимизировать распространяющие повторы с обычными лексическими уточнениями, а признаком тех и других считать большее количество информации, сужающее круг единиц, к которым применима эта информация, т.е., иначе говоря, сужающее объем понятия и таким образом выполняющее логическую функцию уточнения.

Наиболее типичной в этих случаях является ситуация буквального повтора лексемы, присоединяющей зависимые слова во вставке, ср.: *...из каждой груды – серой груды простых камней – неизбежно извлекая тот, которому цены нет!* (М.И. Цветаева. Живое о живом); *... Чичагов должен был передвинуться туда-то (передвинуться выше колена в снегу)...* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *...таинственные силы, двигающие человечество (таинственные потому, что законы, определяющие их движение, неизвестны нам), продолжали свое действие* (Л.Н. Толстой. Война и мир).

Повтор может сопровождаться изменением синтаксического статуса (*Вторая, так страдавшая от первой (тени первой!) – к отцу этой первой*

(М.И. Цветаева. Дом у Старого Пимена)), морфологической формы (...тогда еще не знали, какой – **первый из каких годов** – год (М.И. Цветаева. Живое о живом)); Во-первых, мне в Париже не плохо (**не хуже, чем в любом месте, которого я не выбирала**) (М.И. Цветаева. Китаец)) или словообразовательной структуры слова (Он нес у ноги вынутую тоненькую, узенькую шпагу (**гнутую шпажку, не похожую на оружие**))... (Л.Н. Толстой. Война и мир)).

Повтор может выполнять функцию акцентирования или подчеркивания верности словоупотребления; при этом он обычно сопровождается специальными указателями (частицами, наречиями, междометиями): Я лишь попытаюсь записать то, что вижу, что думаю – точнее, что мы думаем (**именно так: мы, и пусть это «МЫ» будет заглавием моих записей**) (Е.И. Замятин. Мы); Он с упоением помышлял, в глубочайшем секрете, о девице благонравной и бедной (**непреренно бедной**)... (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание); Она весело (**да: весело**) кивнула мне (Е.И. Замятин. Мы). Кроме того, акцентирующий повтор может сопровождаться обособлением верности словоупотребления: И между пониманием, пальцем не шевелящим, и непониманием, руками и ногами помогающим (**да, и ногами, ибо в те годы, чтобы устроить человека – ходили!**)... (М.И. Цветаева. Пленный дух); Справа светлое окно привратницы – **именно привратницы: при вратах, да еще каких!** – которой я никогда не видела... (М.И. Цветаева. Наталья Гончарова).

А.3. Уточнение через перечисление. Как и собственно уточнение, перечисляющее уточнение основано на отношениях гиперо-гипонимии. Различие состоит в том, что при собственно уточнении во вставке содержится только один гипоним, а при перечисляющем уточнении гипонимов несколько. Это различие важнее, чем может показаться на первый взгляд, поскольку проявляется и на референциальном уровне: при перечисляющем уточнении уточняемый компонент в основной части представляет собой собирательное обозначение совокупности предметов, а уточняющий компонент в ВК представляет собой список составляющих этой совокупности; соответственно, денотат и референт уточняемого из основной части дробятся на несколько денотатов и референтов в ВК. Ср.: А вот листочки, которыми Черубина перекладывала стихи, – **маслина, тамариск, полынь** – действительно волошинские... (М.И. Цветаева. Живое о живом).

Перечисление в ВК может быть исчерпывающим, полным, т.е. охватывающим весь состав уточняемого множества; ср.: ...жилплощадь покойного, то есть три комнаты (**бывшие ювелиршины кабинет, гостиная и столовая**), переходят в распоряжение жилтоварищества... (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита). В данном примере три компонента в ВК соответствуют количественному указанию в уточняемом *три комнаты*. При отсутствии дополнительных маркеров дифференциация полного и неполного перечисления часто затруднена. К уточняющему перечислению мы также относим случаи, когда уточнение в ВК состоит всего из одного элемента, но содержит указание на наличие других элементов: ...то признавали самые

искусные дипломаты того времени (*J. Maistre и другие*) (Л.Н. Толстой. Война и мир).

В роли уточняемого компонента при перечислении нередко выступает определительное местоимение со значением предельного обобщения *весь*, ср.: *Все это – костровый жар, червонцы, кумач, чумак – сливалось в одно грозное слово: Пугач...* (М.И. Цветаева. Пушкин и Пугачев); *Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало ее любопытство и воображение* (А.С. Пушкин. Повести Белкина).

В роли уточняющих компонентов могут выступать имена собственные, ср.: *...содействовать исполнению одного огромного результата, о котором ни один человек (ни Наполеон, ни Александр, ни еще менее кто-либо из участников войны) не имел ни малейшего чаяния* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *...древо познания добра и зла, плоды которого – «Девочки» Лухмановой, «Вокруг света на Коршуне» Станюковича, «Катакомбы» Евгении Тур, «Семейство Бор-Раменских» и целые годы журнала «Родник» – я так жадно и торопливо, виновато и неудержимо пожирала...* (М.И. Цветаева. Черт).

Уточняющее перечисление может затрагивать не только элементы множества, но и составные части целого, ср.: *...в иные минуты его сильной сосредоточенности от него, из него – концев пальцев и концев волос – было пламя, настоящее, жгущее* (М.И. Цветаева. Живое о живом).

В большинстве случаев уточняемые и уточняющие компоненты представлены словами с предметным значением, однако возможно и использование признаковой лексики, ср.: *...и как бы по-разному – всеисторически или бесшумно – мы, участники того нездешнего вечера, ни умирали...* (М.И. Цветаева. Нездешний вечер).

А.4. Включение. При включении, как и при уточняющем перечислении, уточняемое слово представляет собой составное понятие, обозначение некоего множества предметов; однако, в отличие от уточняющего перечисления, при включении уточняющий компонент представлен только одним элементом из уточняемого множества.

В большинстве случаев включение сопровождается специальными маркерами: вводными словами (*...мешочек завяжет лентой с шоколадной коробки, поднесенной ей иловайской молодежью (значит, и им) в прошлый сочельник...* (М.И. Цветаева. Дом у Старого Пимена)); наречиями (*Наконец, некоторые (особенно из психологов) допустили даже возможность того, что и действительно он не заглядывал в кошелек...* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание)); частицами (*...все на свете – даже меня! – забыв...* (М.И. Цветаева. Повесть о Сонечке)); предложениями (*Все лучшее, что можно было слышать, я отродясь слышала (будущее включая!)* (М.И. Цветаева. Мать и музыка); *... в 1812 году силы эти – миллионы людей (считая тех, которые перевозили и кормили армию) двинулись с Запада на Во-*

сток, к границам России... (Л.Н. Толстой. Война и мир)); предложно-именными сочетаниями (*Он знал это и потому терпеливее своих лошадей (в особенностях левого рыжего – Сокола, который бил ногой и, пережевывая, перебирал удила)* ожидал того, что будет (Л.Н. Толстой. Война и мир)).
Случаи включения без специальных маркеров встречаются редко, ср.: *«Взято у Ангелова 18 декабря 1918 года: рояль «Беккер» номер 97012, табурет к нему мягкий, бюро две штуки, гардеробов четыре (два красного дерева), шифоньер один»* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

А.5. Исключение. Исключение как разновидность уточняющих отношений близко к включению: уточняемый компонент обозначает совокупность предметов или составное понятие, уточняющий – один предмет, который может быть отнесен к этой совокупности. Различия между включением и исключением проходят по линии утверждения/отрицания: при включении утверждается принадлежность предмета к совокупности, при исключении – отрицается. Случаи исключения относительно редки. Исключение обычно сопровождается специальными маркерами: – *За что вам дала судьба таких двух славных детей (исключая Анатоля, вашего меньшого, я его не люблю, – вставила она безапелляционно, приподняв брови), – таких прелестных детей?* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *Первый начал говорить генерал Армфельд, неожиданно, во избежание представившегося затруднения, предложив совершенно новую, ничем (кроме как желанием показать, что он тоже может иметь мнение) не объяснимую позицию...* (Л.Н. Толстой. Война и мир).
Возможно также введение исключения без специальных маркеров, посредством переключения между отрицанием/утверждением, ср.: – *Я в школе любила только географию – конечно, не все эти широты и долготы и градусы (меридианы – любила), – имена любила, названия...* (М.И. Цветаева. Повесть о Сонечке).
В данном примере содержатся сразу две оговорки и, соответственно, две ситуации исключения: из составного понятия *география* по признаку эмоциональной приязни исключается ряд географических терминов (*широты и долготы и градусы*), затем делается оговорка о непринадлежности к этому ряду термина *меридианы* – вероятно, на основании звуковой характеристики данного термина, выделяющегося среди других не столько по смыслу, сколько по необычному звучанию. ВК представляются оптимальным средством для передачи подобного нанизывания оговорок, эмоциональной произвольности при выполнении строгих логических операций – своеобразности речи персонажа, выполняющей яркую характерологическую функцию.

В. Обобщение

В.1. Обобщение номинаций с объемом понятия, большим единицы.
Данный подтип встречается редко, поскольку элемент в ВК склонен рематизироваться, а для рематизации единицы с понятийным содержанием, меньшим, чем у предшествующих единиц, нужны дополнительные основания. Ср.: *Молодой, если не красивый, то благообразный, именно благообразный (вообще все, что угодно от блага: благоприличный, благоразумный,*

благонамеренный, все, все, кроме – рódный, этого не было, и из-за этого-то...)... Приведенный пример довольно специфичен, поскольку обобщение *вообще все* в ВК сразу же подвергается уточняющему перечислению.

В.2. Обобщение номинаций с объемом понятия, равным единице.

При использовании в качестве поясняемого компонента номинаций, объем понятия которых равен единице, любая полнозначная лексема будет превосходить такую номинацию по объему понятия и, соответственно, выступать по отношению к нему в роли обобщающей. В результате такого типа обобщения происходит отнесение обозначенного поясняемым компонентом референта к некоему множеству, обозначенному поясняющим компонентом, и наделение референта свойствами, характерными для этого множества и входящими в понятийное содержание поясняющего компонента.

Мы выделяем следующие разновидности номинаций, объем понятия которых равен единице:

1) собственные именованья: *В этот же вечер третьего дня праздников должен был быть один из тех балов у Иогеля (танцевального учителя), которые он давал по праздникам для всех своих учеников и учениц* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *...Марья Ивановна имела с нею всегдашние сношения через Палашку (девку бойкую, которая и урядника заставляет плясать по своей дудке)...* (А.С. Пушкин. Капитанская дочка); *...и страстная сыновность России – не матери, а мачехе! – и ревность в браке, и неверность в браке...* (М.И. Цветаева. Наталья Гончарова).

2) личные местоимения 1-го лица ед. ч., а также другие местоимения, референт которых однозначно определен в предшествующем контексте: *Обжора, упав лицом в злосчастную землянику – плачет, и плачу с ним – сама земляничная обжора и невежа – я* (М.И. Цветаева. Черт); *Неделю мой скромный Икс гонял по иловайскому делу, он – олицетворенные две ноги – на автомобиле!* (М.И. Цветаева. Дом у Старого Пимена);

3) номинации, объем понятия которых сведен к единице посредством других определителей (имен собственных или местоимений): *...вдруг у андреевских детей (семьи, снимавшей флигель) окажется скарлатина?* (М.И. Цветаева. Мой Пушкин); *...осмотрелась вокруг себя, увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге, – кликнула ее...* (Н.М. Карамзин. Бедная Лиза);

4) номинации, единичный объем понятия которых задан конситуацией: *Расказчица (бывшая следовательница Чека), сраженная бесстрашием деда и многих других подсудимых, менее древних...* (М.И. Цветаева. Дом у Старого Пимена); *И дала не только просительнице (любимице, Nesthackchen), но всем: нелюбимице – мне и лодырю-брату* (М.И. Цветаева. История одного посвящения).

С. Отождествление

Отношения полного тождества важны в логике, но мало целесообразны для поступательного смыслового развертывания текста – особенно при использовании в ВК, которые, как отмечалось выше, склонны к рематизации;

рематизация полного смыслового повтора непродуктивна. В вставных конструкциях смысловое отождествление сопровождается сменой языковых систем или подсистем либо сменой точек зрения. Соответственно, к случаям отождествления мы будем относить следующие ситуации: 1) перевод с одного языка на другой, то есть переключение с одной системы кодирования на другую; 2) синонимия; 3) отождествление номинаций с объемом понятия, равным единице.

С.1. Перевод. При переводе на русский язык в большинстве случаев поясняемый иноязычный текст представляет собой цитацию чужой речи. Чужая речь может быть представлена в виде реплики персонажа (...покачивал головой и раз даже со вздохом шепнул: *poveretti (бедняжки!)*) (И.С. Тургенев. Накануне)); авторского пересказа (*Ася необычайно «liebreich» (любвеобильна). Я настолько «geistreich» и «frühreif» (раннего развития), что уже печатаюсь в русских детских журналах...* (М.И. Цветаева. Башня в плюще)); характеристики особенностей словоупотребления (*Они называли квас limonade de cochon (свиной лимонад)...* (Л.Н. Толстой. Война и мир)). Поясняемая иноязычная номинация может быть передана русской графикой и адаптирована к русской языковой системе – например, посредством суффикса, как в следующем примере: «*Я здесь, подле тебя, моя джанечка (то есть, по-нашему, душенька)*», – отвечал он, взяв ее за руку (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Обратное использование в качестве поясняющей составляющей иноязычных элементов («прием семантического дублирования русского слова» иноязычным [24. С. 263]) имеет свою специфику: иноязычный элемент вряд ли может быть более понятным, чем использованный в основной части русский перевод; иноязычные варианты в ВК применяются для точности передачи чужой речи либо для более точного выражения передаваемых смыслов. Ср. цитирование написанной на французском записки: «*Твой добрый толстяк (ton gros bonhomme de mari) об эту пору обыкновенно зарывается в свои книги; мы опять споем ту песенку вашего поэта Пушкина (de votre poete Pouskine), которой ты меня научила...*» (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо). Интересен также следующий пример: – ...с учителями (*avec les outchitels*) он не церемонится и уже двух засек до смерти (А.С. Пушкин. Дубровский) – речь француза, переданная на русском, содержит русское слово *учитель*, адаптированное к французскому языку (наделенное французскими окончанием и артиклем – *les outchitels*). Иноязычные пояснения в ВК могут использоваться и при передаче внутреннего состояния, особенностей восприятия и хода мыслей думающего на иностранном языке действующего лица: *Увидав на той стороне казаков (los Cosaques) и расстилавшиеся степи (les Steppes), в середине которых была Moscou la ville sainte, столица того, подобного Скифскому, государства, куда ходил Александр Македонский, – Наполеон, неожиданно для всех и противно как стратегическим, так и дипломатическим соображениям, приказал наступление...* (Л.Н. Толстой. Война и мир). Во всех трех примерах основной текст представляет собой выполненный автором-повествователем перевод или

пересказ на русском языке, тогда как ВК содержат дублирующие фрагменты на языке, с которого был выполнен перевод.

Иной тип функционирования наблюдается в тех случаях, когда весь текст основной части не является переводом, но содержит понятия, которые имеют более точное или более широко употребительное обозначение на другом языке. Ср. дублирование медицинской терминологии на латыни: «...*коллежский секретарь Илья Обломов одержим отолщением сердца с расширением левого желудочка оногo* (***Hypertrophia cordis cum dilatatione ejus ventriculi sinistri***), а равно хроническою болью в печени (***hetitis***)...» (И.А. Гончаров. Обломов). Ср. также метафорическое использование термодинамического термина на французском: *Он понял ту скрытую* (***latente***), *как говорится в физике, теплоту патриотизма...* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *На всех лицах светилась теперь та скрытая теплота* (***chaleur latente***) *чувства, которое Пьер замечал вчера...* (Л.Н. Толстой. Война и мир).

Иноязычный перевод в ВК может служить для прояснения значения, в котором использована русскоязычная номинация: ...*шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: особенность характера, самобытность* (***individualité***)... (А.С. Пушкин. Повести Белкина). Ср. комментарий В.В. Виноградова к этому фрагменту: «Церковнославянское слово *самобытность* сближалось по значению со словом *самостоятельность* (буквальный перевод нем. *Selbständigkeit*). Значение *оригинальность, своеобразие, составляющее внутреннюю сущность какой-нибудь личности* этому слову не было присуще в 20–30-е годы. <...> Пушкин, вкладывая это значение в слово *самобытность* к франц. *individualité*, по-видимому, пытался внести большую определенность в смысловую структуру этого слова, отделить его от заимствованных синонимов» [24. С. 265].

К ситуациям своеобразного перевода мы также относим случаи, при которых поясняемый компонент представлен номинациями, измененными в результате индивидуальных особенностей произношения, а поясняющий – общепотребительными номинациями. Вероятно, можно утверждать, что в таких случаях происходит перевод с идиолекта на литературный язык. Ср.: ...*первым, уже вполне осмысленным словом этой Аси, запутавшейся в голубой сетке кровати, оказалось «рангá»* (***нога***)... (М.И. Цветаева. Мать и музыка); *Тут было что-то про «мамасю» и что «мамася плибьет», про какую-то чашку, которую «лязбиля»* (***разбила***) (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание); – *А-зе, сто-зе, эти сутки* (***шутки***) *здесь не места!* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

С.2. Синонимическая замена. Использование синонимов в ВК может быть обусловлено следующими особенностями поясняемых компонентов:

1) многозначность поясняемого компонента – синоним позволяет актуализировать необходимое значение, ср.: *Ведь во-век – это не только в наш век* (***жизнь***), *в наш век* (***столетие***), *а вообще – и во веки веков* (М.И. Цветаева. Наталья Гончарова). В основной части повторяется одна и та же лексема *век*, но введение различных синонимов в ВК превращает буквальный повтор

в реализацию разных лексико-семантических вариантов. Поясняющим компонентом может быть развернутый оборот, описывающий необходимое значение: *Только допустив бесконечно-малую единицу для наблюдения – дифференциал истории, то есть однородные влечения людей, и достигнув искусства интегрировать (брать суммы этих бесконечно-малых), мы можем надеяться на постигновение законов истории* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *Фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений (то есть тех, разумность которых мы не понимаем)* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *Притом, наблюдения за тем, как бы семейным (отделенным от всех других) кружком людей, находившихся на батарее, поглощали все внимание Пьера* (Л.Н. Толстой. Война и мир);

2) иноязычное происхождение поясняемого компонента: *Здесь, кроме закона ретроспективности (возвратности), представляющего все прошедшее приготовлением к совершившемуся факту, есть еще взаимность, путающая все дело* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *Она, напившись чаю, пошла в залу, которую она особенно любила за сильный резонанс, и начала петь свои солфеджи (упражнения пения)* (Л.Н. Толстой. Война и мир);

3) принадлежность к социолекту: *Другая борзая собака... подняв правило (хвост), стала тереться о ноги Николая* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *Волк... прыгнул раз, другой и, мотнув поленом (хвостом), скрылся в опушку* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *Он знал, что в острове были прибылые (молодые) и матерые (старые) волки...* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *Русак уже до половины затерся (перелинял)...* (Л.Н. Толстой. Война и мир).

Из приведенных примеров видна близость между случаями перевода и случаями синонимии.

Кроме того, возможно субъективное установление тождества между номинациями, которые не являются синонимами в языковой системе, но имеют совпадающие компоненты значения, актуализируемые в контексте. Ср.: *Звериной (материнской) нежности у меня к Володе не было* (М.И. Цветаева. Повесть о Сонечке). Здесь в ролях поясняемого и поясняющего выступают лексемы, которые обычно склонны скорее противопоставляться: *звериный* ('жестокий, дикий, свирепый') и *материнский* ('заботливый, нежный'). Поверхностное противоречие снимается при задействовании контекста – в данном случае лексемы *нежность*, которая является вершиной для обоих компонентов пояснения. Сближение лексем *материнский* и *звериный* основывается на сближении сочетаний *материнская нежность* и *звериная нежность*. Первое из этих сочетаний является стереотипно-устойчивым, другое, напротив, функционирует на грани парадокса из-за рассогласования коннотаций. Лексема *материнский* в качестве ВК выступает в роли посредника между компонентами *звериный* и *нежность*, нивелируя в лексеме *звериный* рассогласующиеся смысловые компоненты 'жестокость, свирепость' и сохраняя только смысловое ядро 'высокая степень интенсивности', 'природность, естественность, органичность'. Так, на взаимодействии ВК и основной части строятся контекстуальные преобразования значений.

При контекстуальной синонимии поясняющий компонент может изменять представление не только о непосредственно поясняемом, но и о других составляющих основной части. Ср.: *Объяснять стихи? Растворять (убивать) формулу...* (М.И. Цветаева. История одного посвящения). В языковой системе слова *растворять* и *убивать* не являются синонимами. Сближение их в данном контексте основано на реализации их переносных значений, при этом поясняющая лексема *убивать* ('лишать жизни' → 'уничтожать') усиливает интенсивность действия, обозначенного лексемой *растворять* ('разводить жидкостью' → 'уменьшать концентрацию' → 'ослаблять'; в соединении с лексемой *убивать* – 'ослаблять до полного уничтожения'). Кроме того, в противовес лексеме *растворять* как обозначению действия, применяемого к неживым объектам, лексема *убивать* обозначает действие, применяемое к живым объектам и, таким образом, выражает представление о стихах как о живом объекте (совмещаемое при этом с представлением о стихах как о формуле).

Контекстуальная синонимия может поддерживаться формальным сходством номинаций. Ср. *Просто огрызнулась – отгрызнулась – на угрозу заказа* (М.И. Цветаева. История одного посвящения); *Уж одно то, что ты фактически – физически – выше всех, создает друзей и врагов* (М.И. Цветаева. Герой труда); *Не Дантес смеялся, пушкинская смерть смеялась, – той белой лошади раскат (оскал)* (М.И. Цветаева. Наталья Гончарова). Рассмотрим последний из приведенных примеров подробнее. Позиция Р. п. при лексеме *раскат* ('длительный, прерывистый гул'), обычно занимаемая существительным, указывающим на конкретный тип звуков (чаще – *раскаты грома*, но возможны и *раскаты смеха*), в тексте занята существительным, называющим существо, которое издает звуки (*лошадь*), поэтому для определения типа звуков привлекаются слова *смеялась* и *оскал*. Лексема *оскал* ('приоткрытый рот с виднеющимися зубами как выражение угрозы, презрения или насмешки') чаще применяется для характеристики хищных животных, нередко в переносном смысле (*звериный оскал*, *хищный оскал*), возможно также использование в сочетаниях типа *оскал черепа* (коррелирует с упоминанием *смерти* в предыдущем контексте) и *лошадиный оскал* (коррелирует с упоминанием *лошади*). Соответственно взаимодействие паронимов и контекста создаёт косвенное описание страшного смеха смерти-лошади в звуковом плане (гул, похожий на гром) и визуальном (оскал лошадиного черепа).

С.3. Отождествление номинаций с объемом понятия, равным единице. Как отмечалось при анализе отношений обобщения, к номинациям с равным единице объемом понятия мы относим: а) неполнозначные номинации – имена собственные и некоторые местоимения; б) конструкции, состоящие из полнозначных номинаций и ограничивающих их объем понятия неполнозначных номинаций, – в результате такого ограничения вся конструкция становится обозначением уникального объекта.

Наличие вариантов у **имен собственных** может быть обусловлено следующими факторами:

– языковые и (или) лингвокультурные различия: *Решили, что Илье Андреевичу ехать нельзя, а что ежели Луиза Ивановна (**m-me Schoss**) поедет, то барышням можно ехать к Мелюковой* (Л.Н. Толстой. Война и мир);

– субъективные предпочтения именуемого или именующего: *Небольшой дворянский домик на московский манер, в котором проживала Авдотья Никитишна (**или Евдоксия**) Кукина, находился в одной из нововыгоревших улиц города ***...* (И.С. Тургенев. Отцы и дети); *...я бесконечно предпочитала его блистательному Вахтангову (**Сонечкиному «Евгению Багратиону»**)* (М.И. Цветаева. Повесть о Сонечке);

– смена временных плоскостей: *Марья Дмитриевна (**в девицах Пестова**) еще в детстве лишилась родителей...* (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо).

Полнозначные номинации, входящие в состав обозначения уникального объекта, сами по себе зачастую обладают несопоставимыми объемами понятия. При ограничении их объемов понятий посредством дополнительных характеристик поясняющий и поясняемый компоненты отождествляются в той смысловой точке, которая представлена референтом. Ср.: *...Е. О., из уважения к куму – **моему отцу** – и снисхождения к людским навыкам...* (М.И. Цветаева. Живое о живом); *...не смеется только старшая сестра, семнадцатилетняя институтка Валерия – в пику мачехе (**моей матери**)* (М.И. Цветаева. История одного посвящения). В приведенных примерах отдельно взятые пары номинаций кум и отец, мать и мачеха обладают несопоставимыми объемами понятия, но в составе комплексных номинаций кум Е. О. – мой отец, мачеха Валерии – моя мать превращаются в обозначения уникального референта и отождествляются в этой смысловой точке.

Кроме того, возможны ситуации, при которых один из компонентов отождествления представлен неполнозначной номинацией, а другой – конструкцией из полнозначной и неполнозначной номинации: – *Я нынче же поговорю Lise (**la femme du jeune Болконский**)* (Л.Н. Толстой. Война и мир).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Пояснительные отношения занимают промежуточное положение между подчинительными и сочинительными отношениями; пояснительные конструкции представляют субъектно-экспрессивную и субъектно-ориентированную (ориентированную на адресата) форму синтаксиса, выполняющую метакоммуникативную функцию.

2. Происходящее при уточнении уменьшение объема понятия, как правило, сопряжено с увеличением информативного содержания понятия. По этой причине из всех типов пояснительных отношений уточнение в наибольшей степени соответствует логике поступательного развертывания текста: от общего – к частному, от меньшего количества информации – к большему.

3. При обобщении поступательное развертывание текста обеспечивается за счет обмена характеристиками между элементом и множеством: за счет наделения множества свойствами референта (при распространении содержания высказывания на всё множество объектов) или за счет наделения референта свойствами множества (при таксономическом отнесении референта ко множеству объектов).

4. Отождествление, в отличие от уточнения и обобщения, не приводит к увеличению объема информации, но служит для обеспечения более точного выражения или более точного понимания информации. Отождествление нарушает логику поступательного развертывания текста; информационная ценность отождествления обусловлена выполняемой им метаязыковой функцией, т.е. обеспечением взаимодействия разных обозначающих, обусловленных различиями языков, социолектов, идиолектов или конситуаций.

Список источников

1. Кононова И.Ю. Анализ грамматической и лексико-семантической амбивалентности в построениях со вставными конструкциями (на материале художественной прозы М. Цветаевой) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4 (859). С. 65–70.
2. Иванчикова Е.А. Вставные предложения, слова и сочетания слов // Грамматика русского языка / под ред. В.В. Виноградова и Е.С. Истриной. М. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2, ч. 2. С. 165–174.
3. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1984. 352 с.
4. Полякова Ю.Г. Структура и особенности функционирования вставок в языке газеты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 20 с.
5. Гавриленко И.И. Дополнительная информация в научных текстах: семантические, синтаксические и просодические особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.
6. Кулаковский М.Н. Уточняющие функции вставных конструкций в художественном тексте // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 80–85.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
8. Морфология современного русского языка : учеб. для высш. учеб. заведений / С.И. Богданов, В.Б. Евтюхин, Ю.П. Князев и др. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 634 с.
9. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология : учеб. пособие для студ. М. : МГУ, 1999. 240 с.
10. Прияткина А.Ф. Сочинительные связи внутри простого предложения (открытые и закрытые ряды) // Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 2. С. 166–180.
11. Прияткина А.Ф. Пояснение. // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М. : Большая российская энциклопедия, 1997. С. 358–359.
12. Глебская Т.Ф. К вопросу о пояснительной связи в простом предложении // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). Гуманитарные науки (специальный выпуск). 2000. Вып. 3 (19). С. 66–68.
13. Селюнина О.А. Сложноподчиненное предложение с придаточным времени и пояснительная конструкция: точки соприкосновения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 337. С. 23–29.

14. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения : учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
15. Логвинова Н.Н. Именные аппозитивные конструкции // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2022. URL: http://rusgram.ru/pdf/appositive_logvinova_181020_final.pdf.
16. Петрунина С.П. Пояснительная конструкция со значением общего–частного в сибирских говорах // Вестник Кемеровского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (63), т. 1. С. 173–177.
17. Чуглов В.И. О пояснительных конструкциях и их разновидностях // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. 2011. № 4, Т. 3. С. 127–131.
18. Петрунина С.П. Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах (на материале парных конструкций) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2008. 45 с.
19. Quirk R. et al. A Comprehensive Grammar of the English Language. London ; New York : Longman, 1985. 1779 p.
20. Инькова О.Ю., Гурьев А.С. К вопросу о категории пояснения в русской грамматике // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 46–73.
21. Mitkov R. Anaphora Resolution. London : Longman, 2002. 235 p.
22. Kibrik A.A. Reference in Discourse. Oxford : Oxford University Press, 2011. 913 p.
23. Деликишкина Е.А., Федорова О.В. Влияние фактора синтаксической роли антецедента на разрешение референциальной неоднозначности в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М. : Изд-во РГГУ, 2012. Вып. 11 (18). С. 129–137.
24. Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М. ; Л. : Academia, 1935. 490 с.

References

1. Kononova, I.Yu. (2022) Analiz grammaticheskoy i leksiko-semanticheskoy ambivalentnosti v postroeniyakh so vstavnymi konstruktivnymi (na materiale khudozhestvennoy prozy M. Tsvetaevoy) [Analysis of Grammatical and Lexical-Semantic Ambivalence in Constructions with Parenthetical Elements (Based on M. Tsvetaeva's Prose)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* 4 (859). pp. 65–70.
2. Ivanchikova, E.A. (1960) Vstavnye predlozheniya, slova i sochetaniya slov [Parenthetical Sentences, Words and Word Combinations]. In: Vinogradov, V.V. & Istrina, E.S. (eds) *Grammatika russkogo yazyka* [Russian Grammar]. Vol. 2, Part 2. Moscow: USSR AS. pp. 165–174.
3. Raspopov, I.P. & Lomov, A.M. (1984) *Osnovy russkoy grammatiki. Morfologiya i sintaksis* [Fundamentals of Russian Grammar. Morphology and Syntax]. Voronezh: Voronezh State University.
4. Polyakova, Yu.G. (2001) *Struktura i osobennosti funktsionirovaniya vstavok v yazyke gazety* [Structure and Functional Features of Parenthetical Elements in Newspaper Language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
5. Gavrilenko, I.I. (2004) *Dopolnitel'naya informatsiya v nauchnykh tekstakh: semanticheskie, sintaksicheskie i prosodicheskie osobennosti* [Additional Information in Scientific Texts: Semantic, Syntactic and Prosodic Features]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Kulakovskiy, M.N. (2020) Utochnyayushchie funktsii vstavnykh konstruktivnykh v khudozhestvennom tekste [Specifying Functions of Parenthetical Constructions in Literary Texts]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik.* 1 (20). pp. 80–85.
7. Peshkovskiy, A.M. (2001) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

8. Bogdanov, S.I., Evtyukhin, V.B., Knyazev, Yu.P. et al. (2009) *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Morphology of Modern Russian]. St. Petersburg: SPbSU.
9. Kamynina, A.A. (1999) *Sovremennyy russkiy yazyk. Morfologiya* [Modern Russian Language. Morphology]. Moscow: MSU.
10. Priyatkina, A.F. (1980) Sochinitel'nye svyazi vnutri prostogo predlozheniya (otkrytye i zakrytye ryady) [Coordinating Relations Within Simple Sentences (Open and Closed Series)]. In: Shvedova, N.Yu. (ed.) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 2. Moscow: Nauka. pp. 166–180.
11. Priyatkina, A.F. (1997) Poyasnenie [Explanation]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian Language: Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 358–359.
12. Glebskaya, T.F. (2000) K voprosu o poyasnitel'noy svyazi v prostom predlozhenii [On Explanatory Relations in Simple Sentences]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 3 (19). pp. 66–68.
13. Selyunina, O.A. (2010) Slozhnopodchinennoe predlozhenie s pridatochnym vremeni i poyasnitel'naya konstruktsiya: tochki soprikosnoveniya [Complex Sentences with Temporal Clauses and Explanatory Constructions: Points of Contact]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 337. pp. 23–29.
14. Priyatkina, A.F. (1990) *Russkiy yazyk: Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya* [Russian Language: Syntax of Complicated Sentences]. Moscow: Vysshaya shkola.
15. Logvinova, N.N. (2022) *Imennye appozitivnye konstruktsii* [Nominal Appositive Constructions]. [Online] Available from: http://rusgram.ru/pdf/appositive_logvinova_181020_final.pdf
16. Petrushina, S.P. (2015) Poyasnitel'naya konstruktsiya so znacheniem obshchego–chastnogo v sibirskikh govorakh [Explanatory Constructions with General-Particular Meaning in Siberian Dialects]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 63 (3–1). pp. 173–177.
17. Chuglov, V.I. (2011) O poyasnitel'nykh konstruktsiyakh i ikh raznovidnostyakh [On Explanatory Constructions and Their Varieties]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Cherepovets State University Bulletin. Philology]. 4 (3). pp. 127–131.
18. Petrushina, S.P. (2008) *Grammatika govoryashchego i slushayushchego v sibirskikh govorakh (na materiale parnykh konstruktsiy)* [Grammar of Speaker and Listener in Siberian Dialects (Based on Paired Constructions)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
19. Quirk, R. et al. (1985) *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London: Longman.
20. Inkova, O.Yu. & Guryev, A.S. (2018) K voprosu o kategorii poyasneniya v russkoy grammatike [On the Category of Explanation in Russian Grammar]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 35 (1). pp. 46–73.
21. Mitkov, R. (2002) *Anaphora Resolution*. London: Longman.
22. Kibrik, A.A. (2011) *Reference in Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
23. Delikishkina, E.A. & Fedorova, O.V. (2012) Vliyanie faktora sintaksicheskoy roli antetsedenta na razreshenie referentsial'noy neodnoznachnosti v russkom yazyke [The Influence of Antecedent's Syntactic Role on Reference Resolution in Russian]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. 11 (18). pp. 129–137.
24. Vinogradov, V.V. (1935) *Yazyk Pushkina. Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Pushkin's Language. Pushkin and the History of Russian Literary Language]. Moscow–Leningrad: Academia.

Информация об авторе:

Кононова И.Ю. – преподаватель кафедры методики обучения русскому языку и литературе Чирчикского государственного педагогического университета (Чирчик, Узбекистан). E-mail: konirina@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.Yu. Kononova, lecturer, Chirchik State Pedagogical University (Chirchik, Republic of Uzbekistan). E-mail: konirina@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.03.2024;
одобрена после рецензирования 22.08.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 01.03.2024;
approved after reviewing 22.08.2024; accepted for publication 19.05.2025.*

Original article

UDC 81'42

doi: 10.17223/19986645/95/6

Cancer journalism in Nigeria: A discursive linguistic perspective

Alexandra V. Nagornaya¹, James Ch. Nwankwo²

^{1, 2} National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

¹ anagornaya@hse.ru

² jamescul36@gmail.com

Abstract. The article explores the phenomenon of cancer journalism and traces its development in modern Nigeria. Cancer journalism is defined as a subtype of medical journalism that covers a wide range of issues related to oncological diseases with a special focus on their social implications. In this article, cancer journalism is also presented as a discursive practice which is a key determinant in forming and developing a robust public cancer discourse. The need for this type of discourse is particularly acute in developing countries where cancer mortality rates are the highest, largely due to the low rank of oncological diseases on the healthcare agenda and general invisibility of cancer as a major health threat. The article discusses the main goals of cancer journalism and controversies around it, mentioning severe shortages of medically competent professionals, possibility of conceptual distortions and fraud, a disproportionate representation of different types of cancer, an uneven representation of the cancer continuum (prevention – detection – treatment – survivorship – end-of-life care), use of different frames and a number of recent discursive trends, such as the case approach to cancer coverage. It highlights the need for considering the local sociocultural context and argues for the "adopt and adapt" principle when it comes to replicating western journalistic practices. It further looks into the peculiarities of the Nigerian culture, which preclude an uncritical adoption of western trends. Chief among them is African medical pluralism, which implies a therapeutic synergy of western biomedicine, traditional healing, and religion and which renders a purely scientific approach followed by western cancer journalism unproductive. Other factors include cancer fatalism, common perception of cancer as a white man's disease, ageism in cancer care, and cultural unacceptability of some treatment protocols. The article presents an analysis of a sample of 173 articles from three major Nigerian newspapers (*The Vanguard*, *The Nation*, and *The Punch*) dated 2023. The goal of the analysis is to reveal the following features: (1) the general framing of cancer with a further focus on the main conceptual nodes; (2) relevance of the Nigerian sociocultural context for the representation of cancer; (3) representation of the cancer continuum; (4) adoption of the common western discursive patterns (the use of the case approach and replication of common metaphors). The analysis revealed a striking preponderance of the politico-economic framing with a special emphasis on the exorbitant cost of cancer treatment; a high relevance of the African medical pluralism for the representation of cancer, which is especially evident in *The Nation* sample; prevalence of prevention, detection and treatment in cancer coverage with almost a complete lack of survivorship and end-of-life care; an evident tendency to follow western patterns of cancer coverage, especially when it comes to the use of metaphors.

Keywords: cancer discourse, discursive practice, medical journalism, cancer journalism, Nigerian newspapers

For citation: Nagornaya, A.V. & Nwankwo, J.Ch. (2025) Cancer journalism in Nigeria: A discursive linguistic perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 108–131. doi: 10.17223/19986645/95/6

Introduction

Cancer has long transcended biomedical boundaries to become a major social issue worldwide. Its social dimensions are both numerous and various. The most obvious of them is the toll that cancer takes on the population of the world, killing people, annihilating the future of millions of families and becoming an insupportable economic burden for dozens of already struggling economies. According to the recent WHO estimates, cancer accounts for one in six deaths, which translates into the annual loss of 10 million human lives, almost 100,000 of them children's [1].

These statistics, harrowing as they are, do not reveal the gravity of cancer as a social issue unless we factor in geopolitics. Global surveys reveal glaring socio-economic disparities. Thus, the greatest increase in cancer morbidity is seen in developing countries [2. P. 1]. Of particular concern is the situation in Africa, where both cancer incidence and cancer mortality are expected to rise 2.4 times by the year 2050 [3]. This exponential increase stems both from population growth and structural deficiencies, such as substandard quality of healthcare and limited access to health facilities. Suffice it to say that in Sub-Saharan Africa the mortality-to-incidence ratio is estimated at 70 per cent, while in the USA this figure stands at 38 per cent [4]. However, one should not disregard poor public cancer awareness and cancer literacy which lead to failure in seeking timely medical help. While a lot of cancers are now preventable and treatable, with early medical interventions allowing for a decent quality of life even in the worst-case scenarios, late presentation or lack of thereof precludes any positive outcomes.

In this situation, raising cancer awareness becomes one of the top priorities of the current social agenda, especially considering the recent democratization tendencies in Africa [5] and the need to meet the UN sustainability goals pertaining to good health and well-being and reducing inequalities [6].

A key determinant in the success of this social policy is comprehensive coverage of cancer in the mass media. Of particular value are newspapers (printed and digital) which are traditionally regarded as the most reliable source of information, especially when it comes to popularizing scientific knowledge [7]. The importance of cancer coverage and public demand for it in the western countries have engendered a special subgenre of medical journalism, which is dubbed "cancer journalism" and which is gradually becoming part of the African mediascape. In the subsequent sections we intend to disclose the concept of cancer journalism and reveal the main trends in its development in the Federal Republic of Nigeria, the biggest country of Africa, which is highly representative of both sociocultural attitudes to cancer and typical patterns of constructing its public discourse.

Cancer journalism: Issues and controversies

Cancer journalism, as the name suggests, implies covering a wide range of cancer relates issues in the mass media. Its goals include providing the public with scientifically sound data about the nature of cancer; informing them about available forms of diagnostics and treatment; instructing them about possible ways of cancer prevention by promoting some types of health-seeking behavior and discouraging potentially dangerous lifestyle choices; fighting stigmatization of cancer and advocating the rights of cancer patients; monitoring the actions of governmental bodies responsible for the quality of cancer research and care; spurring and sustaining cancer activism and some others.

Both oncologists and media experts note that cancer journalism is booming nowadays [8]. Articles about cancer constitute the biggest proportion of medical content in the press. Research shows that they enjoy a vast popularity regardless of the presence or absence of a cancer diagnosis in a particular reader [9]. Briggs and Hallin quite aptly call this type of content "hypodermic injections of knowledge into the minds of ignorant laypersons" [10. P. 7]. However, articles about cancer are of considerable interest and value to medical professionals as well. According to two independent surveys conducted in the USA, 60 per cent of medical researchers and 90 per cent of medical practitioners use the mass media as a source of professionally relevant news and often learn about major discoveries in their field from the press [11. P. xv].

Being part of medical journalism, cancer journalism follows its main principles and shares its limitations and shortcomings. As regards principles, it conforms to the standards of responsible journalism, which means, among other things, that it should be free of manipulations and prejudice. Responsible journalism implies gathering information from reliable sources, its thorough verification and presentation in a form that does not harm the audience and does not lead to negative consequences [12]. These requirements, however, are not easy to follow as there are quite a few conceptual, communicational, and professional barriers that cancer journalists commonly confront.

The first of these barriers is the journalists' cancer competence. Reporting on oncological issues ideally calls for a medical qualification. Indeed, some major western media companies employ medical professionals [13] to ensure the high quality of journalistic content. Even in this case, there emerge a number of problems. Firstly, it is difficult to combine medicine and journalism as professional activities, especially considering tight journalistic deadlines. Secondly, medical professionals usually have very narrow specializations and tend to follow only those innovations that pertain to their own field of expertise. Acting as journalists, they are very likely to stick to their usual agenda, ignoring other relevant issues. Thirdly, as professionals they usually have a very definite theoretical and practical stance on the issues they discuss, which might impede objective coverage [14, 15]. Finally, the language conventions the medical community adheres to are very different from those followed by journalists, who target a large audience of laypersons. Converting terminologically dense medical narratives into reader-friendly

articles without losing their scientific relevance is no easy task which requires a talent few medical professionals possess. In developing countries, involvement of medical professionals into cancer journalism is rendered almost impossible by severe shortages of oncological workforce, a situation which Nigeria is very illustrative of. A 2023 estimate shows that this country, whose population is 213 million, only has about 70 clinical oncologists who have to provide care for 124.815 cancer patients [16]. The situation is exacerbated by lack of well-formed public discourses of cancer and traditions of cancer journalism.

In most cases, cancer issues are reported by the so-called generalists – journalists who write on all possible topics. This situation threatens the quality of cancer content in several distinct ways. To begin with, it is common practice for generalists to draw data from research papers. However, it has been observed that they do not have a full understanding of medical issues and do not cope well with statistics. As a result, they tend to select the content which is easiest to comprehend, but which does not necessarily reflect the real state of things and truly important medical breakthroughs [17]. This conceptual deficiency is perhaps more relevant to western countries, where both the general level of cancer literacy and demand for scientifically sound and accurate data are much higher. African cancer journalism is still in its infancy, focusing on the more general issues in order to facilitate public discussions of cancer. However, even at this basic level there may occur conceptual distortions which will result in misleading the readership. A much more daunting prospect, though, is the use of unscrupulous sources that have a vested interest in getting some data published and volunteer to provide information: researchers who strive to get more public visibility in order to get governmental funding or international grants, practitioners who claim to have invented efficient and universal treatment for cancer, pharmacists who have allegedly invented a new super-drug, quackers who offer a magic bullet solution, etc. [15]. Such situations are not unheard of in the western world, too [18]. In the developing countries, critical assessment of information is badly impeded by inaccessibility of knowledge, scarcity of professionals who could be consulted, and high deference to learned people. Another factor that cannot be ruled out is corruption, which Nigeria, for instance, is notorious of [19]. Generalists, as has been noted, are incapable of thorough cancer reporting, because instead of investigating their subject they just "retail it" [15. P. 279], in most cases metaphorically, but sometimes literally.

Another important barrier is posed by the so-called follow-the-leader principle that journalism is largely guided by [15. P. 278]. Stories published by major newspapers tend to set the agenda for minor ones. At the same time, the discursive conventions these stories are based on are adopted by smaller news outlets. This process has now transcended national boundaries to become global due to the rapid development of communication technologies.

This situation is seen as a barrier, rather than a facilitating factor, for two reasons.

Firstly, it may prevent local cancer journalists from focusing on the issues that are most relevant to their own country, giving undue visibility to less important ones. For instance, the distribution between the types of cancer that affect the population differs from area to area. Thus, AIDS-related Kaposi's sarcoma, which ranks very

high in Sub-Saharan Africa [20], is practically invisible to western journalists. At the same time, in western countries disproportionately much attention is paid to breast cancer, leukemia and brain cancer, which does not reflect the spread of respective diseases and forms distorted cancer alertness in the population [21].

Secondly, uncritical adoption of discursive conventions may lead to undesirable illocutionary effects or total communicative failures. Perhaps the most illustrative example here is the unwavering optimism that Batt calls "the hallmark of cancer reportage" in the West [15. P. 275]. It has been observed that western readers prefer the cancer news that incites hope and faith in success in the observable future. As a result, cancer journalism is quickly evolving into an optimistic story of "continued advances and periodic breakthroughs" [15. P. 286]. This approach may be extremely harmful in the African context, where cancer help is substandard and excessive optimism will inevitably lead to unrealistic expectations and loss of trust in the healthcare system. It goes without saying that optimism sells better, but it is a bad mobilizer in emergencies, and cancer mortality in Sub-Saharan Africa is definitely a large-scale humanitarian crisis. "Lulling people into complacency" [22] is both counterproductive and socially irresponsible.

Another controversial discursive adoption are the types of framing that western journalists typically rely on. Research suggests that the most common are medical, politico-economic and lifestyle frames [23]. Within the medical frame, cancer is presented as a purely biological phenomenon, with a distinct focus on scientific data. While it is of considerable value when it comes to dismantling numerous cancer myths and fighting stereotypes, it may be communicatively inefficient in societies with low levels of general medical literacy. Politico-economic frames present cancer as an event which is rooted in social inequality. It is obvious that it is ideologically charged, and in situations of social instability its use can exacerbate societal tension. The lifestyle frame links cancer with bad habits. It is undoubtedly helpful in promoting healthier lifestyle choices. However, it has been proved to provoke victim blaming and to disregard the bigger picture: pursuing an unhealthy lifestyle is not always a matter of personal choice. Poor dieting, exposure to environmental and professional risk factors, a sedentary lifestyle, as well as consumption of harmful substances, are often rooted in socio-economic realities and local cultural practices. Even more questionable is the use of well-established specific metaphorical frames, presenting cancer as war, journey or quest, whose entrenchment in western public discourses was the result of a complex interplay between political, economic, social and cultural factors which lose relevance and force in the African context [21].

An issue which is specific to cancer journalism only is a balanced media presentation of the so-called cancer continuum, or cancer care continuum. This continuum covers all the stages of cancer development and monitoring: prevention, detection, treatment, survivorship and end-of-life care [24].

Large-scale research conducted in 2012 on the basis of more than 5,000 articles from 50 major American newspapers [25] revealed that cancer journalists focus primarily on treatment, while the other parts of the continuum are badly underrepresented. Researchers believe that the prevalence of information about treatment

shapes the public view of cancer as something inevitable [25. P. 40], while a more even coverage could represent this disease as just a probable event in a person's life, which can be avoided and whose consequences can be mitigated with timely diagnostics and proper treatment. In the African context, a more active presentation of the left side of the continuum, which includes prevention and detection, becomes a key determinant in the success of the cancer awareness policy.

With the rise of cancer journalism, it is becoming increasingly clear that this sphere is not only socially significant, but professionally interesting as well. To quote a special journalists' guide, "cancer is a topic that offers endless opportunities for rich and varied journalism" [26. P. 7]. The endlessness of opportunities is accounted for by a multitude of factors. Among them are: the diversity of cancer as a biological phenomenon; unceasing development of cancer research with new data constantly appearing; multiple perspectives on cancer from the political, economic, social, cultural, environmental and other standpoints; the possibility of using different frames, combining them and inventing new ones, and many others. A very noticeable trend in western cancer journalism nowadays is the use of the case approach, when the story of an individual patient serves as a backdrop against which certain generalizations are made. Another visible trend is reporting on celebrity cancer, very often with interviews from the afflicted individuals themselves.

The diversity of western cancer journalism is both impressive and inspiring. However, its practices, no matter how promising they might seem, should not be adopted uncritically, even by the multiple English-medium newspapers that circulate in Sub-Saharan Africa. These practices largely reflect the western medical paradigm and are part of a rather well-developed public cancer discourse, which has been forming since at least the 1970s. It should always be remembered that there is a "no-size-fits-all" form of cancer journalism, and blind replication of discursive patterns with no regard to the local sociocultural context "will inevitably result in ideological, epistemic, and perhaps ethical conflicts" [27. P. 123].

The sociocultural context for cancer journalism in Nigeria

Nigeria, as has been mentioned before, is highly representative of the situation with cancer in Sub-Saharan Africa.

To begin with, cancer does not rank high on the healthcare agenda. With limited resources and more urgent health threats, the main emphasis is laid on nutritional, parasitic and infectious diseases [28. P. 210]. Neonatal disorders are another major concern as they are the number one cause of death in Nigeria [29]. Virulent tropical diseases and infant mortality completely overshadow cancer, turning the latter into a blind spot in the public consciousness and discursive space. Statistics, however, demonstrate the need for much closer attention to cancer which kills approximately 72,000 people annually [30]. Even those types of cancer which are now successfully treated in the West pose a mortal threat to Nigerians. For instance, the 5-year survival rate for breast cancer is a dismal 10 per cent, while in the USA it exceeds 85 per cent [31. P. 22].

Insufficient attention to cancer can be partly explained by lack of public pressure. Nigerians, like many other Africans, have a very peculiar attitude to cancer which stems from some features of the local culture.

The situation in Sub-Saharan Africa is commonly described as "medical pluralism". The term itself was introduced by Charles Leslie in the 1970s to refer to the "diverse healing modalities" [28. P. 1] that Africans rely on to restore their health. These include seeking professional help in hospitals, using self-medication, praying, consulting traditional healers and diviners, and even scarification. It should be stressed that medical pluralism does not imply that Africans choose one of the available options. On the contrary, they use them all together, demonstrating remarkable flexibility. To emphasize this simultaneity, some medical anthropologists prefer the term "therapeutic continuum" [28. P. 4], or even "therapeutic eclecticism" [28. P. 2].

Modern biomedicine is not rejected. Moreover, it is regarded as a sign of civilization and its vital role in fighting tropical diseases is widely acknowledged [32. P. 1]. However, when it comes to cancer, there emerge a number of issues. Paradoxically, cancer is largely seen as a "disease of white people" [33. P. 30]. Linguistic evidence suggests that in some indigenous languages of Nigeria (e.g. Igbo) there is no common term for cancer. Different words are used depending on the localization of cancer and its symptoms [33. P. 29]. Using the English word "cancer" out of necessity, Nigerians do not fully relate to its meaning and, as a result, largely perceive it as something foreign. It has been observed that there is a widely spread idea that professional (western) medical treatment for cancer can only help white people [33. P. 30]. Moreover, very modest achievements of local official medicine further strengthen doubts in its efficacy and make people seek help from traditional healers. The latter have several distinct advantages over medical professionals. They are more available, affordable and culturally acceptable, as they only charge a minimal fee and have the same beliefs and values as their patients. Of particular importance is the shared African metaphysics, which recognizes the role of harmony with the spirit world, especially with the patient's ancestors that have to be properly respected and appeased. Healers share a widely spread belief that cancer is not necessarily generated by the body, but may be caused by malevolent outside forces. Thus, there is well-documented evidence that the Yoruba, who live in Western Nigeria, believe that the disease can be sent upon them by enemies, witchcraft, sorcery, gods and ancestors, with special terms for each type of causation [34. P. 35]. According to Omonzejele, from an African perspective, disease "goes beyond organic and tissue malfunctions"; it is "intricately linked to one's destiny and ancestral spirit" [27. P. 121]. Unlike medical professionals, traditional healers use a holistic approach, treating not only the body, but the soul and spirit as well. Moreover, they do not practice surgery, which Nigerians dread [35. P. 253]. Finally, they speak the same language as the people who seek their help, while medical professionals not only use incomprehensible jargon, but switch to English, the lingua franca of the country, which might create a sociocultural and communication barrier [28. P. 12].

It is not surprising then that in a 2022 survey 65 per cent of cancer patients in Nigeria reported consulting traditional healers and using the so-called complementary (mostly herbal) medicine [35. P. 252]. Among them are truly affluent

people who visit healers and diviners and make the necessary sacrifices before they go to Europe for the most up-to-date cancer treatment [27. P. 122].

A particularly intriguing manifestation of therapeutic eclecticism is that these traditional practices do not seem to clash with Christianity and Islam, two dominant religions in Nigeria. Some scholars have observed that recognition of lesser deities is largely ignored as minor heresy [28. P. 11].

Thus, Nigerians, like many other Africans, choose "therapeutic synergy" [28. P. 221], combining elements of traditional and modern medical practices. Efforts to eliminate traditional and religious rites have proved futile, only causing misunderstanding and alienation. This fact is of utmost importance for cancer journalism, as aggressive promotion of biomedical views of cancer will never achieve the desired result. Nowadays, Nigerian cancer patients admit that they turn to western medicine only after they have made sure that traditional practices have not helped improve their condition [36].

Timely presentation, as is well known, is crucial for efficient treatment. That is why cancer journalists should invest most effort into encouraging people to seek professional medical help as soon as possible, rather than into discrediting indigenous healing practices. Cancer patients should be allowed to pursue any spiritual activity as long as they find it empowering, comforting and dignifying and as long as it does not stand in the way of scientifically sound assistance. Traditional and modern medicine should not be regarded and explicitly presented as mutually exclusive [28. P. 1]. Moreover, experts believe that the success of cancer awareness campaigns largely depends on the support of religious organizations [37. P. 14, 17].

What really calls for active journalistic intervention is fighting the widely-spread cancer fatalism [34. P. 36]. Just like the westerners only fifty years ago, Africans perceive cancer diagnosis as a death sentence. Not only does it affect the morale of the afflicted, but it prevents people from using the available screening options, as the tests only seem to herald inevitable death and people largely prefer to remain unaware [33. P. 30–31]. The same factor impedes promotion of cancer prevention, as people do not truly believe that the inevitable can be averted.

Equally important are journalistic efforts to fight prejudices concerning certain medical protocols. Research shows that many forms of surgery are culturally unacceptable in Africa. Among them are abdominoperineal resections followed by stomas, which are the most common surgical procedures for rectal cancers. It has been revealed that suicide rates dramatically increase in patients with stomas [37. P. 15]. Another unacceptable surgical intervention is mastectomy, which commonly leads to women being abandoned by their husbands [38]. Cancer patients face a dilemma: they can either break a cultural taboo and get a chance of survival or stick to the traditional mindset and die. In this situation, journalists can play a key role in legitimizing, "naturalizing" both cancer and types of cancer treatment and thus "ecologizing" public cancer discourse [21. P. 76–85].

Another major paradigm shift that cancer journalism can facilitate is fighting ageism in Nigerian cancer care. Specialists cite concerns over discrimination of older cancer patients, especially women, in healthcare, linking it to the common view that the society should prioritize the health needs of people of reproductive

age [31. P. 22]. The situation is exacerbated by low life expectancy (55 years in Nigeria), which leads to no expectations of reaching advanced age and a rather unclear view of a healthy lifespan [39. P. 42]. Cancer journalism can both contribute to reconceptualizing healthcare policy in order to address the needs of older people and promote the idea of quality of life, which is crucial to contemporary western culture and which is nicely encapsulated in the phrase "add life to their days, rather than days to their lives" [28. P. 221].

To sum up, developing cancer journalism in Nigeria is crucial as cancer is a badly underrecognized health threat. Western cancer journalism can serve as a reference point, providing examples of both well-tested and innovative discursive strategies and tactics, but their blind replication may result in a dismal failure of the cancer awareness initiative. Like all other health education efforts, cancer journalism should be "tailored to fit popular health culture in such a way as to facilitate better medical care" [40. P. 141–142].

Reporting on cancer in Nigerian newspapers

It would be an exaggeration to say that cancer journalism is a visible part of the modern Nigerian mediascape. Like all other forms of medical journalism, it is still in a nascent state. Lack of a strong journalistic practice in this crucial area stems from a number of factors. Chief among them is lack of public interest in medical issues, which can be explained by low levels of general health literacy [41. P. 66–70], multiple cultural taboos and a relatively low rank of health in the system of traditional values. Unpopularity of health issues serves as a major demotivating factor both for journalists and newspapers owners. The former confess that they find health reporting boring [42], while the latter are reluctant to give valuable newspaper space to the content which will not appeal to the readership and will never bring any advertisement revenue. It is noteworthy that all Nigerian newspapers are private enterprises, and the degree to which medical issues are covered largely depends on the views and preferences of the owners, rather than on their real importance and social significance.

Another relevant factor is lack of professionals who are capable of writing on medical topics. According to a 2019 study [42], journalists are employed randomly, regardless of their educational background, with only about half of them having degrees in science, while the other half are qualified in Arts and Social Sciences. The situation is exacerbated by inaccessibility of medical data [41], which is explained both by scarcity of relevant information and restrictions imposed by the government. As regards cancer, there are only six registries in Nigeria, and even health officials do not have a clear idea of the respective morbidity and mortality rates. It is not surprising, therefore, that Nigerian health journalism is constantly criticized for being "misleading, inaccurate, or speculative" [43. P. 13].

However, the situation is likely to change in the near future. The need for robust medical journalism has been articulated by healthcare experts and media specialists. What put this need into sharp relief was the COVID-19 pandemic, which was not satisfactorily covered in the Nigerian media. It has been emphasized that failure in this vital area prevented the citizens from taking adequate precautions

and seeking medical assistance [44]. Medical journalism is increasingly presented as a strategically important discursive practice which is essentially an "interface between the public, government agencies and health professionals" [41. P. 15]. Strategically, its main goal is to set the health agenda, which implies assigning relative importance to different medical issues and bringing to the limelight threats which are largely disregarded, cancer being the number one of them.

As regards tactics, they seem to depend on the particular health issue that journalists cover. Nigerian cancer journalism, as a currently emerging practice, is supposed to pursue the following goals:

(1) raising public awareness of cancer, which means presenting it as a major health hazard and giving it prominence among other diseases;

(2) enhancing cancer literacy, which implies explaining the biological nature of cancer, dispelling popular myths and misconceptions, discussing risk factors, encouraging early presentation and active cooperation with medical professionals;

(3) informing the public of the available detection and treatment opportunities, which presupposes advertising health facilities that provide the necessary services, explaining the essence of medical interventions, fighting stereotypes pertaining to certain procedures, counteracting the above-mentioned cancer fatalism;

(4) advocating the rights of cancer patients, holding the government accountable for providing the necessary services, publicizing the government's efforts to fight cancer [45. P. 32];

(5) informing the public of important cancer initiatives, such as cancer awareness days, marathons, festivals, etc., promoting cancer activism;

(6) establishing powerful role models [45. P. 33] by providing positive examples of cancer survivors, cancer activists, enthusiastic medical professionals;

(7) contributing to the formation of a robust cancer discourse, which means creating a comfortable discursive space for a free discussion of a multitude of cancer-related issues.

We are pleased to note that despite all the challenges and controversies that face Nigerian cancer journalism, some important strides have already been made. Nigerian journalist Omolabake Fasogbon was shortlisted for the 2019–2020 Cancer Journalism Award for her article "Cervical Cancer: How Government Gambles with Women's Rights to Reproductive Health" [46]. This event can be seen as a landmark in Nigerian cancer journalism, because it both gives global visibility to the local reporting efforts and motivates other journalists to specialize in this area.

The main features of Nigerian cancer journalism as a discursive practice

To reveal the main features of Nigerian cancer journalism as a type of discursive practice, we made a sample of articles from three major newspapers: *The Vanguard*, *The Nation* and *The Punch*. The choice of the newspapers is accounted for by their popularity, wide circulations and availability online. The articles cover the year 2023, and were selected thematically by the key word "cancer", regardless of the section of the newspaper they were published in. The total number of

the articles retrieved is 173 (*The Vanguard* – 97, *The Nation* – 52, *The Punch* – 24). The sample was analyzed manually to reveal the following features: (1) the general framing of cancer (medical, politico-economic, lifestyle frames (*see above*)) with a further focus on the main conceptual nodes; (2) relevance of the Nigerian sociocultural context for the representation of cancer; (3) representation of the cancer continuum; (4) adoption of the common western discursive patterns (the use of the case approach and replication of common metaphors). We also compare the approaches to cancer coverage followed by each of the newspapers under study.

When analyzing framing, it should be taken into account that depending on the aim, genre, and sometimes length of the article, the journalist may consistently work within one frame or opt for a combination of frames to achieve a more comprehensive coverage of the issue. The results of the analysis are presented in Table 1. We must note that due to the overlapping of the frames, the same article may be referred to more than one group. That is why the total provided in the table may exceed 100%.

Table 1

Types of frames used in articles on cancer

	Medical frame	Politico-economic frame	Lifestyle frame
<i>The Vanguard</i>	42 (43.3%)	57 (58.8%)	12 (12.4%)
<i>The Nation</i>	17 (32.7%)	32 (61.5%)	4 (7.7%)
<i>The Punch</i>	10 (41.7%)	12 (50.0%)	5 (20.8%)
Total:	69 (39.9%)	101 (58.4%)	21 (12.1%)

As can be seen from the table, the most relevant framing is the politico-economic one. Its preponderance can be explained by the need to spur the government to restructure their healthcare policies in order to accommodate the needs of cancer patients. A particularly important strategic angle is raising public awareness of cancer, which is explicitly mentioned in the sample 184 times. Interestingly, alongside the traditional term "awareness", this concept is represented with the terms "sensitise / sensitisation", which we did not find in contexts of this type in American cancer journalism [21]. These terms are used 17 times in the sample, which gives them visibility and makes Nigerian cancer journalism linguistically distinct from its American counterpart. Another interesting term used for the same purpose is "enlightenment", which occurs 12 times, highlighting the role of dissemination of knowledge. The main means of promoting cancer awareness, as presented in the sample, is running special campaigns, which are mentioned 40 times. Among them are not only World Cancer Days, but local initiatives, like the Smearathon and the Smearit Walk, mentioned in *The Vanguard* and aimed at raising cervical cancer awareness, and the Cycology Cycling Club initiative, also featured in *The Vanguard* and targeting prostate and ovarian cancer. The main goal of cancer sensitization, as presented in the sample, is to empower people, the words "empower" and "empowerment" being used 21 times.

It must be noted that although journalists acknowledge the importance of political will in tackling the cancer situation in Nigeria, they never directly blame

the federal government for inactivity. On the contrary, they primarily focus on the advances, featuring inaugurations of hospitals and introduction of new prevention and treatment protocols. In a number of cases, the need to develop Nigerian cancer care is put into the global political context with an explicit reference to the UN Sustainable Development Goals, which helps to highlight the importance of the task and the strive to be progressive.

Another relevant political angle is the severe understaffing in Nigerian oncology and brain drain, also referred to as the "japa" movement. The articles reflect the governmental initiatives to train more oncologists and motivate them to stay in the country, thus "enhancing the talent pool of medical professionals" (*The Vanguard*. 30.08.2023).

A visible political issue in the sample is advocating the rights of cancer patients, which is mentioned 25 times. Cancer advocacy is presented as the main driver of policy change and the main instrument of improving cancer control in Nigeria (*The Vanguard*. 28.06.2023).

As regards the economic angle, it is all the more prominent, as lack of financial resources is consistently presented as the main obstacle to cancer care development. On the one hand, journalists lament unavailability of health insurance, which would cover cancer treatment and which is largely the responsibility of governmental bodies. On the other hand, they focus on the financial toll that cancer takes on individual patients and their families. The exorbitant cost of cancer treatment is mentioned in a vast majority of articles throughout the sample. The word "cost" alone is mentioned 69 times, followed by "burden", which occurs 55 times. However, there are more dramatic descriptions. Cancer is referred to as an "impoverishing disorder", which is "prohibitively costly" and "depletes life savings" (*The Vanguard*. 25.01.2023). Moreover, it is represented as an important risk factor in losing the social status as a result of poverty (*The Vanguard*. 25.06.2023). It is not surprising, therefore, that cancer journalists not only promote more proactive health-seeking behaviors, but urge Nigerians to reconsider their financial priorities. Thus, instead of investing into "aso-ebi", traditional Yoruba ceremonial clothing, the readers are strongly advised to save for health needs and emergencies (*The Vanguard*. 19.02.2023). The general idea is encapsulated in the sentence "If you have money without good health, you have nothing" (*The Nation*. 26.10.2023).

The wide-spread inability to pay for cancer treatment brings to the fore the important concept of cancer disparities, alternatively referred to as "cancer gaps" or "cancer inequity / inequality". The concept is the most relevant to *The Vanguard*, which mentions it 39 times out of the total 48 in the sample. It should be noted, though, that "cancer gap" is a multidimensional concept, which includes a limited access not only to cancer treatment, but to information and health education.

Second in importance is the medical framing, which helps to present cancer and its treatment from a scientific perspective. Close attention to the biological nature of cancer is explained both by low levels of medical literacy and the need to dispel popular myths, misconceptions, and insinuations, as well as counteract

stigmatization of cancer patients. A noticeable attempt is made to "naturalize" cancer, presenting it as just one disease among many, cf.: *"A disease is a disease, what is the difference between malaria and cancer?"* (*The Vanguard*. 22.11.2023). Particularly prominent in this part of the sample is the topic of vaccination against cervical and breast cancer, which is the focus of 16 out of 69 articles. This seemingly disproportionate attention is accounted for by the fact that cervical cancer, which is a major health threat in Nigeria, is preventable, but the local population is often apprehensive about vaccinations and needs to be instructed about their biological mechanism and benefits. Nigerian newspapers, as it turns out, do not shun more ethnically specific topics, for instance, people who have to fight the double stigma of albinism and cancer (*The Punch*. 18.06.2023). Thus, newspapers play a crucial role in educating people about a proper attitude to cancer.

The least represented type of framing is the lifestyle frame, within which, predictably, cancer journalists instruct the readership about food to be avoided and to be preferred, professional risk factors and benefits of healthy habits.

As was mentioned above, Nigeria is known for following the principles of medical pluralism. The degree to which this common cultural attitude is reflected in the Nigerian media is important, since it shows to what extent cancer journalism is adapted to the cognitive and communicative needs and habits of the local people.

When analyzing the material for explicit references to traditional medicine and religious rites, we discovered that this angle is truly relevant only to *The Nation*. Traditional Nigerian medicine is the main focus of 7 articles. It is mentioned 34 times and is represented with the words "herbal" (n=16), "traditional" (n=6), "natural" (n=5), "alternative" (n=3), "complementary" (n=1), "practitioner" (n=2) and "agbo" (n=1). The latter, being an indigenous term for traditional medicine, is particularly interesting, as it reflects the local culture and gives a distinct ethnic touch to the narrative, "localizing" the problem and facilitating understanding. Another intriguing point is 21 mentions of chakra medicine, which all occur in the same article and are not included in the previous count as they obviously reflect an adopted cultural and medical practice. However, they are still worth mentioning as further testimony to the fact that Nigerians are open to alternative solutions and are always ready to expand the already vast therapeutic continuum.

It is noteworthy that the newspaper appears to be a platform for a free discussion of the benefits and drawbacks of traditional medicine against the backdrop of western oncology. Two articles in *The Nation* sample follow the debate format, presenting opposite views. What merits special attention is the focus on the need for a more holistic approach to healing, which reflects traditional medical practices without explicitly mentioning them. In one case it is expressed through a vivid, albeit not very original, metaphor: *Alternative medicine believes that every disease has a root cause or root causes and that the cure of disease, therefore, is not achieved by eliminating the flowering and fruiting parts, the symptoms. This is like cutting the aerial parts of a flourishing field of stubborn grass and leaving the roots in the soil. It would in time regrow* (*The Nation*. 07.09.2023).

Another thing that should not escape notice is the mention of witchcraft and witch doctors (*The Nation*. 09.09.2023), which reflects a popular African superstition that cancer can be inflicted upon a person through black magic. The article takes an explicitly critical stance towards this old myth, delegating the task of dispelling it to an authority, the Deputy Governor of Adamawa State, Professor Kaletapwa Farauta. Notably, the need to fight superstitions, misconceptions and myths is mentioned 5 times, while traditional medicine is generally presented in a complimentary way, with only one critical remark, which unites it with self-medication as bad health choices: "*I repeat, avoid self-medication or agbo*" (*The Nation*. 26.10.2023).

The Nation is also the most prominent when it comes to the presentation of the religious sector of the therapeutic continuum. It fully acknowledges the role of faith in surviving cancer, highlighting it in 11 out of 52 articles. Lexical units directly associated with religion are mentioned 97 times (spirit/spiritual – 47, God – 23, religion/religious – 11, Allah – 4, Christian – 4, faith – 4, Muslim – 3, prayerful – 1). What is particularly notable is the role ascribed to religious leaders in raising cancer awareness in Nigeria and promoting cancer prevention and early detection. Especially illustrative in this respect is the article "Cervical Cancer: FG to Introduce HPV Vaccines for Women" (by Lara Adejoro, 17.10.2023), which underscores the importance of both Christian and Muslim leaders in fighting prejudices concerning vaccination and instructing people about a healthier lifestyle. A valuable piece of evidence is a quote from Faisal Shuaib, a high-ranking health official, who speaks of the "pivotal role" of religious leaders in disseminating scientifically sound information and thus "encouraging preventive practice". Religious leaders are called "spiritual guides" who can become "advocates of life" and "guardians of health". Only in one article religion is presented as a "hurdle", which may prevent people from embracing vaccination. In the others, medicine and religion are reconciled, which fully corresponds to the idea of medical pluralism. This reconciliation is most aptly expressed in the article "How We're Tackling Cancer Scourge by NLCC" by Chinyere Okoroafor (16.02.2023): "*You can believe God and still go to the doctor because it is God that gives the doctor the wisdom to know what to do, going to see a doctor does not negate your faith*".

Thus, *The Nation* comprehensively covers African medical pluralism demonstrating the multiple ways of combining different health-seeking approaches.

As regards *The Vanguard*, it strongly preferences official modern medicine, while traditional medicine is mentioned in passing, and in a rather elusive manner: "*traditional healing centres*" (*The Vanguard*. 16.05.2023). However, the article "Pharmhealth Charity to Release Movie on Cervical Cancer, Titled 'Survivor'" by Ayo Onikoyi (10.09.2023) describes a cancer initiative aimed at discrediting indigenous healing practices. In the movie, which is about to be shot, the protagonist suffers from a dishonest herbalist, who gives her the wrong cancer diagnosis and triggers a series of most unfortunate events. By placing this type of content, the newspaper indirectly expresses a rather negative view of traditional practices. Neither is the newspaper very welcoming to religious ideas. Only one article, which largely mirrors the above-mentioned article by Lara Adejoro from *The Nation*,

acknowledges the role that religious leaders can play in raising cancer awareness and promoting cancer literacy. However, the journalist includes other quotes from official speeches, which give the article a slightly different perspective. Noting the importance of religious leaders, the article primarily focuses on the prospects of contemporary healthcare, presenting the latter as integral rather than pluralistic, cf.: *"As we navigate the complexities of modern healthcare, we find ourselves standing at a crossroads of tradition and innovation. The convergence of faith and science holds immense promise. We must recognize the healing power of modern medicine without forgetting the healing touch of compassion that you, our religious leaders, so beautifully embody"* (The Nation. 29.08.2023).

Another interesting angle is that religion is presented as a driver of the new health policy rather than its determinant or an equally important conceptual part, cf.: *Together, we can harness the power of faith to drive positive health-seeking behaviours and contribute to the well-being of our nation* (The Nation. 29.08.2023).

Thus, *The Vanguard* is not very representative of medical pluralism, which is an important part of *The Nation*. As for *The Punch*, the therapeutic continuum is reduced to official medicine only.

As was noted in the section on the sociocultural context for cancer journalism, Africans largely share cancer fatalism. The newspaper that is most illustrative of this tradition is *The Punch*. It presents cancer as a mortal threat, with no attempt to question this attitude. Moreover, the fatal character of cancer is explicitly presented as a "fact" (*"the fact that cancer is deadly"*), while the cancer diagnosis is referred to as *"a direct death sentence"* (The Punch. 19.06.2023). The situation in Nigeria is described in distinctly pessimistic tones: *Nigeria's cancer cases are characterised by a high case-fatality ratio* (ibid.). The message is reinforced by a high occurrence of the word "death", which appears 25 times in a 24-article sample and is used in the headlines 3 times, which makes it all the more prominent. *The Vanguard* does not evade the mortality issue, mentioning death 112 times ("death", "deadly", "deadliest", "mortality") in a 97-article sample, and using the word "death" five times in the headlines. However, it strongly opposes cancer fatalism, constantly reminding the readers that cancer is not necessarily a death sentence, provided they seek medical assistance and follow the necessary prescriptions, cf.: *having bone cancer is not a death sentence* (The Vanguard. 01.08. 2023), *the perception of a death sentence is often applicable to patients that present late in hospitals* (The Vanguard. 25.06.2023), *Cancer is not a death sentence once detected early* (The Vanguard. 19.02.2023). The collocation "death sentence" occurs in *The Vanguard* sample 15 times, but it never presents cancer patients as doomed, always giving them hope. *The Nation* is close to *The Vanguard* in its discursive tactics. It admits that cancer poses a major health threat, mentioning death 67 times in a 52-article sample, but it never gives death extra visibility by putting the respective word in the strong position of the headline and always tones down the idea of doom, cf.: *the diagnosis of cancer when caught early is not necessarily a death sentence and people need to be aware of that* (The Nation. 04.05.2023).

It might seem that *The Vanguard* and *The Nation* deliberately avoid excessive alarmism and refrain from using shock tactics. However, when they switch the focus from what happens to people to what the disease does to them, they do not hesitate to describe it as something that kills, or, even more precisely, "a killer disease". It is particularly interesting that the relative frequency of this type of reference is practically the same in all the three newspapers (*The Punch* – 6, *The Vanguard* – 17, *The Nation* – 13). Another notable reference to cancer is the word "scourge", which, however, is used only in *The Vanguard* (n=18) and *The Nation* (n=7). A similar situation is observed with the word "threat", which occurs twice in *The Vanguard* and *The Nation* samples, but is absent in *The Punch*.

Finally, we would like to point out that journalists make a vigorous effort to dispel the popular myth that cancer is a white man's disease. They do not only provide local cancer statistics, but focus more closely on the threats that are most relevant to Nigerians. Thus, in *The Vanguard* sample 7 articles out of 97 remind the readers that African males are genetically predisposed to prostate cancer. *The Nation* follows suit, but contains less material on the topic (3 articles out of 52). However, it is much more straightforward in localizing the cancer threat, referring to some of its types as "endemic": *Cervical cancer (endemic in African women) and prostate cancer (endemic in African men) should really challenge African medical scientists.* (*The Nation*. 15.02.202).

The Nation is the only newspaper that does not only provide global statistics of cancer incidence and mortality, but lays special emphasis on the universality of cancer as a health hazard: *cancer has no respect for class, religion or race* (*The Nation*. 28.09.2023). This approach seems productive as it contributes to understanding the reality of cancer threat.

One of the most relevant topics within cancer journalism is representation of the cancer continuum. Ideally, all the five parts of it – prevention, detection, treatment, survivorship and end-of-life care – should be covered equally. However, this perfect balance is never observed in real journalistic practices. The main factors that influence the distribution of coverage are the condition of the healthcare system, the priorities of the healthcare policy and the degree to which cancer discourse is developed. For instance, if oncology is badly underdeveloped, survivorship will hardly be presented in the media. At the same time, if the healthcare system is unable to offer adequate help, the main emphasis will be laid on prevention. If the end-of-life phase is surrounded by various cultural and communicative taboos, it will be closed to public discussion and, consequently, to cancer journalism. Conversely, by analyzing the distribution of newspaper content across the five sectors of the cancer continuum we can reveal gaps not only in the discursive practice, but in the state of the healthcare system as well.

Before we present the data based on our sample, we must note that the logic of journalistic coverage does not always follow the "one article – one sector of the cancer continuum" principle. On the contrary, articles quite often present several sectors, for instance, discussing prevention, detection and treatment in a logical sequence. Due to such overlaps, the statistical count we are going to present will

not make up a total of 100 % in each case. The numbers of articles that cover respective sectors of the cancer continuum are presented in Table 2.

Table 2
Representation of the cancer continuum in Nigerian press

	Prevention	Detection	Treatment	Survivorship	End-of-life care
<i>The Vanguard</i>	32 (33.0%)	49 (50.5%)	28 (28.9%)	6 (6.2%)	4 (4.1%)
<i>The Nation</i>	18 (34.6%)	22 (42.3%)	16 (30.8%)	6 (11.5%)	6 (11.5%)
<i>The Punch</i>	17 (70.8%)	3 (12.5%)	7 (29.2%)	0 (0.0%)	0 (0.0%)

As can be seen from the table, *The Vanguard* and *The Nation* cover all the cancer continuum, with a preponderance of the first three sectors, while *The Punch* completely ignores survivorship and end-of-life care. Our previous research based on a sample from *The New York Times* dated January 1 – June 30, 2023 [21. P. 104–105] suggests that this kind of distribution more or less follows the western trend. There is an important difference, however. Representation of prevention in the western press is seen as an important development in cancer journalism, as twenty years ago the most attention was focused on treatment, which contributed to the public perception of the disease as something inevitable [25]. Nigerian cancer journalism, which is much younger, may seem as a very up-to-date practice, which follows the most recent western trends. However, if we take into account the socioeconomic and sociocultural contexts of cancer coverage, we will have to admit that focus on prevention is accounted for by very different factors. Chief of them are unavailability and unaffordability of cancer treatment services, which logically leads to the focus on preventing the disease in order to relieve the continually mentioned cancer burden. This perspective is most explicitly outlined in *The Nation*, where prevention is straightforwardly called "*the most pragmatic way of fighting cancer*" (*The Nation*. 15.02.2023). The prevalence of the prevention sector is particularly striking in *The Punch*. Another factor that makes prevention so prominent is the importance of traditional medicine, which is believed to be potent in strengthening the body against the threat of cancer. The newspaper that most actively promotes these ideas is *The Nation*. Finally, the sample enables us to trace the emergence of the idea of responsibility for your own health, which has been shaping in the west since the 1970s and now dominates European and American health discourses. This ideology has become known as healthism and alongside promoting a more conscious and responsible attitude to personal physical and mental well-being often breeds victim blaming [47, 48], which might have a certain appeal in the situation when medical assistance is unsatisfactory. The idea is most relevant to *The Vanguard*, which introduces the concept of "*health-seeking behaviour*", mentions people "*taking control of their own health*" twice and is notable for a copious use of the trendy term "*empowerment*" (cf: *to empower women to be proactive about their health; empowering individuals to take charge of their well-being*). It can also be found in *The Nation*, however, to a much lesser extent (cf.: *the project seeks to empower women and girls to make high quality sexual and reproductive health choices*).

While *The Punch* unequivocally prioritizes prevention, *The Vanguard* and *The Nation* primarily focus on detection, explaining the importance of an early diagnosis for efficient treatment and a positive outcome. What merits attention here is the frequent use of collocations "early detection/detected early" and "early presentation" (73 in *The Vanguard* and 24 in *The Nation*). Not only is the need for timely medical assistance clearly explained, but the very visibility of these collocations helps to convey the respective message very strongly. Even *The Punch*, which largely defocuses detection, uses these collocations 4 times.

The treatment sector of the cancer continuum is much more prominent than one could have expected considering the low level of oncological help in Nigeria. An interesting explanation for this phenomenon can be found in *The Nation*. Quoting Dr. Adewole, the journalist sets the goal of "changing the narrative of cancer treatment" and notes that this narrative is already changing (*The Nation*. 04.05.2023). The change is that cancer is presented as treatable, especially if detected early. On the other hand, more treatment opportunities seem to be available now, with some most up-to-date techniques (for instance, laparoscopy for prostate cancer) and state-of-the-art equipment. Notably, *The Vanguard* and *The Nation* actively promote the idea of a "reverse medical tourism", implying that patients who used to seek cancer care in Europe and the USA can come back to Nigeria, which can now offer many of the same services at a much lower price. Moreover, Nigeria can attract cancer patients from other African countries and cater for their therapeutic needs. An interesting point here is that all the three newspapers have almost the same percentage of articles that cover treatment.

The survivorship sector is badly underrepresented, which is not surprising again considering a severe shortage of positive outcomes of cancer treatment in Nigeria. It should be pointed out that out of the 12 articles 2 deal with celebrity cancer, which resonates with the western trend of giving inspiring examples of famous people successfully coping with their cancer experience.

The end-of-life care sector is hardly covered at all, which also resonates with the global cancer journalism practice. For the time being, this is the least popular topic due to multiple taboos surrounding death and lack of positivity, which is an important feature of cancer coverage, as stated above. In our sample, out of the 10 articles covering this sector, 7 are actually stories about death from cancer, 3 of them featuring celebrities.

When describing the coverage of the cancer continuum, scholars typically miss a point which is extremely relevant in the discursive perspective. As stated above, an article may cover several sectors of the continuum, and the analysis of typical combinations of sectors may be very revealing in terms of how cancer discourse is organized.

We have discovered the following combinations:

- (1) prevention + detection (n=15: *The Vanguard* – 8, *The Nation* – 6; *The Punch* – 1);
- (2) detection + treatment (n=11: *The Vanguard* – 7; *The Nation* – 3; *The Punch* – 1);
- (3) prevention + treatment (n=5: *The Vanguard* – 2; *The Nation* – 2; *The Punch* – 1);
- (4) prevention + detection + treatment (n=2: *The Nation*);
- (5) detection + end-of-life care (n=1: *The Nation*).

As can be seen, in most cases, combinations are formed between the adjacent sectors of the continuum (73.7%). It seems logical, as the sectors naturally map onto the stages of cancer experience and imply a gradual progression from one to another. It is noteworthy that most of the combinations are found in *The Vanguard*, which generally leans to the medical view of cancer and is the most consistent in presenting it. We tend to believe that such logical combinations are beneficial for the readers as they prompt a certain algorithm of actions and help to establish cause-and-effect relationships between them. What draws attention is an absolute lack of the survivorship sector, which should be expected in combination with the treatment sector. Unfortunately, it reflects the real state of things: treatment does not guarantee a good therapeutic outcome considering the substandard condition of oncological help and the general reluctance to undergo the full cycle of treatment due to financial constraints. However, combining these two sectors in cancer journalism may engender a more positive attitude to medical interventions and motivate people to be more consistent in their pursuit of health. A combination of all the five sectors seems unlikely, as it calls for a thorough investigative journalism, which is almost non-existent in Nigeria [42] and precludes a narrow focus on the issue the journalist intends to discuss.

Our last research objective was to trace the use of some discursive patterns typical of contemporary western cancer journalism. One of the most relevant trends nowadays is the use of the case approach, when the story of an individual cancer patient simultaneously serves as an illustration and a background against which general issues of cancer care are discussed [21. P. 106–109]. Its popularity in the west primarily stems from the long tradition of destigmatizing and naturalizing cancer, which, in its turn, gave rise to the so-called "coming out" practice [49. P. 7, 32], when a celebrity gives publicity to their cancer diagnosis. In the Nigerian context, the case approach seems problematic considering the widely acknowledged stigma surrounding this disease and grounded lack of optimism as to the fate of the patient. However, the analysis of our sample revealed 36 articles that focus on individual cancer patients (*The Vanguard* – 16, *The Nation* – 14, *The Punch* – 6), which is an astonishingly high number. 21 of the patients are celebrities (politicians, actors, musicians, university professors), who see it as their mission to "share their resolve not to fear death" (*The Punch*. 17.10.2023) and thus contribute to raising public awareness of cancer. Common people, however, prefer to stay anonymous, like the patient who agreed to give an interview about his prostate surgery, but refused to show his face or give his name (*The Nation*. 31.08.2023). In another case, a woman willingly shared her story but insisted on taking a pseudonym (*The Vanguard*. 03.08.2023).

However, in certain cases anonymity is not an option. Five of the articles in the sample present stories of patients who face extreme financial difficulties and cannot start or continue their treatment. These articles are actually an appeal for money and are largely devoid of the illustrative force typical of the case approach. These are heartbreaking examples of the hardships Nigerians face in an attempt to undergo proper treatment. For them, newspapers become the last resort, and they are ready to sacrifice their privacy and to risk being stigmatized.

Of particular interest to us is the use of typically western metaphors in Nigerian cancer journalism. Those include, first of all, war and journey metaphors that permeate cancer discourses in the west and are a subject of great controversy [50]. Both metaphors are important landmarks in the evolution of the western cancer discourse. The war metaphor was widely introduced into public discourses in the 1970s and played a crucial role in raising public cancer awareness, spurring the governments to prioritize cancer help, and mobilizing healthcare professionals to do more research into cancer. The journey metaphor is a recent discursive innovation. It took off in the 2010s and became possible due to visible progress in oncology, which turns cancer into a chronic disease rather than a short-term and deadly one. The emergence of these metaphors and their circulation in cancer discourse are predetermined by a range of historical, socioeconomic, scientific, cultural and other factors, which are specific to the western world [21] and should be alien to Africa. However, the transnational character of cancer, which usually means an unprecedented exchange of medical information, technologies and patients all over the world [2. P. 2], inevitably entails an equally unprecedented exchange of discursive means of its presentation, including metaphors. Our sample has yielded 99 instantiations of the war metaphor presented in Table 3.

Much more surprising, though, is the use of the journey metaphor, which is too meditative to match the Nigerian context, where cancer experience is first and foremost associated with stress, and the prospect of long remission is vague. The sample contains 14 journey metaphors (*The Vanguard* – 8, *The Nation* – 6; "journey" – 13, "roller-coaster" – 1).

It is noteworthy that the war metaphor not only outnumbers the journey metaphor, but gets extra visibility by being used in the strong position of the headline twice, both times in *The Nation* and both times describing a global celebrity (Sebastien Haller and Martina Navratilova). Perhaps it is explained by the fact that the journalist borrowed the content from some western news outlet together with the original headline. Nevertheless, such discursive endeavors play a pivotal role in promoting metaphors in new sociocultural contexts.

Table 3

War metaphors in Nigerian articles on cancer

Verbal representation	The Vanguard	The Nation	The Punch
battle/battling	13	14	8
combat	3	4	0
conquer	4	2	0
defeat	2	2	0
fight	26	13	0
struggle	3	1	0
warrior	4	0	0
Total:	55	36	8

Another interesting fact is that journalists are not necessarily consistent in their metaphorical conceptualizations of cancer, sometimes using both metaphors in

the same context, cf.: *I need to mention that over the course of 28 years, our journey has been a roller coaster. Throughout this time, we have taken on a pivotal role in the fight against breast cancer in Nigeria* (The Vanguard. 08.10.2023). This proximity of genetically different metaphors is quite common in western cancer discourses. It can be explained by the fact that due to long and frequent use, they have partly lost their metaphorical "flavor" and are now perceived as normative and equally valid ways of referring to cancer experience. Nigerian journalists probably adopted the pattern uncritically, because there are no natural linguacultural prerequisites for mixing the two metaphors.

Thus, the sample suggests that Nigerian cancer journalism to a certain extent follows western trends.

Conclusion

Cancer journalism plays a crucial role in raising public awareness of oncological diseases and instructing people about how to deal with them. It is all the more important in the countries where the level of general medical competence is low and professional oncological help is substandard. Furthermore, cancer journalism is instrumental in spurring the government to restructure their healthcare policies and pay due attention to cancer care. Finally, it is the main driver of forming a robust public cancer discourse, which is scientifically sound, culturally sensitive and respectful of people's psychological needs. Of particular importance is the goal to fight mystification of cancer and stigmatization of cancer patients. Striving to achieve this lofty goal, journalists can follow some discursive strategies and tactics which have proved their efficiency in other countries, where cancer journalism is a well-formed practice. However, these global trends should not be followed blindly. Cancer journalists should be guided by the "adopt and adapt" principle, always taking into consideration the local sociocultural context. On the one hand, it will enable them to target cancer issues which are more relevant to their own country (certain types of cancer, particularly endemic ones, harmful environmental and professional factors and ways of eliminating them, the most important preventative measures, promotion of accessible forms of professional medical help, the need to change some healthcare policies, etc.). On the other hand, adaptation will help them to avoid misunderstanding and alienation, gently and tactfully shifting public perception of cancer in the necessary direction. This is a task that requires not only professionalism, but high moral principles, which will help journalists to remain unbiased, incorruptible, and socially responsible in their efforts to counteract the toll that cancer takes on their society.

References

1. WHO. (2021) *WHO and St. Jude to dramatically increase global access to childhood cancer medicines*. [Online] Available from: <https://www.who.int/news/item/13-12-2021-who-and-st.-jude-to-dramatically-increase-global-access-to-childhood-cancer-medicines> (Accessed: 07.04.2024)
2. Mathews, H.F., Burke, N.J. & Kampriani, E. (eds) (2015) *Anthropologies of Cancer in Transnational World*. New York: Routledge.

3. IARC. (2024) *Cancer tomorrow*. [Online] Available from: <https://gco.iarc.who.int/tomorrow/en> (Accessed: 07.04.2024).
4. Aju, M. (2018) Global survey of clinical oncology workforce. *Journal of Global Oncology*. 4. [Online] Available from: <https://ascopubs.org/doi/full/10.1200/JGO.17.00188> (Accessed: 07.04.2024).
5. Taylor, I. (2018) *African Politics: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
6. United Nations. (2024) *The 17 goals*. [Online] Available from: <https://sdgs.un.org/goals> (Accessed: 07.04.2024).
7. Lloyd, L., Kechagias, D. & Skiena, S. (2005) Lydia: A system for large-scale news analysis. In: *String Processing and Information Retrieval (SPIRE 2005)*. Lecture Notes in Computer Science. 3772. Berlin: Springer. pp. 167–178. doi: 10.1007/11575832_18
8. Schattner, E. (2023) *From Whispers to Shouts: The Ways We Talk About Cancer*. New York: Columbia University Press.
9. Viswanath, K., Breen, N., Meissner, H. et al. (2006) Cancer knowledge and disparities in the information age. *Journal of Health Communication*. 11 (Suppl 1). pp. 1–17.
10. Briggs, C.L. & Hallin, D.C. (2016) *Making Health Public: How News Coverage Is Remaking Media, Medicine, and Contemporary Life*. London: Routledge.
11. Levi, R. (2001) *Medical Journalism: Exposing Fact, Fiction, Fraud*. Hoboken: Wiley-Blackwell.
12. Bennett.edu.in. (2024) *What is responsible journalism? How does Bennett University help to make you a responsible journalist?* [Online] Available from: <https://www.bennett.edu.in/media-center/blog/what-is-responsible-journalism-how-does-bennett-university-help-to-make-you-a-responsible-journalist/> (Accessed: 07.04.2024).
13. Press.farm. (2024) Who are the top healthcare journalists and experts – 2024 list. [Online] Available from: <https://press.farm/top-healthcare-journalists/> (Accessed: 07.04.2024).
14. Foss, K.A. (2020) *Constructing the Outbreak: Epidemics in Media & Collective Memory*. Amherst: University of Massachusetts Press.
15. Batt, C. (1994) *Patient No More: The Politics of Breast Cancer*. North Melbourne: Spinifex Press.
16. Chidebe, R.C.W., Orjiakor, T.C., Nwamaka, L. et al. (2023) Brain drain in cancer care: The shrinking clinical oncology workforce in Nigeria. *JCO Global Oncology*. 9. doi: 10.1200/GO.23.00257
17. Selvaraj, S., Borkar, D.S. & Prasad, V. (2014) Media coverage of medical journals: Do the best articles make the news? *PLoS One*. 9: e85355. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0085355> (Accessed: 07.04.2024).
18. Buiatti, E., Arniani, S., Verdecchia, A. et al. (1999) Results from a historical survey of the survival of cancer patients given Di Bella multitherapy. *Cancer*. 86 (10). pp. 2143–2149. doi: 10.1002/(SICI)1097-0142(19991115)86:10<2143::AID-CNCR37>3.0.CO;2-5
19. World Justice Project. [Online] Available from: <https://worldjusticeproject.org/news-year-impact-transparent-nigeria-corruption> (Accessed: 07.04.2024).
20. National Cancer Institute. [Online] Available from: <https://www.cancer.gov/news-events/cancer-currents-blog/2020/kaposi-sarcoma-aids-paclitaxel-clinical-trial> (Accessed: 07.04.2024).
21. Nagornaya, A.V. (2023) *Onkodiskurs: Formatsii, formy, formaty* [Oncodiscourse: Formations, Forms, and Formats]. Moscow: LENAND.
22. Mulcahey, T. (2024) *10 tips for journalists covering COVID-19*. [Online] Available from: <https://ijnet.org/en/story/10-tips-journalists-covering-covid-19> (Accessed: 07.04.2024).
23. Brown, P., Zavestoski, S.M., McCormick, S. et al. (2001) Print media coverage of environmental causation of breast cancer. *Sociology of Health and Illness*. 23 (6). pp. 747–775.
24. National Cancer Institute. [Online] Available from: <http://cancercontrol.cancer.gov/od/continuum.html> (Accessed: 07.04.2024).

25. Jensen, J.D., Moriarty, C.M., Hurley, R.J. & Stryker, J.E. (2012) Making sense of cancer news coverage trends: a comparison of three comprehensive content analyses. *Comunicação e Sociedade*. Número especial. pp. 39–55.
26. Wagstaff, A. (2014) *Making Sense of Cancer: A Journalist's Guide*. Milan: European School of Oncology.
27. Omonzejele, P.F. (2008) African concepts of health, disease, and treatment: An ethical enquiry. *Explore*. 4 (2). pp. 120–126.
28. Olsen, W.C., Sargent, C. & Stroeken, K. (eds) (2017) *African Medical Pluralism*. Bloomington: Indiana University Press.
29. Statista.com. (2019) *Main causes of death in Nigeria 2019*. [Online] Available from: <https://www.statista.com/statistics/1122916/main-causes-of-death-and-disability-in-nigeria> (Accessed: 07.04.2024).
30. Fatiregun, O.A., Bakare, O., Ayeni, S. et al. (2020) 10-Year mortality pattern among cancer patients in Lagos State University Teaching Hospital, Ikeja, Lagos. *Frontiers in Oncology*. 10. doi: 10.3389/fonc.2020.573036
31. Osaro, E. (2016) *Breast Cancer in Nigeria: Diagnosis, Management and Challenges*. Bloomington: AuthorHouse.
32. Baronov, D. (2008) *The African Transformation of Western Medicine and the Dynamics of Global Cultural Exchange*. Philadelphia: Temple University Press.
33. Moore, R.J. & Spiegel, D. (eds) (2004) *Cancer, Culture and Communication*. New York: Kluwer Academic.
34. Amzat, J. & Razum, O. (2014) *Medical Sociology in Africa*. Cham: Springer.
35. Silbermann, M. & Berger, A. (2022) *Global Perspectives in Cancer Care: Religion, Spirituality and Cultural Diversity in Health and Healing*. Oxford: Oxford University Press.
36. Asuzu, C.C., Elumelu, K.T., Asuzu, M.C. et al. (2017) A pilot study of cancer patient's use of traditional healers in the radiotherapy department, University College Hospital. *Psycho-Oncology*. 26. pp. 369–376.
37. Adedeji, O.A. (ed.) (2017) *Cancer in Sub-Saharan Africa*. Cham: Springer.
38. Odigie, V.I., Tanaka, R., Yusufu, L.M.D. et al. (2010) Psychosocial effects of mastectomy on married African women in Northwestern Nigeria. *Psycho-Oncology*. 19 (8). pp. 893–897. doi: 10.1002/pon.1675
39. Hillier, D. (ed.) (2006) *Communicating Health Risks to the Public: A Global Perspective*. New York: Routledge.
40. Nichter, M. (1989) *Anthropology and International Health: South Asian Case Studies*. New York: Springer.
41. Bello, S.M. (2015) *Newspaper Coverage of Health Issues in Nigeria: The Frequency of Reporting Malaria, HIV/AIDS and Polio and the Effect of Seeking Health Information on the Health Behaviours of Newspaper Readers*. PhD Thesis. University of Canterbury.
42. Oso, L., Adeniran, R. & Arrowolo, O. (2019) The challenges and implications of health journalism practice in Nigerian newspapers. In: *Mass Media in Nigeria: Research, Theories and Practice*. Kuru: NIPSS. pp. 115–140.
43. Durojaiye, F. (2013) *Development Journalism: Principles and Issues*. Lagos: Sprinter Books.
44. Dambatta, S.N. (2024) *A call for medical journalism*. [Online] Available from: <https://blueprint.ng/a-call-for-medical-journalism/> (Accessed: 07.04.2024).
45. Eze, N.C. & Okafor, E.C. (2024) Pressing matters: Analyzing world cancer day coverage in Nigerian newspapers. *Michigan International Journal of Marketing, New Media and Communication*. 12 (1). pp. 29–48.
46. *Cancerworld*. [Online] Available from: https://cancerworld.net/cj_award/2019-2020/ (Accessed: 07.04.2024).
47. Crawford, R. (1980) Healthism and the medicalization of everyday life. *International Journal of Health Services*. 10 (3). pp. 365–388.

48. Skrabanek, P. (1994) *The Death of Humane Medicine and the Rise of Coercive Healthism*. Suffolk: Social Affairs Unit.

49. Frank, A. (2013) *The Wounded Storyteller: Body, Illness & Ethics*. Chicago: University of Chicago Press.

50. Nagornaya, A. & Nwankwo, J. (2023) Metaphor as a means of representing first-hand cancer experience in English teen sick-lit. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 22 (4). pp. 86–100.

Information about the authors:

A.V. Nagornaya, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: anagornaya@hse.ru

J.Ch. Nwankwo, postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: jamescul36@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Нагорная А.В. – д-р филол. наук, профессор Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: anagornaya@hse.ru

Нванкво Джеймс Чайк – аспирант Школы филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: jamescul36@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 10.04.2024;
approved after reviewing 11.07.2024; accepted for publication 19.05.2025.*

*Статья поступила в редакцию 10.04.2024;
одобрена после рецензирования 11.07.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

Научная статья
УДК 81.37; 811.811
doi: 10.17223/19986645/95/7

Основные направления семантического развития прилагательного *toxic*

Татьяна Сергеевна Рыжкова¹, Ирина Викторовна Зайкова²

^{1, 2} *Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия*
¹ *ryzhkova08@mail.ru*
² *irazaykova@mail.ru*

Аннотация. Исследуются основные направления расширения семантического объема прилагательного *toxic*. Материалом являются данные этимологических и толковых словарей, тексты лингвистических корпусов английского языка и средств массовой информации. Выявлены не зафиксированные лексикографическими источниками значения. Семантический объем лексемы значительно расширяется за счет развития семы *токсичный* в переносном смысле, лексико-семантического варьирования, а также использования стилистических фигур.

Ключевые слова: семантическое развитие прилагательного *toxic*, компонентный анализ слова, метафорический эпитет, оксюморон, переносное значение слова

Для цитирования: Рыжкова Т.С., Зайкова И.В. Основные направления семантического развития прилагательного *toxic* // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 132–146. doi: 10.17223/19986645/95/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/95/7

Essential vectors of semantic development of the adjective *toxic*

Tatyana S. Ryzhkova¹, Irina V. Zaykova²

^{1, 2} *Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation*
¹ *ryzhkova08@mail.ru*
² *irazaykova@mail.ru*

Abstract. The article aims to study the essential vectors of the development of the adjective *toxic*. The research is based on etymological and explanatory dictionaries of the English language, contexts presented in the British National Corpus (BNC), Corpus of Contemporary American English (COCA), Corpus of US Supreme Court Opinions (SCOTUS), NOW Corpus (News on the Web), Corpus iWeb (The 14 Billion Word Web Corpus), Corpus GloWbE (Global Web-based English) and authentic texts of mass media. The analysis of dictionary definitions makes it possible to identify the most distinctive features and interpretations of the word fixing the frequent and semantically similar word usage of the lexeme. On the one hand, chemicals, toxins of animals and plants can be poisonous or harmful to humans and any living organisms in case of direct

exposure and ingestion. On the other hand, *toxic* can express the behavior of a person who makes an unpleasant emotional impression. In addition to the direct meanings such as *poisonous*, *toxic*, *toxical*, and *harmful*, the following figurative meanings can be seen: *toxic*, *problematic*, *unpleasant* and *unacceptable*. The study of 10,000 uses of the adjective *toxic* in the texts of linguistic corpora shows that the development of the seme "toxic" in a figurative sense is one of the essential vectors contributing to the expansion of the semantic volume of the lexeme. The contextual analysis allows to reveal a non-fixed direct meaning of *toxic* – *dangerous* – and figurative meanings: *unhealthy*, *destructive*, *hostile*, and *sarcastic*. The conducted analysis confirms the use of metaphorical epithets and oxymorons which contribute to the vivid realization of the figurative meanings of the adjective *toxic*. The quantitative analysis of the lexeme in textual fragments presented in BNC, COCA, NOW and iWeb shows 70% of direct meanings and 30% of figurative meanings, respectively. However, the NOW Corpus that contains texts from 2010 to the present points out a sufficient preponderance of figurative meanings (54%) in comparison with direct ones (46%). The obtained data indicate the consistent penetration of *toxic* into all spheres of human life and consequently the fast-paced process of semantic derivation. Thus, the expansion of the semantic scope of the adjective *toxic* is caused by the development of the figurative meaning *toxic* due to the emergence of semantically derived meanings, lexical-semantic deviation, as well as the use of stylistic figures: metaphorical epithets and oxymorons. The revealed vectors determining semantic changes of the adjective *toxic* demonstrate the intensive dynamics of its development.

Keywords: semantic development of adjective *toxic*, component analysis of word, metaphorical epithet, oxymoron, figurative meaning of word

For citation: Ryzhkova, T.S. & Zaykova, I.V. (2025) Essential vectors of semantic development of the adjective *toxic*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 132–146. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/7

Современные лингвистические исследования характеризуются пристальным вниманием ученых к лексическим единицам, в отношении которых фиксируется расширение семантического объема слова, обусловленное способностью языка эволюционировать в условиях реалий стремительно развивающегося мира [1–3]. Так, Г.И. Кустова исследует семантическое расширение слов, выявляя типы производных значений на примере лексики русского языка [4]. Развитие семантики слова изучает М.В. Москалева, анализируя новые значения, приобретаемые существительными в разных сферах деятельности [5]. Е.А. Морозенко исследует процесс семантической деривации оценочных прилагательных в английском языке на примере семы *характер*, раскрывая причины данных изменений [6]. Расширение семантического потенциала немецкого глагола выявляет Н.П. Сюткина [7]. В частности, автор выделяет эмотивную составляющую глагола как основу его семантического развития.

В своем исследовании М.Н. Коннова рассматривает специфику функционирования прилагательного *eternal*, показывая многообразие его значений [8]. Т. Братли анализирует семантическое развитие прилагательного *digital*, подчеркивая степень распространённости употребления данной лексемы в современном английском языке [9]. Т.С. Рыжкова и И.В. Зайкова при изучении семантического объема прилагательного *friendly* выявляют новые

производные значения, которые демонстрируют способность анализируемой лексемы к семантической неологизации [10].

Семантическое развитие прилагательных *ядовитый* и *токсичный* исследуется К.М. Шилихиной [11]. Автор выявляет новые значения лексем в рамках влияния английского прилагательного *toxic* на смысловое значение русских эквивалентов. Т.В. Поляк изучает семантические изменения прилагательного *токсичный* в современном русском языке и выявляет тенденцию данной лексемы к семантическим сдвигам в контексте сферы человеческих отношений [12].

Как показывает анализ литературы, прилагательное *toxic* еще не подвергалось тщательному исследованию с точки зрения определения направлений расширения его семантического объема в английском языке.

В настоящей статье предпринимается попытка определить основные направления семантического развития прилагательного *toxic*. Методами исследования послужили этимологический анализ слова, анализ словарных дефиниций, компонентный и контекстуальный анализы, метод сплошной выборки, количественный анализ.

Этимологически прилагательное *toxic* восходит к латинскому языку *toxicum* 'poison' – яд [13]. Греческий язык также фиксирует существительное *toxikon* 'poison' – яд, которое используется в словосочетании для обозначения стрелы с ядовитым наконечником, ср.: *toxikon* 'arrow poison' [14]. В период позднего латинского языка фиксируется лексема *toxicus* 'poisoned' – отравленный [13]. Далее прилагательное *toxicus* заимствуется французским языком, ср.: *toxique* 'poisoned' – отравленный, ядовитый [13], которое в XVII в. перенимается английским языком на фоне активного освоения внешнего культурно-исторического пространства, ср.: ...*the toxic quality was certainly in the liquor which those good fellows tippl'd out of those bottles, not in the nature of the wood; which yet he affirms is cur'd of that venenous quality...* [15].

Анализ словарных дефиниций толковых словарей английского языка [14, 16–20] позволил выявить следующие значения прилагательного *toxic*:

- ядовитый;
- токсичный;
- токсический;
- вредный;
- проблемный;
- неприятный (разг.);
- неприемлемый (разг.).

Как видно из представленных ниже результатов анализа, не наблюдается единства в толковании значений прилагательного, дифференциация которых в зависимости от денотативной отнесенности наглядно представлена в табл. 1.

Таблица 1

Значения прилагательного *toxic*, зафиксированные толковыми словарями

Словарь	Значение прилагательного						
	ядови- тый	токсич- ный	токсиче- ский	вред- ный	проблем- ный	неприят- ный	неприят- лемый
Longman Dic- tionary of Con- temporary Eng- lish	+	+	+	+	+	+	
Collins English Dictionary	+	+	+	+	+	+	
Macmillan Eng- lish Dictionary for Advanced Learners	+	+	+	+	+	+	+
Merriam-Web- ster Dictionary	+	+	+	+	+		
Cambridge Dic- tionary	+	+	+				
Oxford Ad- vanced Learn- er's Dictionary	+	+	+	+	+	+	

Тем не менее все словари фиксируют значения, этимологически мотивированные и связанные с прямым воздействием отравляющих веществ на живые организмы. Большая часть словарей отмечает значение 'проблемный' в финансовой сфере и 'неприятный' в сфере взаимодействия человека с его социальным окружением и внешним миром. Значение 'неприятный' фиксирует только словарь Macmillan, ср.: *'used about a subject on which opinion is so strongly divided that it is hard to have a reasonable discussion about it'* [17]. Компонентный анализ слова позволил дифференцировать и разграничить данные значения следующим образом.

Значение 'ядовитый' реализуется в контексте характеристики веществ, которые обладают высокой степенью токсичности и способны вызывать сильное отравление или смерть, ср.: *a toxic gas* – ядовитый газ; *toxic chemicals* – ядовитые химикаты; *toxic radioactive waste* – ядовитые радиоактивные отходы; *toxic substances* – ядовитые вещества. Например, сегодня во многих странах применение некоторых пестицидов запрещено или резко ограничено с условием строгого соблюдения регламентов, ср.: *toxic pesticide DDT* – ядовитый пестицид ДДТ.

Также ядовитыми могут быть токсины животного и растительного происхождения, ср.: *a toxic plant* – ядовитое растение; *toxic shellfish* – ядовитые моллюски; *a toxic berry* – ядовитая ягода. Например: *Here are some of the toxic plants you should keep away from your pets* [21].

Значение 'токсичный' употребляется при градации веществ и материалов, обладающих невысокой или средней степенью токсичности, которые способны вызывать нарушения физиологических функций человека в процессе постепенного накопления концентрации вещества в организме или

окружающей среде, не приводящие к смертельному исходу, ср.: *a toxic material* – токсичный материал; *toxic byproducts* – токсичные побочные продукты; *toxic ash* – токсичная зола; *toxic fuel* – токсичное топливо; *a toxic pollutant* – токсичный загрязнитель. Например: *For the РАН, they used pyrene, a toxic pollutant produced by burning fossil fuels or vegetation such as forests* [22].

Прилагательное *toxic* также используется при характеристике отходов, содержащих вещества, которые оказывают негативное воздействие на окружающую среду и представляют угрозу для здоровья человека, ср.: *toxic waste* – токсичные отходы; *a toxic waste dump* – свалка токсичных отходов; *toxic rubbish* – токсичный мусор. Токсичной может быть концентрация вещества в воздухе или организме человека, ср.: *a toxic concentration* – токсичная концентрация; *a toxic dose* – токсичная доза; *a toxic smell* – токсичный запах. Например: *Nur Nowshad, a student of Chattogram University, who resides in the area, told this correspondent that the air around the depot is heavy with a toxic smell and many are having irritation in their eyes* [23].

Токсичными могут быть растения, содержащие токсины, оказывающие негативное воздействие на живые организмы или продукты питания, употребление которых ведет к образованию и накоплению токсинов в организме человека ср.: *toxic algae* – токсичные водоросли; *toxic food* – токсичная еда; *toxic soup* – токсичный суп. Например: *In the past people have fallen foul of toxic food usually on the scale of the odd one or two* [21]; *She was among the four others who were hospitalized Friday after six people ate the toxic soup Thursday night* [24].

Следует уточнить, что в области медицины прилагательное *toxic* актуализируется в большинстве контекстов в значении ‘токсический’, которое описывает не способность вещества вызывать отравление или оказывать негативное воздействие на организм, а последствия интоксикации, ср.: *toxic imbalance* – токсический дисбаланс; *toxic effects* – токсический эффект; *toxic reaction* – токсическая реакция. Например: *I take only 2.5 mg at a time, every 4-5 hours in hopes to minimize the toxic effects of this steroid* [21].

Отметим широкое использование прилагательного в медицинской терминологии, ср: *toxic shock syndrome* – синдром токсического шока; *toxic hepatitis* – токсический гепатит; *toxic anemia* – токсическая анемия; *toxic gangrene* – токсическая гангрена. Например: *The symptoms of toxic hepatitis often go away when exposure to the toxin stops. But toxic hepatitis can permanently damage your liver, leading to irreversible scarring of liver tissue (cirrhosis) and in some cases to liver failure, which can be life-threatening* [25].

Значение ‘вредный’ используется при описании химических веществ, которые в зависимости от степени воздействия на организм человека ранжированы и закреплены в нормативно-правовых документах, ср.: *toxic emissions* – вредные выбросы; *toxic chemicals* – вредные химикаты. Например: *The company has made a promise to cut its toxic emissions by 90 percent by 1992* [21]; *Disturbing issues remain, such as inappropriate content, unaffordability, exclusion, embedded value systems, toxic production and e-wastes* [26].

Помимо вышеупомянутых прямых значений исследуемой лексемы словари фиксируют несколько переносных значений. Сема '*проблемный*' актуализируется в экономической сфере и означает сложности в осуществлении финансовых операций при продаже активов компании, упавших в цене или приносящих убыток, ср.: '*toxic assets*' [20]; проблемы с кредитными и долговыми обязательствами, ср.: '*toxic debts*', '*toxic loans*' [20], а также используется при характеристике высокорисковых инвестиций – '*toxic investments*' [14].

Проблема или «токсичность» долговых обязательств заключается в том, что выплата долга может привести к полной финансовой несостоятельности или банкротству, ср.: *toxic debts* – *проблемные долги*; *toxic mortgages* – *проблемные ипотечные кредиты*. Например: *Wall Street has polluted our economy with **toxic mortgages*** [21].

Сема '*неприятный*' актуализируется в неформальном, непринужденном общении при характеристике человека, его межличностных и социальных отношений или ситуаций как крайне неприятных '*very unpleasant*' [14], ср.: *a toxic place* – *неприятное место*; *toxic behavior* – *неприятное поведение*; *a toxic person* – *неприятный человек*. Например: *One of the first steps in the right direction is to get rid of the **toxic people** in your workplace* [21]; *This type of a **toxic person** has a way of draining your energy and leaving you emotionally exhausted* [23].

Сема '*неприемлемый*', зафиксированная толковым словарем Macmillan, используется при описании ситуации, по которой мнения сторон непримиримы, что ведет к невозможности ее обсуждения, ср.: *All of these things are **toxic to feminists*** [21]; *The bill we're advocating for today would eliminate NDAs, not just for harassment and assault, but for all **toxic workplace issues**, including race, gender, sexual identity, age, and disability discrimination* [23].

Анализ словарных дефиниций прилагательного *toxic* позволил выявить наиболее существенные признаки и толкования слова, зафиксировав частотные, семантически сходные словоупотребления лексемы. С одной стороны, ядовитыми, токсичными или вредными для человека и любого живого организма могут быть химические вещества, токсины животных и растений при прямом воздействии и попадании в организм, ср.: *Lead and its compounds are **toxic to human beings*** [27].

С другой стороны, токсичным может быть поведение человека, после взаимодействия с которым остается неприятное эмоциональное впечатление, ср.: *Eat properly. Avoid **toxic people**. Stay positive. Laugh a lot* [21].

На следующем этапе исследования методом сплошной выборки на материале англоязычных лингвистических корпусов (BNC, COCA, iWeb, NOW, SCOTUS, GloWbE)¹ было проанализировано 10 000 употреблений прилагательного *toxic* с целью вычленения семантических компонентов, не зафиксированных лексикографическими источниками.

¹ BNC – британский корпус английского языка; COCA – корпус современного американского английского языка; iWeb – корпус контента интернет-ресурсов; NOW – корпус новостного контента Интернета; SCOTUS – корпус решений Верховного суда США;

Проведенный контекстуальный анализ позволил выявить значительный потенциал развития семы 'токсичный' в переносном значении. В частности, отметим широкое употребление прилагательного *toxic* при описании внутреннего мира человека, его чувств, эмоций, убеждений, переживаний и мыслительной деятельности, которые оцениваются с точки зрения психологии негативно для его психоэмоционального состояния и как разрушительные для выстраивания отношений с другими людьми и окружающим его миром, ср.: *toxic thoughts* – токсичные мысли; *toxic thinking* – токсичное мышление; *toxic emotions* – токсичные эмоции; *toxic shame* – токсичный стыд; *toxic marriage* – токсичный брак, ср.: *And because of my **toxic thinking**, it drove a wedge between myself and my husband* [21]; *She ended her **toxic marriage**, lost a lot of weight, and began to work on herself a lot* [23].

Расширение использования семы 'токсичный' может быть выделено в контексте описания негативного мужского/женского поведения по отношению к противоположному полу либо обществу в целом, а именно агрессию, женоненавистничество, ненависть к мужчинам, тотальное доминирование, ср.: *toxic masculinity* – токсичная маскулинность, *toxic feminism* – токсичный феминизм. Например: *Okwo writes that the feminist movement breeds sophisticated women on the outside who are truly unhappy and bitter with their lives. Okwor is dissatisfied with the combative nature of feminism, which, he says, thrives on feeding the feminist gender with prejudice against men. This explains why he wants all to join the advocacy against **toxic feminism*** [23]; *His recent attack on his ex-girlfriend at a gallery, preceded by months of harassment, further emphasizes the urgency of addressing **toxic masculinity** and holding perpetrators accountable* [23].

Следует отметить, что в настоящее время прослеживается тенденция к широкому употреблению прилагательного *toxic* в переносном значении при описании процессов и явлений не только внутреннего, но и внешнего мира человека. Так, например, на сайте англоязычного онлайн-словаря сленговых слов и фраз *Urban Dictionary* можно встретить десятки толкований значений прилагательного *toxic* в переносном смысле и примеров его употреблений при характеристике разного рода объектов и процессов, активно размещаемых пользователями, ср.: *A pond located in Hartsville, S.C. near Coker University and GSSM that has been dyed cyan and a popular talking point among govies. "Hey, have you seen **the toxic pond** yet?" "Yeah I have, I walked by it yesterday on the way to town."* [28]; *Have you seen Sam's **toxic story**?* [28]; ***Toxic inspiration** is when someone says something like, "We all have the same 24 hours to be successful!"* [28].

Данный онлайн-ресурс представляет определенный интерес с точки зрения исследования семантических изменений прилагательного *toxic*. Анализ примеров, размещенных на сайте словаря, позволяет выявить активную семантическую прогрессию изучаемого прилагательного. Вместе с тем ввиду

отсутствия контроля со стороны экспертов в силу того, что данные контента *Urban Dictionary* пополняются, редактируются либо оцениваются пользователями с помощью голосования, представляется не ясным, насколько точно в данном онлайн-словаре отражены реалии семантических изменений и сдвигов исследуемого прилагательного. Однако анализ контента ресурса позволяет сделать заключение о глубоком и интенсивном проникновении прилагательного *toxic* в молодежный лексикон в процессе неформального общения.

Таким образом, оценка широкого спектра процессов внутреннего и внешнего мира человека как *токсичных*, зафиксированная лексикографическими источниками, находит свое продолжение в контекстах корпусов английского языка, что позволяет определить развитие семы '*токсичный*' в переносном значении как одно из основных направлений, способствующих расширению семантического объема исследуемой лексики. Например: *Anxiety is a normal, logical, and at times beneficial reaction to stress in a toxic age* [23]; *In the doc, women who joined the company (investing a chunk of money in the process) dealt with stinky merchandise, a toxic culture and challenges reaching financial goals* [23].

Дальнейшее изучение контекстов англоязычных корпусов позволило выявить значения, не зафиксированные лексикографическими источниками.

Сема '*опасный*' была вычленена в контексте употребления прилагательного при характеристике лекарственных препаратов, способных причинить существенный вред здоровью и несущих в себе потенциальную угрозу жизни человека. Сема не отражена в словарных дефинициях, хотя достаточно отчетливо осознается носителями языка и маркируется в высказывании при помощи наречия *potentially*, ср.: *His goal is to ensure that these **potentially toxic drugs** are only used for patients who can also benefit from the therapy* [23]; *It's tragic and irrational to give a **potentially toxic medicine** to healthy very low risk young adults* [23].

Последовательное изучение прилагательного *toxic* в текстовых фрагментах англоязычных лингвистических корпусов позволило выделить несколько переносных значений лексики. Например, сема '*нездоровый*' актуализируется в контексте описания атмосферы внутри общества накануне значимых политических событий или выборов, ср.: *I've idly mentioned I'd like to see a much more minimized version of the 2nd Amendment passed into law - most of our violence stems from other societal factors which are more pressing to tackle than gun rights directly, especially in this **toxic political climate*** [21].

Следующая сема '*деструктивный*' характеризует отношения, которые являются разрушительными для лиц, участвующих в них, в частности для людей, состоящих в браке. Данные отношения пропитаны токсичностью, которая отравляет их совместную жизнь, что негативно сказывается на эмоциональном и физиологическом состоянии участников конфликта, ср.: *Depression, disappointment, unhappiness, dissatisfaction, **toxic personal relationships**, alcoholism, emotional and physical exhaustion are common* [21].

Сема 'враждебный' репрезентирует недружелюбное, агрессивное поведение, причиняющее физический либо психологический ущерб другому человеку. Примером такого использования служит метафорический эпитет *toxic fandom* – токсичный 'враждебный' фэндом, который достаточно часто встречается в средствах массовой информации в настоящее время и означает разного рода агрессивные действия фанатов одной культуры по отношению к фанатам другой, происходящие в интернет-пространстве, ср.: *But there's no deeper meaning to any of it; the Scream idea, meta to its core, was always a preening celebration of its own cleverness, never mind the occasional half-explored nods to toxic fandom or cancel culture* [23].

Сема 'язвительный' может быть выделена в контексте описания высказывания или комментария, характеризующегося остротой и сарказмом в отношении кого-либо. Например, метафорические эпитеты *a toxic comment* – язвительный комментарий, *a toxic remark* – язвительное замечание содержат критику, насмешку и нацелены в большинстве случаев на то, чтобы вызвать у адресата неприятные эмоции и унижение, ср.: *The revelation by Meghan and Harry about the toxic comment concerning their son's skin colour has highlighted the undeniable racist nature of British colonialism* [23].

Контекстуальный анализ показывает достаточное использование метафорических эпитетов и оксюморонов, за счет которых ярко реализуются переносные значения прилагательного *toxic*. Например, сема 'токсичный' в переносном значении используется в качестве оксюморона при характеристике человека, дестабилизирующего эмоциональное состояние своего друга, который по существу таковым не является. В данном случае прилагательное выполняет уникальную функцию, сводя на нет положительные, качественные характеристики определяемого слова за счет своей сильной негативной, этимологической составляющей, ср.: *A toxic friend will claim to be your friend, and maybe they really believe that they are, but they are simultaneously doing things that are harmful to the friendship and to you and your well-being* [23]; *Toxic friendships generally happen when one person is being emotionally or psychologically taken advantage of or even harmed* [23]; *A long time ago, I was dating this really toxic girlfriend. She slapped me in the face before and even insulted my late dad* [26].

Намеренное употребление прилагательного *toxic* в составе образного сочетания противоречащих понятий наблюдается при характеристике негативного, деструктивного мышления, ср.: *toxic positivity* – токсичная позитивность. Токсичная позитивность подразумевает подавление негативных эмоций и отрицание событий, вызывающих состояние стресса, что не соответствует реальности и приводит к ухудшению психоэмоционального состояния человека, ср.: *While to some toxic positivity may feel like an actual way of "handling" a problem, more often than not what it does is undermine the feelings and emotions of someone already undergoing mental distress. This forced suppression of feelings can harm a person's mental and physical wellness* [23].

Результаты проведенного исследования позволили выявить следующие семантические составляющие прилагательного *toxic*, которые наглядно отражены на рис. 1.

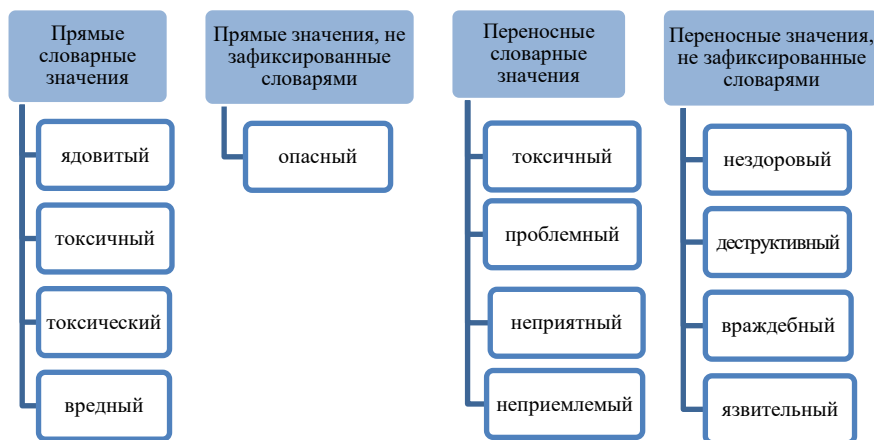

Рис. 1. Семантические составляющие прилагательного *toxic*

Как видно из схемы, расширение семантического объема прилагательного *toxic* происходит преимущественно за счет развития переносных значений лексемы.

С целью выявления соотношения употреблений прилагательного *toxic* в прямом и переносном значении был проведен количественный анализ лексемы в текстовых фрагментах Британского национального корпуса английского языка (BNC), корпуса современного американского английского языка (COCA), а также корпуса новостного контента Интернета (NOW) и корпуса контента интернет-ресурсов (iWeb). В целом было исследовано 10 000 текстовых фрагментов. Результаты проведенного анализа представлены на рис. 2.

Анализ частоты вхождения исследуемого прилагательного в тексты корпусов позволил определить количественные характеристики словоупотребления лексемы *toxic*, которые составили 70% в прямом и 30% в переносном значении соответственно.

Следует отметить абсолютное превалирование прямых значений (98%) прилагательного *toxic* в сравнении с переносными (2%) в Британском национальном корпусе, примеры которого являются образцами письменных периодических источников, художественной литературы и публицистики конца прошлого века.

В корпусе iWeb, контент которого включает информацию и аналитические материалы о событиях в мире, отражающих экономическую, политическую и научную сферы жизни общества, зафиксировано преимущественное употребление лексемы *toxic* в прямом значении 83% относительно 17% в переносном. Отметим, что материалы корпуса ограничены веб-контекстами, актуальными на 2017 г.

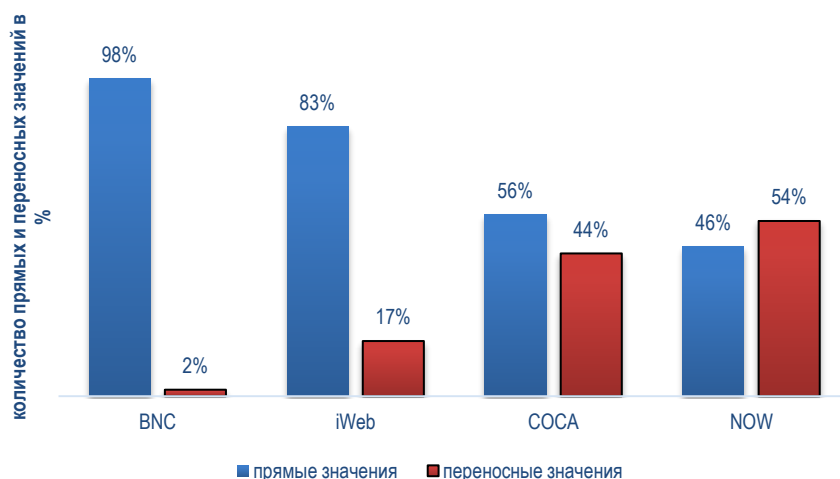

Рис. 2. Соотношение употреблений прилагательного *toxic* в прямом и переносном значении

В лингвистическом корпусе COCA проанализированные контексты с лексемой *toxic* позволили констатировать незначительный перевес употребления прямых значений (56%) в сравнении с косвенными (44%). Отличительной особенностью данного корпуса является представление употреблений слова не только в текстовых фрагментах художественной, публицистической и научной литературы, но и в фрагментах устной речи, вычлененных из субтитров к художественным фильмам и телевизионным передачам, которые транслировались в период с 1990 по 2019 г.

Однако корпус новостного контента NOW, содержащий образцы текстов электронных средств массовой информации с 2010 г. по настоящее время, фиксирует перевес употреблений прилагательного в переносном значении (54%) в сравнении с прямыми (46%). В отличие от представленных выше корпусов, имеющих ограниченный период текстового охвата¹, корпус новостного контента NOW свидетельствует о последовательном проникновении прилагательного *toxic* практически во все сферы человеческого бытия и, как следствие, стремительном процессе семантической деривации на современном этапе развития английского языка.

Исследование этимологии прилагательного *toxic*, изучение толкований словарных дефиниций и компонентного состава лексемы, а также ее употреблений в англоязычных контекстах позволили обозначить искомые направления семантического развития. Расширение семантического объема происходит за счет развития переносного значения семы 'токсичный', обу-

² BNC – 1991–1994 гг., COCA – 1990–2019, гг., iWeb – 2017 г., NOW с 2010 г. по настоящее время.

словленного возникновением семантически производных значений; лексико-семантического варьирования, ведущего к появлению новых сем, а также использования стилистических фигур, таких как метафорический эпитет и оксюморон. Выявленные направления свидетельствуют об интенсивной динамике развития прилагательного *toxic*.

Список источников

1. Daiu S. Semantic Changes – the Factors and Consequences of the Word Meaning Process // European Journal of September-December Language and Literature Studies. 2015. Vol. 1 (3). 46–52.
2. Медведева А.В. Особенности развития значения прилагательных // Филологические науки. 2009. № 4. С. 107–117.
3. Orlova E.V. Reasons for Semantic Extension in the Meaning of Artistic Symbols // Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, 2023. Vol. 15, № 2. P. 114–120.
4. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
5. Москалева М.В. Расширение значения слова как один из основных семантических процессов (на примере имен существительных) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2007. Т. 12, № 33. С. 180–184.
6. Морозенко Е.А. Механизм семантической деривации оценочных прилагательных в английском языке // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2019. Т. 15, № 1-2 (43-44). С. 32–42.
7. Сюткина Н.П. К вопросу о расширении семантического потенциала немецкого глагола «schüren» // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 49–54.
8. Кононова М.Н. Прилагательное eternal: особенности функционирования (на материале исторического корпуса американского английского языка) // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2014. № 1 (1). С. 75–82.
9. Brattli T. Recent Semantic Changes for the Term «Digital» // Proceedings from the Document Academy. 2016. № 3 (2). URL: <https://ideaexchange.uakron.edu/docam/vol3/iss2/16> (дата обращения: 02.05.2023).
10. Рыжкова Т.С., Зайкова И.В. Семантический объем прилагательного *friendly* в современном английском языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 134–152.
11. Шилихина К.М. Семантическое развитие прилагательных ядовитый и токсичный: что «отравляет» нашу жизнь? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 86–93.
12. Поляк Т.В. Англосемантизация прилагательного токсичный в речевых практиках носителей современного русского языка // Дни науки – 2020 в Институте гуманитарных наук : сб. ст. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Калининград, 15–23 мая 2020 г. Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2022. С. 57–62.
13. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 01.04.2023).
14. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения 17.04.2023).
15. Early English Books Online. URL: <https://www.english-corpora.org/eebo/> (дата обращения 04.07.2023).
16. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 17.04.2023).
17. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 29.04.2023).

18. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 16.04.2023).
19. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 16.04.2023).
20. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения 29.04.2023).
21. *Корпус современного американского английского языка*. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 29.04.2023).
22. *Британский национальный корпус*. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 10.04.2023).
23. *Корпус NOW (News on the Web)*. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 16.05.2023).
24. *Корпус GloWbE (Global Web-based English)*. URL: <https://www.english-corpora.org/glowbe/> (Дата обращения: 29.05.2023).
25. *Mayo Clinic College of Medicine and Science*. URL: <https://college.mayo.edu/> (дата обращения: 20.09.2023).
26. *Корпус iWeb (The 14 Billion Word Web Corpus)*. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (дата обращения: 10.05.2023).
27. *Корпус решений Верховного Суда США*. URL: <https://www.english-corpora.org/scotus/> (дата обращения: 17.05.2023).
28. *Urban Dictionary*. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 20.05.2023).

References

1. Daiu, S. (2015) Semantic Changes – the Factors and Consequences of the Word Meaning Process. *European Journal of Language and Literature Studies*. 1 (3). pp. 46–52.
2. Medvedeva, A.V. (2009) Osobennosti razvitiya znacheniya prilagatel'nykh [Features of Adjective Meaning Development]. *Filologicheskie nauki*. 4. pp. 107–117.
3. Orlova, E.V. (2023) Reasons for Semantic Extension in the Meaning of Artistic Symbols. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 15 (2). pp. 114–120.
4. Kustova, G.I. (2004) *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of Derived Meanings and Mechanisms of Language Expansion]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Moskaleva, M.V. (2007) Rasshirenie znacheniya slova kak odin iz osnovnykh semanticheskikh protsessov (na primere imen sushchestvitel'nykh) [Word Meaning Expansion as One of the Main Semantic Processes (Based on Nouns)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 12 (33). pp. 180–184.
6. Morozenko, E.A. (2019) Mekhanizm semanticheskoy derivatsii otsenочnykh prilagatel'nykh v angliyskom yazyke [Mechanism of Semantic Derivation of Evaluative Adjectives in English]. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 15 (1-2). pp. 32–42.
7. Syutkina, N.P. (2020) K voprosu o rasshirenii semanticheskogo potentsiala nemetskogo glagola "schüren" [On the Expansion of Semantic Potential of the German Verb "schüren"]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 2. pp. 49–54.
8. Kononova, M.N. (2014) Prilagatel'noe eternal: osobennosti funktsionirovaniya (na materiale istoricheskogo korpusa amerikanskogo angliyskogo yazyka) [The Adjective "eternal": Functional Features (Based on the Historical Corpus of American English)]. *Evrasiyskiy vestnik gumanitarnykh issledovaniy*. 1 (1). pp. 75–82.
9. Brattli, T. (2016) Recent Semantic Changes for the Term "Digital". *Proceedings from the Document Academy*. 3 (2). [Online] Available from: <https://ideaexchange.uakron.edu/docam/vol3/iss2/16> (Accessed: 02.05.2023).
10. Ryzhkova, T.S. & Zaykova, I.V. (2021) Semanticheskii ob'em prilagatel'nogo friendly v sovremennom angliyskom yazyke [Semantic Scope of the Adjective "friendly" in Modern

English]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 72. pp. 134–152.

11. Shilikhina, K.M. (2019) Semanticheskoe razvitiye prilagatel'nykh yadovityy i toksichnyy: chto "otravlyayet" nashu zhizn'? [Semantic Development of Adjectives "yadovityy" and "toksichnyy": What "Poisons" Our Life?]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2. pp. 86–93.

12. Polyak, T.V. (2022) Anglosematizatsiya prilagatel'nogo toksichnyy v rechevykh praktikakh nositeley sovremennogo russkogo yazyka [Anglo-Semanticization of the Adjective "toksichnyy" in Speech Practices of Modern Russian Speakers]. In: *Dni nauki – 2020 v Institute gumanitarnykh nauk* [Science Days – 2020 at the Institute of Humanities]. Kaliningrad: BFU. pp. 57–62.

13. *Online Etymology Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.etymonline.com/> (Accessed: 01.04.2023).

14. *Longman Dictionary of Contemporary English*. [Online] Available from: <https://www.ldoceonline.com/> (Accessed: 17.04.2023).

15. English-corpora.org. (2023) *Early English Books Online*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/eebo/> (Accessed: 04.07.2023).

16. *Collins English Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed: 17.04.2023).

17. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. [Online] Available from: <https://www.macmillandictionary.com/> (Accessed: 29.04.2023).

18. *Merriam-Webster Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed: 16.04.2023).

19. *Cambridge Dictionary*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 16.04.2023).

20. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (Accessed: 29.04.2023).

21. *Corpus of Contemporary American English*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/coca/> (Accessed: 29.04.2023).

22. *British National Corpus*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (Accessed: 10.04.2023).

23. *NOW Corpus* (News on the Web). [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/now/> (Accessed: 16.05.2023).

24. *GloWbE Corpus* (Global Web-based English). [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/glowbe/> (Accessed: 29.05.2023).

25. *Mayo Clinic College of Medicine and Science*. [Online] Available from: <https://college.mayo.edu/> (Accessed: 20.09.2023).

26. *iWeb Corpus* (The 14 Billion Word Web Corpus). [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (Accessed: 10.05.2023).

27. *Corpus of US Supreme Court Decisions*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/scotus/> (Accessed: 17.05.2023).

28. *Urban Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.urbandictionary.com/> (Accessed: 20.05.2023).

Информация об авторах:

Рыжкова Т.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия). E-mail: ryzhkova08@mail.ru

Зайкова И.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия). E-mail: irazaykova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.S. Ryzhkova, Cand., Sci. (Philology), associate professor, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ryzhkova08@mail.ru

I.V. Zaykova, Cand., Sci. (Pedagogics), associate professor, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: irazaykova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.11.2023;
одобрена после рецензирования 21.03.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 06.11.2023;
approved after reviewing 21.03.2024; accepted for publication 19.05.2025.*

Научная статья

УДК 81/811

doi: 10.17223/19986645/95/8

Ранее неизвестные польские заимствования в армянских судебных протоколах города Каменца (XVI в.)

Гурген Кипронович Хачатрян¹, Светлана Сережаевна Барсегян²

^{1, 2} *Ванадзорский государственный университет, Ванадзор, Республика Армения*

¹ *gxachatryan@yahoo.com*

² *svetlana-barsegyan@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются заимствования из среднепольского языка в лексике армянской диаспоры Польши, которые были зафиксированы в протоколах автономного суда армянской общины города Каменца. Выделено около двадцати заимствованных слов и разделены на группы в зависимости от характера заимствования. Каждая лексическая единица изучена в отдельной словарной статье с указанием года ее первого или единственного употребления, значения, начальной формы, частеречной принадлежности, частотности употребления и вариантов. Приведены фонетические варьирования в заимствующем языке.

Ключевые слова: прямое заимствование, опосредованное заимствование, чередование звуков, судебный протокол, армянский диалект, среднепольский язык, среднеармянский язык, армянская колония в Польше, говор польских армян

Для цитирования: Хачатрян Г.К., Барсегян С.С. Ранее неизвестные польские заимствования в армянских судебных протоколах города Каменец (XVI в.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 147–163. doi: 10.17223/19986645/95/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/95/8

Previously unknown Polish borrowings in Armenian court protocols of the city of Kamianets (16th century)

Gurgen K. Khachatryan¹, Svetlana S. Barseghyan²

^{1, 2} *Vanadzor State University, Vanadzor, Republic of Armenia*

¹ *gxachatryan@yahoo.com*

² *svetlana-barsegyan@yandex.ru*

Abstract. Some concrete scientific achievements were registered in studies of Armenian vocabulary in the 19th and 20th centuries. First of all, this concerns borrowings in the lexicon of the Armenian diaspora in Poland, which were documented in the Middle Ages, especially in the Protocols of the autonomous court of the Armenian community in the city of Kamianets. The analysis of the vocabulary of the Protocols showed that Polish Armenians, and in particular Armenians of the city of Kamianets, who lived

long together with Poles and Ukrainians and had various everyday communication contacts with them, borrowed numerous lexical units from Middle Polish (i.e., Polish borrowings from the Middle Polish language, through Polish from other languages, and from Polish through other languages) and Ukrainian in the new conditions. These borrowings are interesting because they did not become part of the general Armenian vocabulary, but were used only in the local patois of Polish Armenians. These patois are a particular manifestation of the Ardeal (Transylvanian) dialect, which occupies an intermediate position between the eastern and western zones of Armenian dialects. The dialect of Ardeal had four branches spoken by immigrants emigrating and re-emigrating from Armenia and other places in the Armenian colonies in Poland, Hungary, Suceava and Romania. The above-mentioned geography and the fact that Armenians in the colonies came from different regions led to the fact that the dialect of Ardeal began to differ due to the heterogeneity of linguistic conditions. Therefore, we use the term "patois of Polish Armenians" only conditionally, because in the conditions of low linguistic material it is difficult to consider the "Polish Armenian" language and the language of the Armenians of Kamianets as patois. The primary objective of this article is to investigate the lexical units that (a) were used in the aforementioned Protocols but were not documented either in the Dictionary of the Middle Armenian Language or in other academic research; (b) were noted in certain research, but a need exists for a new study of their modes of expression or content. The research was mainly carried out using the comparative and descriptive-analytical methodologies. The Protocols give a rather comprehensive picture of the Armenian colony in Poland – of adaptation to the new environment, in some cases of complete integration, as evidenced by dozens of borrowings related to various spheres of public life: justice and law, finance and economy, clergy, commerce and economy, household, etc. It should be noted that the borrowings took place in two ways: directly (from the Polish language) and indirectly (through Polish from other languages and from Polish language through other languages). The Protocols contain a heterogeneous phonetic system and grammatical means of expression of the lexical layers of Old and Middle Armenian. The observed mixed transliterations may also be attributed to the inconsistency in the court clerks' language and dialectal distinctions, or to the consequence of the subjective interpretation of the word meaning.

Keywords: direct borrowing, indirect borrowing, alternation of sounds, Kamianets, court protocol, dialect of Ardeal (Transylvania), Middle Polish language, Middle Armenian language, Armenian colony in Poland, patois of Polish Armenians

For citation: Khachatryan, G.K. & Barseghyan, S.S. (2025) Previously unknown Polish borrowings in Armenian court protocols of the city of Kamianets (16th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 147–163. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/8

Введение

В XIX–XX вв. в области изучения лексики армянского языка были зафиксированы определенные научные достижения. Это касается прежде всего заимствований в лексике армянской диаспоры Польши, которые были отмечены в Средние века, в частности, в протоколах [1–5]. Однако по ряду направлений в данной области продолжают сохраняться лакуны, что лишний раз является свидетельством актуальности указанной темы.

Армяне-переселенцы, мигрировавшие на всем протяжении Средних веков в Польшу (в 1569–1795 гг. – Речь Посполитая) и на сопредельные тер-

ритории, в ряде колоний (Яс, Каменец, Илов и др.¹), где проживали крупными общинами, имели самоуправление, в том числе и национальный независимый суд². К сожалению, из документов, отражающих судебные процессы, чудом спаслась и до наших дней дошла только часть протоколов автономного суда армянской общины города Каменца³. Эти протоколы, собранные приблизительно в трех десятках рукописных журналов, сегодня имеют особую ценность, так как описывают события, которые произошли более четырех веков назад. Около 370 протоколов, которые охватывают период с 1559 по 1575 г., в 1963 г. отдельной книгой издал В. Григорян [6]. Эти документы, имеющие своеобразную структуру и содержание, представляют собой исключительную ценность не только для изучения истории армянской диаспоры, отражения межкультурных связей и т.д., но и с чисто лингвистической точки зрения [6. С. 6].

Обращаясь к языку протоколов, В. Григорян пишет: «Секретари судов в целом стремились писать на древнеармянском языке, однако это им не всегда удавалось: по этой причине часть протоколов оформлена на повседневном разговорном языке армян из города Каменца, что повышает ценность этих материалов. Язык окружающих людей, без сомнения, оставил свой след в повседневном разговорном языке: в нем нашли отражение многочисленные лексические единицы из кыпчакского, польского и украинского языков» [6. С. 46].

Можно отметить некоторые особенности языка протоколов:

1. В протоколах не соблюдаются единые нормы фонетического оформления слов и грамматической структуры выражения лексических единиц. Главным неоспоримым фактом, способствующим этой неоднородности, является то, что колония польских армян, хотя и существовала с незапамятных

¹ В XVI в. польские армяне именно так употребляли названия этих городов Румынии – Яссы (Iasi) и Украины – Каменец-Подольский (Кам'янець-Подільський), Львов (Львів).

² Об этом В. Григорян пишет: «Известно, что в основе прав польских армян лежит «Судебник» Мхитара Гоша, который в переводе на латинский был представлен польскому царю Сигизмунду I и с некоторыми изменениями и дополнениями утвержден им в 1519 г.» [6. С. 54].

³ В городе Каменце существовали три автономных общины – польская, украинская и армянская [6. С. 32]. В середине XVI в. армянская община представляла собой объединение разных поколений эмигрантов: это и потомки тех людей, которые переселились сюда из разных территорий 4–5 веков назад, и переселенцы, осевшие в Каменце сравнительно недавно – в течение XV–XVI вв. В. Григорян приводит также факт принятия польского гражданства армянами, эмигрировавшими в Каменец из Западной Армении в 1575 г. [6. С. 66]. С нашей стороны добавим историю о переселенце-армянине, который в Каменце имел уже совершеннолетнего наследника. Речь идет о слепом Вартко, который перед смертью явился в суд и часть своего имущества пожертвовал церкви, одновременно отметив, что значительную долю своего имущества перед этим он отдал сыну, чтобы тот после его смерти никак не препятствовал его решению, так как «свое имущество он привез не из своей страны (Армении), а выпрашивал у верующих христиан» (прот. 297).

времен¹, тем не менее постоянно пополнялась новыми переселенцами, прибывавшими из разных областей Армении, исключением не является и исследуемый нами период – XVI век. Это объясняется тем, что Каменец занимал выгодное географическое и торгово-экономическое положение в регионе. Естественно, что армяне-переселенцы были носителями своих определенных диалектов, поэтому можно предположить, что в языковом отношении они существенно отличались от тех своих соотечественников, которые уже несколько веков жили в этой новой среде.

2. Ряд протоколов представляют особую ценность, так как они полностью или частично написаны армянской графикой на кыпчакском языке (прот. 8, 28, 475) или армянской графикой на польском языке (прот. 43, 164). Помимо этого, существуют документы, написанные на других говорах армянского диалекта (прот. 386), и т.д.

В лексиконе протоколов польские заимствования представлены в большом количестве, которые отличаются разной частотностью употребления. Хотя большая часть заимствований нашла место в «Словаре среднеармянского языка» (ССЯ), другая часть слов – в авторской работе В. Григоряна (в списке иностранных слов) [6. С. 334–336] и в вышеупомянутой статье С. Григоряна, однако ряд лексических единиц по-прежнему остается вне поля зрения исследователей. В их числе:

- а) прямые заимствования из польского языка;
- б) опосредованные заимствования, в частности:
 - из других языков через польский язык;
 - из польского языка через другие языки.

Цель статьи – исследовать те лексические единицы, которые:

- а) были употреблены в вышеуказанных протоколах, однако не засвидетельствованы ни в ССЯ, ни в приведенных исследованиях;
- б) зафиксированы в каком-либо исследовании, однако существует необходимость в новом изучении их плана выражения или плана содержания.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

¹ Согласно А. Айтыняну, из Армении было осуществлено две крупные миграции в Польшу. Первая произошла в XI веке, после падения царства Багратидов, примерно с 1060 г., вторая – приблизительно спустя четыре века после первой [7. С. 162]. Последующие исследователи находят, что миграции и реэмиграции армян в Польшу начались в XIII в., когда Крым «подвергся разрушительным нашествиям татаро-монгольских орд, и многие из армян, живущих в Крыму, вынуждены были оставить полуостров и двинуться по направлению к Молдове, Валахии, Подолии, Галиции и еще дальше – в Польшу. Фактически Крым стал тем связующим мостом, по которому армяне двинулись в сторону Польши. Примерно в это же время в Польшу эмигрировала также большая часть армянского населения Левобережной Украины и Киева. У польского хронолога Яна Альпреха есть интересное свидетельство о том, что в 60-х гг. XIII в. Галицкий князь Даниил пригласил армян жить в основанном им городе Львове» [8. С. 64].

а) выделить из протоколов те польские заимствования, которые отвечают целям исследования, и разделить на группы в зависимости от характера заимствования (прямого или опосредованного);

б) каждую из выделенных лексических единиц представить в отдельной словарной статье, указывая год первого или единственного употребления указанного слова, значение, начальную форму в польском или в других языках, частеречную принадлежность, частотность употребления и варианты;

в) привести для всех этих слов фонетические варьирования в заимствующем языке¹;

г) обобщить результаты исследуемого материала.

Исследование в основном было проведено сравнительно-сопоставительным и описательно-аналитическим методами.

Прямые заимствования из польского языка

Среди прямых заимствований из польского языка отметим:

а) существительное *бани* [bani] (польск. – pani) (1573 г.) – употребляется как уважительное обращение к замужней женщине. Данная единица была употреблена восемь раз (прот. 196, 271, 277, 331, 445) в сочетании «*ршйћ Цqћqpnј*» [bani ažižk'ou] («пани Азизко»). Хотя в протоколах упоминается множество армянков (см.: [4. С. 152–155, 159–160]) и имеется также единичное употребление синонимичного заимствованному слову «пани» исконно армянского уважительного обращения *тикин* [tikin] (прот. 138) – «*пћћћћ Опћрш*» [tikin òlušk'a] («пани Олушка»), однако заимствование *бани* [bani] во всех употреблениях как сопроводительное слово выступает только в сочетании с собственным именем армянки *Азизко*². В других источниках находим сведения о том, что пани Азизко и ее муж, господин Григор, были очень богаты (в прот. 445 перечисляется их имущество) и занимались благотворительностью [10. С. 36–37]. Это еще раз подтверждает мысль о том, что маркированным употреблением уважительных обращений *бани* [bani] и *тикин* [tikin] осуществлялась имущественно-социальная дифференциация различных групп населения [5. С. 95];

¹ У С. Григоряна есть наблюдения о звуковых варьированиях польских заимствований, которые, однако, он представил в общих формулировках [3. С. 57].

² Кстати, в протоколах слова *бан* [ban] («пан») и *парон* [ragon] («господин») применительно к мужчинам польской и армянской национальности также употребляются. Слово *бан* [ban] («пан») применительно к мужчинам польской национальности употребляется чаще (*бан Еан Мидрорка* [ban ean midròrka], *бан Ентрий* [ban entriy] и др.), в то время как по отношению к армянским мужчинам имеет строго ограниченное употребление. Вместо слова *пан* [pan] в данном случае употребляется уважительный титул *baron* («князь», «господин» и др.), заимствованный из французского языка [9. С. 648], который в среднеармянском языке употреблялся с параллельным вариантом *парон* [ragon] («господин») или *парун* [ragun], например: *парон Дукалпей* [ragon dukalpëy], *парун Никол* [ragun nikòl], *парон Филипп* [ragon p'ilip] и др.

б) существительное *банов* [banov] (1574 г.) – от польского слова *panew* со значением «неглубокая металлическая кастрюля, сковорода, посуда» [11. S. 394; 12. S. 410]. Данное слово было употреблено один раз (прот. 445) в перечне хозяйственных товаров (в значении «металлическая посуда») в сочетании «Д (4) *банов*» [4 banov] («четыре металлические посуды»);

в) существительное *бровот* [brovot] (1573 г.) – от польского слова *growod* < *growad(y)* (засвидетельствовано в XV в.) в значении «первое воскресенье после Пасхи» [11. S. 439]. Данное слово было употреблено 5 раз (прот. 82, 93, 303, 523, 535) и встречается в судебных протоколах разных годов (1573–1575 гг.), составленных в марте в период после Пасхи, и только в сочетании «*бровотен етев*» [brovotēn yetew] («после первого воскресенья Пасхи»)¹;

г) прилагательное *букласдый* [buk'lasdøy] (1574 г.) – от польского прилагательного *pukłasty* («круглый», «выпуклый»), образованного от существительного *pukeł*, *pukła* «округлость», «выпуклость»² суффиксальным способом [11. S. 447]. Данное слово было употреблено два раза (прот. 445) в сочетании «А (один) *серебряный ремень букластый*» [1 arçt'ē göti buk'lasdøy] («один серебряный выпуклый ремень»)³. Указанное заимствование в том же протоколе всего через две строки было употреблено также как признак слова «чашка», однако в варианте «*пукластый*» [puk'lasdøy];

д) существительное *еаловица* [ealovic'a] (1575 г.) – от польского слова *jałowizna* [13. S. 432] – было употреблено один раз (прот. 565) в сочетании «Т' [t'] (9) *голов волов и А (1) еаловицамый*» [9 glux yez yev 1 yealovic'amøy] («девять голов волов и одна телка»). В Словаре среднеармянского языка это слово встречается не в форме *еаловица* [ealovic'a], а *еаловицамый* [ealovic'amøy] со значением «яловая, бесплодная корова» [9. С. 177]. На самом деле: а) первичное значение слова *jałowizna* – «молодой, еще не родивший крупный рогатый скот – телка, теленок» [13. С. 432]; б) последняя часть слова (мый) [møy] является не словообразовательным аффиксом, как неправильно полагают авторы ССЯ, а артиклем неопределенного значения. Дело в том, что в среднеармянском языке грамматическое значение неопределенности выражается не только нулевой морфемой, но и неопределенным местоимением «ми» («какой-либо», «что-либо»), которое в среднеармянских первоисточниках отличается отсутствием единообразия в написании: Եւ ի հոն բոն յի [mə] շինէի (прот. 182), Նայ տեսայ չոր գանկ յի [mi] պանկած (прот. 185), Ան կողմէն մարմի [marəm] էլաւ ու ըսաւ (прот. 720), Դոն ինձի ցուգի [pagm]

¹ Неслучайно, что заимствование *бровот* [brovot] пять раз употребляется в мартовских протоколах, составленных в разные годы.

² Существительное *букла* в ССЯ считается заимствованием из французского языка посредством турецкого языка (*bukla*) со значением «застежка» [9. С. 126].

³ Ср.: Gdanski pas pukłasty «Выпуклый пояс Гданьска» [13. S. 1328].

(звучит [ragəml]) կու տա՛ւ (прот. 720), Ծեր տ՛ [mʻ]¹ ալ բարեխօս բերին (прот. 124).

В протоколах это местоимение использовалось с существительными и отличалось как слитным, так и раздельным написанием в различных вариантах: *ми* [mi], *мъ* [mə], *ѣм* [ət], *мъй* [məy]. Например: Եւ Խաչքոյին *բան տի* [mi] ալ չաւի Սարգիսի համար (прот. 226), Եւ Տախնոն ընդդէմ ալմ գանկատին *իրքիւր* [irk'mə] ճուար չտուր եւ աւագ (прот. 272), Եւ նա աւագ թէ ոչ *իրքիւ* [irk'm] (звучит *իրքիւ* [irk'əm]) նշան չունի (прот. 300), պիտի վճարէ Ա (1) *թորւի տի* [mə] անխօս եւ անխառնախ (прот. 99).

О том, что компонент *мъй* [məy] является артиклем неопределенного значения, свидетельствует подчеркнутое в тексте протокола словосочетание *езмъй боловъй* (прот. 494) [yez-məy bolovəy] («какой-то светло-красный вол») – опять со слитным написанием неопределенного артикля *мъй*, который выполняет функцию местоимения. Следует отметить, что прилагательное *боловъй* («светло-красный») заимствовано из украинского языка – «половий» [14. Т. 8. С. 87];

е) неопределенный глагол *заветид* [zavetid] (1574 г.) в сочетании с арм. глаголом *делать* [anel] – *заветид анел* [zavetid anel]. Данное слово было употреблено один раз (прот. 465). Указанное выражение представляет собой заимствование префиксального образования польского глагола *wiedzieć* [12. S. 615] «знать, ведать, видеть и др.» – *zawiedzieć*, которое в соответствующих словарях не встречается. В предложении «...գեղացի գաւառի տէր գաւառի» ([...geğac'in zavetid anel zmatakñ]) сочетание *заветид анел* [zavetid anel] означает «знать» («...крестьянин знает свою кобылу»);

ж) существительное *ztanea* [ztanea] в протоколах было употреблено два раза². Первый раз в 1573 г. в сочетании *ztanea чтайк* «*գաւառի տէր*» [ztanea chtayq] в значении «не выносите решение» (прот. 75). Во второй раз в 1575 г. в сочетании *ztanea авитеан* «*գաւառի տէր*» [ztanea hawitean] в значении («вечный приговор») (прот. 572). Польское слово *zdanie* («мнение, приговор, решение») [11. S. 84; 13. С. 2185; 15. Т. 6. С. 983], которое в двух случаях было употреблено в качестве судебного термина, в данном контексте означает «приговор, вердикт»;

¹ Перед словом с начальным гласным компонент *и* [i] или *ѣ* [ə] артикля [mi] ([mə]) опускался.

² Правда, В. Григорян выражение «*ztanea тал*» [ztanea tal] («выносить решение») в основном переводит словом *решение*.

и) существительное *шлак* [šlakʹ] (1575 г.) – от польского слова *ślak* со значением «естественная дорога», «тропа», «тропинка» [12. S. 604; 13. S. 1638]. Данное слово встречается один раз (прот. 631) в сочетании «դաճարի շլակին վերայ» [dadari šlakʹin veray] («на татарской дороге»³);

к) существительное *своец* [svojec'] (1574 г.) – от польского слова *swojerz* со значением «летний халат» [13. S. 1604]. Данное слово было употреблено один раз (прот. 283) в перечне слов, обозначающих одежду: «Б (2) *своец*» [2 svojec'] («два летних халата»);

л) существительное *склеп* [sk'lēp'] (1573 г.)⁴ – от польского слова *sklep* («хранилище, подвал, гробница, магазин») [11. С. 493; 13. С. 1491] – в данном случае в значении «магазин». Было употреблено в одном и том же протоколе (прот. 86) 2 раза. Во втором употреблении – в варианте *сглен* [sglēp'] (1573 г.) – встречается в сочетании: «q̄hñ... q̄ñt̄r̄p̄ñh̄ *up̄t̄yñ*. t̄ñ q̄ñt̄r̄ññ

¹ Это слово отметил и С. Григорян [3. С. 57], однако он переводит его как «необузданный, неукротимый», что является ошибкой, поскольку, как уже было отмечено выше, во всех употреблениях речь идет о немощной лошади. На той же странице С. Григорян в ряду новых заимствований приводит также слово *килей* [kilēu] в значении «клей», однако вариант этого слова *клея* [klēu] в ССЯ зафиксирован в отдельной словарной статье [9. С. 375–376]. В словаре отмечается, что это слово не польское, а персидское заимствование и означает «жалоба». По нашим подсчетам, в протоколах варианты *клея* [klēu] и *килей* [kilēu] встречаются 4 раза, во всех случаях в сочетании с армянским глаголом *анел* [anel] («делать») (*клея // килей делатя* [kilēy // [kilēy anel]) со значением «обжаловать».

² Cp.: «na nosaciznę chorujący», «*Koń nosaty*» [13. C. 787].

³ В Польше армяне взяли под свой контроль «татарскую дорогу», которая имела большую роль в транзитной торговле.

⁴ Это слово отметила также С. Григорян [З. С. 57], приводя формы *сгленс* [sglɛp's] и *скленс* [sk'ɛp's], в которых, однако, конечный *с* [s] не составной звук указанного слова, как она полагает, а армянский притяжательный артикль *с* [s]. Употребление данного артикля с определяемым словом в среднеармянском языке было обычным явлением: qhũ lqhũ [zim knojs'] «моей жены» (прот. 370), qhũ wqhũwqhũ [zim aprank's'] «мой товар» (прот. 386) qhũ wqhũ [zim aysr] «моему мужу» (прот. 395) и т.д. Впрочем, иногда встречаются употребления с определенным артиклем *н* [n]: hũ lqnhũ [im knoĭn] «[именно] моей жене» (прот. 398) и т.д. О первичной форме исследуемого заимствования *skler* более достоверно свидетельствуют встречающиеся и в другом исследовании формы: *склебнер* [sk'leɓner] [10. С. 63] и *эсклебнерн* [yɛsglɛpnɛrn] [10. С. 110], которые были образованы путем присоединения среднеармянского аффикса *-нер*, показателя множественного числа.

иզիշի ւիշի» [zim <...> znerk'evi sk'lēps ev zveroy sglēps ayl'] («Мой <...> нижний магазин и верхний магазин также»);

м) существительное *колдка* [k'oldk'a] (1574 г.) – от польского слова *kołtek, kołtka* со значением «булавка» [11. S. 248; 13. S. 460]. Было употреблено один раз (прот. 283) в сочетании «Դ (4) ճռլֆղ բոլորիւնք մեծ. նսլէշրած» [4 *čowft k'òldk'aner meč, voskejšrač*] («четыре пары позолоченных больших булавок»). Впрочем, как известно, булавки не считали парами, поэтому не исключаем, что заимствование *колдка* [k'oldk'a] восходит к польскому слову *kołtka, kołczyk* со значением «серьга» [15. Т. 1. S. 1055] («четыре пары позолоченных больших серег»).

Займствования из других языков через польский язык

Следует отметить, что словарный состав польского языка пополнялся заимствованиями и из других языков (латинского, немецкого и др.). Часть этих заимствований опосредованно нашла свое место также в лексиконе польских армян. Заимствованными словами из других языков через польский язык являются:

а) существительное *аквэнд* [akvēnd] (1574 г.) – от польского слова *adwent*, которое является опосредованным заимствованием из латинского *adventus* – «прибытие», «пришествие». В польском языке это слово имело два значения: 1) пришествие, в частности, Пришествие Христа; 2) четырехнедельный (раньше – сорокадневный) период, предшествующий празднику Рождества Христова, в течение которого верующие соблюдали пост [13. S. 7]. В протоколах это слово было употреблено во втором значении и встречается один раз (прот. 461) в сочетании «*аквэнди опер*» [akvēndi oger] («дни *аквэнды*»)¹;

б) существительное *эс* [ēs] восходит к польскому многозначному слову *es* («...2) наименьшая мера веса золота или серебра... 8) датская мера веса = 0,061 грамму»²) [13. S. 300], которое было заимствовано из латинского или датского языков. Встречается в 1573 г. 2 раза (прот. 136): в обоих случаях во множественном числе в сочетаниях «*ղղ ու կէս ւրծալի էսիւնք... էլ ւրծալի էսիւնք ւիշի*» [lod u kēs arçat'e ēsner ew... (arçat'e) ēsner ayl] («лот с половиной серебряных эсов... и прочих [серебряных] эсов»). Примечательно, что множественное число заимствованного односложного слова *эс* [ēs] образуется не с помощью аффикса *-ер* [-er], а от аффикса *-нер* [-ner], что для среднеармянского языка было нехарактерно [16. С. 57];

в) прилагательное *удерфиновий* [udērfinoviy] (1573 г.)³, в основе которого лежит средненемецкое прилагательное *üterfin* от «*äußerstfein*» («изящный»). В лингвистической литературе указывается, что заимствование *uterfin* в

¹ Из содержания данного протокола становится ясно, что в дни адвента армянский суд не работал, судебные заседания откладывались.

² («...2) = najdrobniejsza waga złota lub srebra... 8) = waga duńska = 0,061 gram».

³ Слово не внесено в словари А. Брюкнера и Б. Веслава.

г) существительное *опилеак* [ōpšleakʰ] (1574 г.) является заимствованием из немецкого языка через польский [13. С. 824]. Данное слово было употреблено один раз (прот. 283) в сочетании «Բ (2) օպշլեաք բոկրաներով ոսկէջրած» [2 ōpšleakʰ bukʰlanerov voskējraç]. Слово зафиксировано в ССЯ в значении «манжета» с пометой «предположительно» [9. С. 825]. Однако с учетом того, что польские лексемы *rukiel*, *pukla* (на «польско-армянском» *букла* [bukʰla]) означают также «пуговицу» [13. С. 1328], можно с уверенностью констатировать, что вышеуказанное армянское сочетание дословно означает «две манжеты с позолоченными пуговицами».

Установлены также случаи, когда другие языки заимствовали слова из польского языка. Подобные заимствования в говорах польских армян в основном происходили из украинского языка. Польскими заимствованиями каменецких армян, которые осуществились посредством украинского языка, являются:

а) существительное *нагавица* [nahawic'a] (1573 г.) восходит к польскому слову *pogawica* («брюки») [11. S. 365; 13. S. 785]. К польским армянам оно перешло через украинский язык, подвергаясь частичному звуковому варьированию [14. Т. 5. С. 439]: об этом свидетельствует наличие армянского звука *h* [h] вместо польского согласного [g], что свойственно украинскому языку. В протоколах встречается один раз (прот. 136) в сочетании «...*h*l Ц

¹ Этот факт свидетельствует о том, что в Польше нежотканую одежду носили в XIV–XVII вв., и в определенной степени является ответом на вопрос о заимствовании и употреблении этого слова поляками.

² Полагаем, что армянских и польских этнографов заинтересует тот факт, что польские армяне носили разнообразную нежнотканую одежду.

(1) նահաւիցաւ ալվի տ'երֆինովի» [...ev 1 nahawic'a. aylvi ut'erfinoviy] («...и одни брюки – также утерфиновые»). Первый гласный *a* [a] в слове *нагавица* [nahawic'a] свидетельствует о том, что каменецкие армяне заимствовали слова в устной форме, т.е. писали слова так, как они произносились;

б) существительное *корчмар* [k'orčmar] (1573 г.) восходит к польскому слову *karczmarz* «трактирщик» [11. S. 220; 13. S. 471]¹. В протоколах данное слово встречается один раз (прот. 72) в сочетании «Բօւրժի Վոլօքի քոչմար» [k'òrəli volok'ēn k'orčmar] («трактирщик Кобъли Волокен»; по-русски – Волока Кобелевич). Возникшие фонетические трансформации характерны для украинского языка [14. Т. 9. С. 229], поэтому становится очевидным, что польское слово *karczmarz* польские армяне заимствовали через украинский язык²: арм. *корчмар* < укр. корчмар < польск. *karczmarz* со соответствующим звуковым варьированием [14. Т. 4. С. 303].

Звуковое варьирование в заимствованных словах в говоре польских армян³

Процессы ассимиляции и диссимиляции в консонантной системе говора польских армян наблюдаются также в заимствованных из польского языка словах и в армянографических польских текстах⁴.

1. В начале слова:

1.1) глухие согласные чередовались со звонкими: польск. *p* > арм. *b* [b]. Например: польские слова *pani*, *panew*, *growod*, *puklaŝty* в говорах польских армян транслитерировались, соответственно, в *бани* [bani], *банов* [banov], *бровот* [brovot], *букласдъй* [buk'lasdəy].

Однако начальные глухие согласные не всегда озвончались: некоторые слова были приведены с аспирацией согласных (придыхательным

¹ В словаре С. Казаряна и Г. Аветисяна есть словарная статья *քոչմար* *корчма* – со значением «трактир» [9. С. 821], тогда как исследуемое нами слово *քոչմար* / *корчмарь* [k'orčmar] в указанном словаре не представлено.

² Говоря о заимствовании слова *корчма* [karczma], М. Казарян отмечает, что зафиксированный в нем переход польск. *a* [a] в арм. *o* [o] обусловлен либо диалектным произношением польского языка, либо влиянием украинского языка [9. С. 103].

³ Армянскую транскрипцию польских заимствований довольно основательно изучил М. Казарян, однако он рассматривает только те словарные единицы, которые есть в словаре С. Казаряна и Г. Аветисяна [9. С. 101–105].

⁴ Для того, чтобы дать более детальное представление о звуковом варьировании в консонантной системе польских заимствований, приведем в качестве примера запротоколированную армянскими буквами одну строку на польском языке (прот. 27): «...սլաւնեկոյ բանա ֆիւրիխայ. մեշանինս ի քոչմար քոչմարեկոյ...» [slawnekoj bana fitrixa, meščanina i k'ubc'a k'ak'ovsk'ekoy], которая является транслитерацией польского выражения «... sławnego pana Friedricha mechanina i kupca Krakowskiego...» и произносится следующим образом: slawneko bana fitrixa, meščanina i k'ubc'a k'ak'ovsk'eko...

оглушением), например: польск. *p* > арм. *n* [pʰ] *pukłasty* > *пулкасдъй* [pʰukʰlasdəy], польск. *k* > арм. *к* [kʰ]; *kołtka* > *колдка* [kʰoldkʰa];

1.2) звонкие согласные чередовались с глухими. Например: польск. *b* > арм. *n* [p]; польск. *purmistrz* > арм. *пурмисдър* [purmisdŕ] (прот. 149)¹.

2. В середине слова:

2.1) произошло озвончение глухих согласных: польск. *t* > арм. *ð* [d], например: *nosaty* > арм. *носадъй* [nosadəy], *kołtka* > *колдка* [kʰoldkʰa], *pukłasty* > *букласдъй* [bukʰlasdəy], *nykłasty* [pʰukʰlasdəy] или польск. *k* > арм. *г* [g], например: *sklep* > арм. *сглен* [sglɛpʰ] и др.;

Впрочем, в трех из вышеприведенных слов произошла также аспирация глухого *k* в арм. *к* [kʰ] в середине слова: польск. *kołtka* > арм. *колдка* [kʰoldkʰa], польск. *pukłasty* > арм. *букласдъй* [bukʰlasdəy], *nykłasty* [pʰukʰlasdəy], польск. *sklep* > арм. *склен* [skʰlɛpʰ];

2.2) произошло также оглушение звонких согласных: польск. *b* > арм. *n* [p]; польск. *obszlegą* > арм. *опшлеак* [ɔpʂlɛakʰ].

Варьированию подвергся также звонкий согласный (польск. *d* > арм. *l* [k]) в заимствованном слове *adwent* – *аквенд* [akvɛnd]. Это было бы естественным, если вместо указанного варьирования произошло бы эквивалентное оглушение польск. *d* > арм. *in* [t] – *атвенд* [atvɛnd]. Полагаем, что указанное чередование является результатом оплошности секретаря суда.

3. На конце слова:

3.1) звонкие согласные оглушаются: польск. *d* > арм. *in* [t] *prowod* > арм. *бровот* [bɾovot];

3.2) глухие звуки озвончаются: польск. *t* > арм. *η* [d] *adwent* > арм. *атвенд* [atvɛnd].

Однако в конце слова польский глухой согласный [k] чередуется также с армянским придыхательным *p* [kʰ]: польск. *szlak* > арм. *шлак* [ʂlakʰ], польск. *sklep* > арм. *склен* [skʰlɛpʰ].

Произошло также варьирование армянского звонкого согласного *ð* [d] в позиции перед гласным с мягким глухим *ć*: *zawiedzieć* > *заведум* [zavɛtid]. Авторы статьи в тексте не разграничивают чередование как закономерное явление и варьирование, вызванное разной субституцией.

Указанная неоднотипность и параллельные формы можно объяснить непоследовательностью судебных секретарей и (или) наличием разных диалектов каменецких армян. Эта неоднотипность и параллелизм в то же время свидетельствуют о том, что в говорах польских армян, в частности каменецких армян, транслитерация на армянский язык заимствований была ненормированной, что проявляется в многочисленных вариантах варьирований даже в протоколах, составленных одним и тем же секретарем.

Отметим также другие случаи варьирований, которые встречаются в заимствованиях из польского языка:

¹ В исследуемых словах подобные варьирования не были зафиксированы.

1. В протоколах дифференцируются позиционные варианты произношения звука [r] в заимствованных словах и армянские сонорные согласные: альвеолярный дрожащий *r* [r] или увулярный дрожащий *n* [ʀ]. Однако следует отметить, что независимо от позиции и формы произношения польский звук *r* преимущественно транслитерируется как армянский альвеолярный дрожащий *r* [r]. Так, звук [r] в словах, заимствованных из польского языка (*karczmarz*, *uterfinowy*, *growady*) в говоре каменецких армян транслитерируется, соответственно, в *корчмар* [k'orġmar], *утерфиновий* [ut'ĕrfinoviy], *бровот* [brovot]. Вместе с тем параллельно с указанными языковыми фактами в некоторых словах прослеживается нерегулярность: польское заимствованное слово *jařmark* («ярмарка»), например, употребляется в двух параллельных вариантах: *еармарк* [earmark'] (прот. 70, 396, 517 и др.) и *еармарк* [earmark'] (прот. 13, 28, 528 и др.) и др.¹

2. В заимствованных словах с конечным звуком [y] в армянском языке происходит следующее варьирование: польск. *y* > арм. ъй [əy] или *y* > ый [iy]. Так, польские прилагательные *posaty* и *pukłasty* транслитерировались в армянских текстах, соответственно, в *носадъй* [nosadəy] и *букласдъй* [buk'lasdəy]; заимствованное слово *uterfinowy* в одном случае транслитерировалось в *утерфиновий* [ut'ĕrfinoviy], а в другом – в *утерфиновъй* [ut'ĕrfinovəy]. По нашему мнению, подобный параллелизм обусловлен не особенностями говора польских, в частности, каменецких армян, а непосредственностью секретарей. Заметим также, что вышеуказанные два изменения звука *y* > ъй [əy] и *y* > ый [iy] нехарактерны не только для «польско-армянского» и сренеармянского языков, но и для литературного армянского языка на всем протяжении его развития. Из этих вариантов звуку [y] по возможности соответствует вариант *y* > арм. ъй [əy], так как в варианте *y* > ый [iy] не отражается твердость звука [y]. Однако польское заимствование *posaty* в одном из армянских текстов передано не в форме *y* > ъй [əy] или *y* > ый [iy], а в форме дифтонга *y* > эй [ēy], что, по нашему мнению, является результатом ошибки секретаря.

В то же время надо отметить и противоположное явление: в середине заимствованного слова *wiedzieć* < *zawiedzieć* произошло упрощение польского дифтонга *ie* (в первом случае он был заменен армянским гласным *e* [e], во втором – гласным *i* [i]): *заветид* [zavetid].

¹ Хотя М. Казарян считает, что письменное *r* в середине и на конце заимствованных польских слов соответствует букве *r* армянского алфавита, а в начале слова – букве *n* [r] [9. С. 103], однако далеко не все языковые факты свидетельствуют об этом. Приведем только один пример: собственное имя *Romaszko* в одном и том же протоколе (прот. 2) в одном случае транслитерируется как *Րոմաշկո* [ŕomašk'o], а в другом – как *Րոմաշքո* [Romašk'o]. Это обусловлено особенностями говора польских армян, в котором замечается нерегулярность даже в написании исконно армянских слов, т.е. наблюдается тенденция транслитерации звука *n* [r] в *r* [r] и звука *r* [r] в *n* [r]. Так, армянское слово *тор* [t'orġ] («внук») было зафиксировано в форме *дор* [dor] (прот. 35), слово *тур* [t'owrġ] («острый») – в форме *тур* [t'owrġ] (прот. 149), слово *ранчпар* [raṇġpar] («крестьянин») – в форме *рнйццшр* [raṇġpar] (прот. 6) и т.д.

На конце польского слова *zдание* произошло также чередование дифтонга (польск. *ie* > арм. *ea* [ea]), так как на конце слова в среднеармянском языке, в том числе и в «польско-армянском», были характерны не звуковые сочетания *ue* [ie] или *uē* [iē], а дифтонги *ua* [ia] или *ea* [ea].

3. Носовой гласный *ą* в середине польских слов *pukłąsty* и *szłąk* в «польско-армянском» языке произносится как *a* [a]: *букластьи* [buk'lasdøy], *шлак* [šlak'], так как в среднеармянском и в современном литературном армянском языках другие варианты фонемы звука *a* [a] не различаются¹, а фонема *a* во всех звуковых вариантах заимствований в армянском языке произносится как нелабиализованный гласный заднего ряда и нижнего подъема.

4. Польский полугласный *ł* в заимствующем языке звучит как заднеязычный сонорный *л* [l]: *kołtka* > *колдка* [k'oldk'a], *szłąk* > *шлак* [šlak'].

5. Звуковое конечное сочетание *rz* польского слова *swojerz* в «польско-армянском» звучит приблизительно как *ж* [ž]. Данное диграфическое сочетание на конце слова, находящееся после дифтонга *йэ* [ye], вызывало у армян определенные произносительные трудности, поэтому было заменено армянским придыхательным глухим согласным *ц* [c']. Произошла адаптация, в данном случае – придыхательное оглушение звуко сочетания *rz* – *swojerz* > *своец* [svojec'].

6. Наблюдались фонетические особенности в польских заимствованных словах, детерминированные украинским произношением: а) в слове *karczmarz* в армянском языке произошло варьирование гласного *a* [a] в середине слова с *o* [o]; конечное *rz* в звуковом сочетании было транслитерировано как армянский простой сонорный согласный *р* [r]: *корчмар* [k'orčmar]²; б) гласный [o] в слове *poławica* в армянском языке трансформировался в *a* [a]: *наловица* [nahawic'a].

Заключение

Протоколы заседаний армянского суда города Каменца в целом дают общее представление о польско-армянской колонии, об адаптации к новой среде, а в дальнейшем и о полной ее интеграции. Об этом свидетельствуют непосредственные заимствования из польского языка и опосредованные заимствования через польский язык из других языков и через другие языки из польского языка, которые относятся к различным сферам общественной жизни (судебно-правовой, финансово-экономической, социальной, экономической, бытовой, духовной и т.д.). Часть этого лексического фонда в

¹ Из особенностей армянского алфавита является то, что не имеет звуко различительные (диакритические) дополнительные знаки, поэтому сегодня трудно сказать, как в реальности польские армяне произносили некоторые звуки заимствованных слов.

² В противоположность сказанному, конечный согласный *rz* заимствованного непосредственно из польского языка слова *swojerz* транслитерировался не просто в армянский сонорный *р* [r], а в придыхательную глухую аффрикату *ц* [c'].

лингвистическом плане либо изучена поверхностно, либо до сих пор ждет надлежащего исследования.

В протоколах встречаются неоднотипные фонетические системы и грамматические средства выражения как древнеармянского, так и среднеармянского лексических пластов. Одним из важных факторов, способствующих этой неоднотипности, является то, что армянская каменецкая колония, хотя существовала еще с XI в., тем не менее постоянно пополнялась новыми переселенцами, прибывавшими из разных областей Армении и Киликийского армянского царства. Это обусловлено тем, что Каменец занимал выгодное географическое и торгово-экономическое положение в регионе. Естественно, что армяне-переселенцы были носителями своих определенных диалектов, поэтому можно предположить, что в языковом отношении они существенно отличались от тех своих соотечественников, которые уже несколько веков жили в этой среде.

Замеченные неоднотипные транслитерации могут быть обусловлены также непоследовательностью судебного секретаря, носителем другого диалекта или следствием субъективного восприятия семантики слова. Неоднотипные звуковые изменения происходили во всех позициях слова, и звуковому варьированию подвергались не только лексемы, унаследованные из древнеармянского языка, но и заимствования из других языков.

Для артиальского диалекта, в частности и для говора польских армян, была характерна трехступенчатая консонантная система, в которой, однако, уже произошли позиционные фонетические процессы, что распространилось также на звуковую систему заимствованных слов.

Варианты и параллельные формы звуковых чередований свидетельствуют о том, что армянская транслитерация заимствованных слов была ненормирована, она имела спонтанный характер и решала лишь вопрос предоставления необходимой информации. Неслучайно, что транслитерированные параллельные формы одного и того же заимствованного слова встречаются в протоколах в пределах одного контекста в том числе на одной строке.

Список источников

1. *Казарян М.С.* Европейские заимствования в среднеармянском языке : дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 2000. 139 с.
2. *Казарян Р.С.* Лексический запас среднеармянского языка. Ереван : Изд-во Ереванского государственного университета, 2001. 225 с.
3. *Григорян С.* Польские заимствования в среднеармянском языке // Научный журнал. Ереван: Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, 2017. № 2. С. 55–62.
4. *Хачатрян Г.К.* Имена собственные в протоколах армянского суда Каменца (XVI в.) // Историко-филологический журнал. 2020. № 1. С. 149–162.
5. *Хачатрян Г.К.* Грамматические структурные схемы имен собственных и их связи с сопутствующими словами в протоколах армянского суда Каменца (XVI в.) // Официальный журнал Кафедрального Собора Святого Эчмиадзина при Католикосате Всех Армян «Эчмиадзин». 2021. Январь, № 1. С. 91–105; Февраль, № 2. С. 74–85.

6. *Протоколы армянского суда города Каменец-Подольского (XVI в.)* // Составитель В. Григорян. Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1963. 350 с.
7. *Айтынян А.П.* Изучение грамматики новоармянского, или современного армянского языка. Вена : Типография Конгрегации Мхитаристов, 1866. 839 с.
8. *Ованнисян П.Г.* Армянские колонии Польши в XVI–XVII веках // Официальный журнал Кафедрального Собора Святого Эчмиадзина при Католикосате Всех Армян «Эчмиадзин». 2009. № 1. С. 63–68.
9. *Казарян Р.С., Аветисян Г.М.* Словарь среднеармянского языка. Ереван : Изд-во Ереванского государственного университета, 2009. 700 с.
10. *Алишан Г.М.* Каменец. Летопись армян Польши и Румынии. Венеция : Типография Мхитаристов Святого Лазаря, 1896. 276 с.
11. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego, tom pierwszy. T. 1: A-O. Kraków : Wydawca Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927. 1208 s.
12. *Wiesław B.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 2008. T. 1. 862 s.
13. *Edycja elektroniczna Słownika wileńskiego.* Kierownik projektu Małgorzata B. Majewska. Prace informatyczne Mateusz Żółtak. 2014. URL: <https://eswil.ijp.pan.pl/index.php>
14. *Словник української мови* : в 11 т. / ред. Р.В. Макарович. Киев : Наукова думка, 1978. Т. IV. 840 с.; Т. V. 840 с.; Т. VIII. 927 с.; Т. IX. 916 с.
15. *Samuel Bogumił Linde.* Słownik języka polskiego. T. I, część II, G-L. Warszawa : Drukarnia XX. Piłarów, 1808. 1322 s.
16. *Очерки истории среднеармянского литературного языка.* Т. II / под ред. Г.Б. Джаукяна. Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1975. 304 с.
17. *Bulyka A.M.* Dafinija zapazycanni belaruskaj movy. Minsk : Navuka i Technika, 1972. 380 s. URL: https://www.researchgate.net/publication/346561964_433-Article_Text-1474-1-10-20200124

References

1. Kazaryan, M.S. (2000) *Evropeyskie zaimstvovaniya v srednearmyanskom yazyke* [European Loanwords in Middle Armenian]. Philology Cand. Diss. Yerevan.
2. Kazaryan, R.S. (2001) *Leksicheskiy zapas srednearmyanskogo yazyka* [Lexical Stock of Middle Armenian]. Yerevan: Yerevan State University.
3. Grigoryan, S. (2017) Pol'skie zaimstvovaniya v srednearmyanskom yazyke [Polish Loanwords in Middle Armenian]. *Nauchnyy zhurnal*. 2. pp. 55–62.
4. Khachatryan, G.K. (2020) Imena sobstvennye v protokolakh armyanskogo suda Kamentsa (XVI v.) [Proper Names in the Protocols of the Armenian Court of Kamianets (16th century)]. *Istoriko-filologicheskiiy zhurnal*. 1. pp. 149–162.
5. Khachatryan, G.K. (2021) Grammaticheskie strukturnye skhemy imen sobstvennykh i ikh svyazi s soputstvuyushchimi slovami v protokolakh armyanskogo suda Kamentsa (XVI v.) [Grammatical Structural Patterns of Proper Names and Their Connections with Accompanying Words in the Protocols of the Armenian Court of Kamianets (16th century)]. *Echmiadzin*. January (1). pp. 91–105; February (2). pp. 74–85.
6. Grigoryan, V. (ed.) (1963) *Protokoly armyanskogo suda goroda Kamenets-Podol'skogo (XVI v.)* [Protocols of the Armenian Court of Kamianets-Podil'skiy (16th century)]. Yerevan: Academy of Sciences of Armenian SSR.
7. Aytinyan, A.P. (1866) *Izuchenie grammatiki novoarmyanskogo, ili sovremennogo armyanskogo yazyka* [Study of New Armenian or Modern Armenian Grammar]. Vienna: Mekhitarist Press.
8. Ovanisyan, P.G. (2009) Armyanskie kolonii Pol'shi v XVI–XVII vekakh [Armenian Colonies in Poland in the 16th–17th Centuries]. *Echmiadzin*. 1. pp. 63–68.

9. Kazaryan, R.S. & Avetisyan, G.M. (2009) *Slovar' srednearmyanskogo yazyka* [Dictionary of Middle Armenian]. Yerevan: Yerevan State University.
10. Alishan, G.M. (1896) *Kamenets. Letopis' arмян Pol'shi i Rumynii* [Kamianets: Chronicle of Armenians in Poland and Romania]. Venice: St. Lazarus Mekhitarist Press.
11. Brückner, A. (1927) *Słownik etymologiczny języka polskiego, tom pierwszy, A–O*. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza.
12. Wiesław, B. (2008) *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
13. Majewska, M.B. (project lead) & Żółtak, M. (technical work) (2014) *Edycja elektroniczna Słownika wileńskiego*. [Online] Available from: <https://eswil.ijp.pan.pl/index.php>
14. Makarovich, R.V. (ed.) (1978) *Slovník ukrajinských jazyků: v 11-ti tomach* [Dictionary of Ukrainian Language: in 11 volumes]. Vol. 4 (840 p.), Vol. 5 (840 p.), Vol. 8 (927 p.), Vol. 9 (916 p.). Kyiv: Naukova Dumka.
15. Linde, S.B. (1808) *Słownik języka polskiego*. Tom I, część II, G–L. Warsaw: Piarist Printing House.
16. Jahukyan, G.B. (ed.) (1975) *Ocherki istorii srednearmyanskogo literaturnogo yazyka* [Essays on the History of Middle Armenian Literary Language]. Vol. 2. Yerevan: Academy of Sciences of Armenian SSR.
17. Bulyka, A.M. (1972) *Dafinija zapazycanni belaruskaj movy* [Daphnia of Belarusian Language Preservation]. Minsk: Nauka i Tekhnika. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/346561964_433-Article_Text-1474-1-10-20200124 (In Belarusian).

Информация об авторах:

Хачатрян Г.К. – д-р филол. наук, профессор кафедры армянского языка и литературы Ванадзорского государственного университета (Ванадзор, Республика Армения). E-mail: gxachatryan@yahoo.com

Барсегян С.С. – преподаватель кафедры иностранных языков и литературы Ванадзорского государственного университета (Ванадзор, Республика Армения). E-mail: svetlana-barsegyan@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.K. Khachatryan, Dr. Sci. (Philology), professor, Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia). E-mail: gxachatryan@yahoo.com

S.S. Barseghyan, lecturer, Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia). E-mail: svetlana-barsegyan@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.10.2023;
одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 25.10.2023;
approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 19.05.2025.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/19986645/95/9

Осмысление образа Ребенка в контексте утопического концепта «Ускорение» в русской прозе 1930-х гг.

Светлана Леонидовна Андреева¹, Майя Леонидовна Бедрикова²

^{1,2} *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

¹ *216zamsv@mail.ru*

² *mlbedrikova@gmail.com*

Аннотация. Традиционная для утопий интерпретация образа Ребёнка восходит к «Государству» Платона. С XIX в. начинается трансформация утопического концепта «Ребенок/Дети», который в первой трети XX в. обновляет содержание в связи с появлением концепта «Ускорение»: новый Ребёнок должен стать главным «потребителем» Счастливого Будущего. Трансформация образа прослеживается в русской советской прозе 1930-х гг. (В. Катаев «Время, вперёд!», М. Пришвин «Осударева дорога», Л. Леонов «Дорога на Океан»).

Ключевые слова: русская советская проза 1930-х гг., утопический тип сознания, концепт «Ускорение», образ Ребёнка, В. Катаев, М. Пришвин, Л. Леонов

Для цитирования: Андреева С.Л., Бедрикова М.Л. Осмысление образа Ребенка в контексте утопического концепта «Ускорение» в русской прозе 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 164–186. doi: 10.17223/19986645/95/9

Original article

doi: 10.17223/19986645/95/9

Comprehension of the Child's image in the context of the utopian concept in Russian prose of the 1930s

Svetlana L. Andreeva¹, Maya L. Bedrikova²

^{1,2} *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation*

¹ *216zamsv@mail.ru*

² *mlbedrikova@gmail.com*

Abstract. The article explores the image of the Child, which is traditional for the utopian sphere of concepts, starting from Plato's *Republic*. The material is Russian Soviet prose of the 1930s (Valentin Kataev's *Time, Forward!* (1931–1932), Mikhail Prishvin's *The Tsar's Road* (1933–1947), Leonid Leonov's *Road to the Ocean* (1935)). The utopian content of the concept "Child/Children" had already been transformed in the

19th century. In the first third of the 20th century, due to the formation of the concept "Acceleration", it acquired a new content: the upbringing of a child and the emerging of a new man are a super-task of the epoch for the acceleration of history and the achievement of communism. A child is the factor of "acceleration" and the main "consumer" of the Happy Future. The Soviet literature of the 1930s depicted the process of education of the younger generation. In the article, the authors analyze three novels, each is different in topics, style, plots and other components of a literary whole, but the writers are united by the depicted type of the Child. There is a type of child, *tabula rasa*, in the typology of the Child, demanded by utopians – from Plato to modern times. It is organic to the utopian sphere of concepts, Russian and European utopian thought at the turn of the 20th century, and it was actualized in the official ideology in the Soviet period. The writers use all the variety of literary techniques and expressive means to create the image of the Child, the rich potential of modifications of the novel genre. The image of the Child in "industrial prose" is presented as a factor of acceleration on the way to the Communist Future in the context of futuristic ideas of the time. In the novel-chronicle *Time, Forward!*, the Child is the highest value that determines the Bright Future. Valentin Kataev establishes the connection of the concept "Acceleration" with the concept "Childhood" in the light of the "theory of pace". In *The Tsar's Road*, the landmark event of the Great Utopia (the construction of the White Sea-Baltic Canal) is connected with the fate of the boy Zuyk, a coast-dweller. Mikhail Prishvin's *tabula rasa* child is an archetypal child captured by the pace of the technological revolution of the Soviet state. Leonid Leonov in his *Road to the Ocean* combines the images created by the Russian Revolution of 1917, the features of the new utopian consciousness with the features of the national character, works with the material familiar to the reader – the life of the province. The image of the heroine of the novel, Liza, is most vividly and psychologically authentically revealed. Narrating about Liza the child, the writer meticulously recreates the image of a family paradise "in the glorious city of Porozhensk in the midst of the war". Leonid Leonov builds a programme of upbringing for the *tabula rasa* Child. In the present, the characters are engaged in "the final assault to transform the planet".

Keywords: Russian Soviet prose of 1930s, utopian type of consciousness, concept "Acceleration", image of Child, Valentin Kataev, Mikhail Prishvin, Leonid Leonov

For citation: Andreeva, S.L. & Bedrikova, M.L. (2025) Comprehension of the Child's image in the context of the utopian concept in Russian prose of the 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 164–186. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/9

Введение

Среди концептов утопического сознания, из которых выстраиваются модели идеальной жизни человечества, есть концепт «Ребёнок/Дети». Его содержание и концептуальные связи не менялись многие столетия, сохраняя понимание роли детей в обустройстве идеального государства и общества.

Привычный для нас, поколений XX и XXI вв., тезис «Всё лучшее – детям» (приписываемый В.И. Ленину) возник спустя многие столетия и даже тысячелетия после появления первых утопий. Идея обустройства мира для счастья потомков лишь с недавнего времени становится доминирующей для реализации утопических проектов и представляется как природосообразная

не с точки зрения селекции, отбора, а с точки зрения сохранения человеческого рода. Однако так было не всегда. В 1974 г. американский историк и психолог Л. Демоз писал: «История детства – это кошмар, от которого мы только недавно стали пробуждаться» [1. С. 13]. Достаточно вспомнить, например, что З. Фрейд и последователи психоанализа всегда искали и ищут корни психических и психологических проблем в детстве своих пациентов – несчастливом этапе становления. Историки, социологи, психологи, педагоги, изучающие эволюцию детства, отмечают, что отношение к детям и детству как периоду жизни менялось вместе с представлениями о семье и роли женщины (см.: Ф. Арьес [2], Л. Демоз [1], Е.Н. Суворкина [3] и др.).

Концепт «Ребёнок/Дети» всегда присутствовал в утопическом сознании, но роль детей была ограничена функцией обеспечения процветания государства (Платон, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк и др.). В конце XIX в. концепт «Ребёнок/Дети» включился в идеологическую канву утопизма в статусе общечеловеческой ценности. Только в XX в. ребенок как ценность получил самостоятельное юридическое закрепление в Конвенции о правах ребенка (1989), при том что Конвенция о защите прав человека и основных свобод появилась в Европе раньше, в 1953 г. История трансформации содержания указанного концепта не является предметом исследования в данной статье и ещё требует отдельного рассмотрения. В рамках этой работы мы обращаем внимание на то, какие связи и какое содержание получил данный концепт в связи с формированием концепта «Ускорение».

Пренебрежение Настоящим, нетерпение построить/увидеть Царство Небесное на земле породили идею ускорения времени за счёт самоотречения тех, кто живёт в Настоящем, и за счёт изобретения новых, как сейчас говорят, прорывных технологий буквально во всём. Концепт «Ускорение» отмечен в русской культуре в первой трети XX в. [4. С. 249–250; 5]. Он проник во многие тематические сферы отечественной литературы, заложив новые векторы осмысления мира и себя в нём.

Тотальная занятость утопистов вопросами Будущего принесла в жертву Настоящее – реальную жизнь людей. В погоне за построением Царства Небесного на земле текущая жизнь людей обесценилась. Ценность Настоящего свернулась до нуля, оно осталось лишь в качестве периода, который человек вынужден проживать, или чтобы смочь построить Будущее для своих детей и других поколений, или чтобы построить Будущее для себя, где и начнётся для него жизнь.

Апробация утопических проектов в реальной действительности XIX–XX вв. происходила путём внедрения новых технологий, приближающих всеобщее счастье, сформировали концепт «Ускорение», который окончательно подчинил взрослое поколение живущих людей целям и задачам построения Светлого Будущего если не для себя, то для будущих поколений. Идея Прекрасного Будущего в контексте ускорения времени логически обозначила детей как единственных субъектов, которые реально смогут дожить до счастливого времени и у них будет Счастливое Настоящее.

Фактор ускорения порождается существующей в утопическом сознании проблемой несовершенства природы человека, его бессилия перед старением и смертью. Выход есть: воспитать новое поколение, которое будет лучше, совершенней предыдущих. Ускорить прогресс возможно, если всё начать с чистого листа (*tabula rasa*) – и уже сейчас, в Настоящем, наделить Ребенка качествами человека Будущего.

Моделирование образа Ребёнка Будущего становится условием опережения времени для рывка в Будущее. Опыт жизни предыдущих поколений людей переосмысливается утопистами, просеивается сквозь сито идеологии: взять то, что пригодится в Будущем, и отвергнуть прежнее («тёмные века»), чтобы ускорить развитие свободного человечества. Поколения, живущие в Настоящем, жертвенно расходуют жизненную энергию ради будущих людей совершенной природы, способных достичь бессмертия. Не только идеология, но и определённые философские идеи лежат в основе подобных воззрений, системы ценностей.

Художественная литература является действенным средством воспитания. Неудивительно, что русская советская литература 1930-х гг. отразила процесс воспитания молодого поколения. В центре внимания в статье будут найдены три совершенно разных по тематике, стилю, сюжету и прочим параметрам произведения трёх разных авторов, которые зафиксировали этот образ именно в контексте ускорения нового времени: роман «Время, вперёд!» (1931–1932) В. Катаева, роман-сказка «Осударева дорога» (1933–1947) М. Пришвина и философский роман «Дорога на Океан» (1935) Л. Леонова.

Постигая «смысл» современности, авторы романов (производственного, философского, «романа-сказки»), исторической повести, сказки-были воссоздают пафос своего времени и его мироощущение. Ускорение времени в мировосприятии 1930-х гг. объяснимо, с одной стороны, тотальным влиянием идеи управления временем, а с другой – естественным присутствием утопического сознания в концептосфере советской художественной литературы.

Методы исследования

Образ Ребёнка раскрывается в литературном произведении как архетипическая основа сюжета в соответствии с замыслом автора. В сюжетах советской прозы 1930-х гг., включающих утопическую модель, нас интересует художественная реализация образа Ребёнка в типологическом аспекте. Данная цель определяет комплекс методов исследования: историко-литературный подход, применяемый нами для обнаружения путей развития образа в русской литературе первой трети XX в., а также для определения места и значения каждого из указанных произведений в этом развитии, сочетается с методами концептуального анализа; семиотический метод позволяет выявить скрытые смыслы в интерпретации образа Ребёнка в выбранных для анализа художественных текстах; типологический метод даёт возможность обнаружить характерные для утопического сознания 1930-х гг. содержание

концепта «Ребёнок/Дети» и его связь с концептом «Ускорение»; привлечение системного метода в рамках историко-сравнительного позволяет сделать выводы о взаимозависимостях и обратных связях, подчинении внутренней организации разных по жанру и темам произведений более общей «семантической системе» текста для концептосферы утопического сознания, отражённой в литературе.

К. Маркс именовал время мифа «детством человечества», согласно этой логике, концепт «Детство» оказался в фокусе утопистов XX в., чтобы знаменовать собой начало подлинной истории человечества в его движении к Будущему, где нет места дисгармонии, старости, «травмы смерти», где процветают гармония, юность и бодрость духа.

Обсуждение

Предлагаемое исследование учитывает научные сведения об эволюции детства как определенной культурно-исторической ценности и «социальной категории, обрамленной различными институтами, а также различными ритуалами, законодательством, направленными к возрастным ограничениям» [6. С. 357]. Такой подход вписывает концепт «Ребёнок/Дети» в общую конструкцию идеи идеального государства (Платон, Т. Кампанелла, Г. Гегель, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк, К. Маркс, В. Ленин и др.) [7].

Большой интерес с точки зрения понимания содержания концепта «Ребёнок/Дети» вызвали у нас антропологические исследования категории «детство», проведённые в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (2010-е гг.) (см. работы М. Балиной [8], Л. Рудовой [9]).

В основе данной статьи лежат труды, посвященные изучению архетипа «Ребёнок» в типологическом аспекте и в целом анализу концепций детства в отечественной и зарубежной литературе (Л. Рудова [9], Л. Нефёдова [10], И. Арзамасцева [11], Е. Добренко [12] и др.); исследования в «антропологической разметке» литературы: детство, отрочество, зрелость, старость (В. Гудкова [13]). Этика детства в «идеальном мире» тоже становится предметом рассмотрения. Так, О.А. Мурадян отмечает: «В утопическом “Государстве” Платона – общие дети, которых любят сообща, из которых готовят законопослушных граждан <...>. В антиутопическом государстве чаще всего дети также не знают своих родителей, их этическую базу создаёт некий “авторитет”. Это стирает границы утопии и антиутопии» [14. С. 89].

О значении темы детства для литературы 1920–1930-х гг. наиболее красноречиво говорит название известного труда И. Арзамасцевой: «“Век ребёнка” в русской литературе 1900–1930-х годов» [11], где заявлена идея о том, что первая треть XX в. явилась началом новой эры – «эры детства».

В современных исследованиях можно выявить разные концепции детства. Л. Нефёдова в статье «Архетипические основания репрезентации образов детства» (2006) утверждает, что «художественное осмысление детства в литературе фундировано в архетипе Божественного Ребёнка» [10. С. 191]. Автор предлагает «типологию детских образов» по ряду признаков, в том

числе, «на основе заброшенности архетипического Ребёнка»: («...1) Обездоленный ребёнок – лишённый доли, возможности вырасти, стать взрослым <...>; 2) брошенный ребёнок – оставленный, покинутый взрослыми <...>; 3) пренебрегаемый Ребёнок, растущий в недосмотре <...>; 4) запущенный, забытый <...> Дети не включены, не интегрированы в единое экзистенциальное пространство; 5) ничтожный, ничтожный – недостойный внимания, имеющий право только на вторичное по отношению к взрослым существование <...>; 6) ребёнок – *Tabula rasa* – чистая дощечка, готовая к надписям <...>. Данный мотив наиболее многозначный» [10. С. 189–190]. На основе «непреодолимости архетипического Ребёнка», наряду с «героем», «спасителем», выделяется «ребенок-монстр». Корни деструктивного лежат в началах ребёнка, пришедшего из зазора небытия и бытия» [10. С. 190]. Среди указанных типов исследователь выделяет ребёнка-*tabula rasa*, так как этот образ «репрезентирован в широком диапазоне смыслов: от недоступной и непостижимой “вещи в себе” до объекта взращивания, детерминированного характером воздействия взрослых» [10. С. 190]. Образ Ребёнка-*tabula rasa* наиболее востребован утопистами всех времен, начиная с Платона.

В. Гудкова, анализируя типологию советского сюжета на примере драматургии 1920-х гг., констатирует тенденцию роста количества детских образов в образной системе пьес этого периода: «Если в традиционных пьесах дети обычно не появляются, драмы рассказывают о мире взрослых, то в советских сюжетах 1920-х гг. детей всех возрастов, от новорожденных до «юн-пионеров» и комсомольцев, довольно много» [13. С. 172]. Другими словами, ребенок попадает в поле зрения автора, в изображаемую им структуру общества как её звено, как субъект, интересы, роль и значение которого для этого общества значимы. В контексте эпохи 1920-х акцент делается на роли юного человека, свободного «от груза прошлого» (связь с «государственной концепцией послеоктябрьского развития страны») в «антропологической разметке нового времени» [13. С. 172].

Ускорение требовало задействовать детей и юношество в построении Будущего, поэтому идея *Tabula rasa* применялась для «обнуления» Прошлого. Детские учреждения планировалось создавать по примеру ударных «безбожных заводов и колхозов», а в 1929 г. атеист Е. Ярославский «призывает начать новое летоисчисление – не от Рождества Христова, а от начала революции. 1929 год должен был стать 12-м годом новой эры» (цит. по: [11. С. 298]). Диапазон дискуссий о детстве в 1920-е гг. широк: от «проблемы рождения ребёнка. Зачем он?» [13. С. 174] до «судьбы ребёнка, зачатого “свободной женщиной” новой России» [13. С. 175] и даже до передачи матерью новорожденного <...> в комячейку», проведение «октябрин» (замена крестин) [13. С. 180].

И. Арзамасцева на материале детской литературы, а В. Гудкова на материале драматургии обнаружили «римский пласт» идеологии в отношении к детям: на рубеже 1920–1930-х гг. «в детских изданиях быстро нарастает “римский” пласт, имперский Рим заслоняет гуманистическую Элладу <...>

концепция детства стала напоминать римскую модель» (отряды юных спартаковцев и пр.) [11. С. 299; 13. С. 180].

Детская литература 1930-х гг. Проектирование пространства нового человека

В ситуации ускорения 1930-х гг. задачей дня было «преобразить пространство и простор», и новые реалии потребовали героев-первопроходцев, открывателей новых земель – типы, знакомые по романтическим произведениям. На первый план, по мнению В. Шкловского, выходит человек, «борющийся со своей физиологической ограниченностью» [15. С. 37]. «Новый голос», «новый склад слов» раньше других выработали детские писатели, и советская детская литература «начала растить новое поколение читателей», которое было «детьми великой мечты, соучастниками будущего» [15. С. 15–17].

В процессе воплощения утопического замысла, с точки зрения Л. Рудовой, детская литература сыграла роль «функциональной» литературы «в процессе подготовки молодого поколения к роли “хозяев жизни”» [9. С. 145]. Исследователи даже выделяют среди писателей того, кто точно, глубоко прочувствовал государственную задачу времени и научно выразил в своих произведениях пафос эпохи («пропаганда советской идеологии и технологической утопии бесклассового общества» [9. С. 143]). Речь идёт о детском писателе М. Ильине (И.Я. Маршаке), который, по мнению В. Шкловского, выступил как «новатор, радикально изменивший конвенции традиционного фабульного сюжета» [15. С. 36]. Его художественный опыт оказался настолько продуктивным, что по пути М. Ильина, автора «Рассказа о великом плане» (1930) [16], в послевоенный период последовали педагоги, детские писатели Восточной Германии, которых заинтересовало программное произведение автора-учёного, новаторское в жанрово-стилевом отношении. Л. Рудова в статье «“Новые сюжеты” для нового немецкого ребёнка, или “Поэзия науки” М. Ильина в детской литературе ГДР» цитирует эту концепцию детства: *«Великий план создали, великую задумали работу. Переделать природу и переделать самих себя. Разве мы, такие, как есть, годимся для нового строя? <...> Нам нужны заводы для переделки людей: школы, вузы, библиотеки, избы-читальни <...> ведь это лучшая жизнь – она не придёт <...> её мы должны создать»* [9. С. 141].

«Великий план» есть, дети его реализуют, но им, как и взрослым, нужно «переделать себя» ради лучшей жизни. Но насколько эта установка проникла во «взрослую» литературу эпохи ускорения? Рассмотрим три произведения трёх разноплановых авторов, чтобы тенденция была видна.

Ребёнок и «локомотив времени» социальных проектов в романе В. Катаев «Время, вперед!»

Тема детства в творчестве В. Катаева полемически заявлена в начале 1930-х гг. В его комедии «Дорога цветов» (1933) в диалоге персонажей (лектора Завьялова, Лаутской и доктора) тема Ребёнка показана в сочетании с «программой» построения Будущего дискуссионно остро:

Завьялов: – ...Высочайшая техника, и на основе этой высочайшей техники – города-сады, агрогорода, дома-отели <...> Лаутская: – То есть позволите: а если семья? Что ж, вся семья так и будет помещаться в одной комнате с... озонирующей аппаратурой? И жена? И дети? И... тёща? Это же ужас! Завьялов: – Семьи не будет. <...> – Лаутская: Но как же в таком случае муж и жена? Завьялов: – Жён и мужей не будет. <...> Лаутская: – Но дети? Они, надеюсь, не отменяются? Завьялов: – Дети не отменяются. Лаутская: – Слава богу! Хоть что-то не отменяется. Но ведь дети связывают? Завьялов: – Ничуть! Детей будет воспитывать общество. <...> И любовь будет абсолютно чиста от всяких посторонних примесей. Лаутская: – Посторонних примесей! Дети – посторонняя примесь? Но чувства? Скажем, ревность? Завьялов: – Ревности не будет; <...> А так очень просто: для чего борьба? Доктор: – Для того, чтобы люди в конце концов, в результате борьбы, стали здоровыми, сытыми, свободными, счастливыми. <...> Завьялов: – Вы меня удивляете. Что касается меня, то я, например, уже ощущаю это будущее. Для меня оно уже настоящее [17. С. 254–256].

Представленная цитата в общем характеризует общественное настроение первых десятилетий советской власти в отношении нововведений для построения справедливого государства. И при этом в «программе» лектора Завьялова нет ничего нового – традиционная для утопии идея устранения всякого неравенства, в том числе и на уровне семейных отношений, и подчинения всех сторон жизни человека тотальному контролю со стороны государства. Обобщающе ёмко актуальная тема представлена в антиутопии Е. Замятина «Мы» (1920).

В отечественной литературе 1930-е гг. ознаменованы рождением новаторского течения «производственной прозы»: Л. Леонов «Соть», М. Шагинян «Гидроцентральный», Ф. Гладков «Энергия», К. Паустовский «Кара-Бугаз». В этом ряду стоит и роман В. Катаева «Время, вперёд!». В основе его сюжета события одного дня на строительстве Магнитогорска, дня отражающего небывалый темп времени новой индустриальной эпохи. Главный герой инженер Давид Маргулиес, по замыслу автора, становится знаменем, выразителем пафоса момента, исторических трудовых свершений начала 1930-х гг. – построения новой счастливой жизни «здесь и сейчас» на Магнитострое. На Южный Урал стянуты возможные и невозможные человеческие и технические ресурсы, громадный научный потенциал социалистической страны, передовые технологии современности. Концепция времени у В. Катаева родственна официальной теории «повышения темпов». В романе-хронике «Время, вперёд!» представлен жанровый эксперимент «с ускорением»: в ходе сюжета с задержанная экспозиция совмещается с развязкой.

В производственном накале событий тему Будущего В. Катаев воплощает в образе Ребёнка, который впервые появляется в сюжетной линии Фени – молодой женщины, едущей на поезде в Магнитогорск, чтобы после разлуки встретиться с возлюбленным, отцом будущего ребёнка. В самом начале произведения знаками темы детства служат мелькающие на железнодорожных станциях лица детей: «Дети продают на станциях ландыши. Всюду пахнет ландышами» [18. С. 249], «осмический пейзаж» («осмис» – запах) сопровождает путь: «Саратов – Уфа. Дорога ландышей и соловьёв»

[18. С. 249]. В объектив В. Катаева-хрониста попадают девочка с жёлтыми цветами, удивлённый мальчик, а в последующих главах – мальчишки-помощники семнадцатилетней комсомолки Шуры Солдатовой в художественной мастерской на строительстве Магнитогорска.

Поэтика романа-хроники «Время, вперёд!» определяется системой взаимосвязанных мотивов, подчинённых ускорению – производственному ритму жизни первостроителей (социальной, личной, повседневной). В производственной линии автор заявляет детскую тему, ведёт повествование к важному моменту рождения нового человека (сюжетная линия Фени и Ищенко).

Опыт осмысления темы «Детство/Ребёнок» уникален: ребенок становится фактором «ускорения». В кульминационных сценах сюжетной линии «Феня и Ищенко» бригадир-ударник Константин Ищенко держит в поле зрения вверенный ему фронт работ, наблюдая, как люди из деревенских становятся героями [18. С. 301]. Общая же картина происходящего была ему недоступна – *«мир не давался»*, но постепенно мысли о прибавлении в семье начинают овладевать сознанием, сливаясь с мечтой о Будущем: *«И будет ребенок! <...> И вся жизнь – и то, что было, и то, что есть, и то, что ещё будет, – не зря!»* [18. С. 357]; *«Вскроют гору. Добудут руду. Руда пойдёт в домны. Зажгут кокс. Пойдёт чугун. Чугун переварят в сталь <...> И это всё на потребу, на счастье “ему” <...> Будет сталь – будет новая, счастливая, небывалая, невиданная жизнь! И всё это для “него”!»* [18. С. 357]. В главе XXVII В. Катаев передоверяет персонажу авторские мысли: *«Теперь Ищенко открыл глаза и в первый раз в жизни посмотрел во всю длину времени <...> Прошлое текло для будущего. И оно прочно лежало в его руках»* [18. С. 357].

В произведении «Время, вперёд!» образы детей представлены как символические, олицетворяющие счастье, коммунистическое Будущее. В. Катаев не раскрывает детских характеров, полностью сосредоточившись на теме времени и «производственном» материале, при этом вводит в роман тему детства как важный аргумент – «смысл» социалистического строительства. Ребенок не прописан, не персонифицирован, как и в большинстве литературных утопий, но он – неотъемлемая часть представления об идеальном государстве и, если необходимо, фактор ускорения. В идеологической канве романа-хроники Ребёнок обозначен как ценность, как «потребитель» Светлого Будущего, что соответствовало социалистическому лозунгу «Всё лучшее – детям».

Образ ребёнка в романе М. Пришвина «Осударева дорога»

В 1930-е гг. в романе «Осударева дорога» М. Пришвин обращается к проблематике, глубоко осознанной им ещё в 1920-е гг. Дневники писателя свидетельствуют о неустанных размышлениях писателя над проблемами «личность и общество», «личность и государство»; попытках ответа на философские вопросы о добре и зле, свободе и необходимости, смысле жизни, тайне человеческой души.

В русле нашего исследования важно обнаружить мотивы выбора Пришвиным ребёнка в качестве главного героя для своего романа «Осударева дорога». Чем обусловлен выбор темы строительства Беломорско-Балтийского канала и судьбы мальчика-помора?¹

Образ Ребёнка, каким мы увидели его в «Осударевой дороге», родился намного раньше. Исследователи его творчества отмечают: «В 1905–1906 году, собираясь в своё первое путешествие на Север, Пришвин предлагает редактору детского петербургского журнала “Родник” будущую повесть о мальчике, заблудившемся в лесу. Пришвин считал её первой вехой на пути к роману» [19. С. 65]). Образы детства и юности проходят лейтмотивом во многих произведениях. В «переключке поколений» М. Пришвин актуализирует проблему поиска смысла жизни героями и приглашает к этому поиску читателя (обращение – «друг мой»). Он пишет «два больших рассказа о своём сыне» [20. С. 101].

Писатель обозначил жанр «Осударевой дороги» как «роман-сказка», однако во вступлении «От автора» жанр назван по-другому: «сказка-быль», «историческая повесть» [21. С. 87]. В этом романе очевиден утопический мотив «земли обетованной» – старообрядческой Выгореции, «государства в государстве» Петра I. По замыслу автора, мотив совмещён с темой строительства Канала, новой жизни в 1930-е гг.

Писатель подчёркивает удалённость от цивилизации заповедного места на Русском Севере, где при Петре I велось строительство «осударевой дороги». Мы отмечали ранее, что авторы утопий традиционно обращаются к легендам, преданиям и другим источникам о «земле обетованной» (например, о предпринятом поиске Петром I Беловодья [22. С. 118]). В «Осударевой дороге» старообрядцы сложили свои предания, легенды о Выгореции (например, о легендарном выгозерском Иване, местном Сусанине, который в Смутное время завёз панов на Еловый остров (гл. X «Падун»). Жители названы «бегунами», «скрытниками», «христолюбцами» не случайно, так как старообрядцы «в бегах» спасались от антихриста, который «овладел большей частью земли». Эти люди хранили как «великую тайну» свои имена и другие имена не произносили, ограничивались словами: «Мы странники божьи, ни грады, ни веси не имамы» [21. С. 89]. «Бегуны» обрели близ Выг озера свою землю обетованную. Сам автор мальчиком 9 лет при-

¹ Роман начат в 1930-е гг., продолжен в военные и послевоенные годы до 1947 г. История создания романа «Осударева дорога», одного из центральных произведений М. Пришвина, охватывает весь творческий путь писателя. Об этом свидетельствуют и его дневники, где уже с 1909 г. появляются записи, которые Пришвин расценивал как подготовительный материал к роману. Непосредственно над романом он работает 14 лет – с 1933 по 1947 г. В 1948 г. журнал «Октябрь» отказывается печатать «Осудареву дорогу». Потом до конца жизни – Пришвин скончался в январе 1954 г. он работает над переделкой романа. Несмотря на многочисленные замечания рецензентов, писателя не оставляет мысль, что «Осударева дорога» – значительное художественное произведение: «Свидетельством моего художества останется не переработанный экземпляр» [19. С. 64].

нял красоту Карельского острова озера Выг за чудесную страну, а через двадцать лет, оказавшись на Выг озере, уверовал, что это и есть та самая страна, рождённая мальчишечьей фантазией.

Замыслом М. Пришвина было «показать рождение нового сознания русского человека через изображение души крестьянского мальчика-помора» [21. С. 85]. Есть и «домашняя теория творчества», согласно которой писатель будет «выращивать» юного героя – Зуйка, подобного свободным чайкам-зуйкам: «...И мальчики-зуйки всюду спуют, и среди них мой Зуёк <...> Думаю о нём – и себя самого раскрываю. Детство старшего поколения было окрашено пафосом веры в лучший мир <...> и долг каждого из нас открыть для всех “эту свою страну”» [21. С. 87–88]. Ключом к пониманию образа мальчика Зуйка является пришвинское понимание детства как «природных детских сил доверчивости и особенного, проникновенного внимания к подробностям жизни природы и человека» [21. С. 88].

Во всей художественной прозе Пришвина 1930-х гг. и в анализируемом романе в полной мере, под влиянием задач времени устанавливается связь концепта «Ускорения» с концептом «Детство». Событие великого Времени (строительство Беломорско-Балтийского канала) соотносится с судьбой мальчика-помора Зуйка. Пришвин создает образ архетипического Ребёнка, погруженного в стремительные темпы технологической революции советского государства.

С приходом строителей Зуёк оказывается в центре исторического строительства Канала (волей случая он живёт в доме, «снятом под контору»). Ребёнок *tabula rasa* жадно впитывает всё незнакомое, что несёт с собой взрослая жизнь, а за образец Зуек берёт стиль поведения представителей власти – Улановой и Сутулова. Сообразительного парнишку-помора определяют курьером. Сознание мальчика наивно-реалистическое. Прислушиваясь к разговору в конторе, Зуёк переводит информацию на доступный его пониманию уровень (сказочное восприятие мира). В диалоге речь шла об исполнении приказа свыше, касающегося транспорта для каналармейцев. В команде Сутулова всё выполняется в срочном порядке (ускорение): «Принять завтра первую тысячу. Бросьте их в лес. <...> – Мы всех их бросим в лес! – Вот это так, – обрадовался Зуёк. – Приедет тысяча человек, и мы их всех бросим в лес. И так, каждый день, тысячу за тысячей – в лес. Вот это власть!» [21. С. 141]. Пришвин вживается в образ мальчика, предугадывая ход его мысли: «Зуёк вдруг понял всё. Теперь не надо больше никого спрашивать, он лучше всех знает, что это власть. Бывает, мчитесь тучей колдун за Иваном-царевичем, никакой конь не может убежать от тучи, но власть на стороне Ивана-царевича <...> Да мало ли как можно спастись, если власть в твоих руках. Да если бы и на куски изрезали Ивана-царевича, и то является власть, как живая вода, и все кусочки срастаются. Та же самая власть была и у Сутулова, когда он приказал бросить всех в лес. – А как далеко мы их бросим? – восхищенно и робко, с замиранием сердца спросил Зуёк» [21. С. 141].

Большевики, изначально родственные Пришвину по духу, были носителями сектантской психологии, в чём автор признаётся в начале романа-сказки: *«Мы сами, революционеры того времени, готовые идти на какие угодно страдания, чтобы только поднять дух своего народа, <...> мы сами отчасти были похожи на бегунов: мы странники в своём народе, мы не держались ни села родного, ни города, правда нам была дороже родного села»* [21. С. 91]. Жизнь старинной Выгореции обновляется с приходом новых людей, с новым взглядом на жизнь, мир в целом. Так, в главе «Имеющий власть» автор характеризует «чужого человека», *«незदेशнего, пришедшего с новой мыслью, разрушающей старое медленное время, <...> для всего соединенного великого человека»*: *«Так сказал имеющий власть: – Бросить всех в лес! И в лесу вырос город»* [21. С. 153–154].

Постепенно Зуёк осознаёт необходимость поиска собственного жизненного пути, он не верит, подобно землякам, в «светопреставление» (в это верит бабушка Марья Мироновна и *«хочет навязать всем конец света»*) [21. С. 229]. Заключительная часть «Вода», где изображается строительство и открытие Великого канала, посвящена путешествию мальчика в лесную страну. Здесь органично воспроизводится наивно-реалистическое восприятие мира мальчиком. Зуёк, как Ребёнок-tabula rasa, с одной стороны, усвоил мудрость дедушки Сергея Мироновича, последователя веры пустынного Корнилия, хранившего память о прошлом Выгореции; с другой – глубоко прочувствовал жизненную философию Марии Мироновны, *«мировой няни»*, оставшейся жить на острове, который будет затоплен при открытии канала); наконец, Зуйка учит природа Карелии, он вникает в жизнь леса, знакомого с детства: *«...Природа является ему как зеркало собственной жизни и он видит себя не таким, как он о себе думает, а таким, какой он есть»* [21. С. 279]. Любопытно, что Природа, которая всегда становилась в утопиях объектом конструктивного воздействия, переделки со стороны Человека, оказывается в итоге лакмусовой бумажкой для определения истинного, настоящего в людях.

Возвращение мальчика к людям – появление на празднике в честь открытия канала символично: *«На берегу озера Онего стоит город Повенец, и тут из озера вход в великий канал, соединяющий моря Белое и Балтийское»* [21. С. 310]. Новая жизнь Зуйка заставляет мальчика сделать выбор: он с теми, *«в чьих руках вода»*. Завет писателя М. Пришвина современникам и потомкам звучит в финале романа в словах о воде: *«...Это добрая мысль человека, глядящего в беспредельную даль, о том, что каждый из нас где-то соединён с другим человеком и все мы, люди, в суровой борьбе за единство своё, все, как капли воды, когда-нибудь придём в океан»* [21. С. 319]. Пришвинская обобщённая мысль, несомненно, перекликается мировосприятием его современника – Л. Леонова, назвавшего свой роман «Дорога на Океан».

Образ ребёнка в романе Л. Леонова «Дорога на Океан»

В романах Л. Леонова 1930-х гг. производственная тема была частью масштабного философского замысла писателя. В его романе «Дорога на

Океан» в ряду глобальных тем: исторической перспективы, завтрашнего дня человечества, красоты, счастья и творчества, гуманизма, любви и труда, семьи и общества, личности и общества, человека и коммунизма [23. С. 85].

Тяготение Л. Леонова к использованию мифологических, утопических моделей в произведениях на тему современности наблюдалось и в ранний период. В легенде «Про неистового Калафата» («Барсуки») в иносказательной форме актуализирована проблема поколений, поиск детьми своего пути в жизни. Кроме очевидного утопического мотива строительства башни до небес, затеянного царским сыном Калафатом (имя *«по-ихнему значит – до всего доберусь»*) [24. С. 222]), есть мотив из фольклорной сказки, выступающий «в роли социальной утопии» [25. С. 105]. Фабула легенды Л. Леонова соотносится с историей Вавилонской башни, темой противостояния человека и природы, где природа побеждает прагматичного образованного Калафата.

Образы молодого поколения в «Дороге на Океан» созданы писателем в новой социокультурной ситуации, в период расцвета сталинского государства. Детству персонажей (Лизы, Алёши, Ильи Протоклитова, Марины, Сайфуллы), воспитанию нового человека, нового Ребёнка посвящены многие страницы романа. Л. Леонов пишет: *«Можно было бы рассказать длинную и чудесную историю о ребёнке, который один, без чужой помощи, бредёт через пропасти и волчьи ямы жизни, и страшное зло шарахается от его спокойных, неведующих глаз»* [26. С. 90]. Эта «длинная и чудесная история о ребёнке» относится к образу Лизы, который, по мнению В. Агеносова, дорастает в романе до «субстанциального понятия юности» [20. С. 80].

Естественное развитие ребёнка искажается под влиянием социального неблагополучия – жизнь в обедневшей семье течёт на грани нищеты. Похожие образы бедных детей наполняют классические произведения мировой и русской литературы XIX в. – нач. XX вв. (В. Гюго, Ч. Диккенс, Ф. Достоевский, М. Горький, А. Куприн и т.д.). Ключом к созданию образов детей улицы является мысль В. Гюго: *«Пока человек ещё ребёнок, Богу угодно, чтобы он оставался невинным»* [27. С. 4].

Л. Леонов задерживает экспозицию в сюжетной линии своей героини, он представляет Лизу как племянницу А.Г. Похвиснева, когда ей уже двадцать один год. Повествование о трудном детстве течёт ретроспективно, в русле литературной традиции: глава «Лиза» рассказывает о жизни героини в глухом провинциальном Пороженске (по ассоциации со словами *порог, пороженный, пустой*). Говорящая деталь: в Пороженске девочке запомнился овраг, *«огромный, как из Библии или сна»*, что-то вроде свалки, заросшей *«дикарскими травами»* [26. С. 85]. Вопреки *«грубым солдатским телам сорняков»*, в дикоросте развивается живучая *«повилика»*: *«...Всем этим пижмам, пыреям, чертополохам лестно былорядиться в хрупкую прелесть её нежных и маленьких цветов»* [26. С. 85]. Развернутая метафора возвращает к ребенку, который *«бредёт через пропасти»*, попадая в *«волчьи ямы жизни»*. Подобно повилке, Лиза пытается зацепиться за землю, что дало бы ей силы для роста, но жестоко ошибается, принимая за доброе, настоящее то, что таковым не является.

В отличие от литературных предшественников-классиков, Л. Леонов создаёт образ Ребенка в контексте новых социальных потрясений первой трети XX в.: старый несправедливый мир отверг ребёнка как никчемность, который всё же смог выжить физически, сохранить человечность и в дальнейшем разделить идеалы своего молодого поколения – строителей нового мира.

В образе Лизы-ребёнка автору удастся реализовать заявленную «программу» персонажа: *«Умение прочно пускать корешки даже в самую тощую почву всегда отличало Лизу от её сверстниц и подруг»* [26. С. 85]. Смысл «чистой дощечки» (лат. *tabula rasa*), на которой оставляет записи жизнь, раскрывается в сценах доверительных разговоров Лизы с овдовевшей матерью. Девочка получила сносное школьное образование, а мать дополнила её школьный «багаж» поучениями о том, как выжить в уродливом мире. Например, *«властно держа за руку напуганную девочку»* водила её *«анатомический театр»* (ему уподоблен взрослый мир), чтобы «передать» опыт старшего поколения ребёнку, не готовому к взрослой жизни. «Уроки» подкрепляет практика – *«подлая жизнь городка служила наглядным пособием к этим занятиям»* [26. С. 88]. Мать рассудила, что, как прививка, «лекарство» от людской злобы должно сработать, когда дочь останется сиротой: *«Слишком рано оставляя дочку на милость людей, она сама впрыскивала в неё яд своих разочарований, чтоб не убило её в самом начале зло»* [26. С. 88].

Что отложилось на *tabula rasa*? Какие принципы усвоила одиннадцатилетняя Лиза? Л. Леонов скрупулёзно воспроизводит текст на «чистой дощечке»: 1) «обхождение с людьми» на уровне «поверхностной, бескостной культурности»; 2) популярные рассказы об исторических событиях, соотносимых с личностью и судьбой «рассказчицы» [26. С. 89]. Л. Леонов-психолог вскрывает подоплёку внутренних проблем Лизы-подростка и девушки, объясняя всё травмой детства. Авторский комментарий дан в строках: *«...Дочь забирала без переоценки это пёстрое, неравноценное наследство <...> Лиза навсегда сохранила в памяти, как первую травму детства, историю одной шотландской королевы, Марии Стюарт, также приспособленную к облику рассказчицы <...> это была грустная повесть о красивой и несчастной женщине, обманутой приверженцами, оскорблённой любовниками и тоже вычеркнутой из памяти роднёю. Событие, почти ничтожное, романтически закрепило этот образ в воображении Лизы»* [26. С. 89]. Судьба Марии Стюарт была перенесена на *tabula rasa* «без переоценки», как и всё, что было связано с матерью.

В романе «Дорога на Океан» Л. Леонов органично совмещает образы, рождённые русской революцией, новое утопическое сознание персонажей с чертами национального характера, привычными в контексте культуры русской провинции. Повествуя о Лизе-ребёнке, писатель детально воссоздаёт картину семейного рая в неспокойное время: *«Лизин отец, чиновник пустякового ведомства, перебрался в славный Пороженск посредине войны, как только ясно стало, что не пройдёт даром миру пролитая кровь»* [26. С. 85].

Строить рай «во время чумы», «спрятаться от жизни» в домишке, окружённом заросшим вишенником, семье удаётся ненадолго. Намечен глобальный конфликт дореволюционного уклада русской жизни с техническим прогрессом: патриархальная утопия приходит в конфликт с новой технократической утопией. О Пороженске в легендах говорится как «месте <...> обжорного, беспечального рая; по слухам, когда-то проживало здесь старинного уклада племя – без взлётов, но и без векселей, без лекарств, но и без напрасных сердцебиений» [26. С. 85]. Ребёнок воспитывался в семейном раю, но счастье вмиг разрушилось: «Упадок наступил после появления железной дороги» [26. С. 85]. Старая утопия потерпела крушение в столкновении с локомотивом, ставшим символом прогресса (новой утопии). Литературные символы этой темы обозначены чеховскими мотивами вишневого сада, завершающими образ разбитого семейного гнезда: злые соседи «вырубили вишенник на хворост, руководствуясь старинным правилом, что чу́жая яблонька жарче своего поленца горит» [26. С. 85].

Страшные бедствия уготованы Лизе, вынужденной искать пропитание воровством хлеба в слободе Басурманке: «...Нищете неизвестна чувствительность; это был пока слепой инстинкт, выталкивающий осиротелого зверёныша из его норы на добычу» [26. С. 85]. «Зверёныш», «маленькая воровка» – характеристики Ребёнка, оставшегося с жизнью наедине. Как видим, кроме *tabula rasa*, в структуре детского образа пробиваются отдельные черты «ребёнка-монстра»¹.

Лиза, дитя человеческое, смогла сохранить душу благодаря знакомству с миром театра (речь идёт о «дешёвом балаганном действе из королевской жизни») [26. С. 89–90]. Лиза «сказалась безродной, её приняли в передвижной театр» [26. С. 90]. Она и в дальнейшем видит жизнь сквозь «линзы» театральных очков, понимая: детство закончилось – это, как первый акт её спектакля, а второй еще не начался. Л. Леонов завершает разговор о Ребёнке: «...Лиза прощалась с детством, иронически благодаря за уроки, полученные в этой практической академии бесчестности, унижения и мелких бедствий» [26. С. 97].

Другой персонаж, реализующий тему детства в романе Л. Леонова, – это Марина, знакомая главного героя Курилова «из среды журналистов». Марина раскрывает яркое детское начало в диалогах с Алексеем Никитичем (героем её будущего биографического очерка). Она доверительно рассказывает свою скромную биографию, упомянув о сыне, семилетнем Измаиле. Алексей Никитич идеологически выверенно характеризует поколение детей 1930-х гг.: «Они – лаборатория новых отношений. Это поколение вырастает на распаде старых общественных форм и вам надлежит стать катализатором очень мудрого процесса» [26. С. 131]. Героиня формулирует

¹ По классификации Л. Нефедовой: «Ребенок-монстр – ребёнок, чья заброшенность и непреодолимость подверглись мутации, превращающей конструктивное в деструктивное» [10. С. 190].

концепцию нового человека, в соответствии с которой она воспитывает нового Ребенка с «гордым» именем Измаил: *«Лет через двадцать люди будут очень гордые, без единой болинки и треицинки <...> У нас смиренных любят»* [26. С. 131]. От качеств нового человека зависит Будущее – *«красивая жизнь»*: *«И пусть гордость движет поступками людей. Пусть это будет гордость мастера, гордость героя, гордость матери, которая их обоих родила. Жизнь, конечно, настанет красивая»* [26. С. 132]. Мы видим здесь «рекомендованную» утопической идеей 1930-х гг. связь поколений детей: программу того, как ребенок Прошлого должен воспитывать своего ребенка для Будущего.

Название романа «Дорога на Океан» означает путь человечества в Будущее. Замысел Леонова-философа раскрывается в системе образов, где центральным оказывается Алексей Курилов. Главу о детстве Алёши можно было бы именовать «Мальчик и океан». В фабульном плане романного повествования с бесчисленными описаниями перипетий (участие героя в боях революционной эпохи) показано становление характера грозного начальника по железным дорогам, *«начподора»*. При этом внутренний, психологический план, мир души Алексея не изменился в течение жизни, ибо в подсознании герой сохранил детскость. В чём суть феномена?

Л. Леонов создал образ мальчика-мечтателя, придумавшего целый мир – мир Океана. Когда-то книжка о морях, прочитанная Алёшей *«не разумом, а сердцем»*, осталось в его сознании *«как памятная зарубка»*: герой всегда находился под *«очарованием вольных океанических сокровищ, не принадлежащих никому»* [26. С. 37]. У взрослого Курилова *«понятие об Океане как о вольном множестве вод распалось»* [26. С. 37], но ключ к пониманию характера героя следует искать именно в этом *«ребяческом влечении»* к вольному миру. Курилов – мечтатель, и для него *«книги – как колодцы в пустыне, они принадлежат всем!..»* [26. С. 38].

Тип мечтателя преобладает в старшем и молодом поколениях 1930-х гг., эпохи воплощения Великой утопии в настоящем. Чествуя Курилова в день его рождения, единомышленники поют славу новому человеку и мечтают о Будущем в его осязаемых очертаниях. Старшие товарищи «транслируют» новым людям всё необходимое, с их точки зрения: идеи, знания, память о подвигах, героическом труде предшественников, великое наследие исторических личностей – утопистов разных эпох. Чтобы идти в Будущее, нужны знания о том, *«как пробивались бреши в веках; как великие успехи тормозились не менее почтенными заблуждениями»* [26. С. 103]. Ярким примером служит монолог Кутенко (автор ранних *«плохих»* стихов) о Будущем. Обратим внимание в монологе на несколько моментов: 1) *«Тема тоста заключалась в восхвалении чести и доблести его поколения – драться до последнего и ложиться безропотно, – так, чтоб этой лестницей мёртвых всё выше, на одоление последних высот, поднимались юные фланги бойцов<...> те, которые приведут в стройный порядок наши огромные, неряшливые черновики»* [26. С. 102], т.е. роль поколения в Настоящем – не жить, а только бороться и умереть, став «ступенькой» к лучшей жизни для юных, задача

которых не только наслаждаться новой жизнью, но довести дело предыдущих поколений до конца, «привести в стройный порядок наши огромные, неряшливые черновики»; 2) о поколении 1930-х гг.: «Они поют про паровоз, который летит стрелой, чтобы остановиться в коммуне» [26. С. 103], т.е. для ускорения финальная точка – коммунизм; 3) предостережение новым утопистам от совершения ошибок старших – «самоучек», знакомых с философией Гегеля, Гераклита: «Стареющее поколение» смогло уберечь молодое «от клоак и кладбищ», а юному должно опираться «на разум и знания», не на «минутные взрывы голода, гнева и отчаяния», от чего гибли «лучшие из бунтарей» [26. С. 103]; 4) завет или требование старшего поколения к юным: «Он (Кутенко. – С.А., М.Б.) не спрашивал: “наши ли вы?”, но – “готовы ли вы?”» [26. С. 103]. В монологе выстроена программа воспитания, тезисы для *tabula rasa* Ребёнка рельефно обозначены. Единомышленники осознают, что не застанут Будущее, оно слишком далеко от текущих дней. Тем яснее видится им настоящей момент – «последний итурм за преобразование планеты» [26. С. 103] (! всемирность, планетарность – обязательные черты утопизма). В Настоящем совершается величайшая технологическая революция, последствия которой непредсказуемы: «...Новые неизведанные фазы экономики и техники могут вызвать какие-то новые социальные новообразования» [26. С. 103]). Л. Леонов доверяет Курилову мысль о связи ускорения и прогресса: «Должно быть, всегда владела человеком тёмная и жадная надежда выиграть истину через интуицию, кратчайшим путём» [26. С. 40–41].

Ускорение захватывает не только «нашего» Курилова, но и ироничного Протоклитова, который подлинную биографию «не нашего» человека с дворянским происхождением заменил на легенду «нашего» – пролетария-самоучки. Протоклитов с удивлением отмечает своё скорое вживание в советскую реальность и стремительный темп своего движения по жизни: «Его добротные познания тем охотнее принимали за следствие природной одарённости, что это подтверждало распространённую тогда уверенность, будто культуру поколения можно сработать в кратчайшие сроки <...>. Порой он даже пугался убыстрения своего роста: следовало помедлить!» [26. С. 55]. Размышление окрашено пафосом мрачного гротеска: поколение русских дворян выбито, многие, служившие Отечеству, либо устранены физически, либо, «подобно Курилову, с достаточной скоростью катились в старость. О, поддуваемое ветерком одержимости, это поколение горело хорошо!» [26. С. 55].

Грёзы Алексея Курилова о Будущем обретают форму «шутливых воображаемых путешествий за пределы видимых горизонтов» [26. С. 110]: картина преобразования «оплавленных песков» на пути к Океану, где в грандиозной череде гремющих комбайнов, прокладывающих трассу, перемалывающих «старую монгольскую кумирню, кости двугорбого верблюда», нет тихой гармонии, но есть порыв. Путешественники во времени одиноки: «Нам некого расспросить о причинах спешки и об источниках этой фантастической энергии» [26. С. 110]. Кто эти путешественники, становится ясно из

разговора литератора и Курилова: *«Строитель нашего времени образуется из мечтателя, а искусство жить всегда слагалось в основном из умения глядеть вперед; – Неверно, литератор, – поправил меня Курилов. – Строитель осуществляет не мечту, а железную необходимость! Я охотно согласился с ним»* [26. С. 110–111].

Герой нового времени (новый человек) должен обладать «умением глядеть вперед» и способностью опередить время. Ускорение мыслится неразрывно от идеи перехода в Будущее и одновременно провозглашается принципом движения – непосредственно в Будущее из Прошлого, минуя Настоящее. Причем и Прошлое – «*небытие*», и Будущее также «*небытие*». Л. Леонов поручает эти мысли литератору-собеседнику Курилова, спутнику в его «путешествиях на Океан»: *«Мы изымали себя из настоящего; мы уничтожали эту преграду между будущим и прошлым, и тогда оба эти небытия приобретали одинаковую убедительность. Мы выходили в четырёхмерный мир; всё становилось нам доступно, и внятной была удивительная одновременность событий»* [26. С. 111]. Похожая мысль стала, например, для В. Хлебникова основой для его творческой и философской программы [5].

«Куриловский дар ясных и точных построений» порождает не только фантастические картины далёкого Будущего, их толкование, но и позволяет прогнозировать исход истории: *«...Разумно планируя историю, всегда приходится оставлять кое-что на долю случайностей, гениев и дураков»* [26. С. 111]. Показательна при этом связь «ускорения» с темой детства, которая раскрывается на новом уровне совершенного развития человечества. В главе «Утро» на десяти страницах необыкновенно плотного по объёму информации текста Л. Леонов разворачивает картины жизни человечества в технократическом Будущем. Изначально путешественников интересуют не столько технологии, сколько люди будущего: *«Мы вылезали на редких остановках познакомиться с людьми, которых нам не дано увидеть никогда»* [26. С. 111]. В конце пути литератор проговаривает, что желает найти следы «присутствия **живого** человека» [26. С. 119]. Человечество, люди – это дети земли, а утописты разных времён – «лучшие дети земли» [26. С. 111]. Одна деталь в исповедальном признании литератора-путешественника: *«Я малодушно рвался вперёд, к воротам сада, о котором так по-разному мечтали лучшие дети земли»* [26. С. 119]. Ускорение в реализации утопий расценивается им как малодушие, страх перед жизнью, нежелание принять судьбу, отказ переживать настоящий момент с его препятствиями, страданиями, смертями, мировыми войнами, а нужно *«драться до последнего и ложиться безропотно, – так, чтоб этой лестницей мёртвых всё выше, на одоление последних высот, поднимались юные фланги бойцов»* [26. С. 102]. Без самопожертвования мечта о коммунизме не осуществится, такой вывод делает читатель.

Путешественники проходят «узловые пересечения истории», созерцают «социальную революцию в центре Европы» [26. С. 112], где, как в калейдо-

скопе, события сменяют друг друга. В духе логики Священного Писания автор романа представляет капиталистическое процветание как «мирные сны», навеянные дьяволом: «...И мирные сны капиталистического процветания не обманывали уже никого: дьявол любит казаться ласковым» [26. С. 112]. Новый мир Океана становится «ареной мировой деятельности народов», хотя полушария поменялись именами: «стал называться Новым – Старый Свет, а Новый – наоборот» [26. С. 114].

В этих футурологических путешествиях возникают образы детей в мире Будущего – мальчишки, которые «во все времена одинаково нестерпимы»: «Няньки показывали на нас своим детишкам, как на пленённых обезьян»; «Другие ребятки, постарше, летали мимо нас на каких-то жужжащих машинках, вроде наших медогонок»; «Кажется, он (Курилов. – А.С., М.Б.) этих летающих малюток намеревался сделать благовоспитанными, чистенькими бакалаврами» [26. С. 119].

Концепции Будущего у путешественников сталкиваются, и в споре рождается истина: «Но вы же собираетесь соорудить христианский рай из нашего Океана! – кричал я <...> Вы намерены начинить его херувимами и невозмутимыми статуями. Пускай они тоже дерутся, мучатся, расстаются <...> в этом и жизнь» [26. С. 119]. Прорывается Настоящее. Оно расценивается как билет, право доступа в Счастливое Будущее, как реальная жизнь, а не ступенька из прошлого в будущее, которую к тому же стараются перескочить.

В главе «Мы берём туда с собой Лизу» описаны живые впечатления путешественников об Океане. «Зачинателей» переполняет гордость. Мотивы утопии Платона звучат в описании «тучной земли» в восклицании: «Не мог не отпечататься на ней соединённый подвиг моих современников – землекопов, проектировщиков, вождей!..» [26. С. 370] (ср.: у Платона – сословия: ремесленников, воинов и мудрецов). Здесь еще обозначается другой концепт «След в Истории», который выступает мотивом жертвы Настоящим во имя Будущего, смыслом трудового подвига поколения, ускоряющего время (ср. «Время, вперёд!»), оправданием всех лишений и трудностей реальной жизни утопистов.

Ощущение времени путешественников – «беспредельное время будущего» в этом «великолепном переиздании мира, исправленном и дополненном человеческим гением» [26. С. 370]. Невольно возникает ассоциация с тезисом: «мир как текст», «сознание как текст», «мир – чистая дощечка», то есть то, что можно наполнять новым содержанием, совершенствовать, переписывать и переиздавать, потому что всё в руках человека. Путешественники пришли к мнению, что «улучшилась сама человеческая природа» и «в чистом воздухе новейшего времени не носилось бактерий лжи»: «Здесь было достигнуто естественное состояние человека – быть свободным, тешишься произведением рук своих и мысли, не быть эксплуатируемым никем» [26. С. 371].

По замыслу Л. Леонова, герои берут Лизу в путешествие на Океан: «...Чтобы поверила, как прекрасен очищенный о первородной грязи человек» [26. С. 375].

Океан – одновременно и вымышленный мир, и планета, и название астроплана «Океан 1». Жители Будущего всей планетой ждут возвращения *«первого человека, совершившего межпланетное плавание»* [26. С. 371]. Мать героев-астронавтов, не вернувшихся из полёта, убита горем и одновременно горда. Л. Леонов пишет о *«величии горя»* матери: *«...Значит, то и была гордая радость сознания, что громадной родине отдано лучшее из того, чем владела»* [26. С. 374]. Жертва Будущему – ребенок.

Заключение

Анализ романов стилистически и тематически разноплановых авторов (В. Катаева, М. Пришвина, Л. Леонова) выявляет общую тенденцию в конструировании образа Ребенка в соответствии с типом «Ребенка-Tabula rasa» или совмещения двух типов «Ребенка-Tabula rasa» и «заброшенного, забытого взрослыми ребёнком» (у Л. Леонова).

Моделирование образа Ребёнка Будущего в литературе 1930-х гг. превращает детей в фактор опережения, ускорения времени для рывка из Настоящего в Будущее. Опыт жизни нескольких поколений людей проходит переоценку, просеивается сквозь сито идеологии: оставить то, что пригодится в будущем, остальное отвергнуть, чтобы ускорить движение к свободному человечеству. Старшие поколения *«расходуют»* жизненную энергию ради будущих поколений – людей совершенной генерации, достигших бессмертия.

Дети – это лаборатория, где создается новое качество человека – Человек Будущего.

Стремление к ускорению Настоящего у Л. Леонова расценивается как «малодушие» утопистов-строителей Будущего, однако это не снимает, а усиливает идеологическое обоснование целесообразной и узаконенной жертвы, которую люди Настоящего должны принести во имя Будущего. В качестве жертвы может выступить сам Ребенок.

Утопизм проявляется в попытках представителей поколений сформулировать миссию, возложенную на людей конкретной исторической эпохи. Ребенок – не только «пользователь» Светлого Будущего, но и тот, кто завершит дело родителей. И к этому он должен быть готов.

Ребенок/дети и Время в утопии 1930-х гг. – это объекты трансформации для достижения утопического идеала, их трансформируют, совершенствуют, ими управляют.

Список источников

1. Демоз Л. Психоистория / пер. с англ. А. Шкуратова. Ростов н/Д : Феникс, 200. 512 с.
2. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке [Пер. с фр. яз. Я.Ю. Старцев]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 415 с.
3. Суворкина Е.Н. Видение Платоном проблемы рождения и воспитания детей // Философская мысль. 2016. № 11. С. 124–129. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20858
4. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2001. 900 с.

5. Андреева С.Л., Бедрикова М.Л. Концепты «Время» и «Ускорение» как константы утопического типа сознания в сверхповести В. Хлебникова «Зангези» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 191–217.
6. Обращей О.Н. Детство как объект социологического изучения // Социологический альманах. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detstvo-kak-obekt-sotsiologicheskogo-izucheniya> (дата обращения: 20.05.2024).
7. Мясников Л.Н. Этюд о семье и женщине в литературной утопии // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2023. № 2 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etyud-o-semie-i-zhenschine-v-literaturnoy-utopii> (дата обращения: 26.05.2024).
8. Балина М. Детская историческая проза: к вопросу о жанровой специфике // Детские чтения. 2018. № 1 (013). С. 114–140.
9. Рудова Л. «Новые сюжеты» для нового немецкого ребенка, или «Поэзия науки» М. Ильина в детской литературе ГДР // Детские чтения. 2018. № 1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-syuzhety-dlya-novogo-nemetskogo-rebenka-ili-poeziya-nauki-m-ilina-v-detskoj-literature-gdr> (дата обращения: 22.05.2024).
10. Нефёдова Л.К. Архетипические основания репрезентации образов детства // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах : материалы Междуна. науч. конф., г. Волгоград, 12–15 апреля 2006 г. Волгоград : ВолГУ, 2006. С. 187–192.
11. Арзамасцева И.Н. «Век ребёнка» в русской литературе 1900–1930 годов. М. : Прометей, 2003. С. 406.
12. Добренко Е. Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон. СПб. : Академический проект, 2000. С. 31–41.
13. Гудкова В.В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 456 с.
14. Мурадян О. Этика детства в «идеальном» мире: современная антиутопия в кинематографе // Утопические проекты в истории культуры : материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Город Солнца»: в поисках идеального локуса» / отв. ред. Т.С. Паниотова и др. Ростов н/Д : Изд-во Южного федерального университета, 2019. С. 89–90.
15. Шкловский В. Старое и новое. Книга статей о детской литературе. М. : Детская литература, 1966. 160 с.
16. Ильин М. Рассказ о великом плане : [Пятилетний план. Издание для детей]. М.; Л. : Гос. изд-во, 1930. 170 с.
17. Катаев В.П. Дорога цветов // Собр. соч. : в 10 т. Т. 9: Пьесы. М. : Художественная литература, 1986. С. 9247–9318.
18. Катаев В.П. Время, вперёд! // Собр. соч. : в 10 т. Т. 2: Растратчики: Повесть; Остров Эрендорф: Юмористический роман; Время, вперёд! Роман-хроника; Электрическая машина: Повесть. М. : Художественная литература, 1983. С. 243–536.
19. Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» 1909–1930. Из дневников / публ. В. Круглеевской и Л. Рязановой; вступ. и коммент. Я. Гришиной // Наше наследие. 1990. № 1 (13). С. 64–85.
20. Агеносов В.В. Советский философский роман. М. : Прометей, 1989. 466 с.
21. Пришвин М.М. Осударева дорога // Собрание сочинений : в 6 т. Т. 6 / под ред. Н.И. Замошкина, В.Д. Пришвиной, А.И. Пузикова; примеч. В.Д. Пришвиной. М. : Государственное Издательство художественной литературы, 1957. С. 83–320.
22. Андреева С.Л., Бедрикова М.Л. Жанровые признаки антиутопии в повести Ю. Давыдова «Африканский вариант» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 49. С. 113–135.
23. Ковалёв В.А. Леонид Леонов: Семинарий : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз и лит.». М. : Просвещение, 1982. 192 с.

24. Леонов Л.М. Барсуки: Роман. М. : Современник, 1987. 318 с.
25. Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учёба. 1990. Кн. 2: Март–апрель. С. 100–118.
26. Леонов Л.М. Дорога на Океан: Роман // Собр. соч. : в 10 т. Т. 6. М. : Художественная литература, 1983. С. 5–510.
27. Гюго В. Отверженные: Роман // Собр. соч. : в 6 т. Т. 2: Отверженные. М. : Правда, 1988. 523 с.

References

1. DeMause, L. (2000) *Psikhoistoriya* [Psychohistory]. Translated by A. Shkuratov. Rostov-on-Don: Feniks.
2. Aries, F. (1999) *Rebenok i semeynaya zhizn pri starom poryadke* [Centuries of Childhood]. Translated by Ya.Yu. Startsev. Yekaterinburg: Ural State University.
3. Suvorkina, E.N. (2016) Videnie Platonom problemy rozhdeniya i vospitaniya detey [Plato's Vision of the Problem of Childbirth and Child Rearing]. *Filosofskaya mysl'*. 11. pp. 124–129. [Online] Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20858
4. Stepanov, Yu.S. (2001) *Konstanty: Slovar russkoy kultury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskiiy projekt.
5. Andreeva, S.L. & Bedrikova, M.L. (2023) The Concepts "Time" and "Acceleration" as Constants of a Utopian Type of Consciousness in Velimir Khlebnikov's Supersaga Zangezi. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 191–217. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/9
6. Obrazhey, O.N. (2012) Detsvo kak obekt sotsiologicheskogo izucheniya [Childhood as an Object of Sociological Study]. *Sotsiologicheskiiy almanakh*. 3. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/detsvo-kak-obekt-sotsiologicheskogo-izucheniya>
7. Myasnikov, L.N. (2023) Etyud o seme i zhenshchine v literaturnoy utopii [Essay on Family and Women in Literary Utopia]. *Izvestiya Velikolukskoy gosudarstvennoy selskokhozyaystvennoy akademii*. 2 (43). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/etyud-o-semie-i-zhenshchine-v-literaturnoy-utopii>
8. Balina, M. (2018) Detskaya istoricheskaya proza: k voprosu o zhanrovoy spetsifike [Children's Historical Prose: On the Question of Genre Specificity]. *Detskie chteniya*. 1 (13). pp. 114–140.
9. Rudova, L. (2018) "Novye syuzhety" dlya novogo nemetskogo rebenka, ili "poeziya nauki" M. Ilina v detskoj literature GDR ["New Plots" for the New German Child, or the "Poetry of Science" by M. Ilyin in GDR Children's Literature]. *Detskie chteniya*. 1 (13). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-syuzhety-dlya-novogo-nemetskogo-rebenka-ili-poeziya-nauki-m-ilina-v-detskoj-literature-gdr>
10. Nefedova, L.K. (2006) Arkhetipicheskie osnovaniya reprezentatsii obrazov detstva [Archetypal Foundations of Childhood Representation]. In: *Klassicheskie i neklassicheskie modeli mira v otechestvennoy i zarubezhnoy literaturakh* [Classical and Non-Classical World Models in Russian and Foreign Literature]. Volgograd: VolSU. pp. 187–192.
11. Arzamastseva, I.N. (2003) *"Vek rebyonka" v russkoy literature 1900–1930 godov* ["The Century of the Child" in Russian Literature of the 1900–1930s]. Moscow: Prometey.
12. Dobrenko, E. (2000) Sotsrealizm i mir detstva [Socialist Realism and the World of Childhood]. In: *Sotsrealisticheskiiy kanon* [Socialist Realist Canon]. St. Petersburg: Akademicheskiiy projekt. pp. 31–41.
13. Gudkova, V.V. (2008) *Rozhdenie sovetskikh syuzhetov: tipologiya otechestvennoy dramy 1920-kh – nachala 1930-kh godov* [The Birth of Soviet Plots: Typology of Russian Drama of the 1920s – Early 1930s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Muradyan, O. (2019) Etika detstva v "idealom" mire: sovremennaya antiutopiya v kinematographe [The Ethics of Childhood in an "Ideal" World: Contemporary Dystopia in Cinema]. In: *Utopisticheskie proekty v istorii kultury* [Utopian Projects in Cultural History]. Rostov-on-Don: Southern Federal University. pp. 89–90.

15. Shklovskiy, V. (1966) *Staroe i novoe. Kniga statey o detskoj literature* [Old and New: A Book of Articles on Children's Literature]. Moscow: Detskaya literatura.
16. Ilyin, M. (1930) *Rasskaz o velikom plane* [Story of the Great Plan]. Moscow-Leningrad: Gosizdat.
17. Kataev, V.P. (1986) *Doroga tsvetov* [The Road of Flowers]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 9. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 247–318.
18. Kataev, V.P. (1983) *Vremya, vperyod!* [Time, Forward!]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 243–536.
19. Prishvin, M. (1990) *Lesa k "Osudarevoy doroge" 1909–1930. Iz dnevnikov* [Forests to the "Tsar's Road", 1909–1930. From the Diaries]. *Nashe nasledie*. 1 (13). pp. 64–85.
20. Agenosov, V.V. (1989) *Sovetskij filosofskiy roman* [The Soviet Philosophical Novel]. Moscow: Prometey.
21. Prishvin, M.M. (1957) *Osudareva doroga* [The Tsar's Road]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. pp. 83–320.
22. Andreeva, S.L. & Bedrikova, M.L. (2018) Genre Features of Dystopia in Yuri Davydov's "Afrikanskiy Variant". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 49. pp. 113–135. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/49/8
23. Kovalev, V.A. (1982) *Leonid Leonov: Seminar* [Leonid Leonov: A Seminar]. Moscow: Prosveshchenie.
24. Leonov, L.M. (1987) *Barsuki* [The Badgers]. Moscow: Sovremennik.
25. Trubetskoy, E. (1990) "Inoe tsarstvo" i ego iskateli v russkoy narodnoy skazke ["Another Kingdom" and Its Seekers in Russian Folk Tales]. *Literaturnaya uchyoba* [Literary Studies]. 2. pp. 100–118.
26. Leonov, L.M. (1983) *Doroga na Okean* [Road to the Ocean]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–510.
27. Hugo, V. (1988) *Otverzhennye* [Les Misérables]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Pravda.

Информация об авторах:

Андреева С.Л. – канд. филол. наук, доцент кафедры педагогического образования и документоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: 216zamsv@mail.ru

Бедрикова М.Л. – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: mlbedrikova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.L. Andreeva, Cand., Sci. (Philology), associate professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: 216zamsv@mail.ru

M.L. Bedrikova, Cand., Sci. (Philology), associate professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: mlbedrikova@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.06.2024;
одобрена после рецензирования 07.08.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 29.06.2024;
approved after reviewing 07.08.2024; accepted for publication 19.05.2025.*

Научная статья

УДК 821.19

doi: 10.17223/19986645/95/10

Поджанр айренов-проклятий как выражение веры в магическую силу слова

Вано Альбертович Егиазарян¹, Тадевос Вруйрович Тадевосян²

¹ *Институт литературы НАН РА, Ванадзорский государственный университет
имени О. Туманяна, Ванадзор, Армения*

² *Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна, Ванадзор, Армения*

¹ vano.exiazaryan@mail.ru

² tadevosyantad8@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования являются айрены-проклятия, встречающиеся в цикле айренов (гномов), приписываемых Наапету Кучаку, которые построены исключительно на формулах проклятия. Цель статьи – обосновать народно-гусанское происхождение айренов-проклятий, которые построены на формулах проклятия и содержат древние верования в магическую силу слова. Актуальность статьи заключается в уточнении авторства и происхождения айренов, ошибочно приписываемых Наапету Кучаку. В статье применен герменевтический метод. Научная новизна статьи заключается в жанровом определении рассматриваемых айренов-проклятий и обосновании народно-гусанского происхождения айренов-проклятий на основе экстралитературных признаков.

Ключевые слова: формулы проклятия, экстралитературные признаки, поджанр айренов-проклятий, цикл айренов, средневековые рукописи

Для цитирования: Егиазарян В.А., Тадевосян Т.В. Поджанр айренов-проклятий как выражение веры в магическую силу слова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 187–196. doi: 10.17223/19986645/95/10

Original article

doi: 10.17223/19986645/95/10

Subgenre of the curse-hayren as a magical belief expression in speech

Vano A. Yeghiazaryan¹, Tadevos V. Tadevosyan²

¹ *NAS RA Institute of Literature, Vanadzor State University named
after H. Toumanyanyan, Vanadzor, Armenia*

² *Vanadzor State University named after H. Toumanyanyan, Vanadzor, Armenia*

¹ vano.exiazaryan@mail.ru.

² tadevosyantad8@gmail.com

Abstract. The subject matter of the article is curse-hayrens found in the song world of hayrens (natives) called Kuchakian, which are built with curse formulas. The aim of this article is to substantiate their gusan-folk origin through the hayrens built with the formulas of the magical ancient belief of speech. The relevance of the article is the correction of the origin of the hayrens mistakenly attributed to Kuchak in Armenology. We used the professional method of hermeneutics in the research. The scientific novelty of the article is the genre definition of the curse-hayrens in question based on their features as well as the justification of the gusan-folk origin of the curse hayrens. The curse-

hayrens are built with curse formulas, which prove that they do not have an individual authorial origin, but are an expression of folk thinking and beliefs, which were used orally in the period of the Armenian Middle Ages as gusan-folk songs having versions and modifiers. In the discussed curses, some desires for bodily, religious-moral, social-civil and mental punishment were manifested, which appeared both directly as an expression of the magical belief in speech and in artistic representation as allegoric curse formulas. As a copying feature, taking into account the content of the discussed hayrens, which are exclusively expression-curse formulas of the belief in the magical power of speech, we determined their genre type – the curse-hayren subtype, while stating that curses are also found in other subtypes of hayrens, but they are curse-hayrens because they lack the structure of formulas as a whole, which is a requirement of the genre's stability and repeatability. Later in the 14th–18th centuries these curse-hayrens, involved in hayren verses, were registered in medieval manuscripts, none of which mentioned the name of Nahapet Kuchak as the author, but they were misattributed to him. It is quite obvious that the discussed curse-hayrens, which have versions and expressions of magical belief (curse formulae) in speech, are definitely medieval gusan-folk songs.

Keywords: curse formulas, copying feature, curse-hayren subgenre, hayren-verses, medieval manuscript

For citation: Yeghiazaryan, V.A. & Tadevosyan, T.V. (2025) Subgenre of the curse-hayren as a magical belief expression in speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 187–196. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/10

Автором одного заблуждения в арменоведении является Архимандрит Аристакес Тевканц, который армянские народно-гусанские айрены ошибочно приписал Наапету Кучаку [1]. Сторонниками этой точки зрения были также: Аршак Чобанян [2], Аветик Гукасян [3. С. 3–35], Мкртич Мкрян [4. С. 464–476] и другие.

Однако М. Абемян [5], А. Мнацаканян [6. С. 234–257; 7. С. 96–126; 8. С. 8–40], О. Еганян [9], П. Севак [10. С. 110], С. Арутюнян [11. С. 172–173; 12. С. 153–168], Ш. Григорян [13; 14; 15. С. 231–246; 16. С. 76–102], Х. Амирян [17], П. Хачатрян [18], В. Егиазарян [19, 20], признавая Наапета Кучака ашугом, не считают его автором айренов. Были опубликованы даже подлинные ашугские песни Наапета Кучака [21]. Тем не менее айрены продолжают переводиться на разные языки мира и распространяться как сочинения Наапета Кучака, в частности, для русскоязычной аудитории они известны как «песни Наапета Кучака» [22–25].

Теперь рассмотрим несколько айренов-проклятий, для которых характерен устойчивый и повторяемый признак формирования жанра, полностью структурированный формулами проклятий.

Да будут прокляты отец твой и мать твоя и священник, венчавший тебя,
Он срезал цветок кувшинки и привил его к шипу,
Кто разлучил тебя со мной, пусть покроется паршой, и моль изгрызет его кости,
Душу сожжет вечный огонь, о чем Господь предупредил бесов¹ [8. С. 78].

¹ Подстрочный перевод здесь и далее выполнен авторами статьи.

Этот айрен-проклятие сохранился в рукописи № 10208 (составлена после 1672 г.) из Матенадарана имени Маштоца, а также в рукописи № 9597, которая представляет собой «Сборник стихотворений», написанный после 1706 г.

Есть айрены, в которых проклинаются родители любимой девушки, прежде всего мать, с пожеланием телесного наказания: приведенный айрен принадлежит как раз к их числу. Примечательно, что этот айрен-проклятие обращен одновременно к трем лицам, которые прокляты по одной причине, так как разлучили влюбленную пару, а отец и мать девушки выдали ее замуж за другого. Священник, обвенчавший их, также проклят вместе с родителями. Люди, ставшие причиной разлуки, заслуживают не только телесного наказания («Пусть покроется паршой, и моль изгрызет его кости»), но и морального возмездия («Душу сожжет вечный огонь»).

Мотив проклятия очевиден («Кто разлучил тебя со мной»), поэтому все разлучники (в том числе и венчавший священник) соответственно своему проступку удостоиваются зловещего пожелания. С позиции проклинающего это вполне естественно, так как они причинили ему душевную боль.

«Проклятия, являясь словесным выражением аффективных психических раздражителей, являются результатом определенных объективных побуждений. Это всегда реакция проклинающего на конкретное дело, слово или поведение проклинаемого. Человек в нормальном душевном состоянии никогда не проклинает без конкретной причины», – пишет исследователь жанра С. Арутюнян [26].

В данном случае причиной проклятия было венчание любимой девушки с другим мужчиной, а автором проклятия является влюбленный юноша, лишенный своей избранницы, которую сравнивает с цветком кувшинки, привитой священником к шипу после венчания.

Хотя айрен дошел до нас в единственном варианте, он, несомненно, имеет народно-гусанское происхождение как выражение фольклорной веры в силу слова. Как отмечают современные исследователи «изначально проклятия несли магическую функцию – покарать словом, затем формулы проклятий стали употребляться, кроме магической, и в функции “эмоциональной разрядки”. Однако в народном восприятии эти виды речевых актов могут иметь одинаковые последствия» [27. С. 67].

Следует отметить, что в рассмотренном айрене наличествует некий поступок-мотив, за который проклинаются родители девушки и священник, но есть айрены-проклятия, в которых причиной проклятия является не действие, а невыполненное обещание:

Двое – одна смуглянка и один худощавый –
Живут в одном разрушенном доме.
Смуглянка сказала худощавому:
– Из груди моей я сделаю для тебя снадобье.
Сказала, но не сделала снадобье.
– Пусть сгинет на дне морском,
Рыбы съедят ее мясо
И будут тянуть от притока к притоку [8. С. 233, 245].

Этот айрен-проклятие дошел до нас в двух редакциях: первый вариант сохранился в рукописи № 671 (XVII в.), а второй – в рукописи № 343, переписанной в 1671 г. Оба варианта хранятся в Книгохранилище Конгрегации венских Мхитаристов.

Юноша, истрадавший от любви, прокладывает девушку, которая обещает сердечное удовольствие, но нарушает обязательство и не позволяет молодому человеку насладиться ее грудью, за что он ее жестоко прокладывает: исчезнуть в морской пучине, чтобы после смерти труп стал пищей для рыб.

Первое проклятие выражает пожелание телесного наказания, заслуженной смерти, а второе призывает к морально-физическому наказанию с жутким желанием, чтобы тело утонувшей девушки осталось без погребения. Это уникальное проклятие, продукт своеобразного художественного мышления. Существование различных вариантов этого айрена также косвенно свидетельствует о том, что мы имеем дело с народно-гусанским произведением, имеющим устное бытование.

Рассмотрим другие подобные айрены-проклятия, имеющие разные варианты и редакции, которые сохранились в многочисленных стихотворных циклах. Первый из приводимых далее айренов дошел до нас в рукописи № 671 из Книгохранилища Конгрегации венских Мхитаристов, второй приводим из книги Аристакеса Тевканца «Айрены, мелодии, стихотворения и песни», первичный источник которого нам неизвестен, а третий – в рукописи № 30 из Палатской церкви Св. Архангелов.

Кто не умилостит любящего человека,
Пусть умрет.
Пусть причиной смерти станет ее мать,
Пусть причастие не попадет в ее уста,
Пусть только лиса над нею плачет,
Пусть волки и вороны будут ее иереями,
Пусть в жертву ей принесут собаку,
Чей хвост станет для нее горящей свечой [8. С. 227, 323, 365].

Первое четверостишие этого айрена-проклятия во всех вариантах повторяется практически без изменения, а в последнем четверостишии меняются названия животных, хотя формула проклятия остается прежней.

В данном случае оплакивать умершую будет лиса, волк и вороны станут иереями, а собака – жертвенным животным, чей хвост будет гореть вместо свечи возле тела той, кому не жалко своего любимого. В айрене-проклятии проявляется желание физического и религиозно-морального наказания, которые имеют исключительно одну цель: чувство любви юноши должно быть осознано и оценено девушкой, иначе ее ждет жестокое наказание в виде проклятия.

Отметим, что в данном случае мы имеем дело с одним айреном-проклятием в трех вариантах, которые, хотя и сохранились в разных стихотворных циклах, но имеют одинаковые фольклорные формулы, устойчивые и повторяемые жанрообразующие признаки айренов-проклятий. Проклятия в ос-

новном направлены на любимую девушку, а в роли проклинающего выступает юноша, который боится, что возлюбленная его забудет. В этих случаях проклятие имеет условный характер: если девушка забудет его, то юноша проклянет ее. Естественно, если условие будет выполнено, проклятие не сработает, но в случае невыполнения юноша гневно злословит, ожидая исполнения проклятия.

Твои волосы – ивовые молоточки,
Да засохнешь ты, если меня позабудешь!
Станешь гнилой и изъеденной червями,
Если откорешь свою грудь для других.
Ночь идет к тебе
Во сне пусть увидишь страшилище.
Каждое утро вместе с зарей
Покидай его и возвращайся ко мне [8. С. 153].

Этот айрен-проклятие дошел до нас в рукописи № 1371 (1641 г.) и в рукописи № 1330 (время написания неизвестно) из Книгохранилища Конгрегации венецианских Мхитаристов.

Две формулы проклятия в этом айрене выражают желание телесного наказания, а третья – морально-физической расплаты. «Последнее проклятие уникально в своем роде и не встречается в других текстах. Речь идет о пожелании девушке увидеть во сне уродца, чтобы на рассвете она оставила его во сне и вернулась к любовнику. Опасение, что девушка забудет его, тревожит юношу и становится мотивом проклятия» [19. С. 40].

Уникальным является айрен, который дошел до нас в «Килисском сборнике стихотворений» под названием «Айрен о другом, написанный без строф».

Моя возлюбленная, мой зеленый огурчик,
Да засохнешь ты, если меня забудешь.
Высохнешь и будешь изъедена червями,
Если откроешь грудь перед кем-нибудь.
Умерешь и уйдешь на тот свет,
Что там будешь делать со своей белоснежной грудью?
Там черви съедят твою грудь,
Почему сейчас лишаешь меня этого удовольствия? [8. С. 261].

В этом айрене-проклятии используется определенный художественный прием, чтобы усилить впечатление от проклятия. Юноша называет возлюбленную «зеленым огурчиком»: если она забудет его, то этот свежий, крепкий и бодрый огурчик высохнет и станет добычей червей. Первая формула проклятия в этом айрене выражена аллегорически с пожеланием телесного наказания, а другое проклятие выражено без иносказания, но с тем же пожеланием телесного наказания: чтобы черви изглодали лилейную девичью грудь.

Еще один интересный айрен-проклятие сохранился в рукописи № 1371 из Книгохранилища Конгрегации венецианских Мхитаристов под названием «Армянский айрен о веселье» (1641 г.).

Кто не умиловит любящего молодца,
Пусть умрет.
Пусть причиной смерти станет ее мать,
Пусть причастие не попадет в ее уста,
Пусть змеи изготовят гроб,
Пусть жабы будут дяконами,
Пусть ворон будет священником,
А черная чайка – иереем [8. С. 178].

В этом айрене-проклятии выражено желание увидеть девушку приговоренной к смерти телесными наказаниями, так как она не сжалилась над влюбленным храбрецом. Даже после смерти он желает, чтобы она была похоронена не по христианскому обряду: змеи должны изготовить для нее гроб, лягушки станут дяконами, вороны – священниками, а черные чайки – иереями, которые совершат погребальный ритуал проклятой девушки. Это стремление к религиозному и нравственному наказанию, выраженное художественной образностью и исключительным поэтическим воображением.

Рассмотрим еще один айрен-проклятие, который дошел до нас в рукописи № 7712 из Матенадарана имени Маштоца под названием «Любовное стихотворение» (XVIII в.), еще раньше – в рукописи О. Кюртыана (1678 г.) и в «Сборнике стихотворений Давид-Бека».

Я вскочил вместе со своей душенькой –
Она хотела удержать меня и запретить уезжать,
Чтобы я поклялся не покидать ее.
– Нет, я уеду, не останусь.
– Уезжай в далекий мир,
В чужие страны,
Пусть сердечко твое плачет и просится ко мне,
Пусть слезы все время будут стекать из глаз [8. С. 275].

Здесь выражается желание социально-гражданского наказания: чтобы возлюбленный стал скитальцем на чужбине. Формулой проклятия в этом айрене является желание причинить душевные муки изгнаннику, чтобы его сердце постоянно томилось в тоске и глаза не высохали от слез. Этот вид проклятий представляет собой отдельную группу, которая выражается желанием социально-гражданского наказания.

До нас дошли айрены-проклятия, в которых мать проклинает сына: айрен с таким мотивом сохранился в «Килисском сборнике стихотворений» под названием «Айрен о любви, сказанный ашугами».

Моя мать, когда меня родила,
Прокляла меня, чтобы я стал скитальцем на чужбине:
– Уезжай в чужую страну,
Не будет у тебя ни отца, ни матери, ни брата.
Везде, где увидишь брата и сестру,
Отвернешься от них и начнешь плакать.
Пусть черным будет твое изголовье,
Будешь спать на земле,
Под головой – только шапка,
И будешь уповать только на Бога [8. С. 255].

Другим вариантом того же айрена-проклятия является версия, опубликованная Аристакесом Тевканцем в сборнике «Айрены, мелодии, стихотворения и песни». Здесь присутствуют некоторые лексические разночтения, но формула проклятия сохраняется прежней: мать проклинает сына и желает, чтобы он подвергся социально-гражданскому и душевному наказанию и стал отверженным бродягой.

Мать прокляла сына:
– Сын мой, ты станешь скитальцем.
Уезжай в чужую страну,
Чтобы познать долю бездомных.
Камень станет твоим изголовьем,
Будешь спать на песке
И просыпаться рано утром.
И будешь уповать только на Бога [8. С. 342].

Существование этих версий свидетельствует о том, что они звучали в народной среде в разных вариантах, но с одинаковым негативным устремлением. Примечательно, что недоброжелательность проклинающей матери выражается не стремлением к телесному наказанию, а выражает желание душевного наказания: чтобы сын все время тосковал по отцу и матери, брату и сестре.

В заключение отметим, что проклятия в айренах встречаются довольно часто, причем не только в айренах-проклятиях, но и в любовных айренах, в которых не вся структура текста основана на формулах проклятия. Под айренами-проклятиями мы подразумеваем те айрены, которые полностью построены на формулах проклятия, что и является жанрообразующей особенностью этих стихотворений, отличающей их от других жанровых подвидов монострофических произведений.

Выводы

1. Рассмотренные айрены-проклятия построены на формулах проклятия: данный факт свидетельствует о том, что они не имеют индивидуально-авторского происхождения, а являются выражением народного мышления и верований, которые имели устное распространение среди средневекового армянского населения, как гусанские народные песни, имеющие варианты и различные редакции.

2. В айренах-проклятиях проявлялись пожелания физического, религиозно-нравственного, общественно-гражданского, душевного наказания, которые выступали или непосредственно, как выражение веры в магическую силу слова, или косвенно в аллегорических художественных образах, основанных на формулах проклятия.

3. В качестве экстралитературного признака, принимая во внимание содержание рассмотренных айренов, которые представляют собой формулы проклятия, основанные на исключительной вере в магическую силу слова,

мы определяем их жанровый тип как подтип айренов-проклятий, отмечая при этом, что проклятия встречаются и в других подтипах айренов, но айренами-проклятиями они не являются, так как в целом не имеют структуры формул проклятия, которые и определяют требования к устойчивости и повторяемости жанра.

4. Позже, в XIV–XVIII вв., эти айрены-проклятия были объединены в стихотворные циклы и включены в средневековые армянские рукописи, но ни в одной из них не упоминалось имя Наапета Кучака как автора произведений, однако, по недоразумению стали приписываться ему. Очевидно, что рассмотренные айрены-проклятия вместе со своими вариантами выражают веру в магическую силу слова в виде формул проклятий и определенно являются армянскими песнями средневекового народно-гусанского происхождения.

Список источников

1. Тевканц А. Айрены, мелодии, стихотворения и песни. Тифлис, 1882. (на арм. яз.).
2. Чобанян А. Сборник Наапета Кучака. Париж, 1902. (на арм. яз.).
3. Наапет Кучак. Айрены. Ереван : Айпетрат, 1957. С. 3–35. (на арм. яз.).
4. Мкрян М. Наапет Кучак // Видные деятели армянской культуры V–XVIII веков. Ереван : Издательство Ереванского университета, 1976. С. 464–476. (на арм. яз.).
5. Абеян М. Труды. Т. II. Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1967. (на арм. яз.).
6. Мнацаканян А. Об айренах и Наапете Кучаке // Историко-филологический журнал. 1958. № 2. С. 234–257. (на арм. яз.).
7. Мнацаканян А. Первый сборник средневековых любовных айренов и проблема айренов // Страницы истории и филологии армянского народа. Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1971. С. 96–126. (на арм. яз.).
8. Айрены / сост. А. Мнацаканян. Ереван : Наири, 1995. С. 8–40. (на арм. яз.).
9. Еганян О. Армянографические тюркские стихотворения Наапета Кучака // Вестник Матенадарана. 1960. № 5. (на арм. яз.).
10. Севак П. Саят-Нова. Ереван : Советский писатель, 1987. С. 110. (на арм. яз.).
11. Арутюнян С. Наапет Кучак // Армянская Советская Энциклопедия. Т. 8. Ереван : Издательство Совета Министров Арм. ССР, 1982. С. 172–173. (на арм. яз.).
12. Арутюнян С. Проблема айренов и новое научное собрание Асатура Мнацаканяна // Историко-филологический журнал. 1996. № 1-2. С. 153–168. (на арм. яз.).
13. Григорян Ш. Древнеармянские гусанские песни. Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1971. (на арм. яз.).
14. Григорян Ш. Кто же, в конце концов, Наапет Кучак? // Вестник общественных наук. 1984. № 7. (на арм. яз.).
15. Григорян Ш. Кто же на самом деле Наапет Кучак? // Базмавеп. Венеция, 2000. № 1–4. С. 231–246. (на арм. яз.).
16. Григорян Ш. История армянской ашугской литературы. Ереван : Зангак-97, 2003. С. 76–102. (на арм. яз.).
17. Амирян Х. Тюркоязычные армянские ашуги: Османская империя: XVI–XX века. Париж, 1993. (на арм. яз.).
18. Сокровищница древнеармянской поэзии / сост. П. Хачатрян. Ереван : Айгитак, 2000. (на арм. яз.).
19. Егиазарян В. Айрены. Ванадзор : Типография СИМ, 2007. (на арм. яз.).
20. Егиазарян В. Кучаковское недоразумение или незнание? // Литературная газета. 2008. 25 января. (на арм. яз.).

21. *Наапет Кучак*. Ашугские песни / сост. В. Егизарян. Ереван, 2017. (на арм. яз.).
22. *Айрены*, мелодии, стихотворения и песни. Тифлис, 1882.
23. *Песни любви* / пер. А. Амбарцумяна, СПб., 1904.
24. *Наапет Кучак*. Стихотворения / пер. Ал. Степана, предисл. М. Мкряна. Ереван, 1941.
25. *Сто и один айрен* / предисл., составл., подстроч. пер. Л. Мкртчяна. Ереван, 1976.
26. Арутюнян С. Жанр проклятий и благопожеланий в армянском фольклоре. Ереван, 1975. С. 125–126. (на арм. яз.).
27. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: общая характеристика предиката проклятия // *Jezikoslovni zapiski*. 2017. № 23. С. 67–81.

References

1. Tevkants, A. (1882) *Hayrens, melodies, poems and songs*. Tiflis. (In Armenian).
2. Chobanyan, A. (1902) *Collection of Nahapet Kuchak*. Paris. (In Armenian).
3. Nahapet Kuchak. (1957) *Hayrens*. Yerevan: Aypetrat. pp. 3–35. (In Armenian).
4. Mkryan, M. (1976) Nahapet Kuchak. In: *Prominent figures of Armenian culture from the 5th to the 18th centuries*. Yerevan: Yerevan State University. pp. 464–476. (In Armenian).
5. Abegyan, M. (1967) *Works*. Volume II. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR. (In Armenian).
6. Mnatsakanyan, A. (1958) About ayrens and Nahapet Kuchak. *Istoriko-filologicheskii zhurnal*. 2. pp. 234–257. (In Armenian).
7. Mnatsakanyan, A. (1971) The first collection of medieval love ayrens and the problem of ayrens. In: *Pages of the history and philology of the Armenian people*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR. pp. 96–126. (In Armenian).
8. Mnatsakanyan, A. (1995) *Hayrens*. Yerevan: "Nairi". pp. 8–40. (In Armenian).
9. Eganyan, O. (1960) Armenographic Turkic poems of Nahapet Kuchak. *Vestnik Matenadarana*. 5. (In Armenian).
10. Sevak, P. (1987) *Sayat-Nova*. Yerevan: Sovetskiy pisatel". p. 110. (In Armenian).
11. Arutyunyan, S. (1982) Nahapet Kuchak. In: *Armenian Soviet Encyclopedia*. Volume 8. Yerevan: Izdatelstvo Soveta Ministrov Arm. SSR. pp. 172–173. (In Armenian).
12. Arutyunyan, S. (1996) The problem of ayrens and the new scientific collection of Asatur Mnatsakanyan. *Istoriko-filologicheskii zhurnal*. 1–2. pp. 153–168. (In Armenian).
13. Grigoryan, Sh. (1971) *Ancient Armenian gusan songs*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR. (In Armenian).
14. Grigoryan, Sh. (1984) Who, after all, is Nahapet Kuchak? *Vestnik obshchestvennykh nauk*. (7). (In Armenian).
15. Grigoryan, Sh. (2000) Who really is Nahapet Kuchak? *Bazmavep*. Venice. 1–4. pp. 231–246. (In Armenian).
16. Grigoryan, Sh. (2003) *History of Armenian ashugh literature*. Yerevan: Zangak-97. pp. 76–102. (In Armenian).
17. Amiryan, Kh. (1993) *Turkic-speaking Armenian ashughs: Ottoman Empire: 16th–20th centuries*. Paris. (In Armenian).
18. Khachatryan, P. (2000) *Treasury of ancient Armenian poetry*. Yerevan: "Aygital". (In Armenian).
19. Egizaryan, V. (2007) *Hayrens*. Vanadzor: Tipografiya SIM. (In Armenian).
20. Egizaryan, V. (2008) Kuchak misunderstanding or ignorance? *Literaturnaya gazeta*. 25 January. (In Armenian).
21. Kuchak, N. (2017) *Ashugh songs*. Yerevan. (In Armenian).
22. Anon. (1882) *Hayreny, melodii, stikhotvoreniya i pesni* [Hayrens, melodies, poems and songs]. Tiflis.

23. Anon. (1904) *Pesni lyubvi* [Songs of love]. Translated by A. Ambartsumyan. St. Petersburg.
24. Kuchak, N. (1941) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Translated by Al. Stepan. Yerevan.
25. Mkrtchyan, L. (1976) *One hundred and one ayrens*. Yerevan.
26. Arutyunyan, S. (1975) *The genre of curses and blessings in Armenian folklore*. Yerevan. pp. 125–126. (In Armenian).
27. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2017) К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: обобщающая характеристика предиката проклятия [Towards the reconstruction of the lexical composition of Russian folk curses: general characteristics of the predicate of the curse]. *Jezikoslovni zapiski*. 23. pp. 67–81.

Информация об авторах:

Егiazарян В.А. – д-р филол. наук, профессор, Институт литературы НАН РА, Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения). E-mail: vano.exiazaryan@mail.ru

Тадевосян Т.В. – канд. филол. наук, доцент, Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения). E-mail: tadevosyantad8@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Yeghiazaryan, Dr. Sci. (Philology), professor, NAS RA Institute of Literature, Vanadzor State University named after H. Toumanyann (Vanadzor, Armenia). E-mail: vano.exiazaryan@mail.ru

T.V. Tadevosyan, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Vanadzor State University named after H. Toumanyann (Vanadzor, Armenia). E-mail: tadevosyantad8@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*Статья поступила в редакцию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

Научная статья
УДК 821.161.1.0
doi: 10.17223/19986645/95/11

**Александр Грибоедов, Павел Яковлев,
Иван Долгоруков и городские пожары**

Владимир Анатольевич Коршунков¹

¹ *Вятский государственный университет, Киров, Россия, vla_kor@mail.ru*

Аннотация. Интерпретируются художественные, публицистические и эпистолярные тексты А.С. Грибоедова, П.Л. Яковлева, И.М. Долгорукова, с привлечением законодательных документов, картографических источников, исторической и краеведческой литературы. О пожаре в г. Кае Яковлев в своем очерке выразился фразой, сходной с репликой Скалозуба в комедии Грибоедова «Горе от ума». Вероятнее всего, в уста Скалозуба вложено обычное для того времени суждение. Оно обнаруживается в мемуарах Долгорукова и других текстах. Грибоедов афористично сформулировал мысль, которая нередко звучала при обсуждении последствий пожаров.

Ключевые слова: литератор П.Л. Яковлев, комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума», афоризмы, российская провинция, повседневная жизнь

Для цитирования: Коршунков В.А. Александр Грибоедов, Павел Яковлев, Иван Долгоруков и городские пожары // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 197–213. doi: 10.17223/19986645/95/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/95/11

**Alexander Griboyedov, Pavel Yakovlev,
Ivan Dolgorukov, and urban fires**

Vladimir A. Korshunkov¹

¹ *Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, vla_kor@mail.ru*

Abstract. Pavel Yakovlev, an official and writer who came to the town of Kai, Vyatka Province, in 1825, noted that after the great fire this town did not look better, although it was believed that towns and cities usually improve after fires. In his essay "Trip to Vyatka" Yakovlev described Kai using a phrase similar to that of the Colonel Skalozub talking about the Fire of Moscow in 1812 in the comedy *Woe from Wit* by Alexander Griboyedov. The action in *Woe from Wit* takes place ten years after the War of 1812 and the Great Moscow Fire. The remark of Griboyedov's character became a well-known aphorism. This article is based on the interpretation of journalistic, fiction and epistolary texts of the writers Alexander Griboyedov, Pavel Yakovlev, and Ivan Dolgorukov, as well as legislative documents, cartographic sources and local history literature. The aim of this article is to determine what caused these famous words of

Griboyedov's character, whether there are statements similar to them in Russian literature and journalism of that time. Fires in Russian cities, towns and villages were frequent disasters in the 18th and 19th centuries. These catastrophic events had a huge impact on the development of settlements and territories of the Russian Empire. Indeed, Moscow after the fire in 1812 began to be rapidly built up with magnificent stone and brick buildings. The development of Kai, Vyatka Province, was driven by the routes from the European part of Russia to the Urals and further to Siberia. The 17th century can be considered as the age of Kai's prosperity. The town fell into disrepair in the 18th century due to change in routes. In such a situation the major fire at the end of the 18th century only aggravated the situation in this town. The author of this article considers possible links between the literary works and fates of Griboyedov and Yakovlev. Although Yakovlev's essay was written and published before Griboyedov's comedy was printed, Yakovlev could probably be acquainted with its manuscript. In this regard, the article examines the history of the creation and publication of Griboyedov's comedy and Yakovlev's essay, which was printed in Alexander Izmailov's almanac *Calendar of the Muses for 1826*. It is even more likely that Griboyedov's character, the unintelligent Colonel Skalozub, made a judgment often heard at that time. For example, similar judgments are found in the memoirs by Ivan Dolgorukov. In 1801–1812 he served as a governor in Vladimir Province. During his rule, two cities in this province, Sudogda and Murom, burned down. In connection with these events, Dolgorukov discussed in detail that the fires sped up the implementation of the long-overdue building affairs in cities, towns and villages. The publicist and scholar Alexander Tarachkov called this judgment a proverb. This article demonstrates that the use of the historical, literary and other diverse data allows us to clarify the origin of the aphorism from Griboyedov's comedy. Obviously, Griboyedov aphoristically expressed an idea that was often heard when people were discussing great fires.

Keywords: writer Pavel L. Yakovlev, Alexander Griboyedov's comedy "Woe from Wit", aphorisms, Russian province, daily life

For citation: Korshunkov, V. A. (2025) Alexander Griboyedov, Pavel Yakovlev, Ivan Dolgorukov, and urban fires. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 197–213. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/11

Скалозуб и пожар Москвы

Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» была задумана автором задолго до ее написания. Сам автор успел напечатать лишь малую часть текста в 1825 г. Уже после гибели Грибоедова, в 1831 г. комедию (с цензурными правками) поставили в нескольких театрах. Тогда же ее опубликовали на немецком языке в Ревеле, а в 1833 г. – на русском в Москве, со значительными сокращениями. Первое полное легальное издание вышло только в 1862 г. Знаменитая пьеса с трудом пробивалась к читателю и зрителю. Но она сразу же стала распространяться рукописно, и сам Грибоедов поощрял это. Вплоть до 1862 г. было сделано множество списков, и даже с первыми печатными изданиями (теми, которые были неполными и цензурированными) их изготовление не прекратилось [1. С. 133–136].

Действие в комедии Грибоедова происходит в Москве спустя десять лет после войны 1812 г. Одна из запомнившихся зрителям и читателям фраза –

реплика полковника Скалозуба о том, как похорошела Москва при Александре I: «По моему суждению, // Пожар способствовал ей много к украшению» [2. Т. 1. С. 47]. Последняя строка стала афоризмом. Так говорят, желая указать на несчастье, которое, однако, хоть в чем-то пошло на пользу [3. С. 272–273]. В раннем варианте текста (так называемом «Музеем автографов») Скалозуб формулировал несколько иначе: «Пожар как на заказ пылал, // Способствовал к градскому украшению» [2. Т. 1. С. 162]. Кстати, в 1814 г. 19-летний Грибоедов, находясь в кавалерийском полку в Брест-Литовске, выслал 1 000 рублей, как он писал, «для бедных, которых так много после пожара Москвы». Деньги эти, по его просьбе, действительно были распределены между 13 пострадавшими [2. Т. 2. С. 248, 520].

Комментаторы комедии, ссылаясь на свидетельства мемуаристов, отмечают, что Москва после пожара стала быстро отстраиваться и на опустошенных огнем местах возникли ампирные особняки [1. С. 252; 2. Т. 1. С. 317–318; 4. С. 103–104]. В XVIII и начале XIX в. значительные изменения городской среды нередко происходили именно после пожаров. Например, «Комиссия о санкт-петербургском строении» была сформирована в 1737 г. после нескольких крупных пожаров, случившихся в 1736–1737 гг. [5. С. 95].

После отражения наполеоновского нашествия, в феврале 1813 г. Александр I распорядился создать «Комиссию для строений в Москве», первоначально – под руководством видного вельможи Н.Н. Головина¹, затем – московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина и позже А.П. Тормасова. В архитектурном отделении Комиссии работал О.И. Бове, который стал кем-то вроде главного архитектора Москвы. Чтобы компенсировать ущерб, понесенный жителями, организовали «Комиссию для рассмотрения прошений, поступающих от обывателей Московской столицы и губернии, потерпевших разорение от неприятеля» [6. № 25378]. К маю 1816 г. жилой фонд был почти полностью восстановлен, после чего занялись благоустройством улиц. «Комиссия для строений Москвы» окончательно завершила свою деятельность в 1843 г. [7. С. 39–174]. Но уже в начале 1820-х гг. можно было сказать, что прежняя столица возродилась после огненного разорения. Вот грибоедовский Скалозуб тогда же и высказался.

Если фраза из «Горя от ума» и в самом деле отражает тогдашние московские реалии, то насколько она оригинальна? Может быть, Грибоедов просто переформулировал распространенное суждение?

Московский литератор на Вятке

Бедствие Москвы и затем ее восстановление происходили на глазах литератора и чиновника Павла Лукьяновича Яковлева (1796–1835)². В жизни

¹ См. тексты именного указа от 18 февраля 1813 г. (краткого): [6. № 25340] – и затем указа от 5 мая (подробного): [6. № 25377].

² Общую характеристику личности и творчества П.Л. Яковлева см.: [8, 9]. Дата рождения Яковлева определялась исследователями по-разному, со значительным разбросом:

Яковлева многое определялось тем, что его дядей был Александр Ефимович Измайлов (1779–1831) – баснописец, публицист, издатель журнала «Благонамеренный». В этом журнале Яковлев постоянно печатался. Он вообще писал и публиковался часто. Кроме прочего, и Яковлев, и семейство Измайлова изготавливали рукописные журналы для своего круга. Некоторые тексты оттуда помещались затем в «Благонамеренном».

В 1824–1827 гг. Яковлев находился по служебным делам в г. Вятке будучи ревизором Вятской межевой канторы. Ему пришлось немало поездить по обширной Вятской губернии. Скучая по оставшимся в Москве и Петербурге знакомым, он продолжал писать, посылал свои корреспонденции в «Благонамеренный» и даже стал издавать «Хлыновский наблюдатель» [12. С. 9–32; 13; 14]. Хлынов – название города, распространенное до 1780 г., а после того официальным наименованием стало Вятка. «Хлыновский наблюдатель» представлял собой рукописное периодическое издание сатирического направления¹. Исследователи называют его то газетой, то журналом. Яковлев делал «Хлыновский наблюдатель» в формате тогдашнего стандартного бумажного листа, по четыре страницы в номере и в картонном переплете. Текст располагался двумя колонками [12. С. 18]. Вернувшись в 1827 г. из Вятки в Москву, Яковлев и там стал выпускать рукописный журнал «Московский гуляка», а уехав в 1828 г. в Саратов – рукописный журнал «Саратовский колонист» (он поселился в Немецкой слободе в доме вдовы Келлерманн, т.е. в квартале немецких колонистов) [12. С. 30–31]. В семействе Измайлова выходил рукописный «Северный мотылек», и Яковлев в Вятке получал его от дядюшки, высылая взамен «Хлыновский наблюдатель» [12. С. 16, 18, 30].

В 1825 г. Измайлов собирал материалы для своего альманаха «Календарь муз на 1826 год». Хотя Яковлев находился тогда в Вятке, Измайлов на титульном листе указал, что издатели альманаха – они оба. Цензурное разрешение было получено 15 октября 1825 г. [18]. Яковлев поместил там три своих статьи, в том числе очерк, озаглавленный «Поездка в Вятку», подписав его курсивной литерой «I» [18. С. 146–180 (1-я пагинация)] (он нередко издавал свои тексты анонимно или использовал псевдонимы [8. С. 195. Прим. 2]). В начале этого очерка он сделал помету (как бы помету на письме, в подражание эпистолярному жанру): «1824. Декабря...», а несколько далее – примечание: «Писано в начале 1825 года» [18. С. 146, 156. Прим.]. В.Г. Долгушев в своей работе о Яковлеве в Вятке привел цитату из письма

то в 1789 г., то в 1796 г. Уже в 1930-х гг. на это обращалось внимание, делались попытки разобраться, см.: [10. С. 101. Прим. 2]. Здесь дата рождения приводится согласно уточнениям, сделанным Н.П. Изергиной [11. С. 30–31].

¹ Специалист по истории вятской печати А.А. Вахрушев [15] считал эти рукописные изделия заезжего москвича началом вятской журналистики [16]. При том что замечательный знаток местной старины историк В.Д. Сергеев в своем пособии по истории губернской печати вовсе не упоминал «Хлыновский наблюдатель», хорошо ему известный, и начинал историю журналистики с «Вятских губернских ведомостей» [17].

Измайлова к Яковлеву от 25 ноября 1825 г.: «Спасибо тебе за “Поездку в Вятку”. Хорошо, хоть и приметно, что писано сплеча. Завтра представлю ее в цензуру» [14. С. 116–117]. Значит, очерк о Вятке был получен Измайловым в октябре-ноябре. А за пару дней до того письма Измайлов сообщал Яковлеву: «Слава Богу! Любезнейший племянник! Альманах наш выйдет к новому году, и право, будет не хуже других...»; «...С 1-го декабря, как уверял меня Смирдин (в типографии которого альманах печатался. – В.К.) начнет печатание, и ежедневно будут набирать по листу» [14. С. 117]. В альманахе оказалось два произведения, связанных с восстанием 14 декабря 1825 г.: «Подражание XX псалму» А. Северинова (с многозначительной датировкой – «15 декабря 1825») и «На смерть графа М.А. Милорадовича» Б. Федорова [18. С. 152–154 (2-я пагинация)] (как известно, 14 декабря генерал Милорадович был смертельно ранен на Сенатской площади и скончался). Получается, что альманах в середине декабря еще не был напечатан. М.К. Азадовский, прикрывшись псевдонимом Константинов, коснулся этого вопроса в своей статье об Измайлове и В.К. Кюхельбекере (они сотрудничали, но поссорились [19], и в письмах к Яковлеву в декабре 1825 г. и январе-феврале 1826 г. из Петербурга о восстании декабристов Измайлов называл Кюхельбекера сумасшедшим и собакой [20. С. 240, 241, 243]). Азадовский рассудил так: «Альманах вышел в свет не ранее конца января 1826 г.; во всяком случае, еще 5 января Измайлов пересылал П.Л. Яковлеву в Вятку корректурные листы» [21. С. 538, 540. Прим. 30].

Во всяком случае, к ноябрю 1825 г. «Поездка в Вятку» была Яковлевым завершена. Этот очерк имеет особое значение для изучения провинциальной старины: он создан человеком сторонним (много было ему в диковинку) и незаурядным, наблюдательным, умеющим точно и ярко формулировать свои мысли.

И.А. Кубасов, автор монографии об Измайлове [22] (тот все же более известен, чем Яковлев), заинтересовавшись затем Яковлевым как племянником Измайлова, подготовил большую статью и о нем. Коротко сообщив о годах, проведенных Яковлевым в Вятке, Кубасов между делом назвал город, где довелось жить приезде литератору, а именно Вятку (которая к тому времени более сорока лет уже и Хлыновым не называлась) нелепым прозвищем Хлыновск [8. Т. 114. Июнь. С. 637]. Показательно, сколько внимания уделялось повествованию Яковлева о Вятке, пока этой темой не занялись местные ученые – прежде всего, литературоведы Е.Д. Петряев, Н.П. Изергина, В.Г. Долгушев. При всем том Кубасов признавал, что статьи Яковлева в двух выпусках «Календаря муз» (вслед за «Календарем» на 1826 г. Измайлов издал «Календарь» на 1827-й, где также были напечатаны тексты Яковлева) имеют значение «как материал для характеристики нашего провинциального быта» [22. С. 113].

Пожар в заштатном городке

В очерке Яковлева «Поездка в Вятку» имеется несколько тематических блоков – от описания дороги в Вятскую губернию до характеристики

заштатного городка Кая (иначе Кайгорода, Кайгородка) на дальней северо-восточной окраине губернии (ныне это село в Верхнекамском районе Кировской области). Яковлев сообщил, что съездил в Кай в сентябре [18. С. 171 (1-я пагинация)], Учитывая помету в начале очерка, указывающую на декабрь 1824 г., получается, что о Кае написано по горячим следам – осенью 1825 г.

В конце очерка, обращаясь к некоей знакомой даме, автор восклицал: «Чтожь сказать вам о Кае? <...> Но хотите вы слушать или нет, я скажу только, что Кай один из древнейших городов Вятской губернии; что Кай был уездным городом и переименован в заштатные, что 29 лет тому назад был здесь пожар и – удивительное дело! – Кай не поправился, вопреки всеобщему мнению, что после пожаров города хорошеют; что жителей теперь в городе мещан и прочих более 300 человек – что прославленная Державиным Кама протекает под городом; что здесь стерлядей продают по 6 руб. пуд – что – но довольно...» [18. С. 179–180 (1-я пагинация)].

Итак, всеобщим мнением было то, что «после пожаров города хорошеют». А Кай после случившегося, согласно Яковлеву, в 1796 г. пожара отнюдь не похорошел.

Этот укрепленный городок был основан в середине XVI в. на путях, которые вели на Урал и в Сибирь, в сторону Казани и Москвы, а также на север – к Архангельску. Но в XVIII в. с изменением маршрутов из центра в Сибирь он мало-помалу пришел в упадок. Про него в народе стали говорить: «Кто в Каю не бывал, тот и горя не видал»; «Кай – всему свету край»; «Бог дал рай, а черт – Кай» [23. С. 171–186; 24. С. 71–82]. Знаток вятских и прикамских земель этнограф Д.К. Зеленин в начале XX в., упомянув Кай, охарактеризовал его как «крайне глухое и бедное село» [25. С. 104]. А сейчас там еще меньше людей, чем в 1825 г.

Относительно же пожара, приведшего городок к разорению, в красноречивой литературе утверждается, что он разразился на десять лет раньше, чем по указанию Яковлева, а именно в 1786 г. [23. С. 179; 24. С. 80]. Вероятно, тут дело в некотором сходстве рукописных цифр 8 и 9: кто-то (сам Яковлев либо работник типографии при наборе текста) мог принять восьмерку за девятку.

В г. Кирове в областном архиве хранится план Кая, созданный в конце XVIII в. (сотрудники архива датировали его так: примерно 1790-е гг., не ранее 1797 г.), с текстом: «По сему плану город (позднее вписано: Кай. – В.К.) разбивал уездной землемер Михайло Иванов». Городские кварталы на этом плане – квадратные и прямоугольные. По центру – надпись: «Погорелое место» [26].

Пожары в российских городах и селах, застроенных почти сплошь деревянными зданиями, были в то время бедствиями привычными, регулярно повторявшимися, но от этого не менее страшными.

Литератор-любитель и вельможа И.М. Долгоруков (1764–1823), приехав в 1813 г. в Нижний Новгород, стал невольным свидетелем огненного буйства. «Нет зрелища действительно ужаснее разъяренного огня: все гибнет в одну минуту, истребляется без остатка; разрушаются здания до основания,

и долго еще после пожара нельзя равнодушно глядеть на свежее пепелище». Его поразила бестолковая суматоха, беспомощность властей и сбежавшего народа. По словам Долгорукова, «пожар тогдашний можно назвать ужасным» [27. С. 100–102].

Крупные пожары на Вятской земле отмечались в местных летописях, а позднее – в воспоминаниях и иных текстах личного происхождения. Их следы находят археологи [28. С. 79, 81, 86]. Но современные историки обращаются к этой теме нечасто. В популярной книге В.А. Бердинских по истории г. Вятки есть раздел «Городские пожары». По его суждению, изучение пожаров позволяет увидеть «самих городских жителей: их быт, нравы, поведение в экстремальной ситуации», а именно: «Нам нужно представить непрочность и временность спокойного житья... Несмотря на очень неспешную, медленную жизнь дальней провинции, страх равно когтил сердце и купца, и богатого подьячего, и нищего бобыля, и вдовы ремесленника. Никто не был застрахован ни от чего. Все были равны перед разорительным огнем и только вместе могли потом поправиться от разорения смуты, мора, голода» [29. С. 133, 144]. Оценивая значение этих событий для формирования городской среды, Бердинских писал: «Пожары... являлись градообразующим фактором местной истории»; «...Пожары во многом определяли ритм жизни города, периоды его упадка или относительного процветания» [29. С. 140, 145].

Эти суждения справедливы, по-видимому, лишь для доекатерининской эпохи. Со второй половины XVIII в. Российская империя, преобразуясь, становится лучше обустроенной, государство накапливает значительные ресурсы. С того времени пожары могли уже, в конечном итоге, положительно влиять на застройку и вообще весь облик городов (по крайней мере, крупных). Государственная власть получила возможность финансировать восстановление и улучшение городской инфраструктуры.

Осмысление пожаров как значимого фактора социально-экономического и историко-культурного развития России только начинается. А ведь их последствия для повседневной жизни людских сообществ оказывались весьма значимыми. Они заметно влияли на развитие поселений и освоение территорий.

«Записки Москвича» и «Удивительный человек»

П.Л. Яковлеву приходилось подолгу жить в Петербурге, он также отлучался в длительные служебные поездки (в Нижегородскую, Вятскую, Саратовскую губернии, даже в Бухару). Но Яковлев был москвичом: родился, провел юность и скончался в Москве. Обширное собрание своих фельетонов и повестей он издал в трех книжках, без указания авторства, и озаглавил «Записки Москвича». В одном из фельетонов с названием «Минеральные воды» (об открытии в Москве модного заведения с лечебными водами по заграничному образцу) содержится восхваление второй столицы: «О Москва! Москва! Вечно юная, вечно веселая, – как не любить тебя!» и т.д. [30. С. 7]. Но далеко не все там связано с Москвой напрямую. Более того,

первая книжка состоит из трех разделов: первый без специального заглавия (очевидно, общий заголовок «Записки Москвича» к нему и относится), а затем следуют разделы, названные: «Записки Москвича (в Петербурге)» и «Записки Москвича (в провинции)». Кто же, по замыслу Яковлева, был автором этих текстов? Некий «Москвич». Действительно, рассказчик, от лица которого ведется повествование в одном фельетоне из третьей книжки, обозначен как Москвич [30. С. 132, 135]. Видимо, и в названии трехтомника следовало бы слово «Москвич» давать с прописной буквы, а не со строчной, как принято.

«Отечественная война прервала на некоторое время и службу, и обычные занятия Павла Лукьяновича. Неизвестно, принимал ли он участие в этой войне...», – писал И.А. Кубасов, биограф Яковлева [8. Т. 114. Июнь. С. 632]. Кубасов исходил из того, что дата рождения Яковлева – 1789 г. и ко времени занятия Москвы Наполеоном молодой человек 23 лет наверняка уже служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел [8. Т. 114. Июнь. С. 631]. Так что, согласно Кубасову, мы не знаем точно, воевал ли Яковлев с французами, «но замечательные по своей точности, живости и подробностям рассказы его о некоторых эпизодах из нашествия иноземцев на Москву, пребывания их в Первопрестольной и партизанских схватках дают основание предполагать, что П[авел] Л[укьянович] близко стоял к военным операциям 1812 г. и едва ли не испытал на себе тяжестей неприятельского вторжения». О нашествии французов на Москву повествовалось в романе Яковлева «Удивительный человек» и в «Рассказах Лужницкого Старца» [8. Т. 114. Июнь. С. 632]. По словам Кубасова, в «Удивительном человеке» даны «яркие и красиво написанные картины из истории нашествия французов на наше отечество...», но эта книга все равно оказалась забыта [8. Т. 115. Июль. С. 207].

Не столь давно к этому роману обратилась О.В. Кузина и оценила его высоко. Ей было известно, что рождение Яковлева относили то к 1789, то к 1796 г. (однако работ Н.П. Изергиной, В.Г. Долгушева и некоторых других исследователей она не использовала). О.В. Кузина утверждала: «Отечественная война 1812 г. произвела сильнейшее впечатление на юношу, который оказался в гуще событий и ощутил себя их непосредственным очевидцем и участником. Отчасти именно это обусловило глубокий интерес П.Л. Яковлева к русской истории в целом и к недавним историческим потрясениям в частности, поэтому неудивительно, что война 1812 г. неоднократно оказывалась в центре его творческого внимания. Несмотря на скудость документальных свидетельств о биографии писателя, очевидно, что отдельные впечатления военных лет в романе “Удивительный человек” носят автобиографический характер» [31. С. 120].

Если же принять в расчет уточненную дату рождения Яковлева – 1796 г., то получается, что в 1812 г. ему было только 16 лет. Становится понятно, отчего нет сведений о его участии в войне. Очевидно, его эвакуировали из Москвы при отступлении русской армии после Бородинского сражения. После ухода вражеских войск Яковлев вместе со своими близкими вернулся на

пепелище. Так или иначе, московский подросток из хорошей семьи оказался сопричастен к тем памятным событиям. Московский пожар 1812 г. стал для него важной вехой в личной судьбе.

Характерно, что Яковлев, живший беллетристичкой и постоянно вынашивавший собственные замыслы, судя по приведенным выше словам о Кае, разглядывал прикамский пейзаж через призму литературы: город не просто на берегу реки – это же та самая Кама, которую прославил Державин! Значит ли все это, что в статье Яковлева «Поездка в Вятку», при описании городка Кая, имеется отсылка к «Горю от ума» Грибоедова?

Грибоедов, Яковлев, Долгоруков

Яковлев написал о Кае в 1825 г., и в том же году Грибоедов смог опубликовать малую часть текста своей комедии. Даже неполные и цензурированные издания «Горя от ума» стали печататься уже после очерка Яковлева. Но, учитывая сразу возникшую популярность грибоедовской комедии, Яковлеву ее яркий, запоминающийся текст *мог быть* знаком (хотя бы частично) по рукописи или даже со слуха. Но *был ли* знаком?

К сожалению, об отношении Яковлева к Грибоедову и его творчеству определенных сведений нет. Однако известно, что Яковлев создал сатирическую повесть, высмеивавшую сентиментальное направление в литературе и направленную против П.И. Шаликова. Кубасов отмечал, что Яковлев «был самым жестоким гонителем дошедших до крайности последователей чувствительности, осмеяние которой было главным содержанием всей литературной деятельности этого... писателя» [22. С. 104]. Кстати, Шаликов не смог в 1812 г. выехать из Москвы, пережил временную оккупацию города в своем московском доме и спустя год напечатал воспоминания об этом (в той же типографии, где потом печатался Яковлев) [32]. Включая эту повесть в сборник «Записки Москвича», Яковлев назвал ее «Ераст Чертополохов»¹, но в альманахе «Благонамеренный» она вышла под другим названием – «Несчастье от слез и вздохов» [8. Т. 115. Июль. С. 202, 203; 22. С. 104]. В XVIII и начале XIX в. такой тип названий («Нечто, [случившееся] от того-то») встречался, хотя и не слишком часто. Примером может служить комическая опера Я.Б. Княжнина «Несчастье от кареты» (1779) [33. С. 247–262]². Осенью 1825 г. в «Северной пчеле» вышла публикация «Беда от денег», а в 1835 г. в Александринском театре поставили комедию «Горе от тещи» [3. С. 82]: первый случай, возможно, и не имел отсылки к пьесе Грибоедова, а второй почти наверняка с ней связан. Такова же структура названия

¹ Яковлев, как и некоторые другие, не использовал букву «э», даже слово «это» он писал как «ето». Поскольку современные публикаторы последовательно расставляют в его текстах «э», то, значит, можно было бы и персонажа его прозы по имени Ераст записывать с этой буквы – Ераст.

² Благодарю литературоведа Д.Н. Черниговского, указавшего мне на эту пьесу.

комедии Грибоедова «Горе от ума»: известно, что первоначально автор озаглавил ее «Горе уму», но затем название поменял. Эта замена произошла примерно в 1823 г.¹ Так что комедия Грибоедова и повесть Яковлева были названы однотипно².

На рубеже XIX–XX вв. М.И. Михельсон включил в свое собрание русской фразеологии грибоедовское выражение «Пожар способствовал к украшению», но не смог привести точных соответствий ему из классических или западноевропейских языков (хотя в иных случаях непременно их перечислял). Он указал лишь латинскую схоластическую формулу «Post hoc, ergo propter hoc» («После этого, следовательно чрез это»): «...Для обозначения ошибки, когда принимают известное событие за причину последующего, тогда как оно было только поводом». И отметил похожую по смыслу на эту латинскую формулу русскую поговорку «Не быть бы счастьем, да несчастье помогло» [36. С. 67–68]. Очевидно, за репликой Скалозуба из комедии Грибоедова не стояло какого-либо сходного крылатого выражения (древнегреческого, латинского, французского, немецкого, итальянского, английского). Может быть, Грибоедов удачно сформулировал и зарифмовал то мнение, которое в XVIII и начале XIX в. нередко звучало при обсуждении больших пожаров, причем не только военного пожара Москвы в 1812 г.?

Высказывалось мнение, что слова о московском пожаре, который «способствовал к украшению», были в то время расхожим суждением – хотя бы потому, что простоватый Скалозуб не блистал оригинальностью мыслей. Л.И. Еремина, исследовавшая «языковую маску» Скалозуба, отмечала: «Автор (Грибоедов. – В.К.) намеренно создает впечатление, что у этого действующего лица нет или почти нет “своих” слов, и поэтому он пользуется набором чужих кусков речи, не очень заботясь об их логической связи и завершенности. Получается очень своеобразная “лоскутная” речь». Заемные слова и мысли к тому же отражались «в сознании Скалозуба искаженно, как в кривом зеркале». Он изрекал, «не понимая значения слов, но стремясь выразиться поученее». По заключению Ереминой, «блестки чужого ума, чужого красноречия, как яркие заплатки, только подчеркивают скудные собственнo скалозубовские возможности» [37. С. 8–10]. Для понимания этого персонажа существенно, что, судя по вариантам текста, Грибоедов наделял Скалозуба глупостью и злоязычием (не все эти характеристики сохранились

¹ См.: [1. С. 27, 46, 107, 343; 34. С. 79, 304, 307]. Ср. также: [35. С. 104–110].

² Заглавия типа «Несчастье от кареты» и «Горе от ума» следует отличать от библейских вроде «Евангелие от Матфея». Эта новозаветная формула – точный перевод греческого «Εὐαγγέλιον κατὰ Ματθαῖον» (ср. также латинское «Euangelium secundum Mattheum»). Греческий предлог «κατά» был передан латинским предлогом «secundum» и церковнославянским «от». В современном русском языке в таком случае можно было бы использовать предлоги «по» или «согласно» («по версии Матфея», «согласно Матфею»). Однако распространенность церковнославянской формулы из Нового Завета с предлогом «от» повлияла и до сих пор влияет на речевую практику русского языка, в том числе на появление конструкций типа «Несчастье от кареты» и «Горе от ума», хотя в них предлог «от» наделен иным смыслом, а именно: «из-за; по причине».

в итоговой версии). О Скалозубе в комедии сказано: «а слова умного не выговорил сроду»; «сам наряду со всеми дураками»; «шутить и он горазд» [34. С. 212]. Его «речь лапидарна и категорична» [34. С. 166]. Такой человек явно не отличался глубиной и самостоятельностью суждений. С.А. Фомичев утверждал: «Скалозубовское, по обыкновению для него неловкое, определение: “Пожар способствовал ей много к украшенью”, – в сущности, отзывалось банальностью, которая была в то время на устах у всех, особенно у приезжих, удивленных быстрым возрождением из пепла опустошенного неприятелем города» [1. С. 252].

Если это – банальность, «которая была в то время на устах у всех», то должны найтись примеры подобных же суждений. И они есть, причем не только применительно к пожару московскому, а к большим пожарам вообще.

И.М. Долгоруков в 1801–1812 гг. служил Владимирским губернатором. При его правлении в 1806 г. случился пожар в уездном г. Судогде. В своих воспоминаниях он писал: «Из этого несчастья родилась некоторая для города польза. Он выстроился заново и гораздо лучше. Судогда никогда не будет Тверь или Казань, но по состоянию своему представляет ныне изрядное местечко». Долгоруков рассуждал: «Вообще сказать можно, что русский народ неохотно перестраивает дом свой, пока в нем можно переночевать, хотя с опасностью. На него действуют разные суеверия. Мужик и после пожара все хочет застраиваться на старом пепелище, тут, где жил отец, дед, пращур и для того упрямится вытягивать линию по плану, ставить дома свои по фасаду. В деревнях иногда нужда заставляет снисходить таким прихотям, но в городах они терпимы быть не должны. Пошумели жители, но принуждены были строиться по указу. Казна по многом времени, ведя продолжительную со мною переписку, отпустила городу Судогде, точно так же, как и в Муром, на обстройку обывателей до десяти тысяч на одном и том же основании. Одинаким образом деньги розданы и употреблены» [38. С. 695].

Муром был упомянут Долгоруковым потому, что за год до того там тоже случился сильный пожар, истребивший значительную часть города: сгорели заводы, пострадали многие частные дома. А из казенных зданий оказались уничтожены только ветхие казармы. Долгоруков тогда «доставил городу нарочитое количество леса» и ходатайствовал о выделении беспроцентной ссуды. В Петербурге ему пошли навстречу, и в результате «ссуда сия весьма оживила город». О перестройке же старых казарм, которые сгорели в том пожаре, хлопотал еще предшественник Долгорукова на губернаторском посту, но не преуспел. «Так как без особенного случая выдавать деньги казна всегда туга, то нынешний пожар и ускорил успех столь необходимого дела» [38. С. 662–663]. Когда официальные прошения, распоряжения, доклады, режиссии, отношения годами неспешно перемещались по бюрократическим инстанциям, такое событие, как внезапный пожар, чудесным образом приводило все в движение, и улучшение становилось достижимым и скорым. Вот вывод, которым Долгоруков завершил свой рассказ о погоревшей Судогде: «Итак, один огонь лучше всех убеждений правительства способствует к обновлению русских городов, иначе они вечно бы были таковы, какими первоначальные жили (жилища. – В.К.) крестьянские их образовали» [38. С. 695].

В середине XIX в. большие пожары один за другим потрясали г. Орел. Ученый и публицист А.С. Тарачков, хорошо знавший этот город, писал: «Первый из огромных пожаров случился 21 июля 1841 г.; за ним следовало в том же году еще несколько пожаров... В 1848 г. случился еще страшнейший пожар... В 1851 и 1858 годах эти бедствия снова повторялись...» [39. С. 49]. Тарачков отмечал: Орел за 20 лет «выгорел до такой степени, что в нем почти везде выстроены новые строения...», добавив: «зато на нем вполне оправдалась поговорка: *“пожары способствуют украшению городов”*»; он действительно украсился новыми зданиями, которые и в архитектурном отношении много лучше прежних...» (курсив мой. – В.К.) [40. С. 36].

Долгоруков умер за пять лет до гибели Грибоедова. Когда Долгоруков писал о благотворном воздействии огня для «возобновления русских городов», едва ли он был знаком с запоминающейся фразой Скалозуба из комедии Грибоедова. А Тарачков почти наверняка имел в виду именно эту фразу: в передаче Тарачкова сохраняются использованные персонажем Грибоедова слова: «способствовать», «украшение». На рубеже 1850–1860-х гг. реплика Скалозуба уже воспринималась как поговорка, известная многим.

Становление и затем быстрое развитие г. Кая оказалось связанным с предложенными в тех местах путями из европейской части России на Урал и далее в Сибирь. В XVIII в., в связи с изменением маршрутов, он пришел в упадок. Бездорожье там и в окрестных прикамских местностях во второй половине XVIII – начале XX в. было столь вопиющим, что даже самый обычный крестьянский колесный транспорт часто применить не получалось, и местные жители ездили верхом, а для перетаскивания тяжестей использовали волокуши [41. С. 463–469]. Опустошительный пожар пришелся на то время, когда перелом в судьбе этого городка уже случился и дальнейший упадок стал неизбежен. В такой ситуации очередное огненное бедствие лишь усугубило положение. Кай – не Москва: в том медвежьем углу пожар не мог поспособствовать к украшению.

Заехавший в Кай в 1825 г. чиновник и литератор Яковлев обратил внимание на интересный случай: этот городок после пожара отнюдь не улучшился, вопреки устойчивому суждению, подтвердившемуся на примере послепожарной Москвы и запечатлевшемуся в комедии Грибоедова. И в этом смысле не так уж важно, чем был вызван пожар – поджогом во время военных действий или заурядной бытовой причиной, как часто случалось в заштатных городках.

Итак, использование разнообразных литературных, публицистических, исторических данных позволяет уточнить происхождение афоризма из комедии Грибоедова. Очевидно, Грибоедов емко выразил мысль, которая часто звучала при обсуждении больших пожаров. Из-за необычайной популярности «Горя от ума» эта фраза вскоре стала восприниматься как поговорочное речение.

Список источников

1. Фомичев С.А. Грибоедов : энциклопедия. СПб. : Нестор-История, 2007. 396 с.

2. Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. : в 3 т. / глав. ред. С.А. Фомичев. СПб. : Нотабене, 1995–2006. Т. 1–3. 349, 618, 687 с.
3. Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П. «Горе от ума» А.С. Грибоедова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения. Учебный словарь-справочник. СПб. : Изд-во РПГУ им. А.И. Герцена, 2009. 463 с.
4. Фомичев С.А. Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» : комментарий. М. : Промсвещение, 1983. 208 с.
5. Клименко Ю.Г., Клименко С.В. Государственные архитектурно-строительные комиссии и их роль в градостроительном развитии Санкт-Петербурга и Москвы в XVIII веке // Academia: архитектура и строительство. 2012. № 4. С. 95–100.
6. Полное собрание законов Российской империи. СПб. : Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 32. 1105 с.
7. Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. М. : Московский рабочий, 1972. Т. 3. 400 с.
8. Кубасов Ив. Павел Лукьянович Яковлев (очерк жизни и деятельности) // Русская старина. 1903. Т. 114. Июнь. С. 629–642; Т. 115. Июль. С. 195–214.
9. Долгушев В.Г. Неизвестные страницы творчества П.Л. Яковлева // Анализ литературного произведения : сб. науч. тр. / отв. ред. Д.Н. Черниговский. Киров : Вятский госпедуниверситет, 1995. С. 23–28.
10. Медведева И. Павел Лукьянович Яковлев и его альбом // Звенья / под ред. В. Бонч-Бруевича. М.; Л. : Academia, 1936. [Т.] 6. С. 101–133.
11. Изергина Н.П. Писатели в Вятке: литературно-краеведческие очерки. Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, 1979. 192 с.
12. Петряев Е.Д. Литературные находки: очерки культурного прошлого Вятской земли. 2-е изд., доп. Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, 1981. 288 с.
13. Долгушев В.Г. Новые разыскания о жизни и творчестве писателя П.Л. Яковлева (1796–1835) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2002. № 6. С. 77–79.
14. Долгушев В.Г. П.Л. Яковлев и его литературная деятельность в Вятке // Герценка: вятские записки / сост. Н.П. Гурьянова; науч. ред. В.А. Коршунков. Киров, 2005. Вып. 9. С. 111–122.
15. Вахрушев А.А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века). Ижевск : Удмуртский университет, 1994. 111 с.
16. Вахрушев А.А. «Хлыновский наблюдатель» – пионер вятской журналистики // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Филология. 2011. № 1. С. 26–28.
17. Сергеев В.Д. Из истории вятских газет: 1838–1917. Киров : Киров. филиал МГЭИ, 2002. 103 с.
18. Календарь муз на 1826 год. СПб. : В тип. А. Смирдина, 1826. XII, 180 с. (1-я пагинация), 160 с. (2-я пагинация).
19. Жеребнов А.А. А.Е. Измайлов и его журнал «Благонамеренный» в журнальной полемике 1820-х гг. // Вестник Российского гос. гуманитарного ун-та. 2015. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 4 (4). С. 21–23.
20. Азадовский М. 14 декабря в письмах А.Е. Измайлова // Памяти декабристов : сб. материалов. Л. : АН СССР, 1926. [Вып.] I. С. 238–248.
21. Константинов М.К. Литературная деятельность Кюхельбекера накануне 14 декабря (по неизданным письмам А.Е. Измайлова) // Литературное наследство / глав. ред. А.М. Еголин. М. : Изд-во АН СССР, 1954. Т. 59. С. 531–540.
22. Кубасов И.А. Александр Ефимович Измайлов: опыт биографии его и характеристики общественной и литературной деятельности. СПб. : Общественная польза, 1901. VI, 115 с.

23. *Энциклопедия земли Вятской*. Киров : Обл. писательская организация, 1994. Т. 1 / сост. В.Ф. Пономарев; ред. В.И. Шишкин. 447 с.
24. *Скопин Е.Л., Кривошеина Н.В.* Памятники архитектуры, градостроительства и монументального искусства Кировской области. Киров : [Б. и.], 2009. Вып. 4. 356 с.
25. *Зеленин Д.* Кама и Вятка: путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев : Тип. Эд. Бергмана, 1904. 180 с.
26. *Центральный государственный архив Кировской области*. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 34.
27. *Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года князя И.М. Долгорукого*. М. : В университетской тип. (Катков и Ко), 1870. 122, II с.
28. *Кайсин А.О., Глазырина М.К., Борисова А.М.* Посад города Хлынова в XVI–XVIII вв. (по археологическим данным) // *Историко-географический журнал*. 2022. Т. 1, № 3. С. 76–91.
29. *Бердинских В.А.* История города Вятки : очерки. Киров : Вят. кн. изд-во, 2002. 368 с.
30. [Яковлев П.Л.]. Записки Москвича. М. : В тип. С. Селивановского, 1830. 3-я кн. 149 с.
31. *Кузина О.В.* Роман П.Л. Яковлева «Удивительный человек» на страницах «Литературной газеты» А.А. Дельвига // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2015. Серия: Русская филология. № 4. С. 119–124.
32. [Шаликов П., кн.]. Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года. М. : В тип. С. Селивановского, 1813. 63 с.
33. *Русская комедия и комическая опера XVIII века* / ред. текста и вступ. ст. П.Н. Беркова. М.; Л. : Искусство, 1950. 732 с.
34. *Пиксанов Н.К.* Творческая история «Горя от ума». М. : Наука, 1971. 400 с.
35. *Кунарев А.А.* Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» : комментарий. М. : Русская редакция, 2004. 672 с.
36. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Опыт русской фразеологии : сб. образных слов и иносказаний. М. : Русские словари, 1994. Т. 2. 936 с.
37. *Еремина Л.И.* Языковая маска и лицо (по комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума») // *Русская речь*. 1972. № 3. С. 3–13.
38. *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего. СПб. : Наука, 2004–2005. Т. 1. 816 с.
39. *Тарачков А.* Материалы для истории торговли и промышленности в Орловской губернии // *Памятная книжка Орловской губернии на 1864 год*. Орел : В тип. Губернского правления, 1864. С. 1–79.
40. *Тарачков А.* Путевые заметки по Орловской и соседним с нею губерниям. Орел : В Губернской тип., 1861. 138 с.
41. *Коришунков В.А.* Путь сквозь века и земли: дорожная традиция России. М. : Редкая птица, 2020. 624 с.

References

1. Fomichev, S.A. (2007) *Griboedov: entsiklopediya* [Griboyedov: Encyclopedia]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
2. Griboyedov, A.S. (1995–2006) *Poln. sobr. soch.*: v 3 t. [Complete Works: In 3 Volumes]. St. Petersburg: Notabene.
3. Mokienko, V.M., Semenets, O.P. & Sidorenko, K.P. (2009) "*Gore ot uma*" A.S. Griboedova: *tsitaty, literaturnye obrazy, krylatye vyrazheniya* ["Woe from Wit" by A.S. Griboyedov: Quotes, Literary Images, Catchphrases]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.

4. Fomichev, S.A. (1983) *Komediya A.S. Griboedova "Gore ot uma": kommentariy* [A.S. Griboedov's Comedy "Woe from Wit": Commentary]. Moscow: Prosveshcheniye.
5. Klimenko, Yu.G. & Klimenko, S.V. (2012) Gosudarstvennyye arkhitekturno-stroitel'nyye komissii i ikh rol' v gradostroitel'nom razvitiy Sankt-Peterburga i Moskvyy v XVIII veke [State Architectural and Construction Commissions and Their Role in the Urban Development of St. Petersburg and Moscow in the 18th Century]. *Academia: arkhitektura i stroitel'stvo*. (4). pp. 95–100.
6. Russian Empire. (1830) *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 32. St. Petersburg: Tip. II Otd. Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
7. Sytin, P.V. (1972) *Istoriya planirovki i zastroiki Moskvyy* [History of Moscow's Planning and Development]. Vol. 3. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
8. Kubasov, Iv. (1903) Pavel Luk'yanovich Yakovlev (oчерk zhizni i deyatel'nosti) [Pavel Lukyanovich Yakovlev: An Essay on His Life and Work]. *Russkaya starina*. 114 (June). pp. 629–642; 115 (July). pp. 195–214.
9. Dolgushev, V.G. (1995) Neizvestnyye stranitsy tvorchestva P.L. Yakovleva [Unknown Pages of P.L. Yakovlev's Work]. In: Chernigovsky, D.N. (ed.) *Analiz literaturnogo proizvedeniya* [Analysis of a Literary Work]. Kirov: Vyatskiy gospeuniversitet. pp. 23–28.
10. Medvedeva, I. (1936) Pavel Luk'yanovich Yakovlev i yego al'bom [Pavel Lukyanovich Yakovlev and His Album]. In: Bonch-Bruyevich, V. (ed.) *Zven'ya* [Links]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: Akademiya. pp. 101–133.
11. Izergina, N.P. (1979) *Pisateli v Vyatke: literaturno-krayevedcheskiye oчерki* [Writers in Vyatka: Literary and Local History Essays]. Kirov: Volgo-Vyat. kn. izd-vo.
12. Petryayev, E.D. (1981) *Literaturnyye nakhodki: oчерki kul'turnogo proshlogo Vyatskoy zemli* [Literary Discoveries: Essays on the Cultural Past of Vyatka Land]. 2nd ed. Kirov: Volgo-Vyat. kn. izd-vo.
13. Dolgushev, V.G. (2002) Novyye razyskaniya o zhizni i tvorchestve pisatelya P.L. Yakovleva (1796–1835) [New Research on the Life and Work of Writer P.L. Yakovlev (1796–1835)]. *Vestnik Vyatskogo gos. gumanitarnogo un-ta*. (6). pp. 77–79.
14. Dolgushev, V.G. (2005) P.L. Yakovlev i yego literaturnaya deyatel'nost' v Vyatke [P.L. Yakovlev and His Literary Activity in Vyatka]. In: Guryanova, N.P. (ed.) *Gertsenka: vyatskiye zapiski* [Herzenka: Vyatka Notes]. Iss. 9. Kirov. pp. 111–122.
15. Vakhrushev, A.A. (1994) *Stanovleniye i razvitiye pechati Vyatskoy gubernii (XIX – nachalo XX veka)* [Formation and Development of the Press in Vyatka Province (19th – Early 20th Centuries)]. Izhevsk: Udmurtia University.
16. Vakhrushev, A.A. (2011) "Khlynovskiy nablyudatel'" – pioner vyatskoy zhurnalistiki ["Khlynovsky Observer" – A Pioneer of Vyatka Journalism]. *Vestnik Tyumenskogo gos. un-ta. Ser.: Filologiya*. (1). pp. 26–28.
17. Sergeyev, V.D. (2002) *Iz istorii vyatskikh gazet: 1838–1917* [From the History of Vyatka Newspapers: 1838–1917]. Kirov: Kirov. filial MGEI.
18. Anon. (1826) *Kalendar' muz na 1826 god* [Calendar of the Muses for 1826]. St. Petersburg: V tip. A. Smirdina.
19. Zherebnov, A.A. (2015) A.Ye. Izmaylov i yego zhurnal "Blagonamerenny" v zhurnal'noy polemike 1820-kh gg. [A.Ye. Izmailov and His Journal "Blagonamerenny" in Journal Polemics of the 1820s]. *Vestnik Rossiyskogo gos. gumanitarnogo un-ta. Ser.: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye*. 4 (4). pp. 21–23.
20. Azadovsky, M. (1926) 14 dekabrya v pis'makh A.Ye. Izmaylova [December 14 in the Letters of A.Ye. Izmailov]. In: *Pamyati dekabristov* [In Memory of the Decembrists]. Vol. 1. Leningrad: USSR AS. pp. 238–248.
21. Konstantinov, M.K. (1954) Literaturnaya deyatel'nost' Kyukhel'bekera nakanune 14 dekabrya (po neizdannym pis'mam A.Ye. Izmaylova) [Kyukhelbeker's Literary Activity on the

Eve of December 14 (Based on Unpublished Letters of A.Ye. Izmailov)]. In: *Literaturnoye nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 59. Moscow: USSR AS. pp. 531–540.

22. Kubasov, I.A. (1901) *Aleksandr Yefimovich Izmaylov: opyt biografii yego i kharakteristiki obshchestvennoy i literaturnoy deyatel'nosti* [Alexander Yefimovich Izmailov: An Attempt at His Biography and Characterization of His Social and Literary Activity]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

23. Ponomarev, V.F. (ed.) (1994) *Entsiklopediya zemli Vyatskoy* [Encyclopedia of Vyatka Land]. Vol. 1. Kirov: Obl. pisatel'skaya organizatsiya.

24. Skopin, Ye.L. & Krivosheina, N.V. (2009) *Pamyatniki arkhitektury, gradostroitel'stva i monumental'nogo iskusstva Kirovskoy oblasti* [Architectural, Urban Planning, and Monumental Art Landmarks of Kirov Oblast]. Iss. 4. Kirov: [s.n.].

25. Zelenin, D. (1904) *Kama i Vyatka: putevoditel' i etnograficheskoye opisaniye Prikamskogo kraya* [The Kama and the Vyatka: A Guide and Ethnographic Description of the Kama Region]. Yuryev: Tip. Ed. Bergmana.

26. Central State Archive of Kirov Oblast. Fund 1405. List 1. File 34.

27. Dolgoruky, I.M. (1870) *Zhurnal puteshestviya iz Moskvy v Nizhniy 1813 goda knyazya I.M. Dolgorukogo* [Journal of Prince I.M. Dolgoruky's 1813 Journey from Moscow to Nizhny]. Moscow: V universitetskoy tip. (Katkov i Ko). 122, II p.

28. Kaysin, A.O., Glazyrina, M.K. & Borisova, A.M. (2022) Posad goroda Khlynova v XVI–XVIII vv. (po arkheologicheskim dannym) [The Posad of Khlynov in the 16th–18th Centuries (Based on Archaeological Data)]. *Istoriko-geograficheskij zhurnal*. 1 (3). pp. 76–91.

29. Berdinskikh, V.A. (2002) *Istoriya goroda Vyatki: ocherki* [History of Vyatka: Essays]. Kirov: Vyatskoye knizhnoye izd-vo.

30. [Yakovlev, P.L.]. (1830) *Zapiski Moskvicha* [Notes of a Muscovite]. Book 3. Moscow: V tip. S. Selivanovskogo.

31. Kuzina, O.V. (2015) Roman P.L. Yakovleva "Udivitel'nyy chelovek" na stranitsakh "Literaturnoy gazety" A.A. Del'viga [P.L. Yakovlev's Novel "The Amazing Man" in the Pages of A.A. Delvig's "Literary Gazette"]. *Vestnik Moskovskogo gos. oblastnogo un-ta. Ser.: Russkaya filologiya*. (4). pp. 119–124.

32. [Shalikov, P., Prince]. (1813) *Istoricheskoye izvestiye o prebyvanii v Moskve frantsuzov 1812 goda* [Historical Account of the French Stay in Moscow in 1812]. Moscow: V tip. S. Selivanovskogo.

33. Berkov, P.N. (ed.) (1950) *Russkaya komediya i komicheskaya opera XVIII veka* [Russian Comedy and Comic Opera of the 18th Century]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo.

34. Pikanov, N.K. (1971) *Tvorcheskaya istoriya "Gorya ot uma"* [The Creative History of "Woe from Wit"]. Moscow: Nauka.

35. Kunarev, A.A. (2004) *Komediya A.S. Griboedova "Gore ot uma": kommentariy* [A.S. Griboyedov's Comedy "Woe from Wit": Commentary]. Moscow: Russkaya redaktsiya. 672 p.

36. Mikhelson, M.I. (1994) *Russkaya mysl' i rech'. Opyt russkoy frazeologii: sb. obraznykh slov i inoskazaniy* [Russian Thought and Speech. An Experiment in Russian Phraseology: A Collection of Figurative Words and Allusions]. Vol. 1–2. Moscow: Russkiye slovari.

37. Eremina, L.I. (1972) Yazykovaya maska i litso (po komedii A.S. Griboedova "Gore ot uma") [Linguistic Mask and Face (On A.S. Griboyedov's Comedy "Woe from Wit")]. *Russkaya rech'*. 3. pp. 3–13.

38. Dolgorukov, I.M. (2004–2005) *Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsey zhizni, pisannaya mnoy samim i nachataya v Moskve 1788-go goda v avguste mesyatse, na 25-m godu ot rozhdeniya moyego* [The Tale of My Birth, Origin, and Entire Life, Written by Myself and Begun in Moscow in August 1788, in My 25th Year]. Vols 1–2. St. Petersburg: Nauka.

39. Tarachkov, A. (1864) *Materialy dlya istorii torgovli i promyshlennosti v Orlovskoy gubernii* [Materials for the History of Trade and Industry in Orel Province]. In: *Pamyatnaya*

knizhka Orlovskoy gubernii na 1864 god [Memorandum Book of Orel Province for 1864]. Orel: V tip. Gubernskogo pravleniya. pp. 1–79.

40. Tarachkov, A. (1861) *Putevyye zametki po Orlovskoy i sosednim s neyu guberniyam* [Travel Notes on Orel and Neighboring Provinces]. Orel: V Gubernskoy tip.

41. Korshunkov, V.A. (2020) *Put' skvoz' veka i zemli: dorozhnaya traditsiya Rossii* [Travel through Time and Space: The Road Tradition of Russia]. Moscow: Redkaya ptitsa.

Информация об авторе:

Коршунков В.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета (Киров, Россия). E-mail: vla_kor@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Korshunkov, Cand. Sci. (History), associate professor, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: vla_kor@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.02.2024;
одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 29.02.2024;
approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication 19.05.2025.*

Научная статья
УДК 821.133.1
doi: 10.17223/19986645/95/12

К проблеме производственных отношений в новеллах Г. Мелвилла 1850-х гг.

Наталья Владимировна Кузнецова¹

¹ *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
nataly-journ@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема производственных процессов и командной работы в малой прозе Мелвилла 1850-х гг. Доказывается, что чрезмерная сложность производственного процесса, а также иерархическая система управления приводят к рассогласованию цели с результатом, гибели лидера и членов команды, регрессу, вплоть до возвращения в архаичное состояние. Отсечение лишних этапов производства и отказ от социальных различий способны вернуть производственный процесс в практическое русло.

Ключевые слова: американский романтизм, американская новелла, Мелвилл, производственные отношения, прогресс, лидерство, командная работа

Для цитирования: Кузнецова Н.В. К проблеме производственных отношений в новеллах Г. Мелвилла 1850-х годов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 214–229. doi: 10.17223/19986645/95/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/95/12

On the problem of the relations of production in Melville's short stories of the 1850s

Natalia V. Kuznetsova¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
nataly-journ@yandex.ru*

Abstract. The aim of the article is to examine the specific features of the production process as well as the characteristics of teamwork in Herman Melville's short fiction. Short stories written by Melville during his most productive period, the 1850s (such as "Bartleby, the Scrivener", "The Happy Failure", "The Paradise of Bachelors and the Tartarus of Maids", "The Bell-Tower", "Benito Cereno"), is chosen as the material. Such methods as comparativism, structuralism and narratology are used in the article. The work revealed certain patterns in Melville's representation of production relations. Technical progress, a sudden increase in mass production, and the rapid growth of industrialization lead to the emergence of complexly organized mechanisms and production chains. At the same time, the number of operations that the product must go through before reaching the consumer is growing. In other words, there is a gap, or a void, between the original goal and the final result. Melville shows the danger of such voids:

production loses its practical, concrete meaning and turns into the realm of the abstract and unformed, whereas the product loses its valuable properties; it thins, shrinks in size, becomes discolored. Instead of the desired and planned progress, the production process, on the contrary, returns to an archaic state: the finished product loses its familiar shapes and assumes chthonic properties. Another reason for unsuccessful production is a mismatch between the actions of the leader and the team. Leaders of the "authoritarian" type organize teamwork in a strictly hierarchical manner, in which the most difficult work is assigned to the lowest in rank, and the leader distances himself from the team. As a result, he loses not only leadership but also individual qualities (turns into a silhouette, a skeleton). The activity of the team under authoritarian leadership is reduced to the achievement of the goal, and the value of the life of individual team members is lost, individual properties of personality are erased, the team becomes a single, indistinguishable mass. Constructive industrial relations are not so clearly defined by Melville. To set up production, the leader must cut away all unnecessary elements in a sudden movement, thus returning the process to its former practicality. Melville contrasts the "authoritarian" type of relationship with the "democratic" one, in which the leader is more concerned not with achieving the goal, but with taking care of his employees, trying to harmonize the different "parts" of the team, considering the specifics of each member of the staff. By placing himself at the lowest rank, the leader is able to correct his former imperfection, go beyond pattern thinking, and optimize the production process.

Keywords: American Romanticism, American novella, Melville, relations of production, progress, leadership, teamwork

For citation: Kuznetsova, N.V. (2025) On the problem of the relations of production in Melville's short stories of the 1850s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 214–229. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/12

Введение

Во второй трети XIX в., благодаря динамичному развитию индустриального производства, в США кардинально меняется характер рабочего процесса [1. Р. 18]. Американские писатели в своих произведениях обращаются к различным аспектам трудовой сферы: фабричному труду и писательской (журналистской) работе; изобретательской деятельности и созданию предметов искусства. В той или иной степени процесс производства – материальных либо духовных услуг – описывается в рассказах «Литературная жизнь Какваса Тама, эсквайра», «Как была набрана одна газетная заметка», «Философия творчества», «Как писать рассказ для “Блэквуда”» Э. По; «Деревянная статуя Драуна», «Мастер красоты» Н. Готорна; «морских» романах и новеллах Г. Мелвилла; «Песне о себе» У. Уитмена; очерках и рассказах М. Твена. С темой производства связаны самые разнообразные проблемы: взаимоотношения хозяина и наемных рабочих, иерархические отношения внутри команды, разделение труда, положение конторских служащих, искусство художника в условиях рыночных отношений, автоматизация производства. Г. Торо, Г. Бичер-Стоу, Г. Мелвилл (а позднее – М. Твен, Дж. Лондон) обращаются к проблеме рабского труда, который теперь кардинально расходится с капиталистическими и демократическими основами аме-

риканского общества. Помимо исторической обусловленности, для американцев немаловажен и автобиографичный характер «производственных» произведений: к примеру, работа репортера отразилась в творчестве По и Твена; профессия служащего таможни – в очерке Готорна; ремесло матроса – в романах, повестях и рассказах Мелвилла и позднее – Твена и Лондона.

Романтических писателей – По, Готорна, Мелвилла – привлекает диалектический характер производственного процесса: прогресс и деградация, гармония и хаос, переизбыток и пустота, динамика и статика, телесное и механическое – только некоторые противоположности, которые романтики рассматривают в диалектическом единстве. Промышленное производство порождает изобилие, что закономерно приводит к нарушению исходного баланса. К примеру, привлечение автоматизированного производства, как и необходимость разделения труда, увеличивает производительность, но при этом ставит под сомнение смысл самого человеческого существования. Как пишет в своем исследовании Синди Вайнштейн в связи с рассказом Э. По «Человек, которого изрубили в куски»: «Разделение труда ослабляет интеллектуальные способности, ограничивает индивида узким кругом обязанностей <...>. Такое разделение превращает процесс работы из важнейшего института совершенствования в отупляющий цикл бессознательного труда» [2. Р. 2]¹. На примере производственных отношений исследуется значимая в романтической литературе проблема телесности. Преждевременное изнашивание тела в результате изнурительной работы («Ад для девиц»), замена человеческого тела искусственным («Башня с колоколом», «Деревянная статуя Драуна», «Человек, которого изрубили в куски»), командная работа, провоцирующая процесс заражения («Моби Дик», «Писец Бартлби») – все эти аспекты изображаются на примере производственных отношений. Наконец, обращение к производственному процессу становится для романтиков одним из способов отобразить процесс самоопределения, самоидентификации индивида. В процессе работы происходит формирование личности – ее совершенствование либо деградация, вплоть до развоплощения². Николас

¹ В этой связи вспомним главу «Корабельный плотник» из романа «Моби Дик», на которую также ссылается в своем исследовании Н. Бромелл: «[Плотник] был только манипулятором; мозги его, если они вообще у него когда-нибудь были, давно уже, должно быть, перелились к нему в пальцы. Он похож был на одно из тех не размышляющих, но весьма полезных шэффилдских изобретений, *multum in parvo*, которые с виду кажутся просто складными карманными ножами слегка увеличенных размеров, однако содержат в себе не только лезвия разнообразной величины, но также штопоры, отвертки, щипчики, шила, перья, линейки, пилки для ногтей, сверла и буравчики. Так что захоти хозяева нашего плотника воспользоваться им как отверткой, им нужно только открыть в нем соответствующее отделение, и отвертка к их услугам; а если им понадобятся щипчики, они возьмут его за ноги, и готово» [3. С. 501].

² Так, в новелле «Писец Бартлби», по мысли критиков, производительность и функциональность тождественны самому бытию: «Быть» в мире стряпчего означает «делать», «быть функциональным» <...> Ничего «не делать» означает «не быть» [4. С. 206]. Сходным образом высказывается Кевин Эттел: «Чего конкретно не делает Бартлби? Говоря просто: он не производит. <...> Бартлби в своей абсолютной пассивности представляет

Бромелл, размышляя об онтологическом аспекте производственных отношений, цитирует слова Эмерсона: But do your work, and I shall know you¹ [1. Р. 4]. Физический и нравственный труд (по крайней мере, в довоенный период) Бромелл сопоставляет с дихотомическим разделением тела и души [1. Р. 7].

В 1850-е гг., наиболее плодотворный период творчества Г. Мелвилла, в Америке широко распространяется торговая (предпринимательская) деятельность². Хотя и не без иронии, в новелле «Писец Бартлби» Мелвилл упоминает имя Джона Джейкоба Астора – одного из первых американских миллионеров. В романе «Моби Дик, или Белый кит» говорится об основателе китопромышленной фирмы «Эндерби и сыновья» – «торгового дома, который <...> мало в чем уступает объединенному королевскому дому Тюдоров и Бурбонов, с точки зрения их исторической роли» [3. С. 476]. В числе других предпринимателей можно назвать: торговца громоотводами из одноименного рассказа; мечтавшего прославиться своими изобретениями пожилого дядюшку («Счастливая неудача»); торговца семенами («Ад для девиц»); и даже Квикег в свободное время торгует засушенными человеческими головами.

Широкая торговая деятельность, а также рост оптовых продаж требовали высокотехнологичных и производительных средств, как пишет рассказчик в «Аде для девиц»: «Эти небольшие конверты я употреблял в невероятных количествах – *несколько сот тысяч в год*» [6. С. 252]. В творчестве Мелвилла находят отражение и стремительный рост индустриализации, и массовое производство³. Он критически относится к таким деструктивным явлениям как массовый забой китов («Моби Дик»), конвейерное производство

собой фигуру чистого бытия, бытия – и ничего более. И по ходу повествования он настолько ослабляется, все больше приближаясь к голой сущности, голой жизни, голому бытию, что в конце концов увядает, растворяется. <...> Бартлби исчезает в точке, где продуктивные способности человека – способность действовать – упраздняются ради достижения чистого, бездеятельного «бытия как такового» [5. Р. 212].

¹ Здесь и далее курсив мой. – Н.К.

² О «дискурсе торга» как специфике американской модели общения пишет Т.Д. Венедиктова: «Границы рынка здесь размыты настолько, что едва ли вообще мыслима сфера “extra commercium”, то есть, такая, которая могла бы противопоставить себя рынку. Последний – всегда и везде по соседству: неудивительно, что метафорика торга и мысль о том, что “рынки и цены – основа человеческой природы”, традиционно проносили американский торговый дискурс». [4. С. 34].

³ Как пишет Дэнис Бертольд, «эти писатели (Мелвилл, По, Купер) жили в самое бурное в истории молодой страны время, когда демократия сталкивалась со множеством сложных испытаний: нескончаемые законодательные споры по вопросам рабства, неустойчивая экономика раннего капитализма, быстрый рост населения и демографические сдвиги, грандиозная географическая экспансия после Американо-мексиканской войны, наконец, Гражданская война [7. Р. 156]. Вместе с тем отмечается и ряд конструктивных явлений: «...технические достижения в промышленном производстве и сопутствующий рост городских коммерческих центров, миграция и экспансия населения <...> растущее уважение к науке, поддержка народного образования, интерес к созданию инфраструктурных систем <...>. В период, предшествующий Гражданской войне, наблюдается резкое увеличение численности городского населения в Филадельфии, Бостоне и Нью-

(«Ад для девиц») или переход к автоматизированному труду («Ад для девиц», «Башня с колоколом», с оговорками – «Писец Бартлби»). Зато отмечает явления конструктивного характера: так, в «Моби Дике» показано не только убийство китов, но и процесс производства из них ценных продуктов – уса, серой амбры, масла¹. Мелвилл указывает на особенность американских китобойцев, которые можно отличить от остальных по салотопке: т.е. конструктивный процесс производства для него не менее важен, чем деструктивный процесс ловли и забоя. При этом показана практичность и скоординированность разнородной команды, которая использует все части китовой туши без остатка: от мяса, кожи и костей – до драгоценных масла, спермацета и амбры. Таким образом, «Пекод» можно назвать образцом слаженной командной работы, где каждый использует свои лучшие качества (вспомним невозмутимое спокойствие Старбека, хитрость Стабба, силу и ловкость дикарей-гарпунщиков и т.д.).

Итак, 1850-е гг. характеризовались, с одной стороны, быстрым темпом индустриализации, резким увеличением массового производства и широкой предпринимательской деятельностью (как говорит герой «Счастливой неудачи»: «мир успел дважды себя обогнать» [6. С. 231]). С другой стороны, прогресс все еще отягощался рабовладением². О давно назревшей проблеме рабства в творчестве Мелвилла написано немало критических трудов³: образы рабов – центральные в повести «Бенито Серено»; опосредованно показаны в «Башне с колоколом» (в образе механической фигуры); «Аде для девиц» (в образе работниц) и «Счастливой неудаче» (в образе старого слуги Йорпи). В своих произведениях Мелвилл показывает, как в эпоху капитализации и индустриализации архаичные рабовладельческие отношения видоизменяются: рабский труд показан в лучшем случае непроизводительным, а в худшем – смертельно опасным для хозяина.

В такой сложный период, когда одна общественно-экономическая формация еще не успела закончиться, а ей навстречу уже пришла другая, Мелвилл ищет формулу организованного и эффективного производственного процесса, при котором представители различных темпераментов, социальных положений, возрастов, национальностей, рас, а также люди и механизмы работали бы продуктивно и сообща. В его малой прозе 1850-х гг. – новеллах и повестях – показана в целом негативная модель, когда производственный процесс не приводит к желаемому результату. Представляется важным рассмотреть причины такого неуспеха, который мы видим на примерах «Бенито Серено», «Писец Бартлби», «Башня с колоколом», «Ад для

Йорке» [7. Р. 166]. О техническом и экономическом развитии США – см. также [8. Р. 382–384].

¹ «Кит [в романе “Моби Дик”] по большей части присутствует как безымянное тело, которое люди преследуют в надежде настичь, убить, разять на части и превратить в товары для реализации на рынке» [4. С. 190–191]. Также о ките как о товаре – [2. Р. 107].

² Подробнее об этом – [4].

³ Например, [5, 9].

девиц» и «Счастливая неудача». Роман «Моби Дик», в силу его жанровых особенностей, мы оставляем в стороне и упоминаем лишь некоторые его фрагменты, относящиеся непосредственно к заявленной теме.

Таким образом, задачей настоящей статьи является рассмотрение производственных отношений в новеллистике Мелвилла 1850-х гг. Методы исследования – структурный, компаративистский и нарративный анализ. Методологической базой стали труды, которые частично или полностью освещают экономический аспект в американской литературе XIX в. (N.K. Bromell, C. Weinstein, M.T. Gilmore) и, в частности, в творчестве Мелвилла (L. Balfour, T.B. Strong, D. Kuebrich, I.G. Wilson), а также работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные отдельным проблемам: жанровым особенностям – А.П. Уракова, N. Argen; телесному опыту – А.В. Дулина, G. Thompson; отдельным новеллам – M. Fisher, I. Pardes, S. Ellis, C.A. Fenton).

Производственный процесс. На расхождение между целью работы и ее результатом указывает Измаил в «Моби Дике», когда рассуждает об Ахаве: «Все мои поступки здравы, цель и побуждение безумны» [3. С. 228] (*All my means are sane, my motive and my object mad*). В той или иной степени эту формулу можно применить ко всем производственным процессам, при которых средства – весьма энергозатратные либо дорогостоящие – расходятся с целью (ничтожной).

На примере произведений Мелвилла видно, как трудоемкое массовое производство приводит к появлению сложно организованных производственных «цепей». Другими словами, растет количество этапов и, следовательно, увеличивается расстояние, через которые должно пройти неоформленное «вещество» прежде чем превратиться в «конечный продукт» и перейти к «конечному потребителю». В «Башне с колоколом» на создание механизма Банадонну навело огромное расстояние, отделяющие зрителей от стоящего наверху: «Вознесенная высоко вверх человеческая фигура при взгляде снизу настолько уменьшается в размерах, что *теряет сходство* с существом, которое наделено разумом¹. Черты личности как таковой *совершенно утрачиваются*» [6. С. 210]. В новелле «Ад для девиц» рассказчика поражает количество операций, через которые проходит бумажная масса, чтобы стать бумагой: «...вот здесь, в этой точке *уже на что-то похоже, как будто* в конце концов можно будет и в руки взять. *Но до этого еще далеко, сэр*» [6. С. 260]. Он пишет на бумажном клочке слово «Купидон», чтобы узнать, сколько времени займет путь из конца в конец: после медленного, дюйм за дюймом, прохождения через множество непонятных скоплений цилиндров – он наконец получает готовый листок, «на котором теперь *еле виднелся* мой выплывший “Купидон”» [6. С. 261]. Сходное явление видим и в

¹ Скотт Эллис, анализируя «Башню с колоколом», отмечает, что «Мелвилл переключает внимание с продукта на процесс [производства]», а также с пользы – на творчество: так, членов городского совета прежде всего интересует, не станет ли творческое помехой практическому [10. Р. 352–353].

«Счастливой неудаче», герой которой намеревается «по одному акру за час превратить поименованные болота и топи в поля плодороднее заливных лугов реки Дженесси» [6. С. 230]: невероятная сложность аппарата, над которым изобретатель трудился десять лет, приводит к тому, что его так и не смогли запустить. Можно также вспомнить отдел невостребованных писем, где, по слухам, работал Бартлби, – воплощенный пример того, что готовый «продукт» так и не дошел до «потребителя», что цель и результат кардинально разошлись («Порою из сложенного листка бумаги бледный клерк вынимает кольцо, – палец, для которого оно предназначалось, возможно, уже истлел в могиле» [6. С. 56]).

Итак, в сложнейшем, многоэтапном процессе производства между целью и результатом образуется зазор. Само производство при этом теряет практический смысл, а готовый «продукт» – в силу большого расстояния и долговременного производства – утрачивает свои ценные качества, уменьшается в размере, обесцвечивается. Готовый продукт в «Аде для девиц» – это чистый лист, пустота, которая потенциально, в необозримом будущем, может чем-то заполниться¹: «лист бумаги, на котором впоследствии будет что-то написано, но что именно – никто не знает». Судно «Сан-Доменик» уподоблено «тайному склепу, двери которого наконец оказались распахнутыми» [6. С. 134]. Множество сложных операций при производстве не только уводят от практической цели, но и физически истощают команду и лидера: достаточно вспомнить дядюшку из «Счастливой неудачи» («лицо его съезжилось и потемнело, словно выжатый лимон» [6. С. 325]); выцветших и побелевших девушек с бумажной фабрики («сами себе палачи <...> сами точат оружие, которое их убивает» [6. С. 259]); бледного, полупризрачного Бартлби; «болезненного и вялого аристократа» Бенито Серено.

Такая работа, утратившая свою практическую цель, оказывается заключена в самой себе. Не направленная на удовлетворение человеческих потребностей и не ориентированная на полезность, она в конечном счете саму себя разъедает: растворяется в окружающей среде – подобно бумажной фабрике – либо рассыпается на части – как дядюшкин аппарат или башня с колоколом. Более того: в своих произведениях Мелвилл нередко показывает, как производственная деятельность, оторванная от практической цели, переходит в сферу абстрактного, неясного, смутного. Ориентированная изначально на прогресс, она, против ожидания, возвращается в архаическую, неоформленную стадию мироздания; лишенная очертаний и знакомых (человеческих) форм, она обретает хтонические черты². Так, рассказчик из

¹ О значении белизны/пустоты в творчестве Мелвилла см., например: [11. Р. 25–43].

² К примеру, Р. Линд пишет о мистическом характере заколоченного ящика, который, в отличие от спасательного гроба-буя Квикега, испещренного иероглифами, до конца остается пустым и бессмысленным и напоминает брошенный в Нил саркофаг бога Осириса [12. Р. 125–126]. Н. Аррин рассуждает о «готическом» образе «Сан-Доменика» и башни с колоколом [13. Р. 38–40]. Ч. Фентон отмечает языческий характер огня, который раздувает Баннадонна [14. Р. 224].

«Ада для девиц» смотрит на плавающую и пузырящуюся бумажную массу, сходную с первобытным состоянием зарождающейся жизни. Дядюшкин аппарат напоминает гигантское гнездо анаконд и кобр. Фрегат Бенито Серено, казалось, «был заложен, выстроен и спущен со стапелей *еще в ветхозаветной Долине Сухих Костей пророка Иезекииля*» [3. С. 59]. В «Аде для девиц» бумажный станок сравнивается с «живым, пыхтящим *библейским бегемотом*». В «Башне с колоколом» говорится: «Создание это должно было быть совершенно оригинальным как по внутреннему устройству, так и по внешнему виду, *причем чем ужаснее последний – тем лучше*» [6. С. 212]. В итоге механическая фигура напоминает гигантское насекомое, по описанию похожее на саранчу¹.

Эффект от созерцания такой работы – ошеломительный, однако зритель, в силу отрешенности производственного процесса от бытовой, привычной реальности – испытывает какой-то первобытный страх, «нечто вроде благоговейного ужаса», его одолевают «всевозможные тягостные предчувствия». Мелвилл часто указывает на непроницаемый характер рабочего процесса: Гидравлико-Гидростатический Аппарат, наглухо заколоченный в ящик, непроницаемый, словно сфинкс; закутанная человеческая фигура, которую Баннадонна ото всех прячет; растворившаяся в снежной равнине бумажная фабрика или контора стряпчего, расположившаяся словно в огромном квадратном стволе шахты. Нередко также указано, что человеческий глаз не в состоянии рассмотреть результат работы (как, например, в случае с механической фигурой Баннадонны, которая слишком далека от зрителей), а человеческий мозг не в состоянии его осмыслить («Хотя местами я *не мог разглядеть*, как движется жидкий, полупрозрачный поток массы в самом своем потаенном и *вовсе незримом* продвижении, все равно было ясно, что в этих точках, *где оно от меня ускользало*, движение продолжалось, неизменно покорное самовластным прихотям машины» [6. С. 262]).

Таким образом, в новеллах Мелвилла можно увидеть, как чересчур сложный и многоэтапный характер производства приводит к разрыву между практической задачей и получившимся результатом и тем самым уводит человека от производительности, эффективности, технического прогресса – в сторону либо первозданной неоформленности и пустоты, либо опасной для жизни архаики. Конструктивная модель описывается Мелвиллом лишь пунктирно и в целом сводится к резкому сокращению сложного многоэтапного процесса: так, в «Бенито Серено» капитан Делано видит, как один из матросов вяжет морской узел «такой сложности, [какой] ему не приходилось видеть на американских судах, *да и вообще никогда в жизни*» [6. С. 90]. На метафорическом уровне этот узел сопоставим с положением на борту «Сан-Доменика» – а единственный способ спасения из запутанной ситуации диктует капитану один из матросов: «*Развяжи, разрубь, скорей*» [6. С. 90]

¹ Простым ли совпадением является созвучие имен библейского демона Аббадона (Abaddon), повелителя саранчи, и зодчего Баннадонны (Bannadonna), чей автомат был покрыт *чешуйчатой* блестящей *бронею* (*scaly mail, lustrous as a dragon-beetle's*)?

(*Undo it, cut it, quick*). В «Счастливой неудаче» дядюшка *«схватил ящик, вытряхнул из него всех кобр и анаконд и, перекрутив и разорвав их на части, раскидывал по сторонам»* [6. С. 234]. Резкий рывок, стремительное движение, усекающее все лишнее, могут вновь вернуть искаженный производственный процесс к его практической цели.

Командная работа. Еще одной важной причиной неуспешных производственных отношений является расхождение между действиями руководителя и команды. Под «руководителем» («лидером») мы понимаем индивида, стоящего во главе организационной структуры: капитан судна (Бенито Серено, Делано, Ахав); владелец конторы («Писец Бартлби») или бумажной фабрики («Ад для девиц»); зодчий («Башня с колоколом»); изобретатель («Счастливая неудача»). В новеллах Мелвилла можно выделить две основные модели командной работы: «авторитарную» и «демократическую». Остановимся чуть подробнее на каждой из них.

«Авторитарную» модель командной работы характеризует, прежде всего, строгая иерархичность, воплощенная, к примеру, в форме рабовладельческих отношений («Бенито Серено»), (условного) вассалитета (главы о рыцарях и оруженосцах в «Моби Дике») либо строго централизованной власти («Башня с колоколом», «Ад для девиц»). На визуальном уровне такая иерархичность отражена в описании порядка на «Сан-Доминике», где составившие рабы копируют не только вертикальную структуру власти, но и социально-сословную иерархию. Бабо, воплощающий централизованную власть, располагает над всей командой четырех самых престарелых рабов – щипальщиков пакли, которые благодаря своим увещаниям и погребальным напевам напоминают своеобразное духовенство. Под ними – шестеро дикарей-«точильщиков», представляющих военное сословие. Наконец, на палубе – низведенные до положения простых матросов помощники капитана, вынужденные исполнять самую черную работу.

Деятельность команды при «авторитарном» типе лидерства сведена к достижению цели – как правило, иррациональной: строительству гигантского колокола, не сопоставимому по размеру с башней, долговременному плаванью на плохо оснащенном судне или погоней за китом. Для достижения цели «авторитарный» лидер не жалеет средств, так что ценность человеческой жизни утрачивается, а индивидуальность стирается настолько, что лидер перестает различать своих работников в лицо, все они представляются для него единообразной массой – подобно девушкам на бумажной фабрике, рабам на судне или механическим фигурам на башне с колоколом¹. Мелвилл

¹ Синди Вайнштейн говорит о сходном явлении неразличимости членов команды в отношении «Моби Дика»: «Эффективность машины-китоубийцы зависит от контроля Ахава над командой, контроля, который достигается за счет *разрушения индивидуального характера*: “точно так же и разные люди в этой команде: доблесть того, малодушие этого; порочность одного, чистота другого – все разнообразие было слито воедино и направлено к той неизбежной цели, на какую указывал Ахав, их единый киль и властитель” (цит. по: [3]). И Ахав, и команда здесь выступают в качестве инструментов» [2. Р. 108].

также нередко указывает на смертельную опасность, грозящую команде: Баннадонна убивает работника, который своей медлительностью чуть не погубил процесс изготовления колокола; рабы чуть не забивают до смерти матроса, который ненамеренно им помешал; Стабб оставляет в открытом море товарища, который постоянно выпрыгивал из вельбота и тем самым тормозил процесс поимки китов. Таким образом, любое отличие от общего «ритма» работы, которое ставит под угрозу достижение цели, будь то прямое неподчинение или нечаянное промедление, грозит неминуемым наказанием вплоть до убийства.

При иерархической системе управления лидер, как правило, поручает наиболее трудоемкую работу низшему по званию. Тот, в свою очередь, перепоручает ее своему помощнику и т.д. – вплоть до самого слабого в социальном плане звена – раба или механизма¹. Именно таким, к примеру, представляется капитану Делано порядок на «Сан-Доминике» («Надменный и хмурый, [Бенито Серено] даже не снисходил до того, чтобы лично отдавать приказы, действуя во всем через своего черного телохранителя, который, в свою очередь, пересылал их по назначению через посыльных» [6. С. 64]). Процесс передачи полномочий приводит к дистанцированности, оторванности лидера от команды, а сам он в прямом смысле слова теряет очертания, истончается подобно Бенито Серено, чьи изысканные манеры и хрупкое телосложение, не пригодные для исполнения функций капитана, отмечает капитан Делано; или его другу рабовладельцу Алехандро Аранде, от которого взбунтовавшиеся рабы оставили один скелет; или хозяину фабрики, который ненадолго появляется в рассказе лишь в образе безымянной, закутанной фигуры смуглого мужчины.

Мелвилл указывает на архаичный, устаревший характер «авторитарной» модели лидерства: он контрастно противопоставляет таинственного чилийца Бенито Серено (чей консерватизм отражен даже в элементах его живописного национального костюма) демократичному и простодушному американцу Делано; относит события «Башни с колоколом» к временам раннего Возрождения (*when the waters of the Dark Ages had dried up*); включает в описания характерные эпитеты: фрегат «Сан-Доминик», подобный устаревшему итальянскому палаццо, сохранил изначальный воинственный средневековый облик [6. С. 59]; при подъезде к бумажной фабрике деревянные развалины старой лесопилки «напоминают и что-то феодальное – рейнское или Турмбергское» [6. С. 252].

Напоследок обратимся к позитивной модели лидерства («демократической»), представленной в рассказах Мелвилла в образе капитана Делано²,

¹ О гегелевском понимании взаимоотношений «хозяин–раб» в сюжетах Мелвилла см.: [5. Р. 229].

² Сложно полностью согласиться с Лоури Бэлфуром, называющим капитана Делано «представителем либерального расизма, который был свойственен многим северным аболиционистам, выступавшим против рабства, но не против идеи расовой иерархии. Американский капитан видит в своем коллеге не только “своего бедного друга”, но еще

хозяина конторы («Писец Бартлби») и дядюшки-изобретателя («Счастливая неудача»). Вместо иерархичности определяющее значение здесь занимает идея тождества: лидер делает ту же работу, что и все остальные, имеет ту же «ценность» и получает ту же награду за свою работу¹. В качестве примера можно вспомнить, как хозяин конторы вместе со своими помощниками садился сличать документы; как «капитан Делано с республиканским *беспристрастием* принялся разливать эту республиканскую влагу, которая всегда стремится к *равенству*, сохраняя повсюду *один уровень*; он оделял *одинаково* и белого старца, и черного юнца» [6. С. 95]. Для «демократичного» лидера достижение цели факультативно: его основные силы направлены на управление коллективом, создание и поддержание дружественной, практически семейной², атмосферы. Соответственно, внимание уделяется каждой отдельной личности с ее уникальными качествами. Неслучайно Мелвилл показывает, как между собой уживаются различные темпераменты – к примеру, в «Счастливой неудаче» (дядюшка – холерик, племянник – сангвиник, Йорпи – флегматик). В «Писце Бартлби» стряпчему удалось приспособиться к различным биоритмам двух своих помощников – Индюка и Кусачки (один был продуктивен днем, другой – вечером), так что в результате «приступы их сменяли друг друга как караул <...> И естественный этот порядок вполне меня удовлетворял» [6. С. 27]³.

В плане лидерских качеств тип «демократического» руководителя уступает «авторитарному»: и стряпчий, и капитан Делано, и дядюшка не обладают исключительными талантами, склонны мыслить шаблонами, недостаточно сообразительны; им недостает практичности и расторопности; из-за мягкого характера подчиненные часто не видят в них авторитет и подвергают сомнению их действия. Другими словами, лидерские качества (честолюбие, практичность, хитрость, ориентированность на результат) уступают моральным (сострадательность, милосердие, добродушие, доверчивость, заботливость). Практической пользе моральные качества вредят: они замедляют производственный процесс, ставят в опасное положение и лидера, и

и испанца (Spaniard), посланника мира, мрачного и атавистичного в своих религиозных представлениях и отношениях к рабам» [5. Р. 267]. Капитана Делано действительно восхищает рвение и тепло, с которым рабы заботятся о своем господине – и в этом качестве он видит возможность относиться к ним не как к слугам, а как к *преданным товарищам* (*devoted companion*). В Бенито Серено его раздражает, в первую очередь, его «сонное высокомерие» (*slumbering dominion*), «хмурый и отрешенный» взгляд (*dreary and spiritless look*), «сумрачный облик» (*pale face*), и т.д. – «так что сам капитан уже становится как бы не живым существом, а скалой или, вернее, заряженной пушкой» [6. С. 65].

¹ В «Моби Дике», напротив, показано, как каждый имеет свою ценность и, соответственно этому, получает свою долю. Так, Квикег оказывается более ценным чем Измаил, а жизнь Пипа уступает в своей ценности убитому киту («Мы не можем себе позволить терять китов из-за таких, как ты; за кита можно выручить раз в тридцать больше, чем дали бы за тебя, Пип, в Алабаме» [3. С. 448]).

² О кризисе семейственности в новелле «Писец Бартлби» см.: [8. Р. 385; 15. Р. 136].

³ О попытке примирить темпераменты своих работников из человеколюбия, а не меркантильных соображений пишет, к примеру, [15. Р. 133].

команду, отвлекают от изначальной цели. Однако можно назвать и один конструктивный момент, снова обозначенный Мелвиллом лишь в общих чертах. В отличие от «авторитарных» лидеров, которые отделяют себя от основной массы, «демократы», напротив, не только включают себя в общую работу коллектива, но и пытаются проникнуть в сознание другого – самого ничтожного либо самого непохожего на самого себя по характеру. Эта попытка может выражаться в прямом взгляде, буквально – глаза в глаза: «...капитан Делано не смог удержаться и удивленно посмотрел *прямо в глаза* собеседнику, но тот, вместо того чтобы открыто встретить его взгляд, понурился, выказывая все признаки малодушного смущения, и уставил глаза в палубу» [6. С. 79]; «Я *внимательно посмотрел на него* и заметил, что глаза у него мутные, без блеска» [6. С. 41]. Как видим, герой встречается с преградой в попытке понять намерения своего собеседника¹, однако в самом процессе происходит важная метаморфоза: «лидер» начинает меняться², его собственная, далекая от совершенства, натура обогащается, он словно впитывает в себя качества другого и даже сам на время становится другим. Специалист по творчеству Мелвилла Мильтон Стерн в своем исследовании называет Бартлби инверсией либо одной из ипостасей самого рассказчика: «Стряпчий будто бы понял, что глядя на подавленного, деструктивного Бартлби он смотрит на самого себя, на логическое или духовное продолжение собственной жизни, которая не дает ни поддержки, ни надежды всему тому, что скрыто в нас под покровом обыденного подчинения [общественным] нормам и ценностям <...>. Существует общее мнение, что стряпчий (по крайней мере, поначалу) и Бартлби – это конфликтующие и противоположные стороны человеческого мировосприятия и опыта»³ [18. Р. 27]. Таким образом, восполняется изначальная неполнота характера и поведения

¹ О преградах, с которыми сталкивается индивид в попытке понять собеседника, – см.: [16. С. 128–139].

² Среди исследователей нет общего мнения о том, меняется ли к финалу «Бартлби» образ стряпчего. Так, Т.Д. Венедиктова пишет: «Нам хочется, чтобы стряпчий “спас” Бартлби, но также и чтобы Бартлби “спас” стряпчего, – чтобы странный писец вернулся к здравомыслию, но также и чтобы работодатель вышел за его пределы. Однако перемены не происходят ни с тем, ни с другим» [4. С. 207]. Напротив, И. Пардс говорит о кардинальной трансформации стряпчего (*dramatic transformation*). [17. Р. 113].

³ О тождестве стряпчего и Бартлби – особенно на языковом и эмоциональном уровне – пишет также И. Пардс: банальная финальная фраза «О, Бартлби! О, люди!» «благодаря Мелвиллу становится самой трогательной в сюжетной линии стряпчего. Именно здесь, как никогда раньше, стряпчий оставляет в стороне благоразумие и предсказательность, и, *подобно писцу*, осмеливается подойти к самому пределу языка <...>. Заключительную фразу [можно определить] как произвольно переданную стряпчим мольбу Иова о человечестве, которую сам Бартлби никогда не произнесет» [17. Р. 112–114]. Негативную сторону тождества стряпчего и Бартлби отмечает А.П. Уракова: «...близкий контакт с [Бартлби] грозит опасным отождествлением, действующим по принципу «заражения» [19. С. 165].

лидера: он перестает мыслить шаблонами¹, раздвигаются границы его мироощущения, (при)открывается скрытая прежде истина («И в это мгновение пелена спала с глаз Делано, с неожиданной ясностью он вдруг понял все <...>. Оглянувшись на “Сан-Доменик” [он] увидел теперь фрегат *совсем в другом свете*» [6. С. 117]; «*Впервые в жизни* меня охватило чувство тягостной, щемящей печали» [6. С. 37]).

Заключение

Современные исследователи видят в произведениях Мелвилла 1850-х гг. критику экономических и политических явлений, которые либо стирают, либо развращают человеческую натуру². В образах многочисленных мелвилловских кораблей находят метафору самого государства, «страх перед направлением, в котором двигалась страна, опасение в том, что американский государственный корабль садится на мель или засасывается в гигантский водоворот» [5. Р. 281]. Механизация названа «непостижимой богоподобной машиной, которая имитирует человеческое воспроизводство, в конечном итоге подрывая и заменяя его методами массового производства. Технологии и капитализм эффективно сочетают в себе созидание и разрушение, рождение новой эпохи и гибель старой. Видение Мелвилла подчеркивает не только непристойность (*obscenity*) биомеханической имитации, но и ужас того, во что должен был превратиться идеальный рабочий» [4. Р. 444]³. Такой негативный подход к процессам индустриализации, урбанизации, технического прогресса, массового производства в конечном итоге стирает разницу между всеми героями: добродушный и жизнелюбивый капитан Делано становится неотличим не только от полуживого рабовладельца Бенито Серено, но и от хитрого и жестокого раба Бабо. Стряпчий-филантроп из новеллы «Писец Бартлби» назван Мильтоном Стерном «самодовольным и бессердечным, с ограниченным кругозором, лицемерным христианином, респектабельным буржуазным каннибалом, конформистом во всех областях» [18. Р. 16–17]; по мнению Дэвида Кубрича, он наделен слепой властью бога, который имеет право повелевать и наказывать по своему усмотрению [8. Р. 394].

Однако наряду со всеми вышеназванными проблемами, нельзя не отметить и положительные явления, о которых – хоть и несколько сжато – Мелвилл все же пишет. Прежде всего, бросается в глаза родство: между хозяином конторы и дядюшкой – в их христианском проявлении милосердия к ближнему; между хозяином конторы и капитаном Делано – в их желании раскрыть тайну, распахнуть двери «тайного склепа»; между всеми троими – в их попытке убрать различие между собой и другим. В настоящей статье

¹ О «шаблонном» мировосприятии стряпчего в «Писце Бартлби» см.: [8. Р. 391].

² Об этом см. [20. Р. 201].

³ Также о том, что механизмы заменяют естественное продолжение рода, см.: [20. Р. 205].

была предпринята попытка найти позитивные явления в описанных Мелвиллом производственных отношениях, определить если не идеальную, то хотя бы конструктивную модель лидерства, а также указать источники негативных результатов производственного процесса.

Общим изъяном технического прогресса в творчестве Мелвилла представляется чрезмерная сложность и многоэтапность производства, которая создает дистанцированность, провоцирует появление опасных пустот, приводит к рассогласованию целей и задач с результатом. Практическая, конкретная польза, которая планировалась изначально, сменяется на финальном этапе производства абстрактной идеей и провоцирует превращение объектов технического прогресса в «хтонических» чудовищ. В командной работе излишняя сложность выражается в создании иерархических структур (рабовладение, вассалитет), которые также связаны с архаикой, а не с прогрессом. Отдаленный от своей команды руководитель теряет человеческие черты, превращается в силуэт или скелет, в то время как члены команды, напротив, приобретают автономность и способны в любой момент уничтожить своего хозяина. Напротив, в позитивной модели лидер стремится к союзу с командой: не ориентированный на результат, он желает наладить отношения внутри коллектива, согласовать разнородные элементы. Отсечение лишних этапов производства – равно как и отказ от социальных различий – возвращает производственный процесс в практическое русло.

Список источников

1. Bromell N.K. *By the Sweat of the Brow: Literature and Labor in Antebellum America*. University of Chicago Press, 1993. 292 p.
2. Weinstein C. *The Literature of Labor and the Labors of Literature: Allegory in Nineteenth-Century American Fiction*. Cambridge Studies in American Literature and Culture. Cambridge University Press, 2008. 284 p.
3. Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый Кит. Л. : Художественная литература, 1987. 640 с.
4. Венедиктова Т.Д. «Разговор по-американски»: дискурс торго в литературной традиции США. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 328 с.
5. Franc J. (ed.) *A Political Companion to Herman Melville*. University Press of Kentucky, 2013. 457 p.
6. Мелвилл Г. Повести и рассказы. Стихотворения. Л. : Художественная литература, 1988. 480 с.
7. Kelley W. (ed.) *A Companion to H. Melville*. Blackwell Publishing, 2006. 601 p.
8. Kuebrich D. Melville's Doctrine of Assumptions: The Hidden Ideology of Capitalist Production in «Bartleby» // *The New England Quarterly*. 1996. Vol. 69 (3). P. 381–405.
9. Wilson I.G. «No soul above»: Labor and the «law in art» in Melville's «The Bell-Tower» // *Arizona Quarterly: A Journal of American Literature, Culture, and Theory*. 2007. Vol. 63. P. 27–47.
10. Scott E. Utility, Artistry, and Narrative Control in Herman Melville's «The Bell-Tower» // *College Literature*. 2020. Vol. 47 (3). P. 346–365.
11. Thompson G. «Through consumptive pallors of this blank, raggy life»: Melville's Not Quite White Working Bodies // *Leviathan: A Journal of Melville's Studies*. 2012. Vol. 14. P. 25–43.
12. Lynde R.D. Melville's Success in «The Happy Failure»: A Story of the River Hudson // *CLA Journal*. 1969. Vol. 13 (2). P. 119–130.

13. Arren N. Melville and the Gothic Novel // *The New England Quarterly*. 1949. Vol. 22 (1). P. 33–48.
14. Fenton C.A. «The Bell-Tower»: Melville and Technology // *American Literature*. 1951. Vol. 23 (2). P. 219–232.
15. Gilmore M.T. *American Romanticism and the Marketplace*. The University of Chicago Press, 1985. 192 p.
16. Дулина А.В. Телесное в прозе Г. Мелвилла (новеллы 1850-х годов) // *Вестник Московского университета*. 2018. № 3. С. 128–139.
17. Batnitzky L., Pardes. I. (eds.) *The Book of Job: Aesthetics, Ethics, Hermeneutics*, 2015. Walter de Gruyter. 226 p.
18. Bloom H. (ed.). *Herman Melville. New Edition. Bloom's Modern Critical Views*, 2008. 294 p.
19. Уракова А.П. «В самом сердце американской культуры»: сентиментальное направление в литературе первой половины XIX века // *Философско-эстетические константы литературы США в динамике художественных направлений*. М. : ИМЛИ РАН, 2019. С. 158–194.
20. Fisher M. Melville's «Bell-Tower»: A Double Thrust // *American Quarterly*. 1966. Vol. 18 (2). P. 200–207.

References

1. Bromell, N.K. (1993) *By the Sweat of the Brow: Literature and Labor in Antebellum America*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Weinstein, C. (2008) *The Literature of Labor and the Labors of Literature: Allegory in Nineteenth-Century American Fiction*. Cambridge Studies in American Literature and Culture. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Melville, H. (1987) *Moby Dik, ili Belyy kit* [Moby-Dick, or The White Whale]. Leningrad: "Khudozhestvennaya literatura".
4. Venediktova, T.D. (2003) *"Razgovor po-amerikanski": diskurs torga v literaturnoy traditsii SSHA* ["Talking American": The Discourse of Bargaining in U.S. Literary Tradition]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
5. Franc, J. (ed.) (2013) *A Political Companion to Herman Melville*. Lexington: University Press of Kentucky.
6. Melville, G. (1988) *Povesti i rasskazy. Stikhotvoreniya* [Tales and Short Stories. Poems]. Leningrad: "Khudozhestvennaya literatura".
7. Kelley, W. (ed.) (2006) *A Companion to Herman Melville*. Malden: Blackwell Publishing.
8. Kuebrich, D. (1996) Melville's Doctrine of Assumptions: The Hidden Ideology of Capitalist Production in "Bartleby". *The New England Quarterly*. 69 (3). pp. 381–405.
9. Wilson, I.G. (2007) "No Soul Above": Labor and the "Law in Art" in Melville's "The Bell-Tower". *Arizona Quarterly: A Journal of American Literature, Culture, and Theory*. 63. pp. 27–47.
10. Scott, E. (2020) Utility, Artistry, and Narrative Control in Herman Melville's "The Bell-Tower". *College Literature*. 47 (3). pp. 346–365.
11. Thompson, G. (2012) 'Through consumptive pallors of this blank, raggy life': Melville's Not Quite White Working Bodies. *Leviathan: A Journal of Melville Studies*. 14. pp. 25–43.
12. Lynde, R.D. (1969) Melville's Success in "The Happy Failure": A Story of the River Hudson. *CLA Journal*. 13 (2). pp. 119–130.
13. Arren, N. (1949) Melville and the Gothic Novel. *The New England Quarterly*. 22 (1). pp. 33–48.
14. Fenton, C.A. (1951) "The Bell-Tower": Melville and Technology. *American Literature*. 23 (2). pp. 219–232.

15. Gilmore, M.T. (1985) *American Romanticism and the Marketplace*. Chicago: University of Chicago Press.
16. Dulina, A.V. (2018) Telesnoye v proze G. Melvilla (novelly 1850-kh godov) [The Bodily in Herman Melville's Prose (1850s Short Stories)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. (3). pp. 128–139.
17. Batnitzky, L. & Pardes, I. (eds) (2015) *The Book of Job: Aesthetics, Ethics, Hermeneutics*. Berlin: Walter de Gruyter.
18. Bloom, H. (ed.) (2008) *Herman Melville*. New Edition. Bloom's Modern Critical Views. New York: Chelsea House.
19. Urakova, A.P. (2019) "V samom serdtse amerikanskoy kul'tury": sentimental'noye napravleniye v literature pervoy poloviny XIX veka ["In the Very Heart of American Culture": The Sentimental Trend in First Half of the 19th Century Literature]. In: *Filosofsko-esteticheskiye konstanty literatury SSHA v dinamike khudozhestvennykh napravleniy* [Philosophical-Aesthetic Constants of U.S. Literature in the Dynamics of Literary Movements]. Moscow: IWL RAS. pp. 158–194.
20. Fisher, M. (1966) Melville's "Bell-Tower": A Double Thrust. *American Quarterly*. 18 (2). pp. 200–207.

Информация об авторе:

Кузнецова Н.В. – канд. филол. наук, младший научный сотрудник кафедры зарубежной журналистики и литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: nataly-journ@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Kuznetsova, Cand. Sci. (Philology), junior research fellow, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nataly-journ@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.08.2024;
одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 30.08.2024;
approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 19.05.2025.*

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/19986645/95/13

«Правдивая душа»: автобиографичный рассказ Ф.В. Волховского в «Сибирской газете»

Александр Евгеньевич Мазуров¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, rumatamonteg@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается рассказ революционера-народника Ф.В. Волховского «Правдивая душа» в «Сибирской газете» (1886). В рамках исследования делается акцент на автобиографичности: «самотугинское царство» (рассказ) сопоставляется с «паучьим» из воспоминаний публициста «Отрывки одной человеческой жизни» в журнале «Современник» (1911–1912). Делаются выводы о том, что реальные факты из биографии Волховского 1850-х гг. стали гармоничной частью конструируемого автором образа Сибири. При этом в мемуарах события приобретали большую конкретику: Волховский критиковал социальный уклад, а не поступки конкретного человека, прямо прописывая социальный подтекст.

Ключевые слова: Ф.В. Волховский, «Правдивая душа», «Отрывки одной человеческой жизни», «Сибирская газета» (1881–1888), «Современник» (1911–1915), рассказ, автобиография, воспоминания, Дж. Кеннан

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

Для цитирования: Мазуров А.Е. «Правдивая душа»: автобиографичный рассказ Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 230–244. doi: 10.17223/19986645/95/13

Original article

doi: 10.17223/19986645/95/13

"A Truthful Soul": Feliks Volkhovsky's autobiographical short story in *Sibirskaya Gazeta*

Alexandr E. Mazurov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
rumatamonteg@gmail.ru*

Abstract. The article examines the short story "Pravdivaya Dusha" [A Truthful Soul] by the revolutionary populist Feliks Volkhovsky (1845/1846–1914), published in *Sibirskaya Gazeta* (1881–1888) in 1886. The study focuses on the autobiographical nature of the short story, which Volkhovsky revealed in one of his letters to the American journalist and researcher George Kennan. The story is Volkhovsky's full-fledged literary interpretation of his biography and childhood memories. In the story, the author interprets the "first revolutionary act" that occurred in 1852–1853 – an attack on the

grandfather on whose estate he witnessed the punishment of one of the serfs. The plots, narrative, specific details, motifs, and imagery are almost entirely aligned with Volkhovsky's memoirs, *Excerpts of a Human Life*, published in *Sovremennik* in 1911–1912. In the story, Volkhovsky demonstrates the awakening of a desire in a person to fight against evil and social injustice, numerous examples of which the protagonist Kolya observed at the Zhurcheevskaya mill, and Volkhovsky himself, at the age of seven, witnessed in the "spider's kingdom" of his grandfather's estate in the village of Moisevka, Poltava Province. Like the story, the memoirs are divided into episodes and lack a cohesive plot. All actions are "strung together" by a single motif – the desire to show the awakening in a person's soul of a sense of injustice and rejection of the existing social order, where one person oppresses another. The article compares the images of the "spider's" (memoirs) and "Samotugin's" (story) "kingdoms". Despite the autobiographical nature and the fact that the "episode" that became the basis of the story took place in the 1850s, the narrative seamlessly "grounds" itself in the Siberian reality of the 1880s. This is primarily due to the pre-reform way of life in the region, which Volkhovsky consistently highlighted in his works: despite the abolition of serfdom, the oppression of peasants by "district predators" and "pompous officials" continued in Siberia. The story "A Truthful Soul" in *Sibirskaya Gazeta* becomes part of a series of earlier works published by Volkhovsky under the pseudonym Ranunculus, depicting the life of the "little man" in Siberia. However, the image is completely inverted – unlike his predecessors, Kolya finds the strength to fight back. The ending itself and the theses articulated by Volkhovsky take on a more concrete meaning in the memoirs: Volkhovsky criticizes not the actions of a specific individual but the social order itself, explicitly outlining the social subtext, which was impossible in "A Truthful Soul": *Sibirskaya Gazeta*, as a provincial publication of the 1880s, was subject to preliminary censorship.

Keywords: Feliks Volkhovsky, "A Truthful Soul", "Excerpts of a Human Life", "Sibirskaya Gazeta" (1881–1888), "Sovremennik" (1911–1915), short story, autobiography, memoirs, George Kennan

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

For citation: Mazurov, A.E. (2025) "A Truthful Soul": Feliks Volkhovsky's autobiographical short story in *Sibirskaya Gazeta*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 230–244. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/13

Введение

«Сибирская газета» выходила в Томске в 1881–1888 гг. и была одним из первых частных изданий. Главной особенностью издания была «литературоцентричность»: художественно-публицистические материалы появлялись почти в каждом номере и становились основным содержательным стержнем. В газете публиковались как местные авторы – П.М. Головачев, Ф.Ф. Филимонов, А.В. Адрианов, так и сосланные в Сибирь писатели и поэты: К.М. Станюкович, Г.А. Мачтет, С.С. Синегуб и другие [1. С. 18–65]. Именно публицисты с их идеологическими установками, литературным прошлым во многом повлияли на облик оппозиционного издания, способствовали его популярности. Постоянным сотрудником и «негласным редактором» газеты был поэт-народник Ф.В. Волховский (1845/46–1914) [2].

Публицист был сослан в Сибирь в 1878 г. по «процессу 193-х»; сотрудничать с «Сибирской газетой» начал с 1882 г., перебравшись в Томск из Тюкалинска [3. С. 60–65]. Начиная публиковаться как театральный рецензент, он быстро стал основным фельетонистом издания [2]. В «литературоцентричной» газете за восемь лет существования было опубликовано более 350 художественных и художественно-публицистических произведений, из них порядка 100 написано поэтом-народником. Основным жанром для Волховского был фельетон, но также в «Сибирской газете» опубликовано семь рассказов публициста под псевдонимом *Ranunculus*. Главным мотивом рассказов была жизнь «маленького человека» в Сибири, его бесправное положение [4].

В переписке Волховского и американского журналиста Джорджа Кеннана, автора книги «Сибирь и ссылка» (1891), который посещал регион для изучения пенитенциарной системы в 1885–1886 гг., обсуждался еще один рассказ публициста «Правдивая душа» (СГ. 1886. № 1, 3), опубликованный в «Сибирской газете» [5]. Материал был подписан «И. Б.» – сокращенный вариант традиционного псевдонима публициста «Иван Брут». В переписке Волховский называл одной из особенностей рассказа автобиографичность: публицист осмыслял эпизод из детства, в дальнейшем охарактеризованный им как «первое революционное дело».

Цель исследования – рассмотрение автобиографичности рассказа Ф.В. Волховского «Правдивая душа», вышедшего в «Сибирской газете» в 1886 г., а также сопоставление произведения с воспоминаниями публициста «Отрывки одной человеческой жизни», опубликованными в «Современнике» (1911–1915) в 1911–1912 гг. В рамках исследования основное внимание уделяется содержательным особенностям материалов, их поэтике. Основными методами исследования являются содержательный и сравнительный анализы.

Творчество Волховского часто становилось предметом научной рефлексии. Исследователи советского периода (см.: [2, 3, 6–8]) чаще всего фокусировались на обзоре творчества публициста периода сибирской ссылки, не обращаясь к анализу конкретных произведений. Современные исследования также посвящены рассмотрению творчества автора в контексте сотрудничества с газетой (см.: [1, 9]) либо фокусируются на фельетонном творчестве [10]. Очерки и рассказы Ф.В. Волховского под псевдонимом *Ranunculus* рассматриваются в научных трудах, посвященных литературному регионализму [1] и рецепции классики в «Сибирской газете» [4, 11]. Рассказ «Правдивая душа» упомянут лишь в одной работе, при этом не рассматривается подробно и не обозначается как принадлежащий перу публициста [1].

«Самотугинское царство»: рассказ «Правдивая душа»

Сюжет рассказа «Правдивая душа» повествует о семилетнем мальчике Коле, который вместе с матерью Варварой Андреевной после смерти отца был вынужден покинуть Тверь и уехать в имение деда Евстигния Панкратьевича Самотугина в Сибирь, на берег реки Журчейки. Варвара Андреевна обратилась к свекру, чтобы воспитать сына и «сделать из него человека».

Самотугин сообщил, что не сможет периодически помогать деньгами, но предложил «невестке» поселиться у него: «...Варвара Андреевна поняла, что ему нужен в ее лице женский “хозяйский глаз”, но ей не оставалось выбора, и она приехала» (СГ. 1886. № 1).

Волховский описывал прибывших, делая акцент на их чужеродности «самотугинскому царству»: «...надетый на женщине ватерпруф, платочек, которым была повязана ее голова, хотя простенькие и запыленные летним путешествием, носили на себе отпечаток самостоятельного вкуса и тонкого изящества, неизвестных захолустью; да и самые фигуры матери и ребенка, рядом со здоровыми, крупными и несколько медлительными фигурами типичных сибиряков, показались бы слишком “жидкими”, слабыми и вместе – более легкими, впечатлительными и отзывчивыми». Показательным является фрагмент приезда семьи на Журчейку, когда Коля чуть не выпал с подскочившей на камне телеги: «Целая стая собак с оглушающим лаем налетела на наших путешественников, которые, оставив влеве мельницу, проехали уже огромный двор и теперь приближались к одной из двухэтажных хозяйственных построек» (СГ. 1886. № 1). Таким образом публицист демонстрировал враждебность «самотугинского царства» «правдивой ребячьей душе», несмотря на теплую встречу управляющим мукомольней.

В рассказе публицист обращался преимущественно к контекстуальным изобразительно-выразительным средствам: ключевыми приемами выступали антитеза и сравнение. Так, образу матери с сыном противопоставлен сам Самотугин: «В большом мягком кресле, обдерганном и обтертом добела на выпуклых местах когда-то полированного “под орех” дерева, сидел громадный, тучный, бегемотообразный мужичина в одном белье и накинутом сверху замусленном люстриновом чекмене» (СГ. 1886. № 1). В фигуре свекра Варвара Андреевна, «считавшая в числе своих знакомых цвет русской мысли», видела «черствость либо неразвитость». Для ее сына, Коли, главного героя повести, Самотугин стал чем-то вроде «уродливого, неподвижного, но могущественного китайского бога, от которого все исходит и которому все поклоняется».

В образе Евстигнея Панкратьевича ощущается гиперболизм. Публицист рисовал неповоротливого гиганта, подчеркивая его безразличность к человеческим отношениям и чувствам. При этом в описании Самотугина проявляется натуралистичность, все его действия так или иначе «привязаны» к материальному миру: «Разложив руки на стоявшем перед ним круглом столе, глядел перед собой; по-видимому, единственным его занятием в настоящую минуту было усиленное потенье: рябое, красное лицо его сильно лоснилось, на лбу выступили крупные капли, и даже черные, с легкой проседью волосы на непропорционально малой голове лоснились и, казалось, слиплись в стручки. По временам гигант приподымал руку и чесал в курчавой черной бороде, имевшей вид плохого, раздерганного войлока» (СГ. 1886. № 1). Важным является отношение к Самотугину других «смертных»: при его появлении «все они почтительно вставали и благоговейно снимали шапки».

С образом деда в первую очередь контрастировал сам Коля. Одной из ключевых черт в образе мальчика является «хрупкость»: «Коля был ребенок довольно слабый физически, робкий, выросший под крылышком матери, в теплой атмосфере вечных материнских страхов по тому поводу, что он у нее один». Показательной является характеристика, которую дал Коле Самотугин, обращаясь к его матери во время ужина: «И что это ты так заморила мальчонку, – смотри, какой плохой: ничего он у тебя не стоит!».

Фабула рассказа складывается из различных примеров несправедливости на мукомольне, свидетелем которых стал главный герой, и которые так или иначе связаны с Евстигнеем Панкратьичем: обвешивание мужиков, торговавших пшеницей; заем денег крестьянам с их дальнейшим обманом; увольнение старика-посельщика Петрова с выплатой ему копеечной зарплаты; и, наконец, избиевание рабочего Клепцова, донесшего на беспатентную торговлю вином. Рассказ разбит на эпизоды, не связанные единым действием, но объединенные мотивом изменения отношения главного героя к деду. Понимая со временем всю суть «самотугинского царства», событий, свидетелем которых он стал, Коля начал отказываться молиться за Евстигнея Панкратьича перед сном, оказывал ему лишь внешние признаки почтения, не желая расстроить мать, а в конечном итоге, под впечатлением от увиденного «окровавленного, страдальческого лица Клепцова», ударил деда:

Все, что накопилось в доброй и правдивой душе мальчика за время его жизни в самотугинском царстве, все это слилось во что-то одно, могущественное, толкавшее его вперед... Бледное личико Коли стало решительно, он схватил валявшееся на земле тоненькое полено и побежал в дом.

Евстигней Панкратьич сидел за столом, спиной к двери и пил чай. Из блюда, в которое дул Самотугин, держа обеими руками, поднималось целое облако пара. Он не обратил никакого внимания на хлопнувшую дверь в сених. Веры Андревны в комнате не было. Задерживая дыхание и глотая слезы, весь бледный и дрожащий, Коля, в своих пижамках, подкрался к Самотугину и, подняв обеими руками полено, изо всей силы хватил его по жирной спине...

Он отомстил, как умел, за поруганного человека (СГ. 1886. № 3).

Стоит отметить, что в завершении рассказа имя матери главного героя меняется: «Варвара Андреевна» становится «Верой». Вполне вероятно, что это просто опечатка, допущенная в публикации, но также есть вероятность, что Волховский таким образом указывал на потерю маленьким героем веры в доброту, правильность существующих в обществе отношений. Автор через данный образ как бы подчеркивал взросление главного героя, пробуждение в нем чувства социальной несправедливости, ответственности за наблюдаемые явления.

Рассказ «Правдивая душа» гармонично вписывается в общую канву творчества Ф.В. Волховского в «Сибирской газете». Во многом произведение является развитием образа «маленького человека» в сибирских реалиях, создаваемых в рассказах публициста под псевдонимом *Ranunculus* (1882–1884). Герои рассказов, сталкивались с фактами социальной несправедливо-

сти, отказывались от дальнейшей борьбы, сдавались и, как правило, умирали. Семилетний «хрупкий» Коля, напротив, нашел в себе силы для ответа, пытался отстоять правду. Важной отсылкой к рассказам, опубликованным под псевдонимом Rapunculus, является и определение Журчеевской мукомольни как «захолустья» – данный образ как топоним, абстрактный сибирский город с его неразвитостью, неоднократно встречается в текстах публициста. Именно на контрастных описаниях, конфликте дореформенного уклада, черствости и неразвитости «самотугинского царства», с одной стороны, и правды, носителями которой выступают сын и мать – с другой, и выстраивается сюжет произведения. Такое разделение гармонично вписывается в создаваемый автором сибирский миф с «его собственными Кондратами и Котами, феями и нечистью», где Сибирь предстает диким краем, нуждающимся в срочных реформах [10. С. 181–185].

Показательной является молитва, придуманная Варварой Андреевной, которую читал Коля перед сном: «Боже, молю Тебя: сохрани маму, бабушку и всех добрых людей, вложи доброту в сердца злых и защити обиженных; освободи томящихся в темницах, возврати разум безумным и утешь несчастных; помяни папу и бабушку и дай мне всегда поступать хорошо» (СГ. 1886. № 1). Именно в молитве проявляется характеристика Коли как резонера, дающего оценку происходящему. Впервые узнав об обвешивании крестьян и все еще веря в самотугинскую честность, он восклицал: «Стыдно обманывать! <...> Дедушка, как узнает, рассердится!».

Завершается история маленького Коли открытым финалом. Через шесть дней после нападения на деда, накануне Нового года, мальчика с матерью вместе с «несложными пожитками» изгнали с Журчейки, предоставив подводу до ближайшего города. Единственными их деньгами были собранные желающими помочь работниками мукомольни шесть рублей: «Возница оглянулся на седоков, убедился, что все готово, задергал вожжами, гикнул... и правдивая ребячья душа отправилась в неведомый и чуждый ей мир искать пристанища и признания своего права на жизнь. Неужели же она не найдет их? Как вы думаете, читатель?» (СГ. 1886. № 3). Финальный вопрос был для публициста риторическим, он пытался открыть читателю глаза на дальнейшую нелегкую судьбу главного героя, как бы побуждая общество к изменениям.

Во время жизни на Журчеевской мукомольне Коля много общался с крестьянами, простыми мужиками, которые и помогли в итоге собрать деньги на дорогу. Главным и единственным для героя рассказа другом был работник мукомольни Костыка. Таким образом раскрывалась ориентация Волховского на сближение с простыми людьми, народнические идеологемы – с романтизацией деревенского уклада жизни. Сам публицист был сослан в Сибирь за вступление в противозаконное общество «со знанием его преступных целей и попытку побега», он был организатором революционных кружков в Одессе и Херсоне [12. С. 221].

Образ Костыки в рассказе является связующим звеном между «самотугинским царством» и сельской жизнью, полной открытий для главного героя. В рассказе Костыка описывается как работник при «материальном»:

«краснощекий, курчавый малый, лет 19–20, чрезвычайно исполнительный, чрезвычайно подвижной и чрезвычайно всем довольный, который совмещал в себе целую энциклопедию самых разнообразных сведений и талантов» (СГ. 1886. № 3). Параллельно работе на Самотугина, «мыканьем» между хлебными амбарами и докладами управляющему, Костька успевал обучать Колю кататься с горки, помогая преодолеть страх, делал ему свистульки, рассказывал о различных поверьях и крестьянском быте. При этом сам работник, привыкший к жизни на мукомолье, не видел ничего зазорного в обвешивании крестьян и с «холопской гордостью» рассказывал об этом. Волховский в данном образе демонстрировал, как чистая, правдивая душа ассимилируется, годами находясь под воздействием среды. Показательным является и описание тяги Костьки к семилетнему, еще не ставшему частью «самотугинского мира» мальчику: «Общение с Костькой открыло перед Колей целый неведомый ему дотоле мир. Со своей стороны и Костька, несмотря на разницу лет, находил истинное удовольствие в приятельских отношениях с Колей» (СГ. 1886. № 3).

Наиболее остро народнические идеологемы находили отражение в описании встречи Коли с уволенным из-за старости «посельщиком» Петровым. Обращаясь к «Николеньке», Петров рассказывал, что получил 2 рубля 33 копейки расчета из-за списания средств за приобретенное «по хозяйской расценке». Завершался эпизод восклицанием пьяного рабочего: «– С горя, ей-Богу!.. Два года ведь... А все жалованье в книжке – забор! Бог с тобой, бери! Тебе больше надо... А мне и два рубля тридцать три довольно... Ну, мне довольно – старухе не довольно! Она лежит ведь у меня, робить не может. У тебя внук? А у меня старуха!.. Николинька, ручку!...». Именно с данного фрагмента публицист обозначал изменения, произошедшие в детском сознании: «Взгляд Коли на деда давно уже изменился. Изю дня в день накаплился в душе его горький осадок, и теперь он чувствовал к Евстигнею Панкратичу только неприязненность и страх» (СГ. 1886. № 3).

Одной из отличительных черт рассказа является детализация, что, безусловно, связано с его автобиографичностью. Публицист, создавая яркий образ захолустья во многом реконструировал фрагменты из своего детства. Ярким примером подробного описания интерьера может выступить обозначение в тексте усадьбы: «– Пожалуйста, просим милости!.. Об вещах не извольте беспокоиться: прикажем внести-с..., – любезно говорил Семен Семеныч, вводя путешественников по лестнице в просторные сени, а затем и в большую, не обитую обоями и не выштукатуренную горницу с лубочными картинками по стенам и сборною мебелью – от безобразной “канاپели” до старинного, штучно фонируемого березовым корнем ломберного стола и хорошенького, новенького зеркала в резной ореховой раме под воск, доставшихся Евстигнею Панкратичу в разное время “по случаю” и за долг» (СГ. 1886. № 1).

Вкрапления, замедляющие действие, становились важными для публициста в рамках создания контраста между «самотугинским царством» и романтизированным образом сельской жизни. Так, встрече Коли с уволенным

стариком-посельщиком предшествует катание на «великолепной» горке; разговор Коли и Костыки об обвешивании крестьян завершается описанием игры с щенятами, найденными в углу сарая: «...он с увлечением целовал поочередно всех девятых слепых щенят в розовый носик» (СГ. 1886. № 3). Полноценная деревенская жизнь, сцены быта, таким образом, контрастировали с мертвым, постоянно вписанным в вещную обстановку Самотугиным и совершающимися с его ведома «злоупотреблениями».

«Паучье царство»: воспоминания периода миграции

В марте 1886 г. Волховский с американским журналистом Дж. Кеннаном обсуждал написание мемуаров для американской публики и спрашивал совета, на каком аспекте биографии следует сфокусироваться: общебытовом/художественном или на политическом. Публицист отмечал, что детство сохранилось в его памяти лучше, чем зрелые годы; кроме того, для точного воссоздания революционной деятельности требовались источники, недоступные в ссылке. Он писал, что готов отразить в «полубеллетристических» мемуарах картины крепостного быта Малороссии 1850-х гг., а также очерки гимназии 1860-х гг. В качестве примеров своих произведений, по которым возможно судить о будущих мемуарах, Волховский приводил сказку «Фарфоровая чашка»; фельетон-сказку «Ночь на новый год» (СГ. 1884. № 1) и рассказ «Правдивая душа»:

Особенно, в этом отношении, может Вам сказать кое-что «Правдивая душа», так как основная тема рассказа составляет один из эпизодов моего детства; нечто подобное случилось со мною: я, 7–8-летним мальчиком, однажды услышал, как крестьянин, не выполнивший заданной ему работы, стонал и кричал под кнутом управляющего именем моего деда. Хотя я не поступил так решительно, как мой маленький герой (Коля), тем не менее эпизод этот произвел на меня страшное впечатление и имел немало решающего влияния на мою дальнейшую судьбу [5].

Ф.В. Волховский родился в дворянской семье Вадима и Екатерины Волховских в 1846 г. (в ряде источников в 1845 г.). Детство прошло в имении деда в селе Мойсевка Полтавской губернии и в городе Новоград-Волынский (на нынешней территории Украины, ранее входил в состав Волынской губернии Российской империи) [13. С. 478]. Приводя в качестве примера «Правдивую душу», Волховский спрашивал в письме Кеннана, стоит ли воссоздавать в мемуарах подробности из детства или лучше «перенести центр тяжести работы в зрелый период жизни с его политическими стремлениями, борьбой, испытаниями и встречами».

Мемуары Волховского, подготовленные для зарубежной публики, так и не были обнаружены в изданиях «Общества друзей русской свободы» и «Фонда вольной русской прессы», в деятельности которых публицист принимал активное участие после эмиграции. В архиве библиотеки Гуверовского института встречаются черновики воспоминаний Волховского с воссозданием генеалогического древа, написанные на русском языке [14].

В 1906 г. в Санкт-Петербурге издаются его воспоминания о тюремных заключениях: по делу «Рублевого общества», «нечаевскому делу» и непосредственно «процессу 193-х» [15]. В журнале «Современник» в 1911–1912 гг. публикуются воспоминания Волховского из детства – «Отрывки одной человеческой жизни».

«Отрывки» представляют эпизоды из биографии публициста. Первая часть мемуаров, опубликованная в 1911 г., преимущественно описывала жизнь в «новоград-волынском гнезде», вторая, вышедшая в 1912 г., в селе Мойсевка. Во второй части «отрывков» Волховский более подробно, чем в письме, раскрывал «эпизод», который лег в основу рассказа «Правдивая душа» и произошел в 1852–1853 гг. (приблизительная дата восстановлена, исходя того, что публицисту, по его воспоминаниям, на тот момент было семь лет):

Прокоп лежал ничком на земле со спущенными штанами и завернутой на голову сорочкой. На голову его навалился один «десятский», на ногах сидел верхом другой, а ременная «хлибоборбская» «пуга» (кнут) поднималась и опускалась, оставляя на оголенной спине темно-красные рубцы <...>.

Мне было всего семь лет. Смысл тех или иных общественных отношений был еще скрыт от меня. Мать всегда говорила мне о дяде, как о чем-то священном, именно потому, что он был мой «дедушка». Но вместе с тем она внушала мне (и подкрепляла свои слова собственным поведением), что нужно быть добрым к людям, так как все люди – братья, что нужно уважать в другом человека, и приучила меня смотреть на всякое телесное наказание (которое никогда ко мне не применялось), как на позор. И вот, в этот момент крайнего возбуждения и напряжения всех внутренних сил я детским инстинктом почувствовал существование причинной связи между двигавшейся передо мною деревянной фигурой и постыдным делом, которого я только что был свидетелем... С горящими глазами и сжатыми, поднятыми вверх кулаками побежал я за Петром Григорьевичем и ударил его, что было сил, в поясницу (выше роста не хватило) (Современник. 1912. Кн. 3).

Публициста и его мать, в отличие от героев рассказа, не постигло выселение из имения. Волховский, с одной стороны, описывал ощущение неправомерности совершенного им поступка, но с другой – характеризовал его как оказавший решающее влияние на всю последующую жизнь, называл «первым революционным делом». Таким образом, автор видел в данном поступке пробуждение понимания неправомерности, архаичности существующих общественно-политических отношений и устоявшегося уклада жизни:

Конечно, я был сурово наказан, и не потому только, что того требовал Пётр Григорьевич. Мать искренно ужаснулась моему поступку и постаралась дать мне вполне почувствовать совершенный мною грех: я «поднял руку на родного деда!». И я чувствовал себя страшным грешником. При всем том та, другая сторона этого случая, в которой выразилось естественное возмущение человеческой души против угнетения и унижения человека, не только не была ослаблена, но осталась господствующей в моем сердце (Современник. 1912. Кн. 3).

Волховский описывал детство, которое проходило в селе Мойсевка Полтавской губернии, где числилось 303 души и 120 дворов. Усадьбой владел дедушка публициста по отцу Пётр Григорьевич Волховский: «...одинокий, угрюмый, деревянный старик, с голым черепом, прикрытым резко-очерченным черным париком, словно кругом обрезанным ножом, и с густо нафабрёнными усами». В Мойсевку будущий публицист переехал вместе с матерью из города Новоград-Волынский. Стоит отметить, что во многом описание сходится с судьбой, которая постигла семилетнего героя рассказа «Правдивая душа», Колю: помимо возраста, «революционного дела», идентичны и конкретные фразы о приглашении матери: «Вот в эту-то усадьбу мать была приглашена Петром Григорьевичем – вести его домашнее хозяйство».

Публицист, как и в «Правдивой душе», описывал в воспоминаниях примеры несправедливости, с которыми ему приходилось сталкиваться в Мойсевке: дедушка позволял себе бить лакеев, издевался над «придурковатым», одиннадцатилетним крепостным мальчиком и «прятал все выжатые соки в крепкую, стоявшую в его спальне, шкатулку с секретным замком». Волховский характеризовал усадьбу в Мойсевке как «паучье царство» (в рассказе – «самотугинское царство»): «Молчаливое присутствие паука трепетно чувствовалось всеми мойсевскими мухами. Все в доме двигались по паркетным полам бесшумно, говорили мало и вполголоса; идя по двору, каждый домоходец исподтишка косился на барское внимание; крестьяне, минуя усадьбу, на таком расстоянии, что и лица их невозможно разглядеть, снимали униженно шапку и несли ее в руках, пока не скрывались из вида» (Современник. 1912. Кн. 3). Стоит отметить, что в воспоминаниях примеры социальной несправедливости не приобретали полного сюжетного раскрытия, как эпизоды в рассказе, часто приводились в рамках общего описания уклада жизни в поместье и приобретали должную оценку за счет эпитетов и противопоставления более крупным композиционным фрагментам.

Помимо прямой, событийной параллели воспоминаний с «Правдивой душой», публицист создавал и схожие образы, контрастирующие друг с другом. Так, семилетнего себя публицист характеризовал, как и Колю, «взросшим под крылом матери». В воспоминаниях из детства Волховский обозначал деда, аналогично Самотугину, вписанным в вещественную обстановку, чуждым человеческим чувствам и радостям: «...с утра садился Пётр Григорьевич у одного из своих окон, сосал свой длинный чубук и поглядывал на двор. Иногда к нему подходил один из его любимых котов – черных, громадных и глупых. Тогда дед тыкал кошке в морду горячею трубкой и хохотал, когда обожженный любимец фыркал и убегал».

Волховский вспоминал одного из своих приятелей в «паучьем царстве»: «У управляющего Михневича был сынишка, такой же круглый, такой же туго-сбитый, как и его отец, и с такой же бульдожьей физиономией, отличавшийся от оригинала, кроме значительно урезанных размеров, и еще теми чертами незаконченности и незрелости, каким щенок отличается от взрослого пса». Из последующего фрагмента видна отсылка к «Костыке» из «Правдивой души»: маленький Миша Михневич при первом же знакомстве

«не без гордости» сообщил: «знаете, папаша меня уже высек!». В воспоминания, как и в рассказе, демонстрировалась испорченность детской души окружающей ее обстановкой, нарушение нравственных ориентиров, происходящее из-за принадлежности к «паучьему царству».

Так как воспоминания затрагивают разные периоды из детства публициста, «паучье царство» (описанное в 1912 г.) контрастирует, в первую очередь, с описанием «новоград-волынского гнезда» (1911 г.). Стоит отметить, что воссоздание публицистом жизни в городе Новоград-Волынский позволяет реконструировать контекст, оставленный за сюжетными рамками «Правдивой души» (жизнь Коли с матерью в Твери и Санкт-Петербурге): «Самые ранние мои воспоминания связаны с Новоградом-Волынским. Там, не помню, на какой улице, стоял чистенький, белый, одноэтажный дом с большими, светлыми окнами, делавшими его “веселым”. И самая жизнь текла в нем, в общем, светло и приветливо» (Современник. 1911. Кн. 4). В «новоград-волынском» гнезде за столом по-доброму шутили, и все в доме мирно существовали. Ключевой отрывок воспоминаний связан с описанием шумного приготовления к Пасхе с «искрящимися рюмками» и «тихой радостью».

Совсем иное значение приобретало описание усадьбы в Мойсевке, которое публицист начинал с рассказа о прошлой хозяйке, «сморщенной, но подвижной» Татьяне Густавовне Волховской: «Когда-то здесь кипела пестрая, махровая, рассыпавшая блески жизнь. На хорах гремел оркестр из крепостных музыкантов. В тридцати шести комнатах двигались толпы разряженных гостей... В тенистых, прохладно-томных аллеях сада и парка, среди столетних шелковистых каштанов, морелей, дубов, лип, кустов душистой сирени и бузины, стояли каменные нимфы и сатиры, и раздавался шепот влюбленных пар» (Современник. 1912. Кн. 3). После ее смерти родственники «легендарным количеством подвод» вывезли из сада все, что имело какую-то цену, и в имении поселился дальний родственник Пётр Григорьевич Волховский: «Дальняя часть сада, парк, пруды и прочие прежние затеи были заброшены и запущены. Первая скрипка оркестра и флейта определены в лакеи по дому. Вторая скрипка – Яков Журавель сделан личным камердинером Петра Григорьевича и, в качестве такового, вечно ходил в синяках и пил горькую, ибо служил ежедневно манекеном, на котором барин пробовал крепость своих длинных черешневых чубуков».

Сильно выбивался, в сравнении с образом Петра Григорьевича, дедушка по маминой линии, Матвей Михайлович, являющийся одним из ключевых персонажей «новоград-волынского гнезда»: «Хотя и одноногий, ходивший с помощью костыля и палки, Матвей Михайлович не производил впечатления инвалида. Напротив, это был крепкий, очень красивый, круглолицый, массивный мужчина с черными, как смоль, волосами и усами над бритым подбородком. Его веселые карие глаза смотрели на мир с доверием и бесстрашием, а потому и с удовольствием. Его голос, сочный, звучный и могучий, внушал доверие и бодрость, даже когда дед хотел утратить, сердился и ругался» (Современник. 1911. Кн. 4). Автор как бы создавал образ живого человека, противопоставляя его «пауку», Петру Григорьевичу.

Один из первых фрагментов в воспоминаниях автор посвящал и иному, не как в Мойсевке, отношению к крепостным, в частности со стороны дедушки. Следует отметить, что автор как революционер-народник даже в таком бытовании крепостничества находил «теневые стороны» дворянской жизни. В данной характеристике отражалась невозможность принятия Волховским самого факта неравноценности человеческих жизней, которые в дальнейшем получают полное раскрытие в описании нападения на деда в селе Мойсевка и рассказе, опубликованном в «Сибирской газете»:

Случалось, что дедушка Матвей Михайлович кричал громовым голосом на того или иного преступника из «людей» и даже замахивался палкой, либо костью; но так как всем было известно, что этот крикун в жизнь свою никого не ударил, то преступник, стоя под громами, старался об одном: чтобы на его лице не промелькнула как-нибудь его полная уверенность в своей безопасности. Случалось, что бабушка Виктория Ивановна раздражалась против Гапки неопределенными, но тем более страшными угрозами по поводу сожженного ею дорогого барского платка или изорванной в стирке кофточки. Но тогда мать шепотом научала меня «просить» за Гапку. Случалось, что Мартошку или Дуняшку ставили на колени. Но тогда я уже без всяких наущений шел просить за своих приятельниц. И предстательства мои всегда увенчивались полным успехом (Современник. 1911. Кн. 4).

Заключение

Таким образом, рассказ «Правдивая душа» Ф.В. Волховского, опубликованный в «Сибирской газете» в 1886 г., является полноценным художественным осмыслением публицистом своей биографии, воспоминаний из детства. Фабула, конкретные детали, мотивы и образы почти полностью созвучны с мемуарами публициста «Отрывки одной человеческой жизни», опубликованными в «Современнике» в 1911–1912 гг. Автор в рассказе реконструировал «первое революционное дело», произошедшее в 1852–1853 гг., нападение на деда, в усадьбе которого он стал свидетелем наказания одного из крестьян. В рассказе публицист демонстрировал пробуждение желания в человеке борьбы со злом, социальной несправедливостью, многочисленные примеры которой главный герой Коля видел на Журчевевской мукомольне, а сам публицист в семилетнем возрасте в «паучьем царстве» своего деда, в селе Мойсевка Полтавской губернии.

Несмотря на автобиографичность, то, что «эпизод», ставший основой рассказа, произошел в 1850-х гг., фабула гармонично «приземлялась» на сибирскую реальность 1880-х гг. В первую очередь, это связано с самим дореформенным укладом жизни региона, на который постоянно указывал в своих произведениях публицист: несмотря на отмену крепостного права, в Сибири продолжалось притеснение крестьян «уездными хищниками» и «помпадурами». В самом рассказе «эпизод» приобретает гораздо большее раскрытие: подробно описываются многочисленные ситуации, связанные с притеснениями крестьян, деревенская жизнь, раскрывается психологизм,

более полно и красочно передаются публицистом собственные чувства. Рассказ «Правдивая душа» в «Сибирской газеты» становится вписанным в серию предшествующих произведений, опубликованных Волховским под псевдонимом *Ranunculus*, и описывающих жизнь «маленького человека» в Сибири. При этом образ полностью переворачивается – Коля, в отличие от своих предшественников, находит в себе силы для борьбы.

Как и рассказ, воспоминания, помимо физического разделения на два тома «Современника» (1911 и 1912 гг.), делятся на эпизоды, не имеют цельного сюжета. Все действия «нанизаны» на единый мотив – желание показать пробуждение в душе неприятия существующего уклада жизни, когда один человек притесняет другого. Воспоминания условно создают два хронологических и образных полюса: жизнь в «гнезде» и годы, проведенные в «паушем царстве», что позволяет на контрасте понять суть «первого революционного дела» и причины, его породившие. При этом в мемуарах само «первое революционное дело» сжимается, что может быть связано как с отказом от использования вымысла, так и с тем, что воспоминания затрагивают детство в Новоград-Волынске, описание которого в рамках общего объема становится ключевым.

Сам финал и тезисы, озвученные публицистом, приобретают в мемуарах более конкретное значение: Волховский критикует именно социальный уклад, а не поступки конкретного человека, прямо прописывает социальный подтекст, что было невозможно в «Правдивой душе»: «Сибирская газета» как провинциальное издание 1880-х гг. было подвержено предварительной цензуре.

Список источников

1. Жиякова Н.В. «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 237 с.
2. Доманский В.А. Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–167.
3. Роцевская Л.П. Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф.В. Волховского) // Вопросы изучения и преподавания литературы. Тюмень, 1966. С. 51–69.
4. Мазуров А.Е. «Захолустно-провинциальные очерки» *Ranunculus* (Ф.В. Волховского) в «Сибирской газете» (1882–1884 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 42–51.
5. Архив Библиотеки Конгресса (редкие книги и специальные коллекции). «Бумаги Джорджа Кеннана». Ящик 1. «Письма Ф.В. Волховского Дж. Кеннану».
6. Андреев Б.М. О журналистской деятельности предшественников социал-демократии (ссылных народников в Сибири в 70–80 гг. XIX века) // Журналистика в Сибири. Иркутск, 1972. С. 75–85.
7. Круссер Р.Г. Общественно-политическая и научно-просветительская роль народнической ссылки в Сибири (70-е – начало 90-х годов XIX века) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1971. 359 с.
8. Ямпольский И.Г. К библиографии Ф. В. Волховского // Ученые записки Ленинградского университета. № 349. Серия филологических наук. Вып. 74: Русская литература и народничество. Л., 1971. С. 184–190.

9. Жиликова Н.В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе». Томск, 2008. С. 333–345.

10. Мазуров А.Е. Фельетонное творчество Ф.В. Волховского в контексте развития региональной сибирской периодики : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 252 с.

11. Жиликова Н.В. Русская классика в рецепции «Сибирской газеты» (г. Томск, 1881–1888) // Медиаскоп: электронный журнал. 2012. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000442819>

12. Деятели революционного движения в России: библиографический словарь: от предшественников декабристов до падения царизма Т. 2: Семидесятые годы: Вып. 1 / под ред. Ф.Я. Кона, А.А. Шилова, Б.П. Козьмина, В.И. Невского. М., 1929. 406 с.

13. Корнеев А.В., Шахматов Б.М. Волховский Ф.В. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 478–480.

14. Архив Библиотеки Гумеровского института. «Бумаги Феликса Вадимовича Волховского». Ящик 17.3.

15. Волховский Ф.В. Друзья среди врагов (из воспоминаний старого революционера). СПб., 1906. 31 с.

References

1. Zhilyakova, N.V. (2002) "Sibirskaya gazeta", g. Tomsk, 1881–1888 gg., kak yavleniye literaturnogo regionalizma ["Siberian Newspaper", Tomsk, 1881–1888, as a Phenomenon of Literary Regionalism]. Philology Cand. Diss. Tomsk. 237 p.

2. Domansky, V.A. (1996) F.V. Volkhovsky – neglasnyy redaktor "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkhovsky – Unofficial Editor of "Siberian Newspaper"]. In: *Russkiye pisateli v Tomske* [Russian Writers in Tomsk]. Tomsk. pp. 147–167.

3. Roshchevskaya, L.P. (1966) Poet volnoy pechati v sibirskoy ssylke (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya F.V. Volkhovskogo) [Poet of Free Press in Siberian Exile (On the 120th Anniversary of F.V. Volkhovsky's Birth)]. In: *Voprosy izucheniya i prepodavaniya literatury* [Issues of Literature Study and Teaching]. Tyumen. pp. 51–69.

4. Mazurov, A.E. (2022) "Provincial Essays" by Ranunculus (Feliks Volkhovsky) in Sibirskaya Gazeta (1882–1884). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 42–51. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/5

5. Library of Congress Archive (Rare Books and Special Collections). "George Kennan Papers". Box 1. "Letters from F.V. Volkhovsky to G. Kennan".

6. Andreev, B.M. (1972) O zhurnalistskoy deyatel'nosti predshestvennikov sotsial-demokratii (ssyl'nykh narodnikov v Sibiri v 70-80 gg. XIX veka) [On Journalistic Activities of Social Democracy Predecessors (Exiled Narodniks in Siberia in 1870-80s)]. In: *Zhurnalistsika v Sibiri* [Journalism in Siberia]. Irkutsk. pp. 75–85.

7. Krusser, R.G. (1971) *Obshchestvenno-politicheskaya i nauchno-prosvetitel'skaya rol narodnicheskoy ssylki v Sibiri (70-e – nachalo 90-kh godov XIX veka)* [Socio-Political and Educational Role of Narodnik Exile in Siberia (1870s – early 1890s)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

8. Yampolsky, I.G. (1971) K bibliografii F.V. Volkhovskogo [On F.V. Volkhovsky's Bibliography]. *Uchenyye zapiski Leningradskogo universiteta*. 349 (74). pp. 184–190.

9. Zhilyakova, N.V. (2008) Mezhdru literaturoy i zhurnalistikoy: felietony F.V. Volkhovskogo v "Sibirskoy gazete" [Between Literature and Journalism: F.V. Volkhovsky's Feuilletons in "Siberian Newspaper"]. In: *Amerikanskiye issledovaniya v Sibiri* [American Studies in Siberia]. Tomsk. pp. 333–345.

10. Mazurov, A.E. (2022) *Felietonnoye tvorchestvo F.V. Volkhovskogo v kontekste razvitiya regionalnoy sibirskoy periodiki* [F.V. Volkhovsky's Feuilleton Work in the Context of Regional Siberian Press Development]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

11. Zhilyakova, N.V. (2012) *Russkaya klassika v retseptsii "Sibirskoy gazety"* (g. Tomsk, 1881–1888) [Russian Classics in the Reception of "Siberian Newspaper" (Tomsk, 1881–1888)]. *Mediascope*. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000442819>

12. Kon, F.Ya. et al. (eds) (1929) *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii: bibliograficheskiy slovar* [Figures of the Revolutionary Movement in Russia: Bibliographical Dictionary]. Vol. 2, Issue 1. Moscow.

13. Korneev, A.V. & Shakhmatov, B.M. (1989) Volkhovsky F.V. In: *Russkiye pisateli 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers of 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 478–480.

14. Hoover Institution Archives. "Felix Vadimovich Volkhovsky Papers". Box 17.3.

15. Volkhovsky, F.V. (1906) *Druz'ya sredi vragov (iz vospominaniy starogo revolyutsionera)* [Friends Among Enemies (From Memoirs of an Old Revolutionary)]. St. Petersburg.

Информация об авторе:

Мазуров А.Е. – канд. филол. наук, научный сотрудник учебной лаборатории редакционно-издательского дела факультета журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.E. Mazurov, Cand. Sci. (Philology), research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.03.2024;
одобрена после рецензирования 18.05.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 12.03.2024;
approved after reviewing 18.05.2024; accepted for publication 19.05.2025.*

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.17223/19986645/95/14

От «пламенного революционера» – к «пламенному уфологу»: метаморфозы определения-советизма в современном медиатексте

Евгения Наумовна Басовская¹

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
jeni_ba@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается функционирование в материалах газеты «Коммерсантъ» 1993–2024 гг. прилагательного *пламенный*. Анализируется частотность лексемы и ее сочетаний с определяемыми словами. Рассматриваются аллюзии, основанные на поэтических цитатах. Автор приходит к выводу о том, что в 1990-х – начале 2000-х гг. доминантой использования прилагательного было пародийное снижение патетических советских идеологем; в дальнейшем отталкивание от новояза в значительной степени утратило выразительную силу, однако сохранилась возможность получения экспрессивного эффекта при отсылке к широко известным текстам, включающим слово *пламенный* в свой состав. Переставая ассоциироваться с советским идеологизированным дискурсом, прилагательное *пламенный* остается важным элементом словесной карнавализации, свойственной современному медиатексту.

Ключевые слова: медиаречь, газетный текст, новояз, советизм, аллюзия, стилистический диссонанс, ирония, комический эффект, карнавализация

Для цитирования: Басовская Е.Н. От «пламенного революционера» – к «пламенному уфологу»: метаморфозы определения-советизма в современном медиатексте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 245–260. doi: 10.17223/19986645/95/14

Original article

doi: 10.17223/19986645/95/14

From "fiery revolutionary" to "fiery ufologist": Metamorphoses of the Soviet-era attribute in the modern media text

Evgeniya N. Basovskaya¹

¹ *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
jeni_ba@mail.ru*

Abstract. The article examines the functioning of the adjective *fiery* ("plamenny") in materials of the *Kommersant* newspaper (1993–2024). The author analyzes the fre-

quency of the lexeme and its combinations with other words. The media text has numerous allusions based on poetic quotations. The author comes to the conclusion that in the 1990s – early 2000s the dominant use of the adjective was parody of pathetic Soviet ideologemes; later, the rejection of newspeak largely lost its expressive power, but the possibility of obtaining an expressive effect when referring to widely known texts that include the word *fiery* in their composition, remained. Ceasing to be associated with the Soviet ideological discourse, the adjective *fiery* remains an important element of verbal carnivalization typical for the modern media text.

Keywords: media speech, newspaper text, newspeak, Soviet-era vocabulary, allusion, stylistic dissonance, irony, comic effect, carnivalization

For citation: Basovskaya, E.N. (2025) From "fiery revolutionary" to "fiery ufologist": Metamorphoses of the Soviet-era attribute in the modern media text. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 245–260. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/14

Постановка проблемы и материал исследования

На протяжении последних десятилетий внимание исследователей современного русского языка в целом и медиаречи в частности закономерно привлекают советизмы – слова и словосочетания, представляющие собой «наименования характерных особенностей, присущих именно советской действительности» [1. С. 54], иначе говоря – элементы специфической советской языковой картины мира.

В ранний постсоветский период, когда в сознании значительной части языкового коллектива сохранялись модели и смыслы новояза, специалисты отмечали высокую активность такого приема, как ироническое обыгрывание советского речевого клише [2. С. 22; 3. С. 229–230; 4]. В дальнейшем число тех, у кого отсылки к формулам новояза вызывают живую реакцию, закономерно и неуклонно сокращалось, что привело к своего рода коммуникативному размежеванию: старшая часть аудитории СМИ по-прежнему считывает дополнительные смыслы, транслируемые с помощью советизмов, младшая же не замечает подобных слов и конструкций или воспринимает их как информационный шум. Эти процессы позволили ряду исследователей констатировать такое явление, свойственное русскому языку 2010–2020-х гг., как деактуализация советизмов [5, 6]. Тем не менее нет оснований говорить о полной утрате специфической советской лексикой прагматического потенциала, востребованного современной медиаречью. Более того – сегодня фиксируется частичное возрождение советских идеологем [7. С. 178], в том числе и на вербальном уровне, что делает изучение предшествующих этапов их функционирования особенно актуальным.

Статья посвящена анализу функционирования в газетных текстах 1990–2020-х гг. советского эпитета *пламенный*. В семантике данного относительного (тактильного – согласно терминологии Н.Г. Брагиной и А.Н. Кузьминой [8]) прилагательного метафорический качественный компонент реализуется уже в XVIII–XIX вв. Значение «относительно к действию некоторых страстей: сильный, стремительный», «пылкий, страстный» зафиксировано

дореволюционными толковыми словарями¹. Но именно в советский период прилагательное претерпело существенную семантическую трансформацию, охарактеризованную, в частности, Б.Ю. Норманом: «...многие прилагательные становятся знаковыми для определенных политических или идеологических ситуаций. Самое заметное проявление такого сдвига – нарастание оценочного компонента в семантике этих слов, их поляризация по оси “наш – не наш”» [9. С. 384]. И Б.Ю. Норман, и Н.Г. Брагина и А.Н. Кузьмина отмечают позитивный характер метафорического эпитета *пламенный*.

Интересно, что первый советский толковый словарь не зафиксировал специфических идеологических оттенков в значении прилагательного². Они нашли отражение в послевоенных справочниках, причем только в иллюстративном материале: «З. *перен.* Пылкий, страстный. Пламенный патриотизм. Пламенный революционер»³; «З. *Перен.* Пылкий, страстный (о человеке)... Но пламеннее всех бойцов, Как будто сто сердец в груди его. Погиб наш политрук Клочков. Светл. Двадцать восемь»⁴. И только в постсоветский период авторы специализированного словаря уверенно отнесли эпитет *пламенный* к разряду патетических советизмов, приведя в качестве иллюстраций ряд идеологических клише: *пламенный привет, пламенный борец за свободу, пламенный патриот социалистической родины* и др.⁵

На эмоциональный ореол прилагательного *пламенный* оказали существенное влияние как минимум два литературных текста. Во-первых, это строки из вошедшей в школьную программу поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри»: «Я знал одной лишь думы власть, / Одну – но пламенную страсть...»⁶. Данное прецедентное высказывание обеспечило стабильную «сцепку» слова *пламенный* с психологической тематикой и романтической стилистикой. Во-вторых, появившийся в 1920-х гг. и позднее ставший официальным гимном Военно-воздушных сил СССР «Авиамарш», или «Марш авиаторов» (слова П.Д. Германа)⁷, закрепил ассоциативную связь между метафорой *сердце – пламенный мотор* и героизмом советского человека.

¹ Словарь Академии Российской. Ч. 4. СПб. : Императорская Академия наук, 1793. Стб. 861; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб.; М. : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. Стб. 120.

² Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. Стб. 279.

³ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3: П–Р. 750 с. // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

⁴ Словарь современного русского литературного языка. Т. 9. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. Стб. 1301.

⁵ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. С. 440.

⁶ Лермонтов М.Ю. Мцыри // Библиотека Максима Машкова. URL: <http://lib.ru/LITRA/LERMONTOW/mcyri.txt>

⁷ Герман П.Д. Авиамарш // Библиотека российских авторов Bibra.ru. URL: <https://bibra.ru/composition/aviamarsh-vse-vyshe/>

История употребления и лексикографического описания слова *пламенный* порождает вопрос о том, может ли оно быть квалифицировано как советская идеологема или компонент ряда идеологем, а также о том, есть ли принципиальная разница между употреблением данного прилагательного как патетического средства широкого назначения и как сугубого советизма (данная проблема поставлена П. Червиньски, писавшим о том, насколько сложно алгоритмизировать анализ «советизированности» общеупотребительных слов [10. С. 119]). Применительно к нашему исследованию анализ этой проблематики означает постановку еще одного вопроса – о семантической базе языковой игры со словом *пламенный* в современном медиатексте. Что в ней преобладает – переосмысление речевого опыта новояза или общая тенденция к ироническому снижению высокого слова, преобразованию патетического эффекта в комический?

Цель исследования – определение тенденций, характеризующих применение данного средства выразительности в постсоветской медийной речи. В ходе лингвостилистического анализа медиатекстов решались следующие задачи:

- установление частотности определения *пламенный* в разные периоды;
- выявление наиболее типичной для рассматриваемого прилагательного лексической сочетаемости;
- характеристика типов применения эпитета (в рамках цитирования, в составе аллюзии, с ироническим переосмыслением и т.п.).

Материалом для статьи стали газетный подкорпус Национального корпуса русского языка и публикации газеты «Коммерсантъ» 1993–2024 гг. По данным компании «Медиалогия», в 2024 г. данное СМИ входило в топ-10 самых цитируемых газет¹. «Коммерсантъ» представляет также интерес как качественное медиа, ориентированное преимущественно на взрослую образованную аудиторию и в течение многих лет культивирующее языковую игру как средство диалога с читателем и воздействия на его интеллект и эмоции [11; 12]. Перечисленные особенности газеты «Коммерсантъ» дают основания для того, чтобы считать словоупотребление ее авторов показательным для развития медиадискурса постсоветского периода.

Количественный анализ полученных результатов

На первом этапе исследования было проведено сопоставление количественных данных, представленных в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и полученных самостоятельно (методом ручного подсчета) из сплошной выборки публикаций газеты «Коммерсантъ» 1993–2024 гг.

Национальный корпус русского языка показывает значительный рост частотности прилагательного *пламенный* в 1995 и 1997 гг., дальнейшее плав-

¹ Топ-10 самых цитируемых газет. Май 2024. Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/13179/>

ное снижение активности эпитета и новые, хотя и менее значительные подъемы частотности в 2013 и 2017 гг. В последнем учтенном газетным подкорпусом 2021 г. частотность слова *пламенный* минимальна.

В текстах газеты «Коммерсантъ» прилагательное *пламенный* максимально активно 1995, 1997, 2001, 2003 и 2005 гг., в дальнейшем его частотность почти неуклонно снижается, достигая нулевой отметки в 2020 г. и незначительно возрастая в 2021 г.

Таким образом, несмотря на неполное совпадение количественных данных, НКРЯ и сайт издательского дома «Коммерсантъ» демонстрируют общую тенденцию – возрастание активности слова *пламенный* в журналистской речи середины – конца 1990-х гг., его сохранение в числе востребованных газетизмов в 2000-х и начале 2010-х и стремительное движение в направлении периферии медийного лексикона в 2020-х гг. На наш взгляд, такая ситуация вполне закономерна. Привлекательность эпитета *пламенный* в ранний постсоветский период обусловлена вызываемыми им стойкими ассоциациями с новоязом и определяемыми этим широкими возможностями для стилизации и пародирования. В более позднее время обыгрывание советских речевых клише постепенно утрачивает актуальность, вследствие чего слово *пламенный* применяется значительно реже, сохраняя тем не менее определенный выразительный потенциал.

Данные НКРЯ и газеты «Коммерсантъ» имеют немало общего и в плане коллокаций. В газетном подкорпусе НКРЯ в 1993–2021 гг. в качестве наиболее частотных словосочетаний с рассматриваемым прилагательным отмечены следующие: *пламенная речь* (419 вхождений), *пламенный мотор* (99), *пламенная страсть* (77), *пламенный привет*, *пламенный революционер* (149), *пламенный борец* (55), *пламенная любовь* (36), *пламенный призыв* (29), *пламенная революционерка* (25), *пламенный оратор* (18). В газете «Коммерсантъ» 1993–2024 гг. чаще всего используются конструкции *пламенная речь* (195 вхождений), *пламенный революционер* (32), *пламенный борец* (20), *пламенная любовь* (17), *пламенный мотор* (17), *пламенная страсть* (15), *пламенный призыв* (13), *пламенное выступление* (9), *пламенный привет* (9), *пламенный Фидель* (7).

С целью получения сопоставимых результатов было проведено сопоставление данных НКРЯ и газеты «Коммерсантъ» за один и тот же временной промежуток – 1993–2021 гг. (таблица)

Сопоставление данных НКРЯ и газеты «Коммерсантъ» за 1993–2021 гг.

Словосочетание	Число вхождений в НКРЯ 1993–2021 гг.	Число вхождений в газете «Коммерсантъ» 1993–2021 гг.
<i>пламенная речь</i>	419	178
<i>пламенный революционер</i>	149	30
<i>пламенный мотор</i>	99	25
<i>пламенная страсть</i>	77	16
<i>пламенный борец</i>	55	15
<i>пламенный привет</i>	44	9

Словосочетание	Число вхождений в НКРЯ 1993–2021 гг.	Число вхождений в газете «Коммерсантъ» 1993–2021 гг.
<i>пламенная любовь</i>	36	3
<i>пламенный призыв</i>	29	14
<i>пламенная революционерка</i>	25	5
<i>пламенное выступление</i>	21	10
<i>пламенный оратор</i>	18	3
<i>пламенный Фидель</i>	3	7

Совпадение восьми из десяти наиболее частотных словосочетаний позволяет говорить о соответствии речевого поведения журналистов «Коммерсанта» общим тенденциям, касающимся функционирования лексемы *пламенный* в медиаречи 1990–2020-х гг.

Качественный анализ полученных результатов

Пламенная речь. Словосочетание *пламенная речь* фиксируется НКРЯ с 1830-х гг. и демонстрирует стабильно высокую частотность в дореволюционный, советский и постсоветский период; его активность снижается лишь в конце 2010-х – начала 2020-х гг. Эпитет *пламенный* применялся в художественной и публицистической речи XIX – начала XX столетия для характеристики эмоциональной речи влюбленных, религиозных деятелей и политиков. В советский период конструкция *пламенная речь* стала использоваться прежде всего для обозначения выступлений партийных деятелей на темы революции и коммунизма: «Он говорил *пламенные речи* о коммунизме... и на базарах многие плакали от его речей» (Пильняк Б.А. Волга впадает в Каспийское море. 1938); «В горячке общественной работы метался из комнаты в комнату, на каждом собрании выступал с *пламенными речами*, в каждую стенгазету писал статьи, в основном о борьбе за трудовую дисциплину» (Аксенов В.П. Коллеги. 1962)¹.

В газете «Коммерсантъ» прилагательное *пламенный* в большей части случаев применяется к речам политиков и известных общественных деятелей: «16 апреля Александр Рущкой выступил на заседании Верховного Совета России с *пламенной речью*, обличавшей, в числе прочего, незаконность приватизации на Дальнем Востоке» (23.04.1993); «В штаб-квартире ЮНЕСКО начался фестиваль “спасенных фильмов”... На церемонии присутствовали... звезды, многие из которых выступили с *пламенными речами*» (03.01.1995).

В одну тематическую группу со словосочетанием *пламенная речь* входят другие обозначения отправляемых неким адресантом сообщений: *пламенный призыв* (14 вхождений), *пламенное выступление* (9), *пламенный монолог* (6), *пламенное воззвание* (4), *пламенное послание* (3), *пламенное письмо* (2),

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://goo.su/SRE6qRq>; <https://goo.su/kwEuoZ>

пламенный спич (2), пламенные слова (2), пламенные тексты (2), а также пламенные дифирамбы, доклад, клич, манифест, молитва, напутствие, пассажи, проповедь, публицистика, сочинения, статьи, строчки, телеобращение, филиппики, фраза. Это лексическое богатство свидетельствует о том, что «пламенность» (страстность, внешняя яркость) устойчиво ассоциируются у журналистов с речевой деятельностью, прежде всего публичной.

В значительном числе примеров словосочетание *пламенная речь* и близкие к нему по смыслу конструкции помещаются в контекст, трансформирующий патетическое вербальное средство в комическое: «**Пламенные речи в пользу бедных** Камdessus произносил и на сессиях МВФ, и на саммитах “семерки”» (24.04.1996); «Но так ли уж плох нынешний министр?.. Может быть, чуть мягковат, зато обаятелен и умеет произносить **пламенные речи**. “Проколов” и “криминала” вроде не было» (23.08.1996); «Пятеро из них... даже выступили с **пламенным, но слегка корявым** письмом в тульской прессе...» (11.02.1998); «Под строгим наблюдением охраны (чуть ли не у каждого угла **подвыпившие** секьюрити наблюдали за каждым движением журналистов) прессу пустили в тесный зал заседаний, где собрались **пять** делегатов от Российского союза молодежи, **пять** членов Партии духовного возрождения России и **около сотни** остальных жириновцев – только для того, чтобы выслушать **пламенную речь** нового лидера нового блока» (14.10.1999); «Особенно **отличился** депутат от КПРФ Василий Шандыбин, уполномоченный наградить группу “Рефлекс”. Он держался **как на пленарном заседании и пламенную речь**, начинавшуюся словами “**Уважаемые товарищи!**”, закончил пожеланием “патриотических песен во славу России и нашего народа”» (18.11.2002); «...**сволочной** Брюсов бросает очередную жертву, педантичный Блок отчитывает Любовь Дмитриевну и тут же **строцит пламенное послание** Дельмас» (10.01.2022).

Средствами иронического снижения образа становятся фразеологизм с негативным значением *в пользу бедных*, неодобрительное определение стиля *корявый*, стилистически сниженные лексемы, такие как *проколы*, *подвыпившие*, *сволочной*, *строчить*, а также элементы канцелярского стиля (все это создает стилевой диссонанс), подчеркнутый автором алогизм (представительство партий на собрании – по пять человек от двух и около 100 от третьей) и т.д.

С течением времени пародийное снижение образа оратора, произносящего *пламенные*, т.е. излишне пышные, лишённые вкуса, а иногда и искренности речи, становится типичен для материалов на темы не столько политики, сколько кинематографа и спорта: «...однажды за общим советско-американским столом он **наезжает** на союзников, которые только самолетики слать горазды, вместо того чтоб давно открыть второй фронт – в этой **пламенной речи** фигурирует формулировка “**бабье** союзное”...» (10.06.2006); «После наиболее свежей осечки... тренеру Пи Джею Карлесимо даже пришлось **разразиться в раздевалке пламенной речью**, смысл которой сводился к тому, что так дальше жить нельзя, а надо брать себя в руки и цепляться за мячи и очки» (05.03.2013).

Необходимо подчеркнуть, что многократное ироническое использование словосочетания *пламенная речь* дает своего рода накопительный эффект: даже в тех случаях, когда в тексте отсутствуют очевидные приемы обыгрывания данного клише, привыкший к его комическим трансформациям читатель может воспринять само наличие данного оборота в качестве намека на саркастическое отношение журналиста к описываемому явлению. Данное явление предлагается условно назвать «ироническим эхо-эффектом».

Пламенный революционер. Вторую тематическую группу составляют словосочетания, в которых эпитет *пламенный* характеризует человека – носителя соответствующих качеств: страстности и преданности идее или делу. В нее входят обороты *пламенный революционер* (*пламенная революционерка*), *пламенный агитатор*, *боец*, *большевик*, *борец*, *вождь*, *единомышленник*, *защитник*, *критик*, *любовник*, *сторонник*, *народный герой*, *оппозиционер*, *оппонент*, *оратор*, *патриот*, *певец*, *поборник*, *поклонник*, *полководец*, *провозвестник*, *проповедник*, *публицист*, *республиканец*, *реформатор*, *романтик*, *трибун*, *троцкист*, *шестидесятник*, *пламенные комсомольцы* и *пламенные феминистки*. В перечисленных и некоторых подобных конструкциях эпитет *пламенный* используется традиционно – с целью акцентировать идейную убежденность и харизматичность личности.

Интересна способность определения *пламенный* сигнализировать о противоположных оценках объекта автором высказывания. *Пламенный N* может означать как «наш», «достойный восхищения», так и «не наш», «заслуживающий насмешливого отношения», причем второй вариант интерпретации в газете «Коммерсантъ» абсолютно количественно преобладает. Если ментальная конструкция *пламенный = наш* соответствует критически воспроизводимой журналистом чужой речи («...о мотивах убийства /генерала Рохлина/ весьма охотно *разглагольствовали* представители разномастной оппозиции. Суть высказываний сводилась к одной фразе: “Преступный режим уничтожил *пламенного борца и народного героя*”» (08.07.1998), то оценка *пламенный = чужой* присутствует почти во всех контекстах с использованием данного определения по отношению к конкретному лицу: «человек с *популистским имиджем пламенного бойца*» (21.03.2004); «научился ли политик быть *не только пламенным вождем, но и крепким хозяйственником*» (23.12.2008) и др.

Выявлены в процессе анализа газетных текстов и нестандартные сочетания, парадоксальность которых дает комический эффект: *пламенные дармеды* (1996), *пламенный шут* (1997), *пламенный строитель капитализма*, *пламенный эгоцентрик* (1998), *пламенные фаны* (2000), *пламенный старичок* (2001), *пламенные бородачи*, *пламенный борец за нефтедоллары* (2002), *пламенные джигиты* (2004). Начиная с середины 2000-х обороты этого типа в «Коммерсанте» не встречаются. Редкое исключение составляет конструкция *пламенные уфологи*, использованная в приложении «Коммерсантъ Weekend» 25.08.2023. Журналисты постепенно перестают юмористически использовать слово *пламенный* в сочетании с очевидно не подходящими к нему

семантически и стилистически существительными. При этом ироническое переосмысление советских коллокаций с прилагательным *пламенный* сохраняет активность. Вероятно, такое различие можно объяснить тем, что специфическая, соотносящаяся с советским новоязом экспрессия клише значительно мощнее, чем аналогичный выразительный заряд отдельного слова.

Высокая частотность конструкции *пламенный революционер* в определенной степени объясняется влиянием прецедентного высказывания – названия книжной серии «Пламенные революционеры», вышедшей в СССР с 1968 по 1990 г. и пользовавшейся большой популярностью у читателей¹. Использование словосочетания предполагало, таким образом, отсылку к советской системе ценностей, в которой пламенные революционеры были безусловными героями и двигателями исторического прогресса. Данный идейный базис на протяжении десятилетий давал две возможности – или опереться на готовую высокую экспрессию конструкции, или произвести ее карнавальное снижение. Второй вариант закономерно оказался преобладающим с учетом общей тенденции к карнавализации, отличающей коммуникацию последних десятилетий [13. С. 16].

В газете «Коммерсантъ» словосочетание *пламенный революционер* (*пламенная революционерка*, *пламенные революционеры*) встречается один-три раза в год с 1993 по 2017 г. В журналистской речи обозначение *пламенный революционер* (*пламенная революционерка*) применяется по отношению к лидеру кубинской революции Фиделю Кастро (несколько раз отмечается и вариант *пламенный Фидель*), аргентинскому левому политику Че Геваре (есть варианты *пламенный Че Гевара* и *пламенный товарищ Че*), немецкой коммунистке Кларе Цеткин, одному из вождей русской революции Льву Троцкому, а также французским деятелям искусства – карикатуристу Оноре Домье и режиссеру Жан-Люку Годару. Пламенная революционность толкуется, следовательно, не сугубо политически – она распространяется и на область духовной культуры. Во всех упомянутых контекстах явные признаки иронии отсутствуют, что не исключает, однако (особенно когда затрагивается политическая тематика), читательской реакции на словосочетания *пламенный революционер*, *пламенная революционерка*, *пламенные революционеры* как на маркеры советского новояза и, соответственно, идейной чуждости.

В отдельных случаях словосочетание берется в кавычки и функционирует как элемент и характерный признак чужой речи: «Сегодня, 2 октября, исполняется 56 лет лидеру движения “Трудовая Россия” Виктору Анпилову. С днем рождения Виктора Анпилова поздравляет депутат Государственной думы РФ, рабочий Василий Шандыбин: – Знаю я Виктора Ивановича очень давно, это *пламенный революционер*, отстаивающий интересы народа» (02.10.2001).

¹ См., например: Жукова В.А., Литовская М.А. Серия «Пламенные революционеры»: исторический роман как воспитатель свободомыслия // Филология и культура. 2012. С. 97–103.

Кавычки могут не только обозначать границы чужого высказывания, но и использоваться как средство иронии. Так, об участнике антигосударственного мятежа 1993 г., обвиненном в экстремизме Андрее Мандрике говорится: «...сидя в СИЗО, “пламенный революционер” пытался выдвинуть свою кандидатуру в местное законодательное собрание и в Госдуму» (30.01.2002). Образ псевдореволюционера рисуется и в других публикациях газеты «Коммерсантъ». Например, об участнике боевой организации эсеров Иване Каляеве, бросившем бомбу в карету великого князя Сергея Александровича, сказано: «Впрочем, это сейчас он террорист, а совсем недавно считался *пламенным революционером*-патриотом, и его именем называли улицы» (29.03.2003).

Наконец, словосочетание *пламенный революционер* может помещаться, как и любая другая исходно патетическая словесная конструкция, с комически снижающий контекст. Именно в таком саркастическом тоне описывается в «Коммерсанте» политическое противостояние центральной и московской власти середины 1990-х гг.: «...пресса столичной мэрии громит федеральные власти с необычайным *революционным задором* – “но, как прежде, в строю комсомольцы двадцатого года”, – да и самого мэра трудно упрекнуть в недостатке *революционного пыла*. Обличаемая *пламенными революционерами* федеральная исполнительная власть тем самым по определению является контрреволюционной – как и вообще всякая власть, стремящаяся к самосохранению» (12.08.1995).

Комический эффект дает трансформация советского речевого клише, принятая редакцией в 2005 г., когда материал, посвященный съезду представителей компартий бывших республик СССР, вышел под заголовком «*Пламенные контрреволюционеры*» (18.04.2005). Через два года один из ведущих публицистов «Коммерсанта» Андрей Колесников сугубо иронически интерпретировал поведение президента Венесуэлы Уго Чавеса, приглашенного вместе с другими политическими лидерами на скачки в Ростове-на-Дону: «Вместе с тем президент Венесуэлы несколько раз вставал со своего места, *переминался* с ноги на ногу, но как-то *не решился* подойти к столу с президентами СНГ. И что-то эта история не вязалась с образом *пламенного революционера*, который обязан был бы уже давно обратить на себя внимание – хотя бы криком “Ола!”. А мог бы, если такой уж *пламенный*, и скатерть *поджечь*» (02.07.2007). Среди прочих средств комического снижения образа политика здесь использована буквализация метафоры [14]: *пламенный* – тот, кто разжигает пламя.

Однако к концу 2010-х гг. ироническое обыгрывание образа *пламенного революционера* в газете «Коммерсантъ» прекращается. Видимо, журналисты чувствуют, что его потенциал как советизма практически исчерпан. В публикациях последнего периода обнаруживается даже попытка возродить изначальный патетический смысл конструкции, но в рамках не политической, а художественной и религиозной тематики. Одна из работ художника Гелия Коржева, представленная на выставке «Библия глазами сопреалиста», описывается так: «Все спроецировано на себя – с себя, с друзей и домашних писались пророки, апостолы и Богоматерь с младенцем. Конечно, будущим *пламенным революционером* – ведь “первым коммунистом был

Иисус Христос”» (16.01.2013). Данный прием нельзя, однако, назвать типичным для речевой практики «Коммерсанта» 2010–2020-х гг. Более показательна, на наш взгляд, утрата интереса публицистов к словосочетанию, переставшему быть удобным материалом для языковой игры, основанной на критическом осмыслении советского прошлого.

Пламенный мотор. Специального внимания заслуживает функционирование в газетных текстах 1990–2020-х гг. упоминавшегося выше метафорического словосочетания *пламенный мотор*, аккумулирующего в себе экспрессию идеологизированного советизма и широко известной цитаты. Специалистами неоднократно отмечалась способность прецедентного высказывания не только быть основой языковой игры, но и стимулировать, даже провоцировать ее в силу своей узнаваемости и большого ассоциативного шлейфа (см., например: [15. С. 71; 16. С. 225; 17. С. 39]).

Проанализированный материал дает примеры нетрансформированного воспроизведения текста-источника в большем или меньшем объеме. При этом пламенным мотором может быть, как и в оригинале, названо человеческое сердце: «*А вместо сердца пламенный мотор...* В TV-галерее в Центре современного искусства... открылся совместный выставочный проект Владислава Ефимова и Аристарха Чернышева “Тальвани”» (19.12.1996); «В момент той нашей встречи в Хараре Кастро был ровно в два раза старше меня: мне было 30, ему – 60. Он казался мне крепким стариком с *пламенным мотором*» (02.08.2006); «Спортивные плакаты, фотографии гимнастических пирамид: утрированная бронза мышц, стальные тросы сухожилий, *руки-крылья, пламенный мотор*» (10.11.2000); «История о том, как простой мужик... влюбился в балерину... обрел *вместо сердца пламенный мотор* и оказался на площади перед Зимним, на фронтах Первой мировой и в полях Чевенгура, – это цепочка талантливо инсценированных скетчей, воспроизводящих революционную манию искусственного формирования человека и жизни» (08.11.2017). Если в первых примерах тональность метафоры не отличается от присутствующей в первоисточнике (жизнеутверждающий гимн сильной и яркой личности), то в двух других *вместо сердца пламенный мотор* – характеристика советского человека, чья природа насильственно изменена политической системой.

Есть и немногочисленные случаи возвращения к буквальному значению слова «мотор» («Машина, преобразующая любой вид энергии в механический; двигатель»¹): «*Вместо сердца – пламенный мотор*, вместо остального – прочие механизмы. Сегодня в помещении автосалона New York Motors... состоится премьера спектакля “Тачка во плоти”...» (23.04.1994); «А народ разъезжался, надо заметить, неохотно. Некоторые, подружившись на всю жизнь, продолжали выпивать за крылатый металл, *пламенные моторы и стальные руки-крылья*. Из телевизионного репортажа мы узнали, что МАКС-2001 стал самым представительным за всю историю проведения

¹ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80&mode=slvari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80&mode=slvari&dicts[]=42)

авиакосмических салонов в России» (20.08.2001). Здесь буквализация метафоры дает, как уже отмечалось, стабильный иронический эффект.

Представлены в «Коммерсанте» и случаи трансформирующей аллюзии [18. С. 78], причем с вариантами преобразования обоих компонентов метафоры: «И вместо гонки – пламенный мотор» (О втором этапе чемпионата мира “Формула-1”) (28.03.2000); «А вместо сердца – пламенный насос. Вчера в Москву прилетел американский кардиохирург Майкл Дебейки» (19.04.2000); «А вместо сердца – пламенный насос. Джейсон Стейтем оживает в “Адреналине-2”» (17.04.2009); «Вместо секса – пламенный мотор. Открылся кинофестиваль “Окно в Европу”» (09.08.2011); «А вместо сердца пламенный ремонт. S7 сократит зимнее расписание из-за сложностей с двигателями Airbus» (11.10.2023); «А вместо сердца – пламенный АСИ» (Агентство стратегических инициатив) (22.05.2024). Тот факт, что языковая игра с цитатой из советской песни продолжается в газетном дискурсе дольше, чем ироническое использование отдельно взятого эпитета-советизма *пламенный*, свидетельствует о высоком выразительном потенциале прецедентных высказываний, даже изъятых из культурно-исторического контекста.

Заключение

Проведенное исследование дает основания для того, чтобы предложить ответы на поставленные в его начале вопросы.

Прилагательное *пламенный* не относится к числу сугубых советизмов, но на протяжении ряда десятилетий оно регулярно использовалось как ярко экспрессивный компонент советских идеологем, таких как *пламенный большевик*, *пламенный борец*, *пламенный патриот*.

Количественный и качественный анализ функционирования прилагательного *пламенный* в материалах газеты «Коммерсантъ» 1993–2024 гг. демонстрирует тенденцию к постепенному угасанию интереса журналистов к такому приему его использования, как пародийное снижение узнаваемого советского патетизма. При этом аллюзии, основанные на известных поэтических цитатах, включающих в себя эпитет *пламенный*, продолжают появляться на страницах газеты и в 2020-х гг. В этих случаях аттрактивный, комический и мнемонический эффект определяются не преодолением советского новояза, а более общими коммуникативными факторами – обманом читательских ожиданий и стилистическим диссонансом.

В результате исследования подтверждена «накопительная способность» слов и конструкций, в течение долгого времени использующихся в качестве выразительного средства. В соответствии с терминологией В.П. Григорьева, на которую ссылается Н.А. Фатеева, прилагательное *пламенный* может быть квалифицировано как экспрессема – «слово, несущее в себе отражение всех контекстов своего употребления» [19. С. 17]. Ранее для экспрессем, функционирующих преимущественно в публицистическом тексте, было предло-

жено рабочее обозначение «медиастилема» [20]. Проведенный анализ использования эпитета *пламенный* ярко продемонстрировал «эхо-эффект» подобных лексических единиц: с накоплением опыта их однотипного (в частности – иронического) применения они приобретают способность придавать микроконтексту определенную стилевую окраску даже без дополнительных усилий со стороны адресанта. В газетных публикациях XXI в. такие обозначения личности, как *пламенный борец*, *пламенный оратор*, *пламенный трибун* и т.п., воспринимаются скорее как саркастические, нежели как комплиментарные.

Таким образом, можно констатировать, что если в 1990-х – начале 2000-х гг. доминантой обыгрывания советизмов было отталкивание от новояза, то в настоящее время эта установка сменяется иной – на словесную карнавализацию, не имеющую прямой связи с идеологией, языковую игру как самоцель.

Список источников

1. Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи: социолингвистический аспект. М. : Наука, 1975. 323 с.
2. Земская Е.А. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Введение. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 9–31.
3. Седакова И.А. О советизмах в современной русской речи // Знакомый незнакомец. М. : РАН, Ин-т славяноведения и балканистики; Науч. центр общеслав. исслед., 1995. С. 225–235.
4. Басовская Е.Н. Старые имена – новые смыслы. Советизм как риторическое средство (на материале журнальных заголовков 2002–2003 гг.) // Современная политическая лингвистика : материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. С. 19–21.
5. Бушев А.Б. Русский язык: стремительная архаизация пласта советизмов, активная неологизация и изменения в коммуникации // Поволжский педагогический вестник. 2021. Т. 9, № 4 (33). С. 13–20.
6. Мамонова Ю.О. Деактуализация советизмов в семантико-лексикографическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2018. 204 с.
7. Кутина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015. 186 с.
8. Брагина Н.Г., Кузьмина А.Н. Тактильные метафоры и их функционирование в современном русском языке // Русская речь. 2019. № 5. С. 7–21.
9. Норман Б.Ю. О прагматических аспектах употребления относительных прилагательных (на материале газетных текстов) // Медиалингвистика. 2021. № 8 (4). С. 379–390.
10. Червиньски П. Семантика негативно-оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 118–133.
11. Астафьева И.А. Играть словами: прецедентные тексты на страницах газеты «Коммерсантъ» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 4 (25). С. 55–59.
12. Попова М.А. Качественная пресса как тип медийного дискурса в лингвориторической парадигме // Символ науки. 2016. № 1. С. 99–103.
13. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14–31.

14. Мокиенко В.М. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2012. Т. 25 (64), № 2 (1). С. 100–109.

15. Матвеева А.А. Структурно-семантические особенности языковой игры в прецедентных высказываниях в британском массмедийном дискурсе // Филология и культура. 2021. № 1 (63). С. 69–76.

16. Свешникова Н.В. Прецедентные феномены как источник языковой игры в публицистическом тексте // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты : сб. ст. по материалам II Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти С.Г. Стерлигова. Н. Новгород, 2021. С. 222–225.

17. Фацанова С.В. Трансформация прецедентных текстов как прием языковой игры в радиодискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 350. С. 36–39.

18. Басовская Е.Н., Воронцова Т.А. Аллюзивные заголовки в СМИ: аксиологический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 5 (487). С. 76–84.

19. Фатеева Н.А. Языковая креативность: подступы к теме // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 7. М., 2016. С. 13–28.

20. Басовская Е.Н. Семантическая эволюция слова и формирование медиастилемы (существительное *палач* в отечественной лексикографии и публицистическом тексте) // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2019. Т. 1, № 1. С. 79–90.

References

1. Protchenko, I.F. (1975) *Leksika i slovoobrazovaniye russkogo yazyka sovetской epokhi: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary and Word Formation of the Russian Language in the Soviet Era: A Sociolinguistic Aspect]. Moscow: Nauka.

2. Zemskaya, E.A. (1996) *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995). Vvedeniye* [The Russian Language at the End of the 20th Century (1985–1995). Introduction]. In: *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language at the end of the 20th century (1985–1995)]. Moscow: Yazyki russkoy kultury. pp. 9–31.

3. Sedakova, I.A. (1995) *O sovetizmakh v sovremennoy russkoy rechi* [About Sovietisms in Modern Russian Speech]. In: *Znakomyy neznakomets* [Familiar Stranger]. Moscow: RAN, In-t slavyanovedeniya i balkanistiki; Nauch. tsentr obshchestv. issled. pp. 225–235.

4. Basovskaya, E.N. (2003) *Staryye imena – novyye smysly. Sovetizm kak ritoricheskoye sredstvo (na materiale zhurnalnykh zagolovkov 2002–2003 gg.)* [Old Names – New Meanings. Sovietism as a Rhetorical Device (Based on Journal Headlines from 2002–2003)]. In: *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern Political Linguistics]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 19–21.

5. Bushev, A.B. (2021) *Russkiy yazyk: stremitelnaya arkhazatsiya plasta sovetizmov, aktivnaya neologizatsiya i izmeneniya v kommunikatsii* [Russian Language: Rapid Archaization of Sovietisms, Active Neologization and Changes in Communication]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik*. 9 (4). pp. 13–20.

6. Mamonova, Yu.O. (2018) *Deaktualizatsiya sovetizmov v semantiko-leksikograficheskom aspekte* [Deactualization of Sovietisms in Semantic-Lexicographic Aspect]. Philology Cand. Diss. Belgorod.

7. Kupina, N.A. (2015) *Totalitarnyy yazyk: Slovar i rechevyye reaktsii* [Totalitarian Language: Dictionary and Speech Reactions]. 2nd ed. Yekaterinburg: Ural University.

8. Bragina, N.G. & Kuzmina, A.N. (2019) *Taktilnyye metafory i ikh funktsionirovaniye v sovremennoy russkom yazyke* [Tactile Metaphors and Their Functioning in Modern Russian]. *Russkaya rech'*. 5. pp. 7–21.

9. Norman, B.Yu. (2021) O pragmaticeskikh aspektakh upotrebleniya odnositelnykh prilagatelnykh (na materiale gazetnykh tekstov) [On Pragmatic Aspects of Using Relative Adjectives (Based on Newspaper Texts)]. *Medialingvistika*. 8 (4). pp. 379–390.

10. Chervinski, P. (2007) Semantika negativno-otsenochnykh kategoriy pri oboznachenii lits v yazyke sovetской deystvitelnosti [Semantics of Negative Evaluative Categories When Designating Persons in the Language of Soviet Reality]. *Politicheskaya lingvistika*. 3 (23). pp. 118–133.

11. Astafyeva, I.A. (2019) Igrat slovami: pretsedentnyye teksty na stranitsakh gazety "Kommersant" [Playing with Words: Precedent Texts in Kommersant Newspaper]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya*. 4 (25). pp. 55–59.

12. Popova, M.A. (2016) Kachestvennaya pressa kak tip mediynogo diskursa v lingvoritricheskoy paradigme [Quality Press as a Type of Media Discourse in the Linguo-Rhetorical Paradigm]. *Simvol nauki*. 1. pp. 99–103.

13. Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (2021) Tendentsii razvitiya sovremennogo diskursa [Trends in the Development of Modern Discourse]. *Aktualnyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 1. pp. 14–31.

14. Mokiyenko, V.M. (2012) Frazеologiya i yazykovaya igra: dinamika formy i smysla [Phraseology and Language Play: Dynamics of Form and Meaning]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki*. 25 (64), 2 (1). pp. 100–109.

15. Matveyeva, A.A. (2021) Strukturno-semanticheskiye osobennosti yazykovoy igry v pretsedentnykh vyskazyvaniyakh v britanskom massmediynom diskurse [Structural and Semantic Features of Language Play in Precedent Utterances in British Media Discourse]. *Filologiya i kultura*. 1 (63). pp. 69–76.

16. Sveshnikova, N.V. (2021) Pretsedentnyye fenomeny kak istochnik yazykovoy igry v publitsisticheskoy tekste [Precedent Phenomena as a Source of Language Play in Journalistic Texts]. In: *Yazyki i kultura: funktsionalno-kommunikativnyy i lingvopragmaticheskiy aspekty* [Languages and Cultures: Functional-Communicative and Linguo-Pragmatic Aspects]. Nizhny Novgorod. pp. 222–225.

17. Fashchanova, S.V. (2011) Transformatsiya pretsedentnykh tekstov kak priem yazykovoy igry v radiodiskurse [Transformation of Precedent Texts as a Method of Language Play in Radio Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. pp. 36–39.

18. Basovskaya, E.N. & Vorontsova, T.A. (2024) Allyuzivnyye zagolovki v SMI: aksiologicheskiy aspekt [Allusive Headlines in Mass Media: Axiological Aspect]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5 (487). pp. 76–84.

19. Fateyeva, N.A. (2016) Yazykovaya kreativnost: podstupy k teme [Language Creativity: Approaches to the Topic]. In: *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. Iss. 7. Moscow. pp. 13–28.

20. Basovskaya, E.N. (2019) Semanticheskaya evolyutsiya slova i formirovaniye mediastilemy (sushchestvitelnoye palach v otechestvennoy leksikografii i publitsisticheskoy tekste) [Semantic Evolution of Words and Formation of Media Stylemes (The Noun "Executioner" in Russian Lexicography and Journalistic Texts)]. *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. 1 (1). pp. 79–90.

Информация об авторе:

Басовская Е.Н. – д-р филол. наук, заведующая кафедрой медиаречи Института журналистики и медиаиндустрий Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: jeni_ba@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.N. Basovskaya, Dr. Sci. (Philology), head of the Media Speech Department, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: jeni_ba@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.08.2024;
одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 02.08.2024;
approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 19.05.2025.*

Научная статья
УДК 070: 908
doi: 10.17223/19986645/95/15

Журналистская и литературная деятельность Г.В. Доброскока на Кубани

Юрий Викторович Лучинский¹, Марина Васильевна Безрукавая²,
Зарема Шихамовна Кидакоева³

^{1, 2, 3} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹ lyv22@mail.ru

² sea_pearl_@mail.ru

³ kidakoeva@gmail.com

Аннотация. Рассмотрено литературное, журналистское и драматургическое наследие Г.В. Доброскока, связанное с его пребыванием в Кубанской области. Определены основные этапы его творчества. Изучены исторические драмы Г.В. Доброскока, связанные историей Запорожской Сечи и Черноморского казачьего войска. Проанализирован его очерк в газете «Кубань», в которой описан его арест и заключение под стражу за публикацию святочного рассказа «Предсказание Марка Проклятого». Описана постановка исторической драмы Г.В. Доброскока «Казачьи прадеды» в год открытия памятника запорожцам на Тамани в 1911 г.

Ключевые слова: творческая деятельность Г.В. Доброскока, литературное краеведение, кубанская периодика, литературно-краеведческий контент

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта № МФИ-20.1/8.

Для цитирования: Лучинский Ю.В., Безрукавая М.В., Кидакоева З.Ш. Журналистская и литературная деятельность Г.В. Доброскока на Кубани // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 261–277. doi: 10.17223/19986645/95/15

Original article
doi: 10.17223/19986645/95/15

Gavriil Dobroskok's journalistic and literary activities in Kuban

Yurij V. Luchinsky¹, Marina V. Bezrukavaya², Zarema Sh. Kidakoyeva³

^{1, 2, 3} Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

¹ lyv22@mail.ru

² sea_pearl_@mail.ru

³ kidakoeva@gmail.com

Abstract. The study of the creative biographies of writers and journalists who represent regional cultural traditions remains relevant for both contemporary media studies and regional literary scholarship. This article investigates the journalistic, literary, and dramatic heritage of Gavriil Vasilyevich Dobroskok, whose significant portion of life

was associated with the Kuban region. A detailed analysis is conducted on the publication of his Christmas story "Predskazanie Marka Proklyatogo" [The Prediction of Mark the Accursed] in the newspaper *Kuban'* in December 1905, which led to the author's arrest and subsequent conflict with local intellectual circles. It is demonstrated that the separate publication of Dobroskok's drama *Sichevoy Orel* [Sich Eagle] in Yekaterinodar in 1906 marked the beginning of a series of his literary works connected with the history of the Zaporizhian Sich and the Black Sea Cossack Host. As a result of the conducted research, the main stages of Dobroskok's creative path were identified, documents related to his unsuccessful attempt to publish his own newspaper *Kubanskaya Gromada* [Kuban Community] were introduced into academic discourse, and the plot features of his historical drama *Kazach'i Pradedy* [Cossack Ancestors] were showcased. The main characters of this drama represent the heroes of the resettlement of the Zaporizhian Cossacks to Kuban. The aim of this article is to provide a comprehensive analysis of Dobroskok's journalistic and literary works within the general context of the development of Kuban periodicals and literature in the early twentieth century. Historical-typological and comparative methods of research, content analysis of newspaper and literary materials, as well as archival sources were used in the study.

Keywords: creative work of Gavriil Dobroskok, literary local history, Kuban periodicals, regional literary content

Acknowledgments: The research is carried out with the financial support of the Kuban Science Foundation in the framework of the scientific project № MFI-20.1/8.

For citation: Luchinsky, Yu.V., Bezrukavaya, M.V. & Kidakoyeva, Z.Sh. (2025) Gavriil Dobroskok's journalistic and literary activities in Kuban. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 261–277. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/15

Введение

Изучение дореволюционного литературно-журналистского наследия, связанного с культурным развитием того или иного региона, сохраняет свою актуальность в современной отечественной медиалогии. Из обобщающих работ по исторической медиарегионалистике можно отметить монографии Аверячкиной [1], Е.В. Ахмадулина и А.И. Станько [2], В.Ф. Блохина [3], Н.В. Жиликовой [4], О.И. Лепилкиной [5], Ю.В. Лучинского [6], Д.В. Силаковой [7], В.В. Шевцова [8], О.Г. Шильниковой, Ю.Б. Балашовой и С.С. Васильевой [9] и др.

Рост числа исследований по истории и типологии провинциальной прессы привел к постановке вопроса о необходимости создания энциклопедии региональной печати, о чем впервые было заявлено на майской сессии Академии наук региональной печати России в Воронеже в 2012 г. и подтверждено на октябрьской сессии в Ростове-на-Дону в 2022 г.

Профессор Г.В. Жирков предложил структуру подобного справочного издания, в которой, наряду с прочими, выделяются такие позиции, как «статьи о кадрах журналистики региона (редакторы, издатели, литераторы, публицисты, сатирики, журналисты, репортеры, художники, фотографы, дизайнеры и др.); персоналии – биографии ведущих редакторов, издателей, цензоров, литераторов, сотрудничавших в региональной печати, публицистов,

сатириков, журналистов, репортеров, художников, фотографов, дизайнеров и др.)» [10. С. 11].

В этом аспекте восстановление творческих биографий отдельных журналистов и литераторов приобретает особое значение. В истории дореволюционной кубанской культуры интерес вызывает фигура писателя, драматурга и журналиста Гавриила Васильевича Доброскока (1878–1938), биографии и литературному наследию которого посвящены несколько научных статей В.К. Чумаченко [11. С. 17–22; 12. С. 275–284], словарная статья А.Н. Еремевой [13]. Издательская деятельность Г.В. Доброскока затрагивается в монографии А.И. Слуцкого [14].

Системное изучение кубанского периода литературно-журналистской деятельности Г.В. Доброскока с привлечением новых архивных источников и анализа газетных материалов сохраняет свою значимость как для литературного краеведения, так и истории региональной журналистики. В настоящей статье впервые рассматривается журналистская деятельность Г.В. Доброскока и вводится в научный оборот его публикация «Десять дней» в газете «Кубань» в 1906 г., детально анализируются его пьесы «Сичевой орел» (1906) и «Казацкие прадеды» (1911), показывается специфика развития его творчества на Кубани.

Объектом исследования является журналистская и литературная деятельность Г.В. Доброскока в контексте развития историко-культурного ландшафта Кубанской области начала XX в. Предмет исследования составили журналистские и литературные материалы Г.В. Доброскока, нашедшие свое отражение в информационном пространстве Кубанской области данного периода. В ходе исследования были использованы историко-биографический, историко-типологический и сравнительно-сопоставительный методы, а также контент-анализ.

Г.В. Доброскок: страницы биографии

Гавриил Васильевич Доброскок родился 25 марта 1878 г. в слободе Деркачи Деркачевской волости Харьковского уезда Харьковской губернии. Эта слобода находилась в 15 верстах от Харькова, и население ее, преимущественно государственные крестьяне, составляло около 7 000 жителей. Из любопытных подробностей, приводимых в «Харьковском календаре», можно узнать, что в Деркачах на две церкви и одну школу приходилось 15 питейных домов [15. С. 366].

Обучение Г.В. Доброскок продолжил в престижном Харьковском реальном училище. Оно было основано в 1873 г., состояло из семи основных классов, подготовительного и восьми параллельных отделений, и в период пребывания в нем Г.В. Доброскока в нем обучалось 714 учеников. Директором с 1878 г. по 1906 г. был действительный статский советник В.В. Шихов, «недурной педагог и администратор, в первое время действительно хорошо по-

ставивший преподавание в Училище, благодаря чему все харьковцы, державшие конкурс в Технологический Институт, стояли во главе конкурентов» [16].

Училище Г.В. Доброскок окончил в 1897 г. В том же году профессор историко-филологического факультета Императорского Харьковского университета и заведующий Харьковским историческим архивом приступил к сбору материалов по истории Харькова, для этого нужна была команда помощников, и Г.В. Доброскок оказался в их числе и был привлечен к изучению документов по истории Харьковского слободского казачьего полка.

Сохранилось письмо Г.В. Доброскока Д.И. Багалию, свидетельствующее о его интересе к истории казачества:

Один из моих знакомых писал мне из Харькова, что он носил к вам некоторые мои портреты масляными красками, изображающие гетманов, вы долго рассматривали и сказали ему, что это довольно редкие экземпляры, живопись можно отнести к концу прошлого и началу этого столетия, Университетский музей с удовольствием приобрел бы их и также их можно было бы поместить в здании публичной библиотеки. Я думал в конце концов на закате своих дней подарить их одному из харьковских музеев, но сырой климат, в котором я живу, какие-то бичи кавказских культурных жителей – микроскопические жучки и главное: моя пока кочевая жизнь скоро покончит с живописью, которая в сухом и светлом музее существовала бы много и много лет. Подарить я не могу их, так как они обошлись мне теперь очень и очень дорого, но продать за условленную плату, если найдутся покупатели, то с удовольствием, лишь бы они достались потомству [17. С. 20].

Во время работы в архиве Г.В. Доброскок начал публиковаться в харьковской газете «Южный край», основанной в 1880 г. и издававшейся А.А. Иозефовичем.

Несмотря на интерес Г.В. Доброскок к истории и литературе, он по окончании реального училища мог поступать в университет только на физико-математический и медицинский факультеты, но не на историко-филологический. И он решил выбрать Харьковский ветеринарный институт, имевший почти полувековую историю, – институт был открыт как ветеринарное училище еще в 1851 г., а в 1873 г. преобразован в институт. С 1884 г. директором института являлся доктор медицины, специалист в области ветеринарной эпизоотологии, микробиологии и патологической анатомии А.А. Раевский.

По условиям приема в ветеринарный институт можно было поступать без экзаменов лицам, достигнувшим шестнадцати лет, но выпускник реального или кадетского училища должен был сдать латынь в объеме первых трех классов гимназии. После двух лет подготовки Г.В. Доброскок поступил в институт, но проучился всего лишь год, бросив его в 1900 г.

К этому времени он делал первые шаги в литературе и драматургии, выпустив отдельной книжкой рассказ «Хам» (Харьков, 1901), а также написав драму «Галочка» и водевиль «Картузи по заслуги» [12].

Трудно сказать, что заставило Г.В. Доброскока покинуть Харьков и перебраться в 1900 г. в город Поти Кутаисской губернии, где он устроился на должность агента Закавказской железной дороги. В 1903 г. он переехал в

Баку и стал публиковаться в местных газетах «Каспий», которую редактировал Алимардан-бек Топчибашев, «Бакинские известия» под редакцией Н.А. Гринева и «Баку» под редакцией А.Н. Лаврова.

В Екатеринодар Г.В. Доброскок переехал в январе 1904 г., где проработал заведующим городской публичной библиотекой имени А.С. Пушкина до 1917 г., активно участвуя в литературно-журналистской и культурной жизни столицы Кубанской области. Екатеринодарская городская публичная библиотека была открыта в конце января 1900 г., и ее первыми заведующими оказались лица левых взглядов – участник марксистского кружка И.А. Кузнецов и большевик В.С. Попов, младший брат известного пролетарского писателя А.С. Серафимовича. Именно В.С. Попов, выступавший в дальнейшем в периодической печати под именем Попов-Дубовский и входивший в редколлегия газеты «Правда», привлек Г.В. Доброскока к библиотечной работе:

В библиотеку я поступил, чтобы она не попала в руки черносотенцев, а перед этим собирался ехать в Харьков учиться. Раньше заведующим работал Попов, но он уезжал, и меня пригласили поработать хотя бы временно до августа, чтобы сохранить нелегальную литературу. Я согласился, а потом работа понравилась, я втянулся и остался [11. С. 21–22].

С самого начала существования библиотеки ежегодно публиковались отчеты о ее деятельности, первый из них («Отчет Екатеринодарской городской публичной библиотеки имени А.С. Пушкина за 1901 год» на 26 страницах) был составлен И.А. Кузнецовым и напечатан в типографии А.А. Тиля.

С 1904 г. составление ежегодных отчетов перешло в руки Г.В. Доброскока, и он все эти годы добросовестно исполнял свои обязанности, а в отчете за 1904 г. было указано следующее:

При участии всех членов комиссии, вместо отказавшегося от должности библиотекаря В.С. Попова и его помощницы М.М. Кастиловской, были избраны библиотекарем член союза драматических писателей Г.В. Доброскок, а помощницей библиотекаря А.О. Комличенко. Решено было оклад библиотекарю назначить 720 и квартирные 300 руб. в год [18. С. 6].

Спокойной библиотечной деятельности вскоре пришел конец, так как события конца 1905 г. привели к радикализации как в стране, так и в столице Кубанской области:

Достаточно посмотреть на октябрьскую хронику первой половины месяца:

«4 октября. Революционная демонстрация на Красной улице в Екатеринодаре. Разгром музыкально-оружейного магазина Гуренкова и Болденкова.

5 октября. Вновь революционная демонстрация на Красной улице; побитие стекол в типографии «Согласие» и хождение толпы по улице с красными флагами, революционными песнями и речами.

6 октября. Собрание по городу Екатеринодару в разных местах учащих для демонстрации и разгон их казаками.

16 октября. В Екатеринодаре патриотическая манифестация».

В Екатеринодаре на следующий день после опубликования манифеста начались волнения, перешедшие в погром, длившийся с 18 по 20 октября. Симптоматичным обстоятельством стал и тот факт, что особое раздражение толпы вызвала пресса [6. С. 193–194].

Начало журналистской деятельности на Кубани

С газетой «Кубань» (второй частной газетой на территории Кубанской области после газеты с одноименным названием, выходившей в Екатеринодаре в 1882–1885 гг.) был связан первый опыт публикации Г.В. Доброскока в кубанской печати, а также первый конфликт с местной администрацией, приведшей к аресту и недолговременному пребыванию в тюремном заключении.

Газета «Кубань» братьев М.Ф. и А.Ф. Филипповых появилась на информационном поле Кубанской области в октябре 1905 г. и сразу же привлекла внимание властей направленностью своих материалов. В ноябре М.Ф. Филиппов покинул Екатеринодар, чтобы передать руководство газетой своему брату. До приезда А.Ф. Филиппова фактическим редактором «Кубани» до конца 1905 г. был назначен случайно оказавшийся в столице Кубанской области известный библиограф А.Д. Торопов, издававший в 1894–1896 гг. в Москве ежемесячный журнал местного библиографического кружка «Книговедение», но не имевший опыта газетной работы.

Итогом редакторства А.Д. Торопова стал его арест, связанный с публикацией в газете «Кубань»:

Приводим список лиц, арестованных за нарушение обязательств, постановление изданных 17 декабря 1905 для местностей Кубанской области, объявленных по положению усиленной охраны, согласно именному Высочайшему Указу Правительствующему Сенату от 29 ноября 1905 г.

23 декабря на 3 месяца: учитель Дмитрий Полуян, студент Александр Шварц, студент Лонгин Герус, учитель Михаил Ефимов, урядник станицы Елизаветинской Василий Полуян (освобожденный 2 января), 28 декабря отставной коллежский секретарь (редактор «Кубани») Торопов Андрей (освобожден 31 декабря), 30 декабря библиотекарь Екатеринодарской городской библиотеки им. Пушкина Гавриил Доброскок (освобожден 7 января) [19].

Так в одной камере вместе с отцом и братом будущего председателя Совнаркома Кубанской и Кубано-Черноморской советских республик Я.В. Полуяна, а также с будущим депутатом II Государственной Думы Л.Ф. Герусом оказались фактический редактор газеты «Кубань» А.Д. Торопов и Г.В. Доброскок, автор «святочного рассказа» под названием «Предсказание Марка Проклятого», опубликованного 25 декабря в той же газете.

Сатирическая стилизация Г.В. Доброскока на тему малороссийских легенд о Марке Проклятом (или Марко Пекельном, казаке, побывавшем в аду и не находящем себе пристанища ни на том свете, ни на этом) носила явно политизированный характер, что было отмечено помощником присяжного поверенного М.П. Скальским в первом же номере газеты «Кубань» за 1906 г.:

Если в статье Доброскока и содержатся ядовитые суждения по адресу некоторых лиц из местной администрации, то отсюда еще как «до неба» далеко, чтобы считать это «государственным преступлением», так как чтобы стать таковым, «дерзостное выражение неуважения» относилось к верховной власти, к управлению верховному, а не к органам подчиненного управления, к каковым относятся местные генералы [20].

Надо отметить, что в «Предсказании Марка Проклятого» обращение к историческим персонажам типа Максима Железняка, предводителя гайдамаков времен Колиивщины, и Петра Калнышевского, последнего кошевого атамана Запорожской Сечи, также было тенденциозным.

Сам Г.В. Доброскок не скрывал своего намерения, о чем написал в трилогии «Десять дней», опубликованной в шести номерах газеты «Кубань», сразу же после выхода на свободу (трехмесячный срок был сокращен до десятидневного):

Я, пользуясь правом беллетриста, еще извратил историю, идеализируя эти фамилии, вывел их витязями, готовыми отдать за народ и душу, и тело, тогда как на самом деле они принадлежали к той старшине, которая вместе со знаменитыми пройдохами 18-го века, графами Zubovыми, продали Запорожье, а Калнышевского с честной старшиной упекли в монастыри и тюрьмы [21. № 14. С. 4].

«Десять дней», состоявшие из трех частей («Изловили», «На гауптвахте» и «В тюрьме»), представляли своего рода журналистский отчет о пребывании Г.В. Доброскока в заключении. Подробные зарисовки из тюремного быта, меткие характеристики стражей порядка и заключенных, а также собственный анализ «Предсказания Марко Проклятого» не только привлекли внимание читателей «Кубани», но и привели к новому инциденту.

Дело в том, что Г.В. Доброскок позволил себе резкие выпады в адрес П.П. Короленко, архивариуса войскового архива Кубанского казачьего войска, подвергнув критике только что вышедшую книгу «Головатый, кошевой атаман Черноморского казачьего войска»:

Сей доморослый историк «никогда не иде на совет нечестивых» и потому все его писательство сводится к тому, чтобы из черного сделать белое и наоборот. Так, например, желание предков нынешнего Кубанского войска отстоять свою автономию он считает за позорное и богопротивное деяние, и за облизывание рук разным сильным мира сего Головатому он курит фимиами и ставит в высшую заслугу перед историей. Удивительный способ писать историю: в каждой строчке автор кричит – пожалуйста крестик, дайте прибавочку, и это между прочим о сем «опекуне осиротелых произведений» [21. № 8. С. 4].

В конце апреля 1906 г. последовал ответ П.П. Короленко, оскорбленного нападками со стороны Г.В. Доброскока:

Прочитав все это, я только руками развел. Что бы это значило? Откуда на меня такая напасть?

Доброскока я вовсе не знаю. За что он меня называет такими обидными словами, да ещё и клеветает? Входить в полемику с Доброскоком у меня ни времени, ни охоты нет [22].

Редакция официальной газеты «Кубанские областные ведомости», в которой было размещено открытое письмо П.П. Короленко, поддержала семидесятидвухлетнего историка:

Не можем не прибавить от себя, что известный всему казачьему войску своими трудами и преданный лучшим традициям этого войска Прокофий Петрович Короленко является одним из выдающихся знатоков Запорожья и Кубанского войска. Будучи действительным членом Императорского Одесского общества истории и древностей, членом историко-филологического общества при Императорском Харьковском университете и Таврической учёной архивной комиссии и почётным членом Кубанского областного и Ставропольского губернского статистического комитетов, а также общества любителей изучения Кубанской области П.П. Короленко известен как знаток и неутомимый труженик и вполне заслуженно уважаем. Немало трудов и монографий его по истории Запорожья и Кубанского казачьего войска вышли в свет и нам никогда не приходилось в литературе встречать какой-либо упрек по адресу указанных трудов. И не Доброскоку, конечно, посылать эти упреки знатоку Запорожья. Мы искренне рады, что можем поместить присланное нам опровержение как доказательство того, как иногда малосведущие люди рискуют критиковать в печати то, о чём имеют смутное представление [23].

«Сичевой орел»: запорожская драма

Отношения Г.В. Доброскока с местными интеллектуальными кругами складывались непросто. В тех же «Кубанских областных ведомостях» появился материал, подписанный псевдонимом «Староста палаты № 6». В нем автор с изрядной долей сарказма приглашал Г.Д. Доброскока «на жительство в палату № 6, где сейчас проживают все дегенераты. Мы просим его оставить газету “Кубань” в покое и прийти к нам. У нас он может принимать трагические и величественные позы, и мы будем награждать его хлопками. <...> У нас ему будет не дурно и даст Бог мы общими силами поставим вручить ему булаву Полтавского федеративного штата» [24].

Во второй половине 1906 г. он решил обратиться к жанру исторической драмы, вступив в состязание с историческими сочинениями П.П. Короленко. Так появилась «исторична драма в 5-ти диях» под названием «Сичевой орел», напечатанная отдельной книжкой в начале октября 1906 года в типографии А.А. Тиля и А.К. Райкевича.

В отделе редких книг ККУНБ им. А.С. Пушкина сохранился экземпляр «Сичевого орла» с дарственной надписью, датированной 12 октября 1906 г. и посвященной делопроизводителю Екатеринодарской городской управы Палладию Васильевичу Миронову, ставшему в дальнейшем известным кубанским краеведом:

На добру память от автора деспоту, живущему по «Домострою».

И рукой П.В. Миронова – приписка «от автора-брехуна».

Данная драма не могла быть опубликована в периодической печати, так как продолжал действовать циркуляр Главного управления по делам печати от 23 июня

1876 г., согласно которому «печатание произведений изящной словесности на малороссийском наречии разрешено лишь под тем условием, чтобы в них не было допускомо: никаких отступлений от общепринятого русского правописания и чтобы разрешение на напечатание такого рода произведений давалось не иначе, как по рассмотрении рукописей в Главном Управлении по Делах Печати» [12].

За нарушение данного циркуляра в 1902 г. был уволен редактор «Кубанских областных ведомостей» Л.М. Мельников [12], поэтому было принято решение печатать драму Г.В. Доброскока отдельной книжкой, так как сюжет из жизни Запорожской Сечи середины семнадцатого столетия излагался автором на «малороссийском наречии».

Временем действия для своей пьесы Г.В. Доброскок выбрал 1653 г., т.е. тот самый год, когда в Москве по воле царя Алексея Михайловича Романова состоялся Земской собор, на котором было принято не самое простое, но судьбоносное решение о том, что необходимо «гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами и з землями принять» [25. С. 413–414].

В контексте решения Земского собора принять во внимание еще одно событие, относящееся к 1652 г. и связанное с основанием Чертомлинской Сечи Запорожским кошевым атаманом Федором Лутаем – одним из персонажей драмы Г.В. Доброскока. При этом стоит отметить, что автор пьесы допускает серьезную фактологическую неточность – в его тексте атаман Федор Лутай именуется Иваном Лутаем. Хотя биографических сведений о Лутаем сохранилось не очень много, он запомнился в истории несколькими фактами – дважды избирался кошевым атаманом (в 1638 и в 1652 г.), был близким соратником Богдана Хмельницкого.

В пьесе Г.В. Доброскока упоминается Желтоводская битва, когда Лутай вместе с казаками-запорожцами за праздничным столом затягивает песню:

Ой, глядите, ляхи, как наш Хмельницкий
На Желтых водах бился;
И от нас казаков, и от нас юнаков
Ни один поляк не скрылся [26].

Для создания исторического контекста Г.В. Доброскок вводит в сюжет пьесы реально существовавших атаманов Сирко и Очерета (Сичевой орел), но достаточно вольно обращается с фактическими данными. Они необходимы в качестве фона, на котором разворачивается трагическая любовная линия.

Театральный дебют Г.В. Доброскока на екатеринодарской сцене состоялся 12 октября 1906 г., но далеко не все рецензии на его пьесу оказались положительными. Автор рубрики «Театр и музыка» в газете «Свобода» (24 октября 1906 г.) был настроен весьма критично:

Во всех актах пьесы, связанных механически, а не развитием одной общей идеи, пение чередуется танцами и традиционной «горилкой». Что же собою представляет герой пьесы «Сичевой орел». Вы думаете, что в лице его автор какую-либо идею? Да, попытка была, но только попытка... На самом же деле «Сичевой орел»,

по изображению автора, оказался обыкновенным злодеем, который из эгоистического чувства любви к «дивчине-сироте» свел на дуэль двух запорожцев, стоявших ему поперек дороги, из коих один поплатился жизнью <...> Пьеса займет соответствующее место в ряду посредственных пьес бедного малорусского репертуара [27].

Было и другое мнение, опубликованное в газете «Новая заря», редактором которой был известный драматург В.А. Потапов. Рецензент, подписавшийся «Всеволод Р.», оправдывал неудачный дебют пьесы тем, что «с рецензиями о ней в местных газетах произошел курьезный случай: достоинства пьесы в них представлены, как недостатки, и в силу этого рецензии получили характер, глубоко не соответствующий истине и действительности. Ошибка рецензентов была в том, что эксцессы игры артистов, не успевших к первому спектаклю продумать, как должно ролей, они перенесли в оценку пьесы, не проверив впечатление от спектакля чтением ее» [28].

Несмотря на то, что Г.В. Доброскок в своих текстах пытался обращаться к истории Запорожской Сечи в контексте создания Черноморского войска на Кубани, он не смог наладить плодотворного диалога с руководством Общества любителей изучения Кубанской области, и тем более с Кубанским областным статистическим комитетом, а потому не участвовал в их деятельности. В связи с конфликтом с П.П. Короленко круг общения Г.В. Доброскока ограничивался преимущественно «Черноморской Громадой» – кубанском отделении Революционной украинской партии, в которое входили С.И. Эрастов, И.Т. Ротарь, К.А. Безкровный, Л.Л. Быч [29–31].

Нереализованный издательский проект Г.В. Доброскока

1907 г. был отмечен продолжавшейся радикализацией общественных настроений, что сказалось и на позиции самого Г.В. Доброскока – в типографии «Основа» отдельной книжкой был напечатан его рассказ «Крамольник». В нем автор перешел с исторической на революционную тематику, что совпало с издательской политикой самой типографии, которую несколько раз закрывали за печатание газет депутата Первой государственной думы Я.В. Борисова «Степь» и «Степь широкая».

В конце года Г.В. Доброскок даже предпринял попытку организовать собственное периодическое издание, имевшее вполне тенденциозную направленность, так как предложенное им название явно указывало на связь с Революционной украинской партией.

29 ноября 1907 г. он подал прошение на имя наказного атамана и начальника Кубанской области, заявив, что желает «издавать в Екатеринодаре газету, выходящую раз в неделю на украинском языке, под названием “Кубанская громада”. Газета будет печататься в типографии “Согласие”» [32. Л. 1].

Программа предполагавшегося издания выглядела следующим образом:

1. Официальный отдел (правительственные распоряжения, общие и местные);

2. Политическое обозрение (политика внутренняя и внешняя);
3. Государственная Дума;
4. Хроника общественной жизни (земство, город, рабочий, крестьянский и земельный вопросы, образование и т.д.);
5. Телеграммы отовсюду;
6. Корреспонденция отовсюду;
7. Свод газетных сообщений и перепечатки;
8. Разработка местных вопросов и хроника местной жизни;
9. Повести, рассказы, пьесы оригинальные и переводные;
10. Критика и библиография;
11. Театр и музыка, спорт;
12. Справочный отдел;
13. Объявления [32. Л. 1].

Отказ последовал практически незамедлительно, так как в своем неблагоприятном отзыве екатеринодарский полицмейстер сообщал, что «по убеждениям Доброскок принадлежит к левым партиям, всегда принимал участие в неразрешенных сборищах и митингах» [32. Л. 4], а начальник Кубанского областного жандармского управления полковник М.И. Воронин, оценивая благонадежность возможного редактора, указывал, что «Доброскок в 1905 году на кладбище, во время демонстративных похорон учителя Ротаря, произносил противоправительственные речи» [32. Л. 6].

Похороны И.Т. Ротаря, выпускника вначале Киевской, а затем и Московской духовной академии, преподававшего с 1903 г. русский язык и историю в Екатеринодарской учительской семинарии, стали одним из знаковых событий в марте 1905 г. в Екатеринодаре. Дело в том, что И.Т. Ротарь был активным участником «Черноморской Громады», часто публиковал заметки о малороссийских изданиях в «Кубанских областных ведомостях», считался авторитетным общественным деятелем в молодежной среде. Он скончался от инфаркта в возрасте 32 лет, а траурная церемония на Всесвятском кладбище превратилась в политическую манифестацию, на которую собралось около 500 человек. В подобной атмосфере речь Г.В. Доброскока перед собравшейся аудиторией, запомнилась не только присутствовавшим, но и полицейским и жандармским структурам, что и привело к определенному рода рестрикциям.

Неудача с издательским проектом на определенное время отвлекло Г.В. Доброскока от революционных экспериментов. Он снова ушел в историю, и в 1910 г. в популярной екатеринодарской газете «Кубанский курьер» была опубликована его историческая повесть «За права и вольности» о знаменитом «персидском бунте» черноморских казаков. Если тема о бунте типологически еще связана с радикальными настроениями автора, то следующий его драматургический опыт – «Казацкие прадеды» – можно считать своего рода «примирением» с властью:

Историческая драма «Казацкие прадеды» создана по заказу войска к торжествам по случаю столетия войсковых музыкантского и певческого хоров и открытия в Тамани памятника казакам-запорожцам. <...>

Екатеринодарская премьера «исторического лицедейства с музыкой и спивалками» <...> состоялась в Северном театре 25 января 1912 года. Но еще раньше, 5 октября 1911 года «Казацких прадедов» увидели жители станицы Таманской – на том самом месте, где действие пьесы Доброскока заканчивается. Таманская премьера была приурочена к торжественному открытию памятника казаку-запорожцу, одному из главных исторических символов нашего края. По этому случаю в глухую Тамань съехалось все областное начальство во главе с седобородым атаманом Бабычем [33. С. 84–85].

В пьесе Г.В. Доброскока действующими лицами были четыре исторических деятеля, стоящими у основания памятника Екатерине II, возведенного по проекту известного скульптора М.О. Микешина в столице Кубанской области в 1907 г. Скульптор запечатлел князя Григория Потемкина, учредившего войско «верных казаков», переселенных по его воле в 1792 г. на Кубань и составивших костяк Черноморского казачьего войска, двух кошевых атаманов этого войска – Сидора Белого и Захария Чепигу, а также войскового судью Антона Головатого.

Открытие памятника «Запорожцам, высадившимся в Тамани 25 августа 1792 г.», созданного по проекту скульптора А. Адамсона, прославившегося «Памятником Затопленным кораблям» в Севастополе, было эффектно дополнено постановкой пьесы Г.В. Доброскока.

Интересно отметить, что на памятнике «Запорожцам, высадившимся в Тамани 25 августа 1792 г.» высечены слова из песни на слова и музыку Антона Головатого:

Ой, годі нам журитися,
Пора перестати,
Діждалися від цариці
За службу заплати:
Да хліб-сіль і грамоти
За вірній служби.
От тепер ми милы браття
Забудем всі нужди,
В Тамані жить, вірно служить,
Границю держати,
Рыбу ловить, горілку пить,
Ще и будем богаті.

В пьесе «Казацкие прадеды» Антон Андреевич Головатый («секундмайор, а затем войсковой судья») берет в руки бандуру и исполняет песню собственного сочинения, которая переключается с текстом на таманском памятнике:

Ой, Боже наш, Боже милостивий!
Уродились ми в світі нещасливі,
Служили ми в полі і на морі,
Та і zostалися убогі, босі і голі,
Старались ми землю заслужити,
Щоб в супокіі нам віку дожити [33. С. 124].

1911 г. стал наиболее плодотворным в творческой карьере Г.В. Доброскока – он опубликовал очерк «Теням прошлого», посвященный легендарной битве при Грюнвальде, и написал две пьесы («Гайдамака» и «Шинкарка»).

В дальнейшем его творческая активность снижается (три статьи о Т.Г. Шевченко), а разразившийся в 1917 г. скандал, связанный с его публикацией имен секретных сотрудников охраны в Екатеринодаре, заставил Г.В. Доброскока покинуть пределы Кубанской области и вернуться в Харьковскую губернию.

Там «он кандидат в учредительное собрание от украинской партии социал-революционеров по Харьковскому избирательному округу, член земельной управы в Харькове, работа на посту председателя Деркачевского сельского совета. Два года отсутствия на Кубани вместили в себя отступление с петлюровской армией в Киев, работу в Николаеве, эвакуацию в Галицию и возвращение через Одессу на «самостийную Кубань. После установления в крае советской власти он работает учителем украинского языка в станице Полтавской, директором украинской школы в Краснодаре, учителем школы для взрослых» [11. С. 19].

В 1938 г. Г.В. Доброскок был арестован органами НКВД как организатор украинской националистической группы в Краснодаре и расстрелян в марте того же года. Реабилитирован в 1989 г.

Заключение

В данной статье был проведен системный анализ кубанского периода в жизни известного журналиста, литератора и драматурга Г.В. Доброскока. Акцент был сделан на изучении основных этапов его творческой эволюции – от публикации святочного рассказа «Предсказание Марка Проклятого» в екатеринодарской газете «Кубань», приведшей к аресту автора, до постановки исторической драмы «Казачьи прадеды» на открытии в 1911 г. памятника «Запорожцам, высадившимся в Тамани 25 августа 1792 г.».

Интерес Г.В. Доброскока к истории Запорожской Сечи определил тематику целого ряда его прозаических и драматургических сочинений, в которых сюжетные перипетии сочетались с фактографической точностью и бытовыми подробностями того или иного описанного периода, а также стремлением соединить событийный контекст с реалиями кубанского казачества.

Нереализованный издательский проект Г.В. Доброскока (газета «Кубанская громада») был напрямую связан с его политической позицией, ориентировавшейся на идеологию «Черноморской Громады». Тем не менее литератор имел тесные контакты с региональной периодикой, активно публикуясь на страницах таких екатеринодарских газет, как «Кубань», «Новая заря» и «Кубанский курьер».

Значимость произведений Г.В. Доброскока для местной литературной традиции впервые была отмечена ведущим кубанским библиографом и историком прессы Б.М. Городецким еще в 1908 г., однако в дальнейшем его фигура стала восприниматься в полемическом аспекте, а в советский период просто исчезла из поля научных исследований.

Возрождение интереса к творческому наследию Г.В. Доброскока, начавшееся в середине 1990-х гг., требует дальнейшего изучения как в медийной, так и в литературоведческой сферах.

Список источников

1. *Аверьякина Т.С.* Периодическая печать Забайкальской области (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.). Чита : ЗИП СибУПК, 2015. 160 с.
2. *Ахмадулин Е.В., Станько А.И.* Региональная печать Дона и Северного Кавказа XIX – начала XX вв. Ростов н/Д : Изд-во Южного федерального университета. 2014. 372 с.
3. *Блохин В.Ф.* Провинция газетная: государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830-е – 1870-е гг.). Брянск : Курсив, 2009. 383 с.
4. *Жилыкова Н.В.* Журналистика дореволюционной Томской губернии: идея областного издательства. Томск : Издательство Томского университета; Москва : Илекса, 2014. 288 с.
5. *Лепилкина О.И.* Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.). М., 2010. 364 с.
6. *Лучинский Ю.В.* История периодической печати Кубанской области (1863–1905). Краснодар : Парабеллум, 2012. 224 с.
7. *Силакова Д.В.* История курской печати: 1792–1917. Курск : Деловая полиграфия, 2018. 185 с.
8. *Шевцов В.В.* «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск : Томский государственный университет, 2012. 414 с.
9. *Шильникова О.Г., Балашова Ю.Б., Васильева С.С.* Литературная журналистика как ресурс формирования социокультурного пространства региона (на материале волгоградских СМИ). Волгоград : Изд-во Волгоградского государственного университета, 2015. 423 с.
10. *Жирков Г.В.* Энциклопедия региональной печати: методологические, методические и организационные подходы // Акценты: новое в массовой коммуникации. Альманах. 2012. № 5–6 (108–109). С. 5–13.
11. *Чумаченко В.К.* Гаврила Васильевич Доброскок: материалы к биографии // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1996. № 1 (4). С. 17–22.
12. *Чумаченко В.К.* Забытый казачий драматург. [Г.В. Доброскок] // Третьи кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2001. С. 275–284.
13. *Еремеева А.Н.* Доброскок Гавриил Васильевич // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года / сост. Б.А. Трехбратов. Краснодар : Эдви, 1997. С. 144–145.
14. *Слуцкий А.И.* Очерки по истории книгораспространения и книжной торговли на Кубани (1793–1917). Краснодар : И. Платонов, 2014. 153 с.
15. *Харьковский* календарь на 1884 год. Издание Харьковского губернского статистического комитета. Под ред действительно члена-секретаря комитета П.С. Ефименко (Год двенадцатый). Харьков : Тип. Губернского правления, 1883. 455 с.
16. *Руднев Б.К.* Юные годы. URL: <https://artmuseum.lebedyn.org/borys-rudnev-yunye-gody-chast-3/>
17. *Доброскок Г.В.* Письма Д.И. Багалию и П.Я. Стебницкому. М., 1936. С. 20.
18. *Доброскок Г.В.* Годовой отчет Пушкинской библиотеки за 1904 год. Екатеринодар : Основа, 1906. 20 с.
19. *Хроника* // Кубанские областные ведомости. 1906. № 11. С. 3.
20. *Присяжный поверенный.* Местная жизнь // Кубань. 1906. № 1. С. 2.
21. *Доброскок Г.* Десять дней // Кубань. 1906. № 14. С. 4.

22. Короленко П.П. На суд общества // Кубанские областные ведомости. 1906. № 66. С. 3.
23. [От редакции] Примечание // Кубанские областные ведомости. 1906. № 66. С. 2.
24. Староста палаты № 6. Вниманию врачей. Психиатры всех стран соединяйтесь // Кубанские войсковые ведомости. 1906. № 36. С. 3.
25. Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы : в 3 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953. Т. III. 646 с.
26. Доброскок Г.В. Сичевой орел. Исторична драма: в 5 диях. Екатеринодар : Тип. Т-ва «Согласие», 1906. С. 2. [пер. Ю.В. Лучинского].
27. Театр и музыка // Свобода (Екатеринодар). 1906. № 59. С. 2.
28. Сичевой Орел // Новая заря. 1906. № 30. С. 2.
29. Болтуц О.А. Повседневная жизнь Черноморской губернии на страницах газеты «Северный Кавказ» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 1. С. 227–232.
30. Кидакоева З.Ш. Историко-типологические особенности прессы социалистов-революционеров региональный аспект (на материале периодики Кубанской области) : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2013. 24 с.
31. Кидакоева З.Ш. Типологические особенности первых оппозиционных изданий Кубанской области после 1905 года // Trends in the scientific development: Abstracts of II International Scientific and Practical Conference. Vancouver, Canada : BookwireTM, 2021. С. 95–100.
32. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5973.
33. Чумаченко В.К. Предисловие / Доброскок Г.В. Казаچی прадеды. Историческая драма // Родная Кубань. 2014. № 1. С. 84–86.

References

1. Averyachkina, T.S. (2015) *Periodicheskaya pechat Zabaykalskoy oblasti (vtoraya polovina XIX veka – fevral 1917 g.)* [Periodical Press of the Transbaikalian Region (Second Half of the 19th Century – February 1917)]. Chita: ZIP SibUPK.
2. Akhmadulin, E.V. & Stanko, A.I. (2014) *Regionalnaya pechat Dona i Severnogo Kavkaza XIX – nachala XX vv.* [Regional Press of the Don and North Caucasus in the 19th – Early 20th Centuries]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.
3. Blokhin, V.F. (2009) *Provintsiya gazetnaya: gosudarstvennoye upravleniye periodicheskoy pechatyu i stanovleniye gazetnogo dela v rossiyskoy provintsii (1830-e – 1870-e gg.)* [Newspaper Province: State Management of Periodical Press and Establishment of Newspaper Business in Russian Provinces (1830s–1870s)]. Bryansk: Kursiv.
4. Zhilyakova, N.V. (2014) *Zhurnalistika dorevolutsionnoy Tomskoy gubernii: ideya oblastnichestva* [Journalism of Pre-revolutionary Tomsk Province: The Idea of Regionalism]. Tomsk: Tomsk State University; Moscow: Ilekso.
5. Lepilkina, O.I. (2010) *Sistema russkoy provintsialnoy periodicheskoy pechati (XVIII – nachalo XX v.)* [The System of Russian Provincial Periodical Press (18th – Early 20th Century)]. Moscow.
6. Luchinsky, Yu.V. (2012) *Istoriya periodicheskoy pechati Kubanskoy oblasti (1863–1905)* [History of Periodical Press in the Kuban Region (1863–1905)]. Krasnodar: Parabellum.
7. Silakova, D.V. (2018) *Istoriya kurskoy pechati: 1792–1917* [History of Kursk Press: 1792–1917]. Kursk: Delovaya poligrafiya.
8. Shevtsov, V.V. (2012) *"Tomskiye gubernskiye vedomosti" (1857–1917 gg.) v sotsiokulturnom i informatsionnom prostranstve Sibiri* ["Tomskiye gubernskiye vedomosti" (1857–1917) in the Sociocultural and Information Space of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.

9. Shilnikova, O.G., Balashova, Yu.B. & Vasilyeva, S.S. (2015) *Literaturnaya zhurnalistika kak resurs formirovaniya sotsiokulturnogo prostranstva regiona (na materiale volgogradskikh SMI)* [Literary Journalism as a Resource for Forming the Sociocultural Space of a Region (Based on Volgograd Media)]. Volgograd: Volgograd State University.
10. Zhirkov, G.V. (2012) *Entsiklopediya regionalnoy pechati: metodologicheskiye, metodicheskiye i organizatsionnyye podkhody* [Encyclopedia of Regional Press: Methodological, Methodical and Organizational Approaches]. *Aktsenty: novoye v massovoy kommunikatsii*. 5–6. pp. 5–13.
11. Chumachenko, V.K. (1996) Gavril Vasilyevich Dobroskok: materialy k biografii [Gavril Vasilyevich Dobroskok: Materials for Biography]. *Kuban: problemy kultury i informatizatsii*. 1 (4). pp. 17–22.
12. Chumachenko, V.K. (2001) [Forgotten Cossack Playwright [G.V. Dobroskok]. *Treti kubanskiye literaturno-istoricheskiye chteniya* [Third Kuban Literary-Historical Readings]. Krasnodar. pp. 275–284.
13. Yeremeyeva, A.N. (1997) Dobroskok Gavriil Vasilyevich. In: *Entsiklopedicheskiy slovar po istorii Kubani s drevneyshikh vremen do oktyabrya 1917 goda* [Encyclopedic Dictionary of Kuban History from Ancient Times to October 1917]. Ed. B.A. Trekhbratov. Krasnodar: Edvi. pp. 144–145.
14. Slutsky, A.I. (2014) *Ocherki po istorii knigoraspredeleniya i knizhnoy trgovli na Kubani (1793–1917)* [Essays on the History of Book Distribution and Book Trade in Kuban (1793–1917)]. Krasnodar: I. Platonov.
15. Anon. (1883) *Kharkovskiy kalendar na 1884 god* [Kharkov Calendar for 1884]. Kharkov: Tip. Gubernskogo pravleniya.
16. Rudnev, B.K. (n.d.) *Yunyye gody* [Young Years]. [Online] Available from: <https://artmuseum.lebedyn.org/borys-rudnev-yunye-gody-chast-3/>
17. Dobroskok, G.V. (1936) *Pis'ma D.I. Bagaliyu i P.Ya. Stebnitskomu* [Letters to D.I. Bagaliy and P.Ya. Stebnitsky]. Moscow. p. 20.
18. Dobroskok, G.V. (1906) *Godovoy otchet Pushkinskoy biblioteki za 1904 god* [Annual Report of Pushkin Library for 1904]. Yekaterinodar: tip. "Osnova".
19. *Kubanskiye oblastnyye vedomosti*. (1906) *Khronika* [Chronicle]. 11. p. 3.
20. *Prisyazhny poverenny* [Attorney at Law]. (1906) *Mestnaya zhizn* [Local Life]. *Kuban'*. 1. p. 2.
21. Dobroskok, G. (1906) *Desyat dney* [Ten Days]. *Kuban'*. 14. p. 4.
22. Korolenko, P.P. (1906) *Na sud obshchestva* [To the Judgment of Society]. *Kuban'.kiye oblastnyye vedomosti*. 66. p. 3.
23. *Kubanskiye oblastnyye vedomosti*. (1906) [Ot redaktsii] *Primechaniye* [Editor's Note]. 66. p. 2.
24. *Starosta palaty №6* [Leader of Ward No. 6]. (1906) *Vnimaniyu vrachey. Psikhiatry vsekh stran soyedinyaytes* [Attention Doctors. Psychiatrists of All Countries, Unite]. *Kubanskiye voyskovyye vedomosti*. 36. p. 3.
25. Anon. (1953) *Vossoedineniye Ukrainy s Rossiye: Dokumenty i materialy* [Reunification of Ukraine with Russia: Documents and Materials]. Vol. III. Moscow: USSR AS.
26. Dobroskok, G.V. (1906) *Sichevoy orel. Istoricheskaya drama v 5-ti diyakh* [Sich Eagle. Historical Drama in 5 Acts]. Yekaterinodar: Tip. T-va "Soglasie". p. 2. [Trans. by Yu.V. Luchinsky].
27. *Svoboda* (Yekaterinodar). (1906) *Teatr i muzyka* [Theater and Music]. 59. p. 2.
28. *Novaya zarya*. (1906) *Sichevoy Orel* [Sich Eagle]. 30. p. 2.
29. Boltuts, O.A. (2020) *Povsednevnyaya zhizn Chernomorskoy gubernii na stranitsakh gazety "Svernoy Kavkaz"* [Everyday Life of the Black Sea Province on the Pages of the Newspaper "Svernoy Kavkaz"]. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskiye nauki*. 1. pp. 227–232.

30. Kidakoeva, Z.Sh. (2013) *Istoriko-tipologicheskiye osobennosti pressy sotsialistov-revolutsionerov regionalny aspekt (na materiale periodiki Kubanskoy oblasti)* [Historical-Typological Features of Socialist-Revolutionary Press: Regional Aspect (Based on Kuban Region Periodicals)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnodar.

31. Kidakoeva, Z.Sh. (2021) [Typological Features of the First Opposition Publications in the Kuban Region After 1905]. *Trends in the Scientific Development*. Abstracts of II International Scientific and Practical Conference. Vancouver: BookwireTM. pp. 95–100. (In Russian).

32. State Archive of Krasnodar Krai. Fund 454. List 1. File 5973.

33. Chumachenko, V.K. (2014) Predisloviye [Preface]. To Dobroskok, G.V. *Kazach'i pradedy. Istoricheskaya drama* [Cossack Ancestors. Historical Drama]. *Rodnaya Kuban'*. 1. pp. 84–86.

Информация об авторах:

Лучинский Ю.В. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета (Краснодар, Российская Федерация). E-mail: lyv22@mail.ru

Безрукавая М.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета (Краснодар, Российская Федерация). E-mail: sea_pearl_@mail.ru

Кидакоева З.Ш. – канд. филол. наук, доцент кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета (Краснодар, Российская Федерация). E-mail: kidakoeva@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.V. Luchinsky, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: lyv22@mail.ru

M.V. Bezrukavaya, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: sea_pearl_@mail.ru

Z.Sh. Kidakoyeva, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: kidakoeva@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.06.2024;
одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 21.06.2024;
approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 19.05.2025.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2025. № 95

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 09.07.2025 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 17,5; усл. печ. л. 22,7. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 6347.

Дата выхода в свет 22.07.2025 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru